

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 21

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
1987

Редколлегия:
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ,
В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:
Р. В. Иезуитова, Г. В. Краснов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двадцать первый по общему счету) сохраняет традиционную структуру данного издания. Он, как обычно, состоит из четырех разделов.

Первый из них — «Материалы и сообщения» — открывается статьей С. А. Фомичева, в которой анализируется начальный этап и прослеживаются перспективы эволюции пушкинской прозы. В исследовании Я. Л. Левкович уточняются адресаты и время написания писем Пушкина, посвященных Греческой революции и имеющих важное значение в идейной эволюции поэта. В статье В. А. Кошелева, основанной отчасти на архивных разысканиях, прослеживается история взаимоотношений Пушкина с видным деятелем славянофильского течения А. С. Хомяковым.

В разделе «Обзоры» продолжена публикация подготовленного В. В. Зайцевой аннотированного указателя пушкиноведческой литературы, появившейся в печати в 1983 г. Здесь же помещается обзор прижизненных сведений о Пушкине и его произведениях, появившихся в немецкой печати.

По-прежнему обширен третий раздел — «Заметки». Здесь помещены материалы для комментария к ряду лирических произведений Пушкина, которым редколлегия «Временника» придает особое значение в связи с развернутой в Пушкинском Доме подготовкой томов лирики для Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. В данном разделе продолжена также публикация материалов комментария к роману в стихах «Евгений Онегин». Ряд заметок касается новых фактов, характеризующих окружение поэта.

В четвертом разделе помещена хроника конференции «Пушкин в странах Востока», а также сведения о работе пушкинских

музеев страны, о пушкинских конференциях, выставках и празднествах, о новых памятниках поэту, о спектаклях по пушкинским произведениям и проч., отраженные в газетной периодике 1983 г.

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, по-прежнему даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949). При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный, «Справочный том», вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. А. ФОМИЧЕВ

ПРОЗА ПУШКИНА

(начальный этап и перспективы эволюции)

Вопрос об эволюции пушкинской прозы сам по себе проблематичен. Еще П. В. Анненков заметил: «Несомненно, что по тону рассказа „Арап Петра Великого“ и „Капитанская дочка“ так схожи, как будто написаны вместе, хотя их разделяет 9 лет. Так с первого раза нашел Пушкин свой оригинальный стиль, чего другие не находят всю жизнь...».¹ Тезис этот развернуто обоснован в книге А. Лежнева, открывающейся следующим основополагающим утверждением: «Пушкин обратился к прозе поздно. Его первые статьи появились в 1825 году. Его первая повесть написана в 1827 году, да и та осталась незаконченной <...> Все это говорит как будто за то, что проза давалась Пушкину нелегко, и он потому так поздно пришел к ней, что период ее выработки растянулся во времени. Естественно было бы ожидать, что первые опыты резко отличаются от зрелой манеры. На деле это не так. Стиль своей прозы Пушкин нашел сразу».²

Этот тезис о стабильности пушкинской прозы вступает в разительное противоречие с современным представлением о стремительной эволюции творчества Пушкина, не допускающей, казалось бы, самой возможности мысли о застое. Несмотря на ряд интересных попыток понять закономерности развития пушкинской прозы, предпринятых в работах А. В. Чичерина, Л. С. Сидякова, С. Г. Бочарова, Н. Н. Петруниной и др., вопрос этот представляется лишь намеченным как одна из актуальнейших задач пушкиноведения, но далеким даже от предварительного разрешения.

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 193.

² Лежнев А. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. М., 1937, с. 11—12.

Обратим внимание прежде всего на то, что наряду со стабилизирующим формальным признаком стиля (точнее — слога) проза Пушкина исключительно разнообразна по содержанию. В самом деле, она составляет большую часть творческого наследия Пушкина и подразделяется на художественную, историческую, публицистическую, литературно-критическую, мемуарную, эпистолярную, афористическую. Сюда, по справедливости, нужно еще причислить и прозу устного рассказа.³ В каждом из этих подвидов пушкинская проза предполагает чрезвычайно развитую систему жанров, не реализованную вполне, так как ни в одной другой сфере творчества Пушкина мы не имеем столь резкой диспропорции между весьма немногими законченными произведениями и бесчисленными нереализованными замыслами, оборванными на разных стадиях исполнения. Необходимо подчеркнуть, что собственно художественная проза Пушкина вбирает в себя признаки всех остальных подвидов прозы (исторической, публицистической и проч.) настолько, что нередко, особенно когда речь идет о незавершенных набросках, мы оказываемся перед неразрешимой дилеммой: в какой раздел его собрания сочинений поместить то или иное произведение. С другой стороны, жесткая издательская рубрикация затемняет отчасти картину единой эволюции.

Во всех работах, касающихся общей характеристики пушкинской прозы, с неизменным постоянством звучат два утверждения, которые, несмотря на их кажущуюся самоочевидность, являются тем не менее некорректными. Одно из них сводится к тому, что первым законченным опытом повествовательной прозы Пушкина считают «Повести Белкина», а самое ее начало (исключая ранние ученические опыты) видят в романе о царском арапе; в основе второго лежит мнение, что в теоретическом осмыслении принципов прозы Пушкин намного опередил свои первые практические шаги в этой области; здесь имеется в виду набросок заметки «О прозе», вся «теория» которой стягивается к афористическому определению: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (XI, 19).

Между тем хорошо известно, что на самом деле первым серьезным опытом Пушкина-прозаика стали автобиографические записки, начатые в 1821 г. и окончательно перебеленные в 1825-м.⁴ Они дошли до нас в немногих фрагментах, так как были уничтожены поэтом в ожидании жандармского обыска. Нельзя сказать, что этот пушкинский замысел был обойден вниманием исследователей (см. работы И. Л. Фейнберга и Я. Л. Левкович). Но вопрос о возможном составе уничтоженных записок и их

³ См.: Листов В. С. К истолкованию пушкинского автографа с десятью темами. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1984, с. 110—120.

⁴ В письме к П. А. Катенину в первой половине сентября 1825 г. Пушкин писал: «Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую, черновую тетрадь» (XIII, 225).

судьбе заслонил куда более принципиальную проблему — о значении этого произведения в общей творческой эволюции писателя и прежде всего — в эволюции пушкинской прозы.

До сих пор поэтому не обращалось внимание на то, что сама заметка «О прозе» набрасывается в несомненной связи с автобиографическими записками. Она сохранилась в составе второй кишиневской тетради (ПД, № 832, л. 9 об.—11 об.), более половины листов которой вырвано в связи с «чисткой» рабочих тетрадей, содержавших черновые фрагменты записок. Заметка обрывается буквально на полуслове: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — Карамзина. Это похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтен-...». Следующая страница в тетради — очевидно, с критической характеристикой прозы Карамзина — вырвана. Но вот что любопытно: в одном из сохранившихся фрагментов записок мы — правда, в несколько ином контексте — находим продолжение мысли об ущербности перифрастического стиля, выдержанное в духе всего содержания заметки «О прозе». Говоря о реакции публики на первые тома «Истории государства Российского», Пушкин вспоминал: «Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, *не понижающие спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сыновей, *ибо редко основатели республики славятся нежной чувствительностью*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм: это не лучшая черта моей жизни» (XII, 306). Едва ли можно сомневаться, что под «некоторыми остряками» Пушкин подразумевал самого себя, о чем достаточно убедительно свидетельствует «лучшая русская эпиграмма», в которой речь идет о том же и которая-таки была написана именно Пушкиным:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

(XVII, 16)

Жанровым образцом для автобиографических записок Пушкина послужили, на мой взгляд, прежде всего мемуары Жермен де Сталь «Десятилетнее изгнание», вышедшие в свет как раз в 1821 г., т. е. тогда, когда он начал работу над своими записками. Характерно, что во всех произведениях Пушкина, которые сохранили следы уничтоженных записок (статья «О г-же Сталь и г. А. М-ве», записка «О народном воспитании», роман о царском арапе, «Роман в письмах», набросок светской повести «Мы проводили вечер на даче...», «Отрывки из писем, мысли и замечания»), исследователи обнаружили отклики именно на «Десятилетнее изгнание».

Изучение предварительных набросков пушкинских записок («О<рлов> говорил в 1820 году...», «Заметка о революции Ипси-

ланти», «Заметка о Пенда-Деке») позволяет высказать предположение, что мемуары свои Пушкин начал писать по-французски. Возможно, этот первоначальный французский набросок был уничтожен все в той же второй кишиневской тетради, в которой вслед за дневниковыми записями 1821 г. шел какой-то перебеленный французский текст, о чем можно судить по остаткам слов на корешках вырванных листов. А далее сохранилась загадочная заметка: «Только революционная голова, подобная Мирабо?» и Пектру?», может любить Россию, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178). Эта заметка оценивается нами как первый приступ Пушкина к русскому тексту своих записок. С данным высказыванием тесно связаны его сетования на невыработанность «метафизического языка», без которого русская литература, по убеждению Пушкина, не выйдет из младенческого возраста. «Когда-нибудь должно же вслух сказать, — писал он позже, 13 июля 1825 г., — что русский метафизический язык находится у нас в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского языка (ясного, точного языка прозы — т. е. языка мыслей)» (XIII, 187). Так говорил Пушкин, завершая работу над записками. О том же, по сути дела, он писал и едва приступая к ним: проза «требуется мыслей и мыслей».

Обратим внимание на то, что далее в заметке «О прозе» следовало: «Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)» (XI, 19). Сравним это высказывание с замечанием в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г. по поводу южных поэм: «Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать скоро новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями?» (XIII, 26). Казалось бы, в записках Пушкин также неминуемо должен был заняться «воспоминаниями о протекшей юности». Но несомненно это были воспоминания иного рода, в которых «жизнь сердца» должна была отступить на задний план перед «воспоминаниями ума». 1 сентября 1822 г., т. е. вскоре после того, как было закончено первое вступление к запискам («По смерти Петра...» — XI, 14—17), датированное 2-м августа того же года, Пушкин внушает Вяземскому: «Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык <...> Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России...» (XIII, 44), — несомненно ориентируясь уже на собственные искания в области прозы.

В начале черновика записки «О народном воспитании» (1826), представленной по требованию нового императора, после слов «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий» (XI, 43; ПД. № 834, л. 45) следовала авторская помета: «Из

записок». Вот что мы находим в развитии этой пометы в окончательном тексте: «Лет 15 тому назад молодые люди занимались военной службою, старались отличиться одною светскою образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравной цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные» (XI, 43). Если этот пассаж мы переведем с благонамеренного языка официального документа на «язык метафизический», мы и получим абрис пушкинских записок, воссоздававших интеллектуальную жизнь пушкинского поколения преддекабрьского пятнадцатилетия.

Таковы были истоки пушкинской прозы, многое в общем ее движении определившие.

Показательно, что, исследуя поэтику пушкинской прозы, А. П. Чудаков — на основе наблюдений над стилем описаний — уверенно замечает: «Устанавливая жанровые истоки пушкинской прозы, будущий исследователь, несомненно, среди первых назовет жанры событийно-повествовательные по преимуществу — путешествие, хронику, репликацию, летопись»,⁵ — и здесь же цитирует В. В. Виноградова, писавшего об истоках пушкинских прозаических принципов так: «В основе летописного стиля и близкого к нему стиля „просторечных“, то есть свободных от правил литературного „красноречия“ бытовых записей, дневников, мемуаров, анекдотов, хроник <...> лежит принцип быстрого и сжатого названия и перечисления главных или характеристических предметов и событий <...> Это как бы опорные пункты жизненного движения с точки зрения „летописца“».⁶

Такой стиль, как выясняется, действительно возобладал в прозе Пушкина в процессе его работы над своими мемуарами, в которых собственно «описания» потому и были столь строги и лапидарны, что они играли подчиненную роль: над ними доминировали «мысли и мысли».

Все последующие прозаические замыслы Пушкина конца 1820-х гг. были, на мой взгляд, попыткой сохранить «мысли» уничтоженных записок, и преимущественно художественная форма данных произведений представляла собою более или менее осмысленный камуфляж этих идей. Но сами идеи были, с одной стороны, слишком опасными в цензурном отношении, а с другой — неминуемо подверглись у Пушкина определенной ревизии в последекабрьские годы, что и предопределило неза-

⁵ Чудаков А. П. К поэтике пушкинской прозы. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1981, с. 63.

⁶ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 523.

вершенность данных замыслов. Особенно это заметно в «Романе в письмах», оставленном в тот момент, когда, наметив достаточно условную литературную завязку сюжета, писатель непосредственно вышел к изложению мыслей о судьбах русского дворянства и народа, которые мы обнаруживаем в дошедшем до нас вступлении к запискам («По смерти Петра. . .»).

Проза Пушкина навсегда сохранила высокий историко-публицистический потенциал, что особенно заметно, если мы отделимся от вполне условной (часто слишком жесткой) издательской рубрики «Художественная проза». (Разве, например, «Путешествие в Арзрум» или «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» не несут в себе черты художественной прозы?) Собственно, мы находим лишь одно крупное исключение из этого правила. Но само исключение («Повести Белкина») — произведение принципиально значимое в общей эволюции пушкинской прозы, хотя оно и кажется на первый взгляд неожиданным, не подготовленным предыдущими опытами Пушкина-прозаика. Если же мы осмыслим видоизменение мемуарного жанра в его творчестве, то появление «Повестей Белкина» станет более понятным.

«Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — замечал Пушкин в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827), — наше самолюбие; мы рады, если сходствуем с великим человеком чем бы то ни было, мнением, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы с многими привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли свои признания (XI, 60). Спустя три года, прослеживая генезис мемуарного жанра в европейской литературе, Пушкин напишет: «После соблазнительных «Исповедей» философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей в колпаке и плафроке, мы захотели последовать за ними в спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями» (XI, 94).

Ориентируясь в своих записках 1821—1825 гг. на «политические откровения», т. е. на мемуарную прозу времен французской революции, Пушкин не допускал собственного появления перед будущим читателем «в колпаке и плафроке». В конце же 1820-х гг. он начал выработать маску мемуариста-обывателя, равного по интеллекту основной массе читающей публики. «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкин предполагал открыть следующим «Вступлением»:

«Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. „Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю о чем“. — „Пиши все, что ни попало, — отвечал приятель, — мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко: так писал Сенека и Монтань“. Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурное кофе, и это его рассердило, теперь он философски рассудил, что

его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы. . .» (XI, 59).

Тот же масштаб «мысли» обнаруживается в набросках «Если звание любителя отечественной литературы. . .» (1827) и «Сердечно радуюсь, что рукопись, которую я имел честь вам препроводить. . .» (1829), в которых уже намечен тип повествователя, родственник Феофилакту Косичкину и Ивану Петровичу Белкину. Начало «Истории села Горюхина» (1830) также заставляет вспомнить «Вступление» к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»: Белкин рассказывает здесь о своих первых литературных опытах — в частности, прозаических. Он тоже находит, что проза «требуется мыслей и мыслей», — и начинает именно с них: «. . . в целые два дня надумал я только следующее замечание: „Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию“» (VIII, 131—132).

Нельзя не отметить, что эта «мысль» в полной мере определяет всю «метафизику» и «Повестей Белкина», каждая из «историй» которых может быть воспринята в качестве притчи с данной моралью.

Важно отметить и другое: исторической рамой всех вошедших в цикл повестей служит то же самое пятнадцатилетие, которое стало материалом пушкинских автобиографических записок. Некоторые исторические события тех лет (пожар Москвы, окончание войны с Наполеоном, битва при Скулянах) упоминаются на периферии белкинских сюжетов, всегда очень точных в хронологических указаниях. Но в то же время повести абсолютно исторически бессобытийны. В них отражена поистине провинциальная жизнь, заставляющая вспомнить реплику Владимира из «Романа в письмах»: «. . . для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают Простаковы и Скотинины» (VIII, 53). (Ср. эпиграф из «Недоросля», предпосланный «Повестям Белкина»: «Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызлам к историям охотник. Скотинин. Митрофан по мне»).

В частности, «Повести Белкина» можно представить себе в виде своеобразных мемуаров обыкновенного человека, который, не находя ничего значительного в собственной жизни, наполняет свои записки пересказом услышанных им и поразивших его воображение происшествий. В самом этом отрешении от собственной личности есть нечто симпатичное (вспомним здравое, самокритичное суждение автора «Истории села Горюхина», в два дня вымучившего свой афоризм): «Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая» — VIII, 132). Внимание Белкина привлекает необычайное, возникшее в обыденных обстоятельствах, хорошо ему знакомых. Собственно, единственная характеристическая черта Белкина, которая просматривается в собранных им чужих рассказах, и есть его мысленная тяга к неординарному, противопоставленному «скуке одиночества, бессобытийной помещной жизни».

Ряд исследователей считает, что согласно первоначальному плану в состав «Повестей» предполагалось включить повесть под заглавием «Записки пожилого», в которой рассказывалось о прапорщике Черниговского полка. Если это так, то — в соответствии с поэтикой белкинских повестей — эти «Записки» тоже заключали бы в себе некое «романтическое происшествие», а о восстании Черниговского полка в январе 1826 г. (по намеченной в повести хронологии его было не миновать) было бы упомянуто так же, как, например, о московском пожаре 1812 г. в повести «Гробовщик» (в связи со сгоревшей будкой Юрко). Вероятно поэтому данный замысел и не выделялся в творчестве Пушкина рубежа 1830-х гг., когда поэт избегал неподцензурных сюжетов.

Отсюда, как мне кажется, проистекает двойственность содержания «Повестей Белкина». Взятые отдельно от общего контекста и генезиса пушкинского творчества, они во многом теряют богатство смысловых обертонов. Недооценка «Повестей» первыми читателями (в том числе достаточно проникательными) и последующая их литературоведческая «реабилитация» равно закономерны.

Внимание исследователей давно останавливало довольно загадочное замечание Пушкина в письме к П. А. Плетневу от 9 декабря 1830 г.: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется» (XIV, 133). Это замечание заставляло искать в болдинских повестях пародийную направленность. Думается, что обнаружить ее помогают «История села Горюхина», с одной стороны, и фельетоны Феофилакта Косичкина — с другой, изложенные от лица повествователя, духовно родственного с Белкиным из «Повестей». Если там в тоне повествования травестируются рассуждения глубокомысленного историка и глубокомысленного критика, то здесь травестируются «откровения» мемуариста, следовавшего в жизни не главной дорогой истории, а ее провинциальными проселками. Своеобразной материализацией этого нам уже во многом недоступного впечатления от «Повестей» служит, на мой взгляд, гоголевский рассказ о Шпоньке, доводящий пушкинский стиль повествования о ничтожных героях и их «свершениях» до открытой травестийности. Отмечу в этой связи, что и характером своим, и социальным положением, и биографией Иван Федорович Шпонька удивительно сходен с пушкинским Иваном Петровичем Белкиным. Сходство это оказывается особенно разительным, если сравнивать со Шпонькой Белкина из «Истории села Горюхина», где его жизнеописание изложено более подробно и где мы находим все те же основные жизненные вехи: рождение от «честных и благородных родителей», годы плохо дававшегося учения, мирная служба в пехотном полку и производство в офицерский чин, ранняя отставка ввиду смерти дражайших родителей, возвращение в свою вотчину, полное отсутствие хозяйственных интересов и навыков, необыкновенная робость в обращении с женским полом. Как и Баратынский, Гоголь в данном случае мог быть знаком не только непосред-

ственно с болдинскими повестями, но и с авторским комментарием к ним.

Однако «Повести Белкина» вовсе не завершали исканий Пушкина в области прозы, представляя собой лишь один из частных, по-своему исчерпанных опытов. Недаром полное их название — «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Сообщение о смерти их «автора» в заметке «От издателя» имеет тот же смысл, что и изгнание из дома Рудого Панька «горохового панича» во второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (того самого «панича», которому принадлежат самые поэтичные повести первой части книги: «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь»).

Если же говорить о перспективе, обретенной в процессе создания болдинских повестей, то ее следует увидеть в преодолении Пушкиным монологической оценки жизни с позиций указующего «просвещенного разума».

Следует подчеркнуть, что «обмирщение» прозаической манеры по сравнению с автобиографическими записками 1821—1825 гг. лишь поначалу принимало пародийную форму. Иронический тон повествования уже в «Повестях Белкина» значительно ослаблен, и распознать его можно лишь после специального комментария: здесь скорее ирония снисходительного сочувствия, чем разоблачения. Та же тенденция автобиографизма с позиций частного человека проявляется вполне серьезно и в других замыслах начала 1830-х гг.: «Отрывке из записок молодой дамы» (так называемом «Рославлеве», 1831), в отрывках «Участь моя решена, я жемсь...», «Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы...», «В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом...» («Холера») — т. е. в отрывках своеобразно остраненной автобиографической прозы.⁷ Во всех этих опытах несомненно первые подступы к принципам повествования, в наиболее развитой форме осуществившимся в «Капитанской дочке», также изложенной с позиций наивного сознания и здравого смысла. Рассказчик здесь не только силою неожиданных обстоятельств соприкасается с историческими событиями (сюжетно события эти столь же случайно сопряжены с перипетиями любовной истории Гринева и капитанской дочки, как и война 1812 г. — с судьбою героев «Метели»), но и благодаря своей простоте по-человечески сочувствует мужицкому царю, несмотря на социальную пропасть, лежащую между ними. Белкинское начало в Петруше Гриневе несомненно — недаром, как это обосновано в исследовании Н. Н. Петруниной,⁸ замысел «Капитанской дочки» относится к 1831 г., т. е. хронологически пре-

⁷ См.: Краснов Г. В. «Заметка о холере» или замысел «Путешествия». — В кн.: Краснов Г. В. Пушкин. Болдинские страницы. Горький, 1984, с. 118—142; Мясоедова Н. Е. Поэтика мемуарной прозы А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985, с. 15—18.

⁸ Петрунина Н. Н. К творческой истории «Капитанской дочки». — Русская литература, 1970, № 2, с. 79—92.

дельно сближен с «Повестями Белкина» и перечисленными несколько выше отрывками остранинной автобиографической прозы.

Здесь не место касаться обстоятельств, определивших создание одного из шедевров пушкинской прозы — повести «Пиковая дама» (1833). Она несомненно стоит несколько особняком в пушкинской прозе, ясной и точной по стилю, что, на мой взгляд, объясняется сознательной ориентацией Пушкина на фантастическую прозу В. Одоевского и Гоголя (в связи с задуманным ими альманахом «Тройчатка», куда был приглашен и Пушкин).⁹ Кажущаяся парадоксальность такого утверждения проистекает оттого, что проблема взаимодействия Пушкина-прозаика (в отличие от Пушкина-поэта) с национальной традицией принадлежит к числу наиболее слабо разработанных в современном пушкиноведении.

Принято считать, что последней вершиной пушкинской прозы является «Капитанская дочка». Однако и в этом случае данный роман не исчерпывал эволюции пушкинской прозы, в середине 30-х годов особенно приверженной к документально-публицистическому жанру, который обычно не включается в контекст художественной прозы Пушкина. Я имею в виду такие произведения, как «Путешествие из Москвы в Петербург», «Вольтер», «Записки бригадира Моро-де-Бразе», «Джон Теннер», «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», а также начатые в последние дни жизни Пушкина конспекты «Описания земли Камчатской» и «Слова о полку Игореве». Все они, хотя и основаны на чужом, обильно цитируемом материале, вовсе не сводятся к его пересказу. По сути дела, это опыты очерково-исторической прозы с яркой психологической характеристикой избранных авторов, что сближает данные опыты с мемуарами (Пушкин как бы выступает издателем чужих мемуаров, столь же самостоятельным в творческом отношении, как и издатель «Повестей Белкина»). Можно эти произведения расценить и в качестве историко-литературных эссе, или, как сейчас принято говорить, интерпретаций, — жанра по своему характеру беллетристического, и сильно выраженным собственным восприятием чужого произведения. Так, в «Джоне Теннере» в судьбе американца, мальчиком попавшего к индейцам, Пушкина, по-видимому, прежде всего поразило реальное содержание той коллизии, которая составляла сюжет нескольких произведений, определяющих одну из основных линий его творческой эволюции: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Тазит». Исключение этого произведения из художественного наследия, рассмотрение его в ограниченном контексте «Критики и публицистики» в чем-то существенно упрощает наши представления о генезисе пушкинского творчества, пушкинской прозы в частности.

⁹ Более подробно об этом сказано в моей статье «Неосуществленный замысел альманаха „Тройчатка“ и повесть А. С. Пушкина „Пиковая дама“» (Альманах Библиофила, 1987, вып. 23).

Сами по себе значительные произведения этого жанра интересны вдвойне по той перспективе, которая была намечена, но не достигнута из-за трагической гибели Пушкина. Вероятно, только осмыслив тенденции этой перспективы, мы поймем, наконец, такое произведение, как «Последний из собственников Иоанны д'Арк».

Творческие искания Пушкина в области прозы выступают, на первый взгляд, хаотическими и разнородными. Это отчасти объясняется тем, что именно в этой области Пушкин особенно часто экспериментировал, предвосхищая развитие художественной прозы в последующие литературные эпохи. Однако, как мне представляется, существовала постоянно действующая тенденция, общая для подавляющего большинства его замыслов. Начав путепрозаика как мемуарист, он постоянно ориентировался в своих исканиях в области художественной прозы прежде всего на мемуары, свои и чужие, в большей степени, нежели какой-нибудь другой писатель, оценив художественную выразительность документов эпохи, преломленных через заинтересованное отношение наблюдателя, этой эпохой сформированного.

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

ТРИ ПИСЬМА ПУШКИНА О ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1821 ГОДА

Среди писем Пушкина имеется три письма, посвященных Греческой революции. Адресат и даты всех трех писем в академическом издании указаны предположительно. Адресатом назван В. Л. Давыдов, а датируются письма так: одно — первая половина марта 1821 г.; два следующих (они датируются одинаково) — июнь 1823—июль 1824 г. Предположения, заявленные в академическом издании, требуют обоснования и поправок.

Датировка первого письма (началом марта 1821 г.) определяется событиями, которые в нем излагаются.

В конце января 1821 г. «гетеристы» подняли восстание против турецкого владычества. 21 февраля глава «гетеристов» Александр Ипсиланти выехал из Кишинева к турецкой границе. В Яссах он обнародовал прокламацию к грекам с призывом к единению и борьбе. Об этих событиях по свежим следам и рассказывает Пушкин.

Во втором и третьем письмах упоминаются Кишинев и Одесса, поэтому начальная дата их определяется временем, когда Пушкин первый раз появился в Одессе (июнь 1823), а конечная — временем его отъезда из Одессы в Михайловское (июль 1824).

Впервые опубликовал эти письма Анненков. Об адресатах он пишет осторожно. Первое письмо, по его мнению, адресовано «кому-либо из каменных жителей», (т. е. жителей села Каменки — имения Давыдовых).¹ Второе он относит к «какому-то дальнему приятелю Пушкина,² а о третьем пишет, что оно послано, вероятно, «к кому-то в Петербург с видимой целью поправить неблагоприятное впечатление, произведенное <...> лож-

¹ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 185.

² Там же, с. 203.

ным известием о его отпадении от партии доброжелателей греческого дела».³

П. А. Ефремов, печатая письма в сочинениях Пушкина,⁴ без каких-либо пояснений адресовал их Ал. Н. Раевскому. Скорее всего здесь сыграл свою роль намек Анненкова на «кого-либо из каменских жителей». С именем Раевского письма печатались в двух изданиях под редакцией Морозова,⁵ в издании переписки Пушкина под редакцией Сайтова и в т. 1 «Архива Раевских».⁶

Кандидатуру Раевского как возможного адресата писем отверг Н. О. Лернер. Основным его аргументом было содержание первого письма. Он считал, что «письмо, наполненное горячим энтузиазмом юного вольнодумца», «менее всего можно адресовать знаменитому Демону».⁷ Лернер и предложил другую кандидатуру — В. Л. Давыдова. Давыдову, как известно, посвящено стихотворное послание «Меж тем как генерал Орлов», где речь также идет о Греческой революции. В стихотворении вспоминаются встречи и разговоры в Каменке в то время, когда там гостил Пушкин. Из послания можно заключить, что разговоры касались революций в Европе и возможного влияния их на политическую жизнь России. Именно это стихотворение и навело Лернера на мысль о Давыдове как адресате писем Пушкина.

Имя Давыдова не противоречило и догадке (или намеку) Анненкова. В. Л. Давыдов был одним из владельцев Каменки.

Предположение Лернера было принято в пушкиноведении, — правда, при публикации писем в собраниях сочинений Пушкина рядом с фамилией Давыдова ставится вопросительный знак, но в исследовательской литературе письма эти иногда относятся к Давыдову уже без всяких сомнений. Б. Л. Модзалевский, комментируя первое письмо, писал: «Анненков, если и знал, что оно адресовано к В. Л. Давыдову, мог умышленно умолчать об его имени, как имени декабриста, сосланного в Сибирь и умершего в Красноярске 24 октября 1855 года».⁸ Следует добавить, что письма были опубликованы Анненковым не в «Материалах для биографии Пушкина», а во второй его книге — «Пушкин в Александровскую эпоху», изданной в 1870-х гг., когда произошло отчуждение Анненкова от передовой общественной мысли и он,

³ Там же, с. 206.

⁴ Пушкин А. С. Соч. 8-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882, т. 7, с. 149—153.

⁵ Пушкин А. С. Соч. / Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым; под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887, т. 7, с. 18—20, 66—67, 83—84. — Здесь письма к А. Н. Раевскому предположительно датируются так: первое — 1821, март—апрель, второе — 1823, третье — 1824, июнь.

⁶ Пушкин. Соч.: Переписка / Изд. имп. Академии Наук; под ред. и с примеч. В. И. Сайтова. СПб., 1906, т. 1, с. 24—26, 111—113 (второе и третье письма адресуются Ал. Н. Раевскому предположительно); Архив Раевских / Под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908, т. 1, с. 221—224.

⁷ Русская старина, 1909, № 4, с. 199—206.

⁸ Пушкин. Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Л., 1926, т. 1, с. 224.

Иногда вопреки фактам, нивелировал политические тенденции мировоззрения и творчества Пушкина. Поэтому он действительно, как пишет Модзалевский, «мог умышленно умолчать» об имени Давыдова. Письмо о начале Греческой революции, свидетельства Анненкова, стихотворные послания, беседы в Каменке — все эти нити действительно ведут к одному лицу: В. Л. Давыдову.

Пушкин назвал беседы в Каменке «демагогическими спорами». Начало Греческой революции, о котором он сообщает в первом письме, было как бы новым аргументом в этих спорах, аргументом, подтверждающим, что революционная волна может нахлынуть на Россию.

Первое письмо рисует начало революционных действий и вождя революции Ипсиланти в восторженно-романтических тонах. Пушкин пишет: «Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — независимости древнего отечества»; и дальше: «Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и мертвый или победитель, он отныне принадлежит истории. 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь» (XIII, 24).

В стихотворном послании В. Л. Давыдову, написанном примерно через месяц после первого письма, происходящие события даются уже под другим углом зрения:

Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь. . .

(II, 178)

Стихотворение писалось в новой политической ситуации. Была подавлена революция в Испании. Позиция русского правительства по отношению к Греции определилась. 6 апреля 1821 г. Александр Ипсиланти был исключен из русской службы, а деятельность «Этерии» была объявлена «позорной и преступной акцией».⁹ «Цель великодушная» — защита свободы стала рассматриваться в официальных кругах как бунт. Отказ России от поддержки гетеристов предопределял их поражение. Надежды на политические перемены в России стали угасать. В стихотворном послании Давыдову в какой-то степени уже была заложена тема стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

(II, 179).

Стихотворное послание Давыдову можно рассматривать как дополнительную реплику на отправленное ранее письмо.

⁹ Арш Г. Л. Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970, с. 309.

Новая политическая ситуация является фоном двух следующих писем. Адресат их (Давыдов) устанавливался по аналогии с первым письмом и стихотворным посланием. Между тем письма эти несомненно писались двум лицам. Об этом свидетельствует и их содержание, и тональность, и прежде всего автографы.

В середине автографа одного из этих писем (ПД, № 829, л. 87) (в собраниях сочинений оно помещается первым) видим знак, который указывает, что поэт собирался в этом месте сделать вставку (вставка, по-видимому, была сделана при перебелке письма).

Вот текст этого письма.

«С удивлением слышу я, что ты считаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа. Жалея, что принужден оправдываться перед тобой, повторю и здесь то, что случилось мне говорить касательно греков». Здесь в рукописи знак вставки, а вслед за ним идет следующий текст: «Люди по большей части самолюбивы, беспоятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую все-таки не худо повторить. Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться.

Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько единодушные ее поддерживают. Греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь *народно*, как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы» (XIII, 104).

Мы видим, что в черновике письма недостает логического звена. Пушкин пишет: «...повторю и здесь то, что случилось мне говорить касательно греков». Далее должно было следовать повторение каких-то слов «касательно греков», сказанных или написанных ранее, но вместо этих слов поставлен знак вставки, а затем идет пассаж, имеющий отношение уже не к Греции, а скорее к толкам вокруг самого Пушкина после какого-то его высказывания: «Люди по большей части самолюбивы, беспоятны...» и т. д. Поэт дает этическую оценку тем, кто мог «странно перетолковать» какие-то его слова о греческих делах.

Мы согласны, что адресатом этого письма является также декабрист В. Л. Давыдов, для которого «дело Греции» сочталось с революционными замыслами в России. Имея в руках восторженное письмо Пушкина о начале Греческой революции, он, конечно, мог быть удивлен, что позиция поэта изменилась. Перед ним, адресатом своего первого письма, поэт и счел должным оправдываться. Очевидно, что перебелывая письмо, Пушкин **вставил в него те слова, которые говорил или писал кому-то, но**

уже не самому Давыдову. Что именно мог говорить поэт о греческих делах и какие его «слова» могли быть переданы Давыдову?

Весьма нелестную характеристику греков мы как раз и находим в письме, которое печатается как третье. Первые два письма написаны по-русски, это письмо — французское. Во втором письме мы видели пропуск в середине текста, здесь недостает начала. Начинается письмо с середины фразы: «... из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня дрянных турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии графа Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они всё сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу» (XIII, 105).

Знаменательно в этом письме упоминание имени графа Витгенштейна, командира 2-й армии, дислоцированной на Юге и бывшей прибежищем наиболее решительных элементов Союза благоденствия. Если бы Россия вступила в войну с Турцией, армия Витгенштейна должна была бы выступить первой.

Пушкин пишет, конечно, о греческих беженцах, которые заполняли улицы Кишинева и Одессы. Откуда взялись эти беженцы?

Повстанческое движение в Дунайских княжествах вызвало турецкие зверства. После выступления Ипсиланти Порты обрушилась жестокие репрессии на все греческое население. Те, кто сумел спастись, бежали на юг России. 16—17 июня 1821 г. произошла битва в Молдавии при Скулянах. Армия князя Георгия Кантакузина была разгромлена, и остатки ее ушли на русскую территорию. Примерно в это же время наступила развязка в Валахии. 7 июня в битве при Дэгэшанах потерпела поражение армия Александра Ипсиланти. Охваченная деморализацией, она стала быстро разлагаться. В одиночку и группами повстанцы также перебирались в Россию.

Таким образом, на юг России текли два потока беженцев — гражданское население из Стамбула и повстанцы из армий Кантакузина и Ипсиланти. Повстанцы из Молдавии (остатки армии Кантакузина), около 1000 человек, сперва были интернированы в местечке Огарееве, а в середине октября освобождены и почти все обосновались в Кишиневе и Одессе, «дабы они не изнуря-

лись и могли на свободе иметь пропитание».¹⁰ По официальным данным, в Одессе в июне 1821 г. число беженцев достигло 4000 человек, в Кишиневе — около 1000 человек.¹¹ В августе в Одессе было создано «Филантропическое общество», одной из главных задач которого было «оказание помощи бедствующим братьям — здешним и прибывшим»,¹² но уже в ноябре 1821 г. одесские эфоры писали в Кишинев: «Отсюда вам не следует ожидать помощи. В настоящее время постарайтесь заботиться о страдальцах как сможете, до тех пор пока мы не придем в себя».¹³

Одесские эфоры так и «не пришли в себя», так как в конце 1821 г. «Филантропическое общество» было запрещено и распущено. Быт беженцев налаживался медленно, и уже в конце 1821 г. в Кишиневе и Одессе начала складываться ситуация, которая и отражена в третьем письме Пушкина (если располагать письма в том порядке, как принято в академическом издании). Именно в это время недавние герои предстали перед поэтом-романтиком в своей повседневной, лишенной романтического флёра борьбе за существование, когда за кусок хлеба они готовы были сносить и палочные удары. Мы видим, что поэт с горячим сочувствием пишет о «деле» освобождения Греции и негодует по поводу того, что оно находится в недостойных руках.

Посмотрим теперь, что получается, если адресовать оба письма Давыдову: Пушкин кому-то писал или говорил о греках в презрительных тонах, его слова были переданы Давыдову, Пушкин оправдывается перед Давыдовым, повторяет свои слова и уверяет Давыдова, что он имел в виду греков, бежавших из армии, и что «дело Греции» для него по-прежнему священо. А через некоторое время он — уже без всяких оправданий — тому же Давыдову снова в уничижительных тонах пишет о «новых Леонидах», которые заполняют улицы Кишинева и Одессы.

Более вероятно другая последовательность звеньев в этой цепи. Было послано письмо кому-то (назовем его «X») с нелестными выражениями по адресу греков. Этот «X» показал или пересказал пушкинское письмо Давыдову. Давыдов стал «почитать» Пушкина «врагом освобождающейся Греции». Мнение Давыдова дошло до Пушкина, и Пушкин отвечает ему, вставляя в свое письмо отрывок из письма, написанного ранее к «X». Иными словами, второе и третье письма посылались разным лицам, причем третье письмо было отослано раньше второго, и отрывок из него (или пересказ) должен был заполнить пропуск во втором письме.

Согласимся с Анненковым, что этот «X» скорее всего тоже «кто-либо из жителей Каменки». И тут наиболее уместной представляется кандидатура Александра Раевского.

¹⁰ Там же, с. 330, 331.

¹¹ Там же, с. 332.

¹² Там же, с. 333.

¹³ Там же, с. 343.

Отводя Раевского как возможного адресата писем, Лернер и Модзалевский приводили доводы психологические (несовместимость восторженности Пушкина и скептицизма Раевского) и биографические (Раевский, как и Пушкин, в 1823—1824 гг. жил в Одессе, и потому переписка между ними была бы бессмысленной). Но в 1823 г. Раевский проживал не в Одессе, а у отца в Киеве. В Одессе он появился только в ноябре или в декабре 1823 г.,¹⁴ т. е. до ноября 1823 г. сам он не мог быть свидетелем событий, о которых пишет Пушкин.

Итак, довод биографический (если сместить датировку третьего письма) отпадает. Что касается мнения о несовместимости общественного лица возможного адресата письма с личностью Ал. Раевского, то для опровержения этого довода предоставим слово сначала М. Ф. Орлову, а потом Анненкову. М. Орлов первым из декабристов заявил о своей готовности сражаться за освобождение Греции. Вот отрывок из его письма от 27 июня 1820 г.: «Янинский Али-паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую, и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ю дивизию (этой дивизией командовал Орлов. — Я. Л.) пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притушился бы».¹⁵ Письмо адресовано Ал. Раевскому. Отсюда можем заключить, что «дело Греции» Раевского живо интересовало. А вот что пишет об отношении Пушкина к Раевскому Анненков: «Пушкин возымел с самого начала весьма высокое понятие о качествах своего друга. Он писал брату, что старший сын Раевского будет более нежели известен, а на словах, как нам передавали (Анненков подчеркивает мемуарный источник сведений. — Я. Л.), выражался еще решительнее. При тогдашнем всеобщем ожидании политических перемен во всех углах Европы Пушкин говорил об Ал. Н-е, как о человеке, которому предназначено, может быть, управлять ходом весьма важных событий».¹⁶ Репутация пушкинского Демона, как видим, вовсе не однозначна.

Итак, какие доводы позволяют считать Ал. Раевского адресатом третьего письма?

1) Раевский жил в Киеве, и письмо, адресованное ему, тотчас могло стать известным Давыдову (который также находился в Киеве).

2) Пушкин переписывался с Раевским во время его пребывания в Киеве. Одно письмо написано в октябре 1823 г. — оно так же, как и письма о Греческой революции, известно только в черновике.

¹⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 419.

¹⁵ Цит. по кн.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России, с. 282.

¹⁶ Аджеевков Н. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, с. 152.

3) Сама тональность письма, наполненной презрением к тем, кто еще недавно был окутан романтическим ореолом, вполне согласуется со скептическим, склонным к цинизму умом Раевского.

4) Пушкин в своем письме противопоставляет греков, которых он видит на улицах Кишиинева, — т. е. бежавших из армий, не сумевших завоевать свободу, — «делу Греции»; которому он предан по-прежнему. До Давыдова доходит только первая часть пушкинских суждений, а вторую Пушкин вынужден повторять снова. Здесь мы видим первые признаки той черты характера Ал. Раевского, которую потом поэт назовет словом «коварность».

Наконец, письмо, адресатом которого мы считаем Раевского, написано по-французски. Пушкин писал по-французски женщинам и деловые письма. Другьям он писал по-русски. И только братья Раевские были исключением. По-французски они переписывались и между собой. Так было принято в семье.

Если адресовать третье письмо Раевскому, то необходимо сместить и его дату. Оно могло быть написано после того, как с закрытием Одесского «Филантропического общества» в конце 1821 г. прекратилась помощь беженцам, и до ноября 1823 г., когда Раевский приехал в Одессу. Пушкинское «мы» в контексте «Мы видели <...> на улицах Одессы и Кишиинева...» может рассматриваться как местоимение собирательное — иначе говоря, письмо могло быть написано тогда, когда Пушкин в Одессе еще не был.

И. Л. Фейнберг в известной книге о записках Пушкина относит письма о Греческой революции к остаткам этих записок. О первом письме он прямо пишет: «...оно является написанным под видом письма страницами записок Пушкина о греческой революции»,¹⁷ начатых поэтом в тот год, когда он стал писать свою биографию. Мы видели, что отношение поэта к перипетиям Греческой революции было не однозначным. И хотя в программе записок, составленной в 1833 г., есть пункт «греческая революция», — считать, что мы имеем готовые страницы этого пункта, оснований нет.¹⁸

¹⁷ Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 4-е изд. М., 1964, с. 290.

¹⁸ В «Литературной газете» (1987, № 3) появилась статья Т. К. Галушко, где адресатом русских писем о Греческой революции называется М. Ф. Орлов. Основанием для этого служит его письмо к Ек. Н. Раевской от 9 марта 1821 г., в котором он пересылает ей некое письмо о греческих событиях, «полученное <им> на дороге», и которое он называет «журналом» событий, «сделанный день за день». Т. К. Галушко полагает, что этим «журналом» является первое письмо Пушкина. Однако с этим трудно согласиться. У Орлова, ждавшего событий в Греции, должны были быть и свои осведомители. Само письмо Пушкина скорее эмоциональный порыв, чем хладнокровный «журнал». В следующем письме к Раевской Орлов пишет: «...прошу вас <...> не разглашать <...> те вещи, которые не требуют разглашения, как, например, образ действия и создание тайного общества и участие наших (т. е. русских. — Я. Л.) вельмож в оном». В письме Пушкина не упоминаются ни общество, ни русские вельможи. И братья Ипсиланти и князь Суццо находились на русской службе, но не были «русскими вельможами». Наконец, в известных нам воспоминаниях современников Пушкин всегда говорил Орлову «вы», а Орлов Пушкину — «ты».

В. А. КОШЕЛЕВ

ПУШКИН И ХОМЯКОВ

Проблема «Пушкин и Хомяков» представляет собою часть общего вопроса о творческих взаимоотношениях Пушкина и славянофилов, об отношении Пушкина к зарождавшемуся русскому славянофильству и славянофильства — к Пушкину. Этот вопрос довольно редко ставился исследователями и частично намечен лишь в книге В. И. Кулешова «Славянофилы и русская литература». Указав на факты недоверчивого отношения Пушкина к формирующейся славянофильской идеологии, В. И. Кулешов делает, однако, характерное примечание: «Тут много еще ожидает нас мелочей, требующих объяснения, догадки».¹

Сам «реестр» подобных непонятных «мелочей» оказывается довольно обширным: неизвестно откуда взявшийся портрет Петра Киреевского на рукописи «Полтавы», который появился лет за шесть до передачи ему поэтом своих записей русских народных песен; хвалебные отзывы Пушкина об Иване Киреевском, поддержка им «Европейца» наряду с фактами настороженного отношения поэта к трансцендентализму Киреевского; восторженное почитание Пушкина всеми славянофилами, собиравшимися под его портретом в салоне Елагиной, при том, что многие из них не чувствовали к поэту «особенной симпатии», и т. д. и т. п.² Но именно комплекс этих «мелочей» включает, по нашему мнению, возможности решения этого весьма сложного вопроса, самой значительной и самой загадочной частью которого оказывается проблема, поставленная в заглавии настоящей статьи.

Среди фактов общения Пушкина и Хомякова наиболее известным оказался эпизод их первоначального творческого знакомства. 12 октября 1826 г. Пушкин, недавно вернувшийся из ссылки, читал в доме Д. В. Веневитинова в Кривоколенном переулке в Москве драму «Борис Годунов». «На другой день, — вспо-

¹ Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976, с. 94.

² См.: Там же, с. 94—104.

минает М. П. Погодин, — было назначено чтение „Ермака“, только что конченного и привезенного А. Хомяковым из Парижа. Ни Хомякову читать, ни нам слушать не хотелось, но этого требовал Пушкин. Хомяков чтением приносил жертву».³ Эпизод весьма примечателен. Зачем Пушкину потребовалась «жертва» отставного гусарского поручика, начинающего поэта, напечатавшего лишь два стихотворения — «Бессмертие вождя» и «Желание покоя» («Полярная звезда» на 1824 и на 1825 гг.)? Неизбежная неудача «Ермака» в сопоставлении с «Борисом Годуновым» была как бы запрограммирована: тем, что Пушкин находился в зените своей славы и основой знакомства с ним «любомудров» стало восторженное «оживление»; тем, что Хомяков в это время воспринимался слушателями как «свой», был пропагандистом Шиллера (что тоже было «знакомо» кружку любомудров), а Пушкин привносил новаторскую поэтику — не только самим чтением драмы, но и подробным рассказом о процессе работы над ней, «о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с черню, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем, — сцене, которую создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл вполтину...».⁴ После такого рода встречи провал Хомякова был предreshен. «„Ермак“, — замечает в своих воспоминаниях М. П. Погодин, — *разумеется не мог произвести никакого действия* после „Бориса Годунова“, и *только некоторые лирические места* вызвали хвалу. Мы почти не слышали его».⁵ Еще более примечательна запись Погодина в интимном дневнике: «Слушшая» „Ермака“, наблюдал Пушкина. Не от меня ли он сделал грим(асу)? „Ерм(ак)“ есть картина мозаическая, не настоящая, — есть алмазы, но и много стекол».⁶

«Гримаса» Пушкина весьма показательна: высказанные Погодиным оценки «Ермака» являются несомненным отражением пушкинских оценок, определивших его дальнейшие высказывания о драме Хомякова и о Хомякове-поэте вообще. Так, в «Набросках предисловия к „Борису Годунову“» (1830) Пушкин заметил: «„Ермак“ А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драм(атическое). Успехом своим оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано» (XI, 141). В статье «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» эта же мысль высказана еще более резко: «Идеализированный „Ермак“, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии» (XI, 180). В произведениях Пушкина, напечатанных при его жизни,

³ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869, с. 10—11.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ Там же, с. 11. Курсив наш. — В. К.

⁶ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914, вып. 19—20, с. 79—80.

пня Хомякова упомянуто лишь один раз — в «Предисловии» к «Путешествию в Арзрум...» (1835). Опровергая предположение о том, что Хомяков мог написать какую-то «сатиру на Арзрумский поход», Пушкин делает двусмысленное замечание: Хомяков написал «несколько прекрасных лирических стихотворений» (VIII, 443). Двусмысленность этого замечания заключалась в неупоминании больших по объему драм Хомякова «Ермак» и «Димитрий Самозванец»: обе были к тому времени изданы (а первая к тому же с успехом играна на театре), обе были, хотя и противоречиво, но в целом положительно оценены и публикой, и критикой.⁷ Получалось, что для Пушкина они как бы и не существовали; сам же Хомяков, по его мнению, неспособен к созданию крупных поэтических форм, даже и «сатир»...

Все это — отголоски примечательного и неравноправного поэтического «соревнования» 12 и 13 октября 1826 г. После прочтения Хомяковым драмы Пушкин на правах победителя сделал какие-то замечания, о чем сам упомянул в заметке «Разговор о критике»: «Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях» (XI, 90).

Таким образом, «жертва», принесенная Хомяковым на алтарь литературного знакомства с Пушкиным, оказалась не столь уж безобидной. Во мнении определенного круга современников он был как бы раз и навсегда оценен как интересный лирический поэт, не способный к созданию крупных поэтических форм. Подчеркнем, это была «жертва», зачем-то нужная именно Пушкину: «Ермак» был получен Погодиным из Парижа за четыре месяца до обоюдного чтения и несомненно был известен подавляющему большинству слушавших. К тому же личное знакомство Пушкина и Хомякова состоялось несколько раньше этого «чтения» — во второй половине сентября, о чем свидетельствует запись Погодина в дневнике,⁸ записка Пушкина к В. А. Муханову с просьбой «привезти Хомяковых» (XIII, 301), ряд косвенных данных о близком знакомстве семей Пушкиных и Хомяковых.⁹

Чтобы понять сущность взаимоотношений Пушкина и Хомякова, обратимся к фактам.

Хомяков и Пушкин в период начального знакомства относятся друг к другу вполне по-приятельски. 24 октября 1826 г. Хомяков устраивает в своем доме на Петровке торжественный обед, посвященный рождению журнала «Московский вестник». «Нечего описывать, как весел был этот обед», — замечает Погодин, перечисляя его участников: «Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата

⁷ Свод этих оценок см. в примеч. Б. Ф. Егорова в кн.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969, с. 574—580.

⁸ См.: Пушкин и его современники, вып. 19—20, с. 78.

⁹ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 455—456.

Киреевские, Шевырев, Титов, Мальцев, Рожалин, Раич, Рихтер, В. Оболенский, Соболевский».¹⁰ Чуть позже Пушкин записывает Хомякова как одного из постоянных участников журнала «Московский вестник».¹¹ Стихотворение Хомякова «Заря», открывавшее поэтическую часть первого номера журнала, оказалось — наряду с двумя отрывками из «Бориса Годунова» — неким выразителем его творческой программы вообще.

С одной стороны, общее литературное мнение как бы подхватило идею соревнования двух поэтических талантов — Пушкина и Хомякова; с другой — это «соревнование» постоянно осложнялось сопутствующими мотивами. Так, Пушкин, настаивая на первоначальной обстановке «соревнования», преследовал по крайней мере две цели. Во-первых, он хотел выяснить, чего стоят «архивны юноши»: видимо, «Ермак», слухи о котором до него дошли, был преподнесен как последнее слово литературы, ее высшее достижение, некий «эталон», который должен был определить общее литературное «качество» кружка любомудров. Во-вторых, испытывая смутное неудовлетворение позицией и «позой» «архивных юношей» (а Хомяков в данной ситуации выступал как наиболее яркий их представитель), Пушкин как бы «предъявил» им себя и свое создание как некий собственный «эталон» разработки сходной тематики и подробно рассказал о замысле другого, аналогичного произведения, разрабатывать который, видимо, не собирался (драма «Димитрий Самозванец»). Его рассказ, в свою очередь, несомненно повлиял на замысел «Димитрия Самозванца» Хомякова.¹² В этом отношении оказывается не столь важным непосредственное сопоставление исторических драм Хомякова и «Бориса Годунова» Пушкина¹³ — сам факт, что Пушкин вынес свое самое «заветное» произведение именно на суд «архивных юношей», свидетельствует о том, что он хотел проверить собственные литературные ориентации на мнениях той группы литераторов, которая, по его наблюдению, стала символом какого-то важного поворота в обстановке осложнившейся общественно-литературной борьбы.

Однако в отношениях Пушкина и «любомудров» (соответственно и Хомякова) не менее важной была и этическая сторона вопроса. Так, в седьмой главе «Евгения Онегина» (писалась в конце 1827—1828 гг.) Пушкин рисует картину «последекабристской» Москвы. Ю. М. Лотман заметил по этому поводу: «Не случайно в XLIX строфе упомянуты Вяземский и любомудры —

¹⁰ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве, с. 11.

¹¹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 310—311.

¹² См.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы, с. 577—578 (примеч. Б. Ф. Егорова).

¹³ См.: Маймин Е. А. «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова. — Пушкинский сборник. Псков, 1972, с. 3—16.

деятели культуры, уцелевшие после декабрьского разгрома». ¹⁴ Вместе с тем при сопоставлении окончательного текста строфы (XLIX) и ее черновых вариантов обнаруживается разительное несовпадение бытовых оценок «архивных юношей»:

Окончательный текст

Архивны юноши толпою
На Таю чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.
Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной...

(VI, 160)

Черновая редакция

Архивны юноши толпою
На Таю издали глядят,
О милой деве меж собою
Они с восторгом говорят.
Московских дам поэт [печальный]
Ее находит *идеальной*...

(VI, 457)

Казалось бы, все просто: в окончательной редакции Пушкин усилил ироническую оценку «архивных юношей»: вместо восторженных, печальных «поэтов» появились чопорные «сливки» московской молодежи. Однако зачеркнутые места черновой рукописи изобилуют не менее яркими «сниженными» характеристиками: «В лорнеты юноши толпою», «Архивны франты меж собою» и т. п. «Шут печальный» окончательной редакции противопоставляется «архивным юношам»: тем недоступно понимание «идеальной» натуры Татьяны. «Московских дам поэт печальный» — это собирательный образ одного из тех же «архивных юношей», за которым угадываются черты Веневитинова или Хомякова (героиня его драмы «Ермак» Ольга — это «идеальный» тип простонародной героини).

Пушкинские этические оценки, как видим, противоречивы и зыбки. Даже через несколько лет после знакомства с «архивными юношами» он не может со всей определенностью осознать их нравственный и поэтический идеал, не может вполне противопоставить ему свои оценки и свои понятия о жизни. И в этом отношении самым сложным «орешком» для Пушкина оказывался опять-таки Хомяков.

Вот характерный пример. В «Полярной звезде на 1825 год» было напечатано стихотворение Хомякова «Желание покоя», последние восемь стихов которого в этой публикации отсутствовали. Пушкин, несомненно, прочел это стихотворение: оно было напечатано вслед за его «Братями разбойниками» и перед «Исповедью Наливайки» Рылеева. В начале 1827 г. он познакомился с полным вариантом стихотворения, его отзыв сохранился в составе письма Ф. С. Хомякова к брату от 27 мая 1827 г.: «...Александр Пушкину прочли „Желание покоя“; он <...> в тот же день прочел в другой раз, останавливался <...> говорил, что прелестно; но на что этот проклятый «покой (?)» в конце; верно, кто-нибудь другой это вклеил; это не его чув-

¹⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980, с. 331.

ства <и> портит всю пьесу». ¹⁵ В публикации «Полярной звезды» стихотворение Хомякова, написанное в традиционном духе романтической элегии, оканчивалось оптимистическим возгласом:

Орлу ль полет свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкие пустыни,
Его скалы, его дремучий лес.
Он жаждет брани и свободы,
Он жаждет бурь и непогоды,
И беспредельности небес!

Продолжение — последние 8 стихов — вскрывали совсем иной мотив:

Увы! Напрасные желанья!
Возьмите ж от меня бесплодный сердца жар,
Мои мечты, надежды, воспоминанья,
И к славе страсть, и песнопенья дар,
И чувств возвышенных стремленья,
Возьмите всё! Но дайте лишь покой,
Беспечность прежних снов забвенья
И тишину души, утраченную мной.

«Это не его чувства <...>», — воскликнул Пушкин. Иными словами, высказанное желание «покоя» и «тишины души» противоречило, по мнению поэта, нравственности Хомякова, его жизненному и поэтическому облику: такой человек подобных чувств испытывать не должен. Такого рода замечание было крайне нехарактерно для Пушкина-критика, пропагандировавшего как раз предельную широту отражаемых поэтом чувств, наполненность поэтической палитры. В чем же тут дело?

Прежде всего, конечно, в личности Хомякова, отзывы о котором современников поразительно совпадают: это цельная, монолитная натура неутомимого деятеля, спорщика, «бретера диалектики» (Герцен). Вот яркая характеристика личности Хомякова, данная в позднейших заметках его старшей дочери Марии: «А. С. любил всякое состязание (соревнование), словесное, умственное или физическое: он любил и диалектику, споры и с друзьями, и знаком<ыми>, и с раскольник<ами> на Святой (в Кремле), любил и охоту с борзыми, как природное<е> состязание <...> любил скачки и верх<овую> езду, игру на биллиарде, шахматы и с деревенскими<е> соседями в карты в длинные осенние вечера, и фехтование, и стрельбу в цель. И всегда почти брал призы за стрельбу <...> Вообще он любил жизнь и все богом созданное, и всякую искру человеческой радости. <...> С ним никогда не было скуки, и я помню, как каждый, и большой и малый, и умный и простой, увлекались его разговором. Помню, как горячо с ним спорили такие люди, как Пав<ел> Ник<олаевич> Рыбников, кот<орый> поступил к нам неверующим и почти ни-

¹⁵ Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 65. — Письмо повреждено; пропущенные слова заменены многоточием или восстановлены по смыслу. См.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы, с. 66—68, 548.

гилистом, — и как они скоро поддавали под его влияние. Несмотря на свой небольшой рост, он был очень силен, ходил далеко и очень быстро и особенно был он силен руками; между прочим, я помню, что он брался за вертикальный брусок двери руками за края, одной рукой выше, другой ниже, — и вытягивался горизонтально на воздухе; сила в руках у него была необычайная». ¹⁶ Для такого человека несвойственны «сны забвенья» и «тишина души» — Пушкин не мог не ощутить этого.

Но пушкинское «недоумение», по существу, было гораздо глубже, объяснялось еще и характером эпохи конца 20-х — начала 30-х гг. и особенностями литературных сил этой эпохи. В письме к Ю. Ф. Самарину от 3 октября 1858 г. А. С. Хомяков, всегда очень глубоко чувствовавший изменение времени, заметил: «... плохо дело, когда эпоха радуется какому-нибудь великому приобретению; того и смотри, следующим придется дорого за него поплатиться». И предлагал вспомнить состояние «внутренней жизни» общества «за 25 лет»: «Вы, Аксаковы», Киреевские, Кошелев и все мы были ли возможны? Недавнее время воспитало нас, а мы, очевидно, опередили других...». ¹⁷ Хомяков разумеет здесь эволюцию славянофильства: как идеология (а тем более как учение, влияющее на развитие общества) оно не могло зародиться «за 25 лет», в «пушкинскую» эпоху. Вместе с тем и «за 25 лет» не могли не появиться какие-то его истоки — если не идеологические, то нравственно-этические.

Эти нравственные истоки западничества и славянофильства рассматривал Герцен в «Былом и думах». М. П. Погодин прямо связывал «зародыши западничества и славянофильства» с появлением «Московского телеграфа» и «Московского вестника», с возникновением в Москве «аксаковских суббот» и «вечерних собраний» у Елагиных и Сухово-Кобылиных. ¹⁸ А. И. Кошелев замечает, что зачатки нравственной атмосферы славянофильства были присущи и петербургскому салону Е. А. Карамзиной: «Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски». ¹⁹

Своеобразным средоточием ранних этических устремлений еще не родившегося славянофильства, фигурой, выделенной из общего русла литературы 20—30-х гг., стал А. С. Хомяков. «Беседы наши, — пишет А. И. Кошелев о первоначальных собраниях славянофилов, — были самые оживленные; тут выказались первые начатки борьбы между нарождавшимся тогда русским направле-

¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 1, л. 61—61 об.

¹⁷ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. Письма. М., 1900, с. 297—298. — Далее ссылки на этот том (с указанием страницы арабской цифрой) приводятся в тексте.

¹⁸ См.: Письмо М. П. Погодина М. А. Максимовичу от 28 октября 1878 г. — Русский архив, 1882, № 5, с. 86.

¹⁹ Записки Александра Ивановича Кошелева. Berlin, 1884, с. 30. См. также: Мещерский А. В. Воспоминания. — Русский архив, 1901, № 2, с. 101.

нием и господствовавшим тогда западничеством. Почти единственным представителем первого был Хомяков, ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему». ²⁰ На той же «отделенности» поисков Хомякова от общего развития литературы 20—30-х гг. настаивает К. С. Аксаков, посвятивший литературе этого периода специальную статью: «... он был один, и никто тогда не понимал его. В самых первых, молодых его произведениях («Иностранке», «Клинок» и пр.), в его первой трагедии „Ермак“ еще является одна неопределенная любовь или, лучше, стремление к своей земле, — но скоро разумение прояснило природное чувство, и оно проникнулось истиной. С той поры любовь к родной земле, выражающаяся в стихах, есть в то же время понимание, не слепая, но ясно взирающая любовь. Вспомним только его вторую трагедию „Димитрий Самозванец“, прекрасные и важные стихотворения „К Западу“, „Ключ“, „Остров“, „Россия“ и др. Эти стихотворения вовсе не стихотворны в том отношении, что содержание и значение их далеко перешагивает узкие рамки стихотворения и вообще стихотворного периода». ²¹

Это же ощущение некоторой «особности», «отделенности» Хомякова почувствовал, вероятно, и Пушкин, указавший, что «чувства» поэта противоречат заданным романтическим канонам, в духе которых создано стихотворение «Желание покоя». Не удовлетворенный его элегическим настроением и «проклятым покоем в конце», Пушкин как бы предугадал ту художественную трансформацию Хомякова-лирика, которая действительно последовала в стихах последнего с начала 30-х гг.

Хомяков-поэт «был больше, чем нужно, рационалист, систематик... — констатировал Е. А. Маймин. — В его стихах сплошь и рядом недоставало свободы, непосредственности, естественной простоты». ²² К началу 30-х гг. установка на поэтический рационализм стала в стихотворениях Хомякова сознательной. В этом отношении он противопоставлял себя таким поэтам, как Пушкин, Языков или Тютчев: «... мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозатор везде проглядывает и, следовательно, должен, наконец, задушить стихотворца». Противопоставляемым же поэтам присуща, по его мнению, «натура античная в отношении к художеству» (письмо к А. Н. Попову от января 1850 г. (200)).

Подобные весьма своеобразные художественные стремления проявились и в ранних стихах поэта, написанных по «заданному» образцу мировосприятия «любомудров»: в них налицо противоречие между образом поэта и образом лирического героя. Если лирический герой, например, Веневитинова приближался к его идеалу поэта, то лирический герой Хомякова, стремясь

²⁰ Записки Александра Ивановича Кошелева, с. 55

²¹ Аксаков К. С. О современном состоянии литературы. Письмо первое: Литература предыдущей эпохи / Публ. и предисл. В. А. Кошелева. — Проблемы реализма. Вологда, 1978, вып. 5, с. 174.

²² Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М., 1976, с. 77.

к подобному же сближению, постоянно отходил от созданного им же «идеала» именно вследствие заданности общей художественной ситуации.

Так, герой любовной лирики Хомякова — человек «с рыцарской этикой», замкнутый, независимый, обладающий обостренным чувством гордости и чести. «Здесь, — отмечает Б. Ф. Егоров, — минимальны описания достоинств избранницы, минимальны описания чувств, главное же — постоянная осторожность героя, подспудное ощущение, что она не поймет, не откликнется».²³ В 1832 г. Хомяков создает цикл стихотворений, посвященных А. О. Смирновой-Россет («Иностранка», «Ей же», «К А. О. Р.», «К***»). Уже в первом стихотворении цикла, едва наметив некий идеал возлюбленной, он тут же намечает и противопоставление: «Но никогда он деве милой / Своей любви не посвятит», — объясняя его тем, что избраннице чужды заветные устремления лирического героя («При ней скажу я: „Русь святая“ — / И сердце в ней не задрожит...»).

Эволюция Хомякова от лирики к созданию публицистических стихотворений-«призывов», предваряющих его позднейшие славянофильские стихи, происходила на глазах Пушкина — в 1831—1835 гг. В то же время суждения Пушкина о Хомякове-поэте становятся все более пристрастными и резкими.

Январь—начало февраля 1830 г. Отзыв об альманахе «Денница»: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал *Ермака*, и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи» (XI, 105). Несмотря на то, что упоминание о «Ермаке» и здесь двусмысленно, предваряется характерным «но», «истинный талант» Хомякова для Пушкина «неоспорим», как неоспорима и типологическая система поэзии «любомудров» (в этом отношении талант Тютчева ставится под сомнение, ибо в нем эта система выражена не столь ярко).

18 ноября 1831 г. Письмо к Н. М. Языкову: «Надеюсь на Хомякова: Самозванец его не будет уже студент, а стихи его всё будут по-прежнему прекрасны» (XIV, 241). Пушкина уже не удовлетворяет тип литературы «любомудров», и он «надеется» на возмужание таланта Хомякова, связывая его с работой над новой драмой. (Подобную же «надежду» высказал А. Н. Вульф в дневниковой записи от 29 марта 1833 г.)²⁴

2 апреля 1834. Дневник: «Кук<ольник> пишет Ляпунова. Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» (XII, 323). Здесь отвергается не только талант Хомякова, но и его способность к творчеству:

²³ Егоров Б. Ф. *Поэзия А. С. Хомякова*. — В кн.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы, с. 25.

²⁴ См.: Майков Л. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 193—194.

настолько уничижительно выглядит сопоставление его с Кукольниковом и Розеном.

Поэт Хомяков воспринимается Пушкиным как некая «талантливая бесталанность»; «неоспоримое» дарование оказывается не туда направленным, а его эволюция вызывает растерянность и раздражение. Если в 1826—1827 гг. Пушкин пробовал спорить с Хомяковым и поучать его, то позже он устраняется и от этого. Так, трагедия Хомякова «Димитрий Самозванец», на которую Пушкин возлагал «надежды», в апреле 1832 г. была прочитана на вечере у Карамзиных в его присутствии.²⁵ Добившись цензурного разрешения трагедии, Хомяков специально поехал в Петербург, чтобы показать «Самозванца» Пушкину, — о чем специально извещал последнего Погодин (XV, 18). И что же? Если «Ермак» вызвал бурную реакцию Пушкина, желание вмешаться, исправить, «наставить», то о «Димитрии Самозванце» он предпочел вообще не высказываться, как будто этой трагедии Хомякова, ожидавшейся Пушкиным и писавшейся по его замыслу и с его благословения, для него и не существовало. Более того, вскоре после встречи с Пушкиным Хомяков покинул Петербург и целых 15 лет не приезжал туда. Возможно, что между ними произошла какая-то размолвка: в письме к А. В. Веневитинову от 19 февраля 1833 г. Хомяков глухо намекает на «неблагоприятные обстоятельства» его приезда в Петербург весной 1832 г. и просит поблагодарить П. А. Вяземского, прием которого ему «тогда сердце отогрел» (35). Наконец, когда Хомяков принялся за разработку замысла третьей (незавершенной) драмы «Проконий Ляпунов», Пушкин, узнав об этом, сразу же отверг возможность успеха Хомякова: тот даже и потенциально не способен написать «хорошей трагедии»...

Значило ли это, что с 1832 г. Пушкин «разочаровался» в Хомякове или «разошелся» с ним? И в этом случае дело обстояло не так просто...

Среди записей Марии Алексеевны Хомяковой интересна следующая: «А. С. прекрасно читал стихи Пушкина; помню, как он любил, напр<имер>, его „Обвал“, его „Из берегов отчизны дальней“, „Сижу у окошка темницы сыр<ой>“, — и до сих пор в моих ушах: „Мы вольные птицы; туда, брат, туда, туда, где за тучей белеет гора, туда, где синеют морские края, туда, где гуляем лишь ветер да я!..“ Как он любил тогда „Монастырь на Казбеке“! Сам он *очень* дорожил мнением Пушкина и говорил, что Пушкин очень любил стихотворение: „Не сила народов тебя возвела, / Не воля чужая венчала...“²⁶ В этой записи неточно приведена цитата, неверно приведены названия пушкинских стихотворений, неверно утверждение, что Пушкин любил стихотворение Хомякова «Еще об нем» (оно написано в 1841 г.), но тем интереснее это свидетельство дочери. Оно не может быть

²⁵ См.: Русский архив, 1886, № 3, с. 175.

²⁶ ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 1, л. 38—38 об.

выдумкой хотя бы потому, например, что, по ряду воспоминаний, Хомяков, обладая необыкновенной памятью, вовсе не помнил стихов (296; см. примеч.) и неточное цитирование «Узника» было вполне в духе самого Хомякова, а не его дочери. Указание на то, что Пушкину нравилось позднее публицистическое стихотворение Хомякова, тоже очень примечательно: такие образцы гражданской публицистической поэзии, как «Орел», «Мечта», «Ключ», «Остров» Хомякова, были особенно близки Пушкину в последний период его творчества.

Заслуживает внимания и «бытовой» уровень взаимоотношений Пушкина и Хомякова. В 1827—1832 гг. они встречались довольно часто и находились в коротких, почти приятельских отношениях. В так называемых «Записках А. О. Смирновой», являющихся отчасти литературно-мемуарной подделкой, но, без сомнения, имеющих под собой многочисленные реальные основания, много места уделено как раз отношениям Пушкина и Хомякова, двух знаменитых «собеседников» Смирновой начала 30-х гг. В этих наполовину выдуманных записях интересны два момента.²⁷

Во-первых, здесь передан возможный уровень бытовых отношений Хомякова и Пушкина: они почти ровесники (Хомяков на пять лет моложе, они на «ты», причем Хомяков, отличающийся более «устойчивыми» воззрениями, то и дело поучает Пушкина, а Пушкин яростно спорит с ним. Перед нами два друга-антагониста, по-разному воспринимающие окружающий мир. Подобный тип взаимоотношений конструируется и из деталей переписки. Так, Хомяков пишет А. В. Веневитинову 22 мая 1828 г.: «Если увидишь Пушкина (а вероятно увидишь), поклонись от меня, как племяннику от дядюшки, и отдай честь, как солдат своему полковнику».²⁸ В письме А. В. Веневитинова к Хомякову от 13 июня 1831 г. в том же духе передается привет от Пушкина: «Пушкин, которого я, между прочим, часто вижу и который тебе кланяется, ничего не продолжает из предпринятого им именно, по его словам, потому, что он отстал теперь от духа тогдашнего времени, не имея теперь досуга им заниматься. Жена его премиленькая, и он покамест с нею очень нежен».²⁹ Последняя фраза тоже характерна: Пушкин и Хомяков весьма интересовались подробностями личной жизни друг друга. Так, в 1830 г. Хомяков, приехавший с театра военных действий, интересуется новостями «о свадьбе Пушкина» (23), а в 1836 г. Пушкин пишет жене о свадьбе Хомякова с Е. М. Языковой, оценивая его невесту: «... не красавица, но хорошенькая фигурка» (XVI, 116). Между Пушкиным и Хомяковым постоянно возникают те или иные общие привязанности; они постоянно

²⁷ См.: Записки А. О. Смирновой: (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895, ч. 1, с. 89—92, 142—153, 160—164, 178—179 и др.

²⁸ Литературное наследство, т. 58, с. 65.

²⁹ Там же, с. 103—104. Сверено с автографом: ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 33, л. 48—48 об.

оказываются на грани сближения. Но сближения так и не происходит...

Во-вторых, в «Записках А. О. Смирновой» намечены темы постоянных разговоров Хомякова и Пушкина: древний Рим и Византия, состояние современной литературы, сущность религий древних и новых, петровские реформы, особенности русского характера и т. п. Интересен, например, следующий отзыв Пушкина, приведенный Смирновой: «Хомяков заблуждается, говоря, что Петр думал, как немец. Я спросил его на днях, из чего он заключает, что византийские идеи Московского царства более народны, чем идеи Петра? Хомяков поэтизирует наше прошлое; я сказал ему, что он романтик».³⁰ Вряд ли этот отзыв вполне достоверен: рассуждения Хомякова 30-х гг. не носили такого определенно славянофильского оттенка; здесь же они даны «в проекции» на позднейшие идеи славянофильства. Однако нечто подобное Хомяков пропагандировал и тогда. Вот запись в дневнике М. П. Погодина от 14 февраля 1828 г.: «Ужинали у нас Хом<яков>, Рож<алин>, Венев<итинов>, Кир<еевские>, — и презанимательный разговор об „Онегине“, о истории древней и потом о древних религиях, о которых Хом<яков> имеет обширные сведения. — Я в душе стыдился своего невежества. — Потом об „Онегине“, до третьего часа. — Рад, что сошелся».³¹ В своем кружке Хомяков непременно становился вождем, глашатаем, знатоком, который даже историка Погодина мог восхищать глубиной своих исторических познаний. Подобную роль он играл и рядом с Пушкиным, имея свое, устойчивое мнение по ряду вопросов, от «древних религий» до «Онегина». Способности «бретера диалектики», не вступая в противоречие с устойчивостью и стабильностью воззрений, определяли особое положение Хомякова в этой обстановке дружеских споров.

Подобные ситуации дружеского общения Пушкина и Хомякова в той или иной компании отмечают многие современники.³² Пушкин оказывался центром разговоров и споров, Хомяков — почти всегда оппонентом, и в результате оба ощущали себя представителями разных «лагерей». Это отнюдь не означало соперничества: Хомяков всегда и с готовностью отдавал пальму первенства Пушкину и был, например, обеспокоен тем, как бы не «повредить» Пушкину изданием своего «Ермака».³³ Однако внутреннее ощущение «разнонаправленности» и разной ориентации определилось довольно явственно. Так, в 1830 г. С. П. Шевырев в письме к Погодину из Рима причисляет Пушкина и Дельвига к «петербургской шайке» и призывает не «чуждаться» ее, призывая к себе в союзники Языкова и Хомякова.³⁴ Д. В. Давыдов в письме к Пушкину от 2 марта 1836 г. предлагал «за-

³⁰ Записки А. О. Смирновой, с. 179.

³¹ Пушкин и его современники, вып. 19—20, с. 89—90.

³² См.: Там же, с. 94; Литературное наследство, т. 58, с. 76 и др.

³³ Литературное наследство, т. 58, с. 102.

³⁴ Там же, с. 92.

вербовать» Хомякова для их «стихотворной фаланги» (XVI, 88). Однако ни «сближения», ни «вербовки» не состоялось и здесь: если, например, Н. М. Языков считался «своим» поэтом и в московском, и в петербургском кругах, то Хомяков ни там, ни здесь «своим» не оказывался.

Это ощущение осложнялось и мотивами социального характера. А. И. Кошелев писал: «Пушкина я знал довольно коротко, встречал его часто в обществе, был и я у него. Но мы друг к другу не чувствовали особенной симпатии».³⁵ В глазах будущих славянофилов Пушкин оказывался человеком «света» (или человеком «публики», по терминологии К. Аксакова). А «публика» для славянофилов была синонимом оторванности от народа, и яркий ее представитель мог вызывать у них в лучшем случае жалость, сочувствие, но уж никак не «симпатию» (в бытовом смысле).

Очень характерно, например, что Хомяков, узнав о смерти Пушкина, оказался самым «яростным» из современников обвинителем истинного убийцы поэта — светского общества. В этом смысле характерны четыре его письма 1837 г. к Н. М. Языкову. Толкование им обстоятельств смерти Пушкина показывает многочисленные грани его отношения к поэту.

В торопливом письме от 1 февраля 1837 г. Хомяков пишет: «Грустное известие пришло из Петербурга. Пушкин стрелялся с каким-то Дантесом, побочным сыном Голландского короля. Говорят, что оба ранены тяжело, а Пушкин, кажется, смертельно. Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему очень хотелось рискнуть жизнью, чтоб разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он себя чувствовал униженным и не имел довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться» (89). Хомяков, находящийся в Москве, передает не вполне достоверные слухи о дуэли, он еще не знает о том, что Пушкин умер, но психологическое проникновение в «преддуэльную» психологию Пушкина поразительно. Не случайно высказанное здесь психологическое истолкование дуэли как желания «рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить» в последнее время на разные лады доказывается многими исследователями. С точки зрения славянофильской морали Хомякова это всего лишь «жалкая репетиция Онегина и Ленского», но при этом он глубоко сочувствует поэту, у которого не хватило «силы духа» противостоять «мерзости» светского общества. В отличие от известного лермонтовского обвинения «свободы, гения и славы палачей» вопрос ставится двусторонне: Пушкин не выступает «праведником», противостоящим своим «палачам», — по мнению Хомякова, он при-

³⁵ Записки Александра Ивановича Кошелева, с. 31.

частен к «мерзостям» Петербурга, поскольку сам принадлежал к тому обществу, которое погубило его. Поэтому трагедия поэта оказывается еще глубже.

В следующем письме к Языкову, написанном через несколько дней, Хомяков уточняет и развивает эту мысль: «Пушкина убили непростительная ветреность его жены (кажется, только ветреность) и гадость общества Петербургского. Сам Пушкин не оказал твердости в характере (но этого от него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не может. Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокой и погубил жизнь, прежде чем этот дар проснулся (если ему было суждено проснуться). Государь щедр и милостив к его семье; этого я ожидал от государя. Посланник Голландский принужден оставить Петербург, потому что общество все против него восстало, а государь оправдал поступки общества. В последние дни жизни Пушкина 25 000 человек приходили и приезжали справляться об его здоровье. Это все-таки утешительно. По крайней мере гадость общества не безраскаянная. Не умели сохранить, но умели пожалеть» (90).

Следующее письмо Хомякова к Языкову помечено 14 апреля 1837 г. В нем Хомяков делится счастливой новостью о рождении первенца, сына Степана. Подробно рассказывая об этом событии, он прибавляет в конце: «Мицкевич вызвал Дантеса на дуэль» (91). Именно это фантастическое известие оказывается для Хомякова значимым, достойным стать рядом с важной семейной новостью. Возможная дуэль Мицкевича и Дантеса — это, в восприятии Хомякова, уже факт мщения, ибо Дантес — олицетворение «общества», а Мицкевич — представитель «поэзии». Этот романтический акт оказывается для Хомякова символическим. (Собщение о дуэли Мицкевича и Дантеса оказалось выдумкой.)

Наконец, в письме от июня 1837 г. «пушкинская» тема возникает вновь: «Какова жалкая судьба Пушкина! Убит дрянью, и дрянью Полевой в дрянной „Библиотеке“ вызывает на какую-то дрянную подписку в честь покойника. Лучшие мысли оскверняются такими органами. Говорят, что иностранные газеты писали о Пушкине хорошо и много; не знаю, правда ли, а это было бы утешительно. Франкфуртский говорил об нем скверно, и это весело, как ругательство Булгарина и „Библиотеки“» (92).

Пушкин-поэт оказывается для Хомякова символом русской нации и устремлений национального характера. Так, в начале 40-х гг. в «Записках о всемирной истории» он приводит имя Пушкина, характеризую славянскую «земледельческую стихию», которой чужда идея внешней национальной исключительности и шовинизма: «... Россия называет своею славою и радостью правнука негра Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже брака на белолицой дочери прачки немецкой или англий-

ского мясника».³⁶ Хомяков выступает здесь от лица России, являясь выразителем «мнения народного»: то, что Пушкин оказывается «славою и радостью» нации, для него даже не подвергается сомнению. Пушкин — через несколько лет после смерти — не может выступать как его, Хомякова, знакомый (он даже в интимных письмах не допускает никаких воспоминаний о Пушкине-человеке): все человеческое отрешено, вся «дрянь» — позади, ибо Пушкин стал уже воплощением национального духа. Такое осознание Пушкина было присуще не многим современникам поэта.

Хомяков не оставил мемуаров о Пушкине именно потому, что не считал себя вправе рассуждать о том, кто стал «выше» всяких возможных суждений о нем. В письме к Языкову от 1 апреля 1842 г. он откровенно смеется над московским вице-губернатором Новосильцовым, который применил по отношению к Пушкину характеристику-клише «прекрасно, но не превосходно» и использовал ее во всех случаях жизни (111—112).

Однако подчеркнутое «молчание» Хомякова и других славянофилов о Пушкине и его творчестве стало особенно показательным в то время, когда поэт действительно завоевал общерусское признание, когда — с середины 50-х гг. — стали появляться воспоминания, многочисленные статьи, книги о его жизни и творчестве, когда стало выходить «анненковское» издание его сочинений, когда, наконец, имя Пушкина стало активно использоваться в контексте современной литературной борьбы. Представителями «русской художественной школы» для Хомякова стали Гоголь (в словесности), А. Иванов (в живописи), М. Глинка (в музыке). Пушкина как бы не существовало, — однако оценка его творчества должна была появиться в критических и публицистических выступлениях славянофилов хотя бы во имя славянофильской «корысти».

Наконец она появилась. В 1859 г. в 17-й книжке «Русской беседы» был напечатан большой по объему «критический разбор сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова» под названием «Степной цветок на могилу Пушкина». Он принадлежал перу Н. С. Соханской (Кохановской), которая выступила в печати как представительница «славянофильской» литературы. Ее успехи были горячо поддержаны К. С. Аксаковым и тем же Хомяковым, а статья вызвала одобрение И. С. Аксакова, высказанное в не дошедшем до нас письме к Хомякову. Хомяков в начале 1860 г. ответил ему большим письмом, в котором постарался дать подробный критический разбор статьи Кохановской, опровергнув ее воззрения на Пушкина и заодно определил некоторые аспекты своего отношения к поэту. Это письмо стало одним из последних писем Хомякова, а отзыв — единственным развернутым суждением его о Пушкине.

³⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900, т. 5, с. 107.

«А вот что о „Степном цветке“, — писал он, — я решительно им восхищаюсь и радуюсь, но только как словом прекрасной, глубоко художественной и сочувственной души. Я рад, что Соханская хотела и могла так посмотреть на Пушкина, но остаюсь при своем. Вспомните, что те чудные стихи, которые Соханская приводит и которые действительно составляют как бы связь между другими, совершенно отрывочными, переведены из Данта. Они-то и имеют по преимуществу характер басовой ноты. „Пророк“, бесспорно великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда). Вглядитесь во все это беспристрастно, и Вы почувствуете, что способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой, или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения. Пушкин измелчался не в разврате, а в салоне. От этого-то вы можете им восхищаться, или, лучше сказать, не можете не восхищаться, но не можете ему благоговежно кланяться. Конечно, приводя Шиллера, вы как будто правы; в нем нехудожественное начало отнимает много достоинства у его серьезности; в нем, как вы говорите, звук басовой струны есть не что иное, как гудение философской мысли. Это так, но скажете ли вы то же о Гете? <...>

Хвалите, браните этих людей; но как бы к ним ни относились в художественном сочувствии, вы не можете не признавать в них строгих, мужественных, мужских душ, духовных борцов, перед которыми невольно преклоняешься. Не так ли? И все-таки я очень рад, что Соханская проследила, прочувствовала ту способность в Пушкине, которой он не развил, те звуки, которые у него разбросаны более как вздохи временного ропота на себя, чем как слова сознательного достоинства»³⁷ (381—382).

Несогласие Хомякова со статьей Соханской весьма показательно: он как бы «по пунктам» отвергает ее основную идею и самую систему утверждений.

В «Степном цветке...» Соханская доказывала, что предметом поэзии Пушкина явилась «не жизнь человека или вообще человечества, а неисследимая глубина жизни духа человеческого, в сокровеннейших тайнах его внутренних судеб земного бытия», что наиболее значимые образы пушкинского творчества «блещут пронзительной красотой деятелей нездешнего мира».³⁸ Соханская строит свой разбор на подробном и детальном анализе трех стихотворений Пушкина: «В начале жизни школу помню я...» (ставшее «связующим камнем» пушкинской «эпопеи»), «Демон» и «Пророк». Эти стихотворения получают у нее мистическое истолкование («Пророк», например, рассматривается в сопоставлении с 6-й главой Пророчеств Исаии). Кроме того, ею декларируется всеобъемлющий «эпический» характер пушкинских со-

³⁷ Уточнено по автографу: ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 27, л. 7—8.

³⁸ Русская беседа, 1859, кн. 17, № 5, Критика, с. 17.

зданий, надмирность его поэтического и человеческого облика: «Поэт обнял всю природу. Душа его раскрылась ко всем разнообразным явлениям ее жизни, и поэтическая рифма готова была поспорить в гармонии с голосом вселенной...».³⁹ Весь «разбор» Соханской строился на подобных возвышенных фразах и имел целью «вместить» творчество Пушкина в славянофильскую концепцию «эпической» народной литературы.

Хомяков решительно противится такой постановке вопроса, она не удовлетворяет его как в частности, так и по существу.

Во-первых, стихотворения, на которые Кохановская опирается, не исчерпывают, по мнению Хомякова, «сути» творчества Пушкина — более того, они, в целом, случайны в его художественной системе: «В начале жизни...» — это перевод из Данте, «всеобъемлемость» «Пророка» — явление вынужденное, если иметь в виду первоначальный вариант окончания стихотворения (один из вариантов этого окончания был, кстати, записан со слов Хомякова).⁴⁰

Во-вторых, сколь бы ни соответствовало это истолкование славянофильским эстетическим воззрениям, оно, по мнению Хомякова, искажает существо пушкинского творчества. Зачем искать у Пушкина «способности к басовым аккордам», «мужественное» начало, философскую и религиозную «строгость», если он вовсе не этим был силен и не эти мотивы развивал? Соханская лишь проследила «те звуки, которые у него разбросаны более как вздохи временного ропота на себя», но вместе с тем пушкинскую разносторонность обернула односторонностью, которой Хомяков принять не может.

В-третьих, Хомяков здесь (как и в письмах к Языкову) ставит вопрос о соотносимости Пушкина-человека и Пушкина-гения. Он предлагает как бы три уровня оценки поэта вообще и Пушкина в частности: «талант», «голова» и «душа». Та «цельность» Пушкина, о которой пишет Кохановская, — это принадлежность «голова» и «таланта»; «в душе, слишком непостоянной и слабой, или слишком рано развращенной», подобной цельности быть не могло. Именно «душа» смущает Хомякова: осознавая «всеобщность» Пушкина-поэта, Хомяков не может ни совместить ее с бытовым представлением о его личности, ни спроецировать «душу» на художественные создания.

Таким образом, система взглядов Хомякова отразила в себе нравственный аспект зарождающейся литературно-общественной борьбы между западниками и славянофилами.

Пушкин и Хомяков ощущали себя представителями разных направлений духовной истории дворянской интеллигенции — и оба осознавали это, чем, собственно, и объясняется их постоянная внутренняя полемичность, так многообразно проявившаяся именно в «мелочах».

³⁹ Там же, с. 21.

⁴⁰ См.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеевым в 1854—1860 годах. М., 1925, с. 34, 91—94.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1983 ГОДА

- Агеева Л., Лавров В. Хранитель. — Нева, 1983, № 2, с. 152—159.
С. С. Гейченко.
- Айзенштат О. Д. «Евгений Онегин» в оформлении Н. В. Кузьмина. — Книга: Исслед. и материалы. М.: Книга, 1983, сб. 47, с. 198—201. (Всесоюз. кн. палата).
- Ананян Г. Г. Чаренц и Пушкин. — В кн. А.: Чаренц и русская литература. Ереван: Советакан грох, 1983, с. 143—158.
- Арьев А. «Самостоянье человека». — В мире книг, 1983, № 1, с. 79.
Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Арьев А. Уважение к минувшему. — Вопр. лит., 1983, № 1, с. 246—252.
Рец. на кн.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л.: Наука, 1981.
- Асеев Н. «Маяковский и Пушкин» / Вступ. статья и публ. А. М. Крюковой. — В кн.: Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. Новые материалы и исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1983, с. 505. (Лит. наследство, т. 93).
Написано в 1950-е гг.
- Асеев Н. Мысли о Пушкине / Публ. и коммент. А. М. Крюковой. — Лит. учеба, 1983, № 5, с. 148—150.
- Афанасьев В. К другу стихотворцу: О дружеском стихотворном послании эпохи романтизма. — В кн.: Поэзия: Альм. М.: Мол. гвардия, 1983, вып. 37, с. 146—154.
Жанр послания времени Жуковского—Пушкина.
- Афанасьев В. В. Окружение И. С. Тургенева: избранные лица. — В кн.: Афанасьев В. В., Боголепов П. К. Тропа к Тургеневу: Докум.-худож. книга о жизни и творчестве И. С. Тургенева. М.: Дет. лит., 1983, с. 83—224. (Школьная б-ка).
С. 163—171: «Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)».
- Бабаев Э. К портрету Жуковского: 200 лет со дня рождения поэта. — Юность, 1983, № 2, с. 82—84, портр.
Жуковский и Пушкин.
- Бабореко А. Бунин — читатель Пушкина: Неизвестные записи на книгах. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1983, вып. 14, с. 116—133.
Пометы Бунина на Собрании сочинений А. С. Пушкина в 4-х т. (Берлин, 1921).
- Баевский В. С. Из разысканий о Пушкине и Лермонтове. — Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз., 1983, т. 42, вып. 5, с. 464—474.
С. 464—466: «За лес и сало возит нам...» [Строфа XXIII первой гл. «Евгения Онегина»]. С. 466—469: «...Верно не в Москве и не

в Петербурге». [Новое прочтение фразы из письма Пушкина к А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г.].

Базиянц А. «Тетрадь с рисунками... неизвестного автора»: К литературному портрету воспеты А. С. Пушкиным. — Лит. Армения, 1983, № 12, с. 90—95, ил.

Иллюстрации к произведениям Пушкина английской художницы К. Гудлет, обнаруженные в фонде Абамелек-Лазаревых (ЦГАДА, фонд № 1252, № 1493). Предполагается, что заказчицей иллюстраций была А. Д. Баратынская, урожд. Абамелек.

Балашова И. А. Система идей и образов лирики А. С. Пушкина 1828 года / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д., 1983. 23 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 29.04.83, № 12843.

Балаянский В. По мотивам классики: «Заключение». — В кн.: Телевидение и литература / Сост. Е. В. Гальперина. М.: Искусство, 1983, с. 190—202.

О сценарии телефильма по мотивам повести Пушкина «Пиковая дама».

Басманов А. Е. «Полтава». — В кн. Б.: Возвращение памятью: Очерки о писателях и живописцах. М.: Мол. гвардия, 1983, с. 3—12. (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия», № 26).

О работе Пушкина над поэмой «Полтава».

Батурова Т. К. Проблемы лирики в «Литературной газете» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1983. 18 с.

Батурова Т. К. Эволюция жанра элегии в пушкинскую эпоху: На материале «Литературной газеты» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской М., 1983. 21 с.

Библиогр.: с. 20—21. Деп. ИНИОН АН СССР 8.12.83, № 14628.

Белинский В. Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М.: Просвещение, 1983. 272 с. (Школьная б-ка).

С. 18—81: «Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. Статья девятая».

Белов С. В. Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» в иллюстрациях А. Н. Бенуа. — В кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Петербургская повесть: Факс. воспроизведение издания 1923 г. с ил. А. Н. Бенуа. Л.: Художник РСФСР, 1983, прил.

Белый А. И. «Еду к япцкам казакам». — Простор, 1983, № 9, с. 190—193.

О путешествии Пушкина по пугачевским местам.

Белый А. И. Поехал я в Уральск...: К 150-летию поездки А. С. Пушкина на р. Урал / Отдел пропаганды и агитации Урал. обкома компартии Казахстана; Обл. упр. культуры; Урал. пед. ин-т им. А. С. Пушкина. Уральск, 1983. 10 с.

Бессараб М. Я. Жуковский. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1983. 272 с. С. 70—77: «Побежденный учитель». С. 178—197: «Невольник чести».

Благой Д. Д. Гений национальной и всемирной литературы. — В кн.: Пушкин А. С. Проза / Вступ. статья и примеч. Д. Д. Благого. М.: Правда, 1983, с. 3—16.

Впервые в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин; Драматические произведения; Романы; Повести. М.: Худож. лит., 1977, с. 5—26. (Б-ка всемирной лит., т. 104).

Богаевская К. П. «Я прирожденный библиограф». — Сов. библиография, 1983, № 3, с. 69—70.

О М. А. Цявловском. Указаны неопубликованные работы: «Псевдо-Пушкиниана», Указатель мемуаров о Пушкине, «Пушкин и Отечественная война 1812 г.», «Печать о Пушкине при его жизни» (ред.).

Богач Г. Ф. Новые определения портретов в рисунках Пушкина. — Сибирь, 1983, № 2, с. 62—80, ил.

Рисунок «Сцена в церкви» (12 апреля 1821 г., Кишинев), определение портретов А. М. Худобашева, М. Е. Крупенского, Е. Х. Крупенской, Т. Балша.

Бойко С. А. Из окружения А. С. Пушкина: Неизвестный портрет А. П. Керн. — В кн.: Новые материалы по истории русской и советской литературы: Сб. науч. тр./Гос. Лит. музей. М., 1983, с. 22—29, 1 л. портр.

Болдинские чтения [1982] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. 190 с.

Содерж.: Роман Пушкина «Евгений Онегин». Н. Д. Тамарченко. Статус героя и «язык сюжета» в «Евгении Онегине»: К постановке проблемы; Н. Е. Меднис. Проблемы психологии и философии творчества в романе «Евгений Онегин»; В. Н. Турбин. К проблеме стиля романа Пушкина «Евгений Онегин»; А. А. Асоян. Эпиграмматические стихи в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; О. Н. Скачкова. Темы и мотивы лирики А. С. Пушкина 1820-х годов в «Евгении Онегине». — Прозаические жанры в творчестве Пушкина. Л. И. Вольперт. «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля: «Арап Петра Великого» и «Арманс»; В. И. Тюпа. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого; Е. П. Званцева. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»; Л. С. Сидяков. Статус Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов; Э. В. Кириллюк. Историческая личность в прозе Пушкина и его современников; В. С. Листов. Один мотив из болдинского «Отрывка» А. С. Пушкина «Не смотря на великие преимущества...»; Д. И. Белкин. О комментариях к стихам «Стамбул гяуры гычче славят...». — Поэтические жанры в творчестве Пушкина; В. А. Грехнев. Другое «я» в элегиях Пушкина; Г. В. Москвичева. Поэма А. С. Пушкина «Полтава» и жанровая традиция; Н. И. Михайлова. Ода Пушкина «Вольность» и ораторские тексты 1812 года; Г. Л. Гуменная. Ирония и сюжетосложение шутильной поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»; Э. И. Худошина. К вопросу о стиховом эпосе Пушкина как целостной системе.

Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исслед. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. 478 с., 1 л. портр.

Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пояснительные статьи. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах/Предисл., примеч. и пояснит. статьи С. Бонди; Рис. Н. Кузьмина; Грав. А. Петрова; Оформл. С. Телингатера. М.: Дет. лит., 1983, с. 5—50, 251—303. (Школьная б-ка).

Борев Ю. Б. Проблемы целостно-системного анализа и художественная концепция «Медного всадника» А. С. Пушкина. — В кн.: Славянские литературы. IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Докл. сов. делегации/АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Сов. комитет славистов. М.: Наука, 1983, с. 119—133.

Борухович В. Г. Пушкин и Гораций: К изучению стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». — В кн.: История и художественный мир писателя: Сб. науч. тр./Калм. гос. ун-т. Элиста, 1983, с. 81—89.

Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Венецианская пушкиниана: Новые находки. — Огонек, 1983, № 23, с. 26—28, ил.

Бройтман С. Н. Зарождение диалога в русской лирике: Слово Пушкина — В кн. Б.: Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века: Учеб. пособие по спецкурсу/Даг. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Махачкала, 1983, с. 9—31.

- Букчин С. Народ, изревле нам родной: Белоруссия в русской классике. — Неман, 1983, № 5, с. 139—161.
- С. 139—144: «Подорожная пушкинского героя». [Павел Островский — прототип Дубровского].
- Бурсов Б. И. Испытание традицией: Беседу ведет поэт Г. Калюжный. — Лит. учеба, 1983, № 3, с. 110—118.
- Тема: своеобразие гения Пушкина и всемирно-историческое значение его творчества.
- Бурсов Б. И. Судьба Пушкина: Роман-исследование. Кн. 2-я. Ч. 2-я. — Звезда, 1983, № 10, с. 120—148; № 11, с. 88—121; № 12, с. 72—95.
- Отзыв:
- Камянов В. Постигание глубины. Мир Пушкина: Новые работы о поэте. — Новый мир, 1984, № 6, с. 242—244.
- Васильев Г. Н., Васильев С. Д. «Пиковая дама»: Киноопера; Объяснительная записка к вопросу о постановке кинооперы «Пиковая дама» по музыке П. И. Чайковского; Объяснительная записка к сценарию «Пиковая дама»; Поиски нового. — Собр. соч.: В 3-х т. М.: Искусство, 1983, т. 3, с. 453—500.
- Васильева А. На земле великого Пушкина. — Нар. образование, 1983, № 1, с. 28—29.
- Автор — первый секретарь Пушкиногорского райкома КПСС Псковской области.
- Вельяшев Вл. «Чистейшей прелести чистейший образец». — Огонек, 1983, № 9, с. 25.
- Рец. на кн.: Кузнецова А. «А душу твою люблю...»: Повесть о Наталье Николаевне Пушкиной. — Октябрь, 1982, № 2.
- Витальев П. Ей ответил Пушкин... — Урал. следопыт, 1983, № 11, с. 15.
- А. И. Готовцева.
- Вишневская Г. П. К изучению языка романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в школе. — В кн.: Методика преподавания русского языка и литературы: Респ. науч.-метод. сб. Киев: Рад. школа, 1983, вып. 16, с. 27—36.
- Власова А. О. Сочетаемость глаголов, выражающих психическое состояние, настроение, отношение с именами: (На материале повести А. С. Пушкина «Дубровский»). — В кн.: Сочетаемость русских слов как лингвистическая методическая проблема: (Материалы для преподавателя) / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1983, с. 71—72.
- Голович Н. М. Где родился Пушкин? — В кн.: Куранты: Ист.-краев. альм. / Сост. Е. В. Кончин. М.: Моск. рабочий, 1983, с. 140—145.
- Волович Н. М. Кропоткинская улица, 12. М.: Моск. рабочий, 1983. 63 с., 8 л. ил. (Биогр. моск. дома).
- История дома, где расположен Музей А. С. Пушкина.
- Вольперт Л. И. Психологизм ранней прозы Стендаля и Пушкина: «Арманс» и «Арап Петра Великого». — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1983, вып. 646, с. 32—41.
- Воронов В. В. Там, где бывал Пушкин... — Лит. в школе, 1983, № 4, с. 47—49.
- Школьные экскурсии и походы по памятным литературным местам. С. 48—49: Экспедиция по пушкинским местам Верхневолжья.
- Воронцов-Вельяминов Г. «Истина сильнее царя». — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 210—216.
- Поэма Кюхельбекера «Зоравель» как возможный источник выражения «Истина сильнее царя». (Письмо Пушкина к К. Ф. Толпо от 26 января 1837 г.).
- Временник Пушкинской комиссии: 1980 / Ред. акад. М. П. Алексеев, С. А. Фомичев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис. Л.: Наука, 1983. 190 с., ил.
- Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Г. М. К о к а. Стихотворение Пушкина «Недоконченная картина». После...

Е. А. Ковалевской; С. А. Фомичев. «Сцена из Фауста». (История создания, проблематика, жанр); В. Г. Загвозкина. Баратынский в рисунках Пушкина; Л. С. Сидяков. О статье Пушкина «Деница». (К спорам о Пушкине и Тютчеве). — II. Обзоры. В. В. Зайцев а. Пушкиниана 1980 года; В. В. Головин. Новейшие публикации автографов Пушкина. — III. Заметки Е. В. Чубукова. «Амур и Гименей». (Творческая история лицевой сказки Пушкина); В. Я. Рогов. Когда Пушкин впервые прибыл в Пятигорск?; П. М. Казанцев. Пушкин и Всеволожские. I. Кто такой «крошка Всеволодчик»? II. Сашенька; Ю. П. Фесенко. Пушкин и Грибоедов. (Два эпизода творческих взаимоотношений). I. Пушкинский отзыв о «Горе от ума». II. Грибоедовская тема в «Путешествии в Арзрум»; В. С. Листов, Н. А. Тархова. Труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого <...> в кругу источников трагедии «Борис Годунов»; Я. Л. Левкович. К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича; С. А. Фомичев, Е. Я. Курганов. Из реального комментария к поэме «Домик в Коломне»; Ю. И. Левина. Из болдинской биографии Пушкина. I. «Знаете ли вы эту княгиню Голицыну?». II. «У соседки его по селу Болдину» (Пушкин и Кротковы); А. И. Белый. «...завтра еду к Яяцким казакам...»; Л. А. Черейский. Об адресате одной записки Пушкина; С. А. Ошеров. Об источнике эпиграммы Пушкина «Юноша! Скромно пируй...»; Н. П. Прожогин. Кто помогал Бочелле переводить Пушкина?; С. Г. Гуткевич. Из некрополя пушкинского окружения; Н. С. Нечаева. Московская Пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л. И. Поливанова); Г. А. Тиме, Р. Ю. Данилевский. Новый перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык; В. Е. Багно. К теме «Пушкин в Испании». (Новые материалы). — IV. Хроника. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1980 г.; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1980 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1980 г.; Выставка «Приютно — усадьба пушкиной поры»; От Донеца до Ухты. (Сведения о некоторых памятниках Пушкину в СССР); По страницам газет 1980 года; Список иллюстраций; К сведению авторов, присылающих свои статьи во «Временник Пушкинской комиссии».

Гаврилов В. Уроки жизни великого поэта. — Рус. яз. в казах. школе, 1983, № 10, с. 63—64.

Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.

Галинене Л. О поэзии А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Каунас: Швиеса, 1983, с. 137—151. (Школьная б-ка).

Галущко Т. «Известен впрдь...»: К истории создания Орестом Кипренским портрета А. С. Пушкина. — Аврора, 1983, № 6, с. 114—119.

Ганшин В. Пушкинскому гению вослед. — Театр. жизнь, 1983, № 6, с. 18—19.

О выставке «А. С. Пушкин и художники советского театра (1917—1982)» в залах Ленинградского дворца работников искусств имени К. С. Станиславского.

Гастева М. Ю. А. С. Пушкин. Лицевое братство: Сценарий. — Рус. яз. за рубежом, 1983, № 2, с. 40—58.

Гейченко С. С. «В глуши, во мраке заточенья...» — В мире книг, 1983, № 1, с. 54—56.

Беседа с директором Гос. музея-заповедника А. С. Пушкина С. С. Гейченко. Записал А. Букалов.

Гейченко С. С. Добрый друг Пушкиногорья. — Нева, 1983, № 8, с. 176. Народный художник РСФСР В. М. Звонцов.

Гейченко С. С. Есть вечные понятия и истины... — Клуб и худож. самодеятельность, 1983, № 16, 2-я с. обл., с. 1—2, фото.

Память о Пушкине в Пушкиногорье.

- На первой вкладной пластинке рассказ С. Гейченко «Пушкин-ногорье».
- Гейченко С. С. Источник сил душевных. — Огонек, 1983, № 7, с. 30—31. Михайловское.
- Гейченко С. С. Сердце оставляю вам. М.: Правда, 1983. 47 с. (Б-ка «Огонек», № 19).
- Гемп К. П. Сказ о Беломорье /Вступ. статья Ф. Абрамова; Предисл. Д. С. Лихачева. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. 240 с. С. 218—228: «Поморы и Пушкин» (в гл. «В памяти поморской»).
- Гессен А. И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1983. 343 с., ил., факс., 9 л. ил. Осн. работы А. И. Гессена: с. 341 (13 назв.).
- Гессен А. И. Набережная Мойки, 12: Последняя квартира А. С. Пушкина /Оформ. Н. Л. Шавшуковой; Ил. С. Иванова. Минск: Нар. асвета, 1983. 240 с., ил.
- Горбенко Е. П. П. А. Плетнев — литературный деятель пушкинской эпохи (20—40-е годы XIX века): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук /АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1983. 21 с.
- Гордин А. М., Гордин М. А. Путешествие в пушкинский Петербург. Л.: Лениздат, 1983. 287 с., ил., 17 л. ил. Библиогр.: с. 285—286. Топогр. указ.: с. 281—284.
- Гордин М. А. «То в коляске, то верхом...». — Нева, 1983, № 2, с. 183—187, ил.
- Гордин Я. А. Транспорт в пушкинское время.
- Гордин Я. А. Гибель Пушкина: Хроника. Год 1831-й—год 1836-й. — В кн. Г.: Три повести. Л.: Сов. писатель, 1983, с. 120—288. Впервые под загл. «Годы борьбы. Докум. повесть»: Звезда, 1974, № 6, с. 20—85.
- Отзыв:
Камянов В. Постижение глубины. Мир Пушкина: Новые работы о поэте. — Новый мир, 1984, № 6, с. 234—236, 244—246.
- Гордин Я. А. «Малая биография» и масштаб судьбы. — Вопр. лит., 1983, № 5, с. 232—238.
- Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Гранин Д. А. Два крыла. — М.: Современник, 1983. 365 с. (Б-ка «О времени и о себе»). С. 92—113: «Два лика» [впервые: Новый мир, 1968, № 3, с. 214—226]. С. 113—162: «Священный дар» [впервые: Новый мир, 1971, № 11, с. 181—210].
- Григорян С. X. Изобразительное искусство как средство эстетического воспитания школьников: На материале биографии А. С. Пушкина. — Рус. яз. в арм. школе, 1983, № 4, с. 43—48.
- Громбах С. К истории стихотворения «Поедем, я готов...» — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 204—210.
- Элегия А. Шенье «Partons, la voile est prête...» — литературный источник стихотворения.
- Громбах С. Незвестный отгиск пушкинского памфлета. — В мире книг, 1983, № 3, с. 54.
- Два экземпляра неучтенного задания памфлета «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», обнаруженные в Отделе редких книг Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- Гуревич А. М. Тема маленького человека у Пушкина и ее романтический подтекст. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, вып. 5, с. 433—443.
- Двадцать седьмая Пушкинская конференция: К 150-летию оренбургской поездки А. С. Пушкина. Тез. докл. /Оренб. обком КПСС; Урал. обком

КП Казахстана; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Оренбург, 1983. 43 с.

Содерж.: С. А. Попов. Пушкин в Оренбургском крае. — Р. В. Овчинников. Оренбургская архивная пушкиниана. — Н. Н. Петрунина. «Капитанская дочка» и эволюция прозы Пушкина. — А. И. Чудаков. Принципы воссоздания исторической действительности в «Капитанской дочке». — С. А. Фомичев. «Капитанская дочка» в кругу пушкинских произведений 1830 годов. — Т. Н. Пузанова. Фольклор Оренбуржья в «Капитанской дочке». — Н. А. Тархова. Тема «народной войны» в творчестве Пушкина 1820-х годов (к истории замысла произведений о Пугачеве). — А. С. Светенко. «Летопись» П. И. Рычкова как источник «Истории Пугачева». — И. М. Гвоздикова. К изучению источников «Истории Пугачева» А. С. Пушкина. — Ю. С. Зобов. Оренбуржье, год 1833-й. — В. В. Дорофеев. Оренбург пушкинского времени. — М. С. Клипиницер. Оренбургская поездка Пушкина и «Медный всадник». — Л. Г. Фризман. Пушкин и декабристы. — В. Г. Маранцман. «Маленькие трагедии» Пушкина и проблема литературной традиции. — Р. Назарьян. А. С. Пушкин — колорист. — М. Г. Рахимкулов. Пушкин и Башкирия. — Н. М. Щербанов. А. С. Пушкин и фольклор яицких казаков. — А. Г. Прокофьева. А. С. Пушкин и В. Г. Короленко в работе над оренбургскими материалами о пугачевском восстании. — А. И. Белый. Пушкинский Уральск. — П. С. Филатов. 1) Уральск—Болдино: к вопросу о пушкинском маршруте. 2) А. С. Пушкин и И. А. Второв. — Н. П. Сысоева. Идея жизненного пути в поздней лирике А. С. Пушкина. — Ф. Я. Прийма. «Деревня» А. С. Пушкина (из истории жанра). — Р. К. Злобинская. Образ античности в лирике Пушкина. — Л. В. Иванов. Стилистика словообразования в поэзии А. С. Пушкина. — А. П. Ауэр. «История села Горюхина» А. С. Пушкина и «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. — М. М. Чумаков. Поездка А. С. Пушкина на Урал в творчестве советских писателей и поэтов. — Н. И. Фокин. А. С. Пушкин в русской советской поэзии 30-х годов. — Ж. К. Касымбаев. Новые архивные данные о праздновании 100-летнего юбилея А. С. Пушкина в городах Казахстана.

Добринская Л. Б. Рассказы из Пушкинского Дома: Эссе. — Л.: Дет. лит., 1983. — 175 с., ил.

С. 7—30: «Вместо вступления» [впервые, в другой ред.: Искорка, 1979, № 6, с. 48—51; Нева, 1976, № 10, с. 208—212]. С. 31—62: «Все о Пушкине». («Вестник пушкинского гения») [впервые: Искорка, 1979, № 6, с. 3—5; Нева, 1980, № 10, с. 181—182]; «Пушкин в Вероне» [впервые: Нева, 1980, № 10, с. 182—186]. С. 123—144: «Прощайте, друзья...» [Библиотека Пушкина].

Добродомов И. Г. Не налог, а налога; (Лексикографич. заметка о словоупотреблении в «Борисе Годунове»). — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, вып. 3, с. 133—134.

Доризо Н. Жена поэта: Полемич. раздумья. — Мол. гвардия, 1983, № 10, с. 185—216.

Доризо Н. Третья дуэль: Трагедия в 3-х д. — Новый мир, 1983, № 6, с. 91—137.

Рец:

Повдянев М. На randevu с бароном. — Лит. обозрение, 1984, № 3, с. 57—60.

Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений. — В кн. Д.: Литературная критика / Сост., вступ. статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. М.: Сов. Россия, 1983, с. 31—83.

Дугин Л. И. Северная столица: Роман. М.: Сов. писатель, 1983. 263 с., ил. Продолжение романа «Лицей». Пушкин в 1817—1820 гг.

Духан Я. Потомки поэта. — Нева, 1983, № 5, с. 166—167.

Рец. на кн.: Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1982.

Ежегодник памятных музыкальных дат и событий. 1984: Справ. пособие / Сост. Т. И. Коровина. М.: Музыка, 1983. 191 с.

С. 24—26: Г. Прибегина. 15 февраля 100 лет со дня первой постановки оперы П. И. Чайковского «Мазепа». С. 115—117: Е. Сигейкина. 14 сентября 75 лет со дня первой постановки оперы Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок». С. 119—122: И. Рябова. 22 сентября 50 лет со дня первой постановки балета Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

Елизарова М. Н. Пушкин в Казани. — В кн. Е.: Они были в Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 1983, с. 85—93.

Елкин В. Г. «Андрей Шенье» Пушкина как стихотворение—проблема. — В кн.: Вопросы художественной структуры произведений русской классики: Сб. науч. тр./Владимир. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского. Владимир, 1983, с. 17—36.

Ерохина Е. Изучение повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в VIII классе: Статья 2. — Рус. яз. в казах. школе, 1983, № 7, с. 2—13.

Же Б. Космогонии и воображаемое: Разбор четырех сказок А. С. Пушкина. — В кн.: Разум и культура: Тр. междунар. франко-сов. colloquium. Лилль, 26—29 апреля 1978 г./Под ред. проф. В. Н. Кузнецова. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 133—141.

Желинина А. Встречи на пушкинской тропе. — Огонек, 1983, № 2, с. 22.
Рец. на кн.: Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1982.

Желинина Л. Пушкин и Гончаровы. — Огонек, 1983, № 40, с. 12.

Рец. на кн.: Ободовская И., Дементьев М. Пушкин в Ярополье. М.: Сов. Россия, 1982.

Жилина В. Прошлое и будущее Полотняного Завода. — Наука и жизнь, 1983, № 9, с. 105—109, ил.

О восстановлении дома-усадыбы Гончаровых.

Занделов И. Рец. на кн.: Русаков В. Рассказы о потомках Пушкина. Л.: Лениздат, 1982. — Новый мир, 1983, № 5, с. 269—270.

Записки краеведов. [Сб. 6]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. 199 с., ил., 2 л. ил. (Горьк. обл.).

С. 171—185: Болдинские чтения. Н. Ф. Филатов. Из древней истории Б. Болдина. — Ю. И. Левина. Лев Сергеевич Пушкин — владелец Болдина: Письма. Документы. — Н. И. Куприянова. По делу госпожи Ланской... — Л. Л. Крайнов. Болдино в графике А. И. Мищенко. — Между с. 136 и 137: Д. Арсенин. К 150-летию второй болдинской осени.

Зобов Ю. С. Оренбуржье, год 1833. К 150-летию поездки А. С. Пушкина в Оренбургский край: Материал в помощь лекторам / Оренбург. обл. организация о-ва «Знание»; Оренбург. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры; Науч.-метод. совет по пропаганде лит. и искусства. Оренбург, 1983. 20 с.

Золотоносов М. А. Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, вып. 4, с. 392—395.

Иванчук И. А. Изучение стилистической природы слова в языке Пушкина: В условиях вуза и школы. — В кн.: Лингвистический анализ в школе и вузе: Межвуз. сб. науч. тр./Воронеж. ун-т им. Ленинского комсомола. Воронеж, 1983, с. 135—142.

Ионова И. А. Хранитель гений мой...: О языке стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». — Рус. яз. в школе, 1983, № 2, с. 77—80.

Искрин М. «...Тайные стихи обдумывать люблю». — Наука и религия, 1983, № 2, с. 49—51.

Библейские мотивы в творчестве Пушкина.

- Ищенко Б. А. Страницы прошлого читаю: По всей Руси великой. — В кн.: Записки воронежских краеведов. Воронеж: Центр.-Черномоз. кн. изд-во, 1983, вып. 2, с. 196—199.
- Отношение к Пушкину в Воронеже в XIX в.
- Казаков Ю. Звон брегета. — В кн. К.: Рассказы. М.: Известия, 1983, с. 206—215. (Б-ка «Дружбы народов»).
- Написано в 1959 г.
- Казарская Л. А. Музей А. С. Пушкина в с. Бернове. Калинин, 1983. 12 с., ил.
- Кайдаш С. «Та, с которой образован Татьяны милый идеал» [Н. Д. Фон-визина]. — В кн. К.: Сильнее бедствия земного: Очерки о женщинах русской истории. М.: Мол. гвардия, 1983, с. 106—128.
- Каплан И. Е. «Во глубине сибирских руд...». — Рус. яз. в нац. школе, 1983, № 4, с. 39—43.
- Карп П. Смысл притчи. — Лит. обозрение, 1983, № 3, с. 109—112.
- Рец. на ст.: Глушкова Т. Притча о Сальери. — Вопр. лит., 1982, № 4, с. 114—153.
- Качурин М. Г. Исследование на уроках литературы: К углубленному изучению «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1983, № 5, с. 21—31.
- Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках: 1820-е гг. М.: Моск. рабочий, 1983. 191 с., ил.
- Содерж.: От автора. — Удивительный автопортрет. — Николай Николаевич Раевский. — Сергей Григорьевич Волконский. — Александр Иванович Одоевский. — Александр Сергеевич Грибоедов. — Адам Мицкевич. — Петр Александрович Плетнев. — Алексей Петрович Ермолов. — Алексей Николаевич Оленин. — Николай Дмитриевич Киселев. — Примечания.
- Рец.:
- Белоусов Р. Рукопись продолжает рассказ. — Лит. обозрение, 1984, № 6, с. 75—76.
- Холмогорова Е. Рисунки Пушкина. — Огонек, 1984, № 36, с. 19.
- Кибальник С. А. Письма Вяземского о гибели Пушкина: Об одном заседании Пушкинской группы ИРЛИ АН СССР. — Рус. лит., 1983, № 1, с. 257—260.
- Заседание, посвященное обсуждению статьи С. Б. Ласкина «Тайна „красного“ человека» (Нева, 1982, № 6).
- Кириллова Ю. М. Тверской Парнас: Пушкинское кольцо Верхневолжья. — В кн. К.: Дальними дорогами Подмоскovie. М.: Моск. рабочий, 1983, с. 104—143.
- Кирпотин В. Я. Мир Достоевского: Статьи. Исследования. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1983. 471 с.
- С. 411—423: Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина. [Написано в 1962 г.]. С. 456—459: «Пушкинская речь Достоевского». [Написано в 1965 г.].
- Киселев А. Л. Пушкинское начало в жизни и творчестве Пришвина. — В кн. К.: Пришвин и русская литература. Нравственно-этич. и эстетич. аспекты в развитии рус. литературы: Учеб. пособие по спецкурсу и к спецсеминарам по изучению творчества М. Пришвина в его лит. взаимосвязях и отражениях / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1983, с. 12—35.
- Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения / АН СССР, Ин-т славяноведения и балкаистики. М.: Наука, 1983. 367 с.
- С. 125—184: «Пушкин и чешская литература (1820—1850 гг.)». С. 331—357: «Рукописи и портреты Д. Ф. Фикельмон из Теплицкого замка».
- Кожухова Г. Требовать с себя много. М.: Сов. Россия, 1983. 62 с. («Писатель и время»).

- С. 17—25: «Мы учились у Пушкина». [Беседа с И. А. Моисеевым, руководителем ансамбля «Театр народного танца»].
- Козаков М. Почему я не рискнул снимать «Пиковую даму». — В кн.: Телевидение и литература / Сост. Е. В. Гальперина. М.: Искусство, 1983, с. 202—216.
- Об отказе от сценария В. Балаяно и работе над фильмом по сценарию А. Шлепянова.
- Козмин Б. Служение. — Огонек, 1983, № 7, с. 31.
- Рец. на кн.: Гейченко С. Пушкиногорье. М.: Мол. гвардия, 1981.
- Колесова О. «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет...». — Аврора, 1983, № 6, с. 119—122, ил.
- Интервью с М. К. Аникушиным — автором бронзовой статуи Пушкина, установленной в подземном вестибюле станции метро «Черная речка» в Ленинграде.
- Колосова Н. П. Друг мой женка. — В кн. К.: Я встретил Вас... М.: Моск. рабочий, 1983, с. 9—37.
- Комарова Н. Г., Стрелец Т. В. Пушкин в Уральске: К 150-летию пребывания А. С. Пушкина в Уральске. 1833—1983 / Урал. обл. упр. культуры; Урал. обл. ист.-краевед. музей. Уральск, 1983, 12 я., ил.
- Константинова-Витт Н. Г. Композиционные функции авторских правок А. С. Пушкина: работа над текстом лирического стихотворения. — В кн.: Язык и композиция художественного текста. Русский язык: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1983, с. 52—59.
- Константинова Н. Г. Принципы лексико-семантической организации лирических стихотворений А. С. Пушкина. 1825—1836 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1983. 16 с.
- Корбач И. Были ратного поля. — Радуга, 1983, № 2, с. 66—74.
- С. 66—67: «Пушкин по телефону». [Эпизод из боевой истории 72-й гвардейской стрелковой дивизии].
- Коровин А. Вексель А. С. Пушкина. — Уральский следопыт, 1983, № 5, с. 83.
- Пушкин и И. А. Яковлев.
- Коровин В. И. Исторический труд Пушкина: Примечания. — В кн.: Пушкин и А. С. История Пугачева / Вступ. статья и примеч. В. И. Коровина. М.: Сов. Россия, 1983, с. 3—15, 100—133.
- Коровин В. И. Александр Сергеевич Пушкин. — В кн.: История русской литературы XI—XX веков: Краткий очерк / Ин-т мировой лит. им. Горького. М.: Наука, 1983, с. 158—177.
- Коровин В. И. Рец. на кн.: Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Высш. школа, 1981. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1983, № 5, с. 86—87.
- Коровин В. И. Солнце русской поэзии. — В кн.: К.: Русская поэзия XIX века. М.: Знание, 1983, с. 34—55. (Нар. ун-г. Фак. лит. и искусства).
- Костин В. М. А. С. Пушкин и «Поэмы Оссиана» Д. Макферсона. — В кн.: Проблемы метода и жанра / Отв. ред. Ф. З. Канунова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, вып. 10, с. 99—111.
- Красухин Г. Татьяны милый идеал: К 150-летию выхода в свет «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. — Наш современник, 1983, № 3, с. 175—185.
- «Края Москвы, края родные...». — Библиотекарь, 1983, № 6, с. 2 и 3 обл. Пушкинские места.
- Крейн А. Не профессия, но страсть. — Сов. музей, 1983, № 1 (73), с. 72—73.
- Отрывок из «Записок музейного директора».
- Кругляшова В. П., Шабурова И. В. По следам А. С. Пушкина. — В кн.: Фольклор Урала. Бытование фольклора в современности

(на материале экспедиций 60—80-х годов): Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. Горького. Свердловск, 1983, с. 52—59.

Фольклорные экспедиции «По следам А. С. Пушкина» в Оренбургском крае, предпринятые Уральским университетом в 1979—1980 гг.

- Крыстева Д. Н.** Образ Петра I в композиционно-смысловой структуре «Медного всадника» А. С. Пушкина и поэмы «Несчастные» Н. А. Некрасова. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература XIX—начала XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Ярослав. пед. ин-т им. Ушинского. Ярославль: Костром. пед. ин-т им. Некрасова, 1983, вып. 67, с. 3—11.
- Кузнецов И. В.** У истоков живой воды: Ист. повествование о городе Кисловодске. Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. 271 с.
Ч. 3. Знатные гости. С. 168—181, 239—253; Пушкин в Кисловодске и на Кавказских Минеральных Водах (гл. 1, 2, 11, 12).
- Куликова В. П.** Отглагольные существительные со значением действия в русском литературном языке первой половины XIX века: На материале произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. — В кн.: Проблемы современной русской лексикологии: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1983, с. 39—54.
- Кунин И. Ф.** Николай Андреевич Римский-Корсаков. М.: Музыка, 1983. 132 с.
С. 79—83: Гл. 3. «Сказка о царе Салтане». С. 115—124: Гл. 8. «Золотой петушок» — последняя опера Римского-Корсакова.
- Курганов Е. Я.** Мастер устного рассказа: Из истории литературного быта пушкинской эпохи. — Рус. яз. в груз. школе, 1983, № 1 (68), с. 71—80.
О Д. Е. Цицианове и отзвуках его устных рассказов в ряде произведений Пушкина.
- Куртилов А. С.** Понятие о сатире в России XVIII—первой трети XIX в.: Кантемир. Жуковский. Пушкин. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, вып. 4, с. 310—319.
- Курочкина Г., Овчинникова С.** Музею А. С. Пушкина — 25 лет. — Дошк. воспитание, 1983, № 2, с. 49—52.
О Государственном музее А. С. Пушкина (Москва).
- Куроч Л.** Снова об истоках романа А. С. Пушкина «Черная шаль». — Кодры, 1983, № 6, с. 146—149.
- Кусов Г. И.** Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе: Ир, 1983. 175 с., ил.
Содерж.: Следовать за мыслями великого человека. — Тацит из Татартуна. — Неосуществленный замысел. [«Русская девушка и черкес»]. — Три дня в Капкае. [Владикавказ пушкинского времени]. — Какой аул посетит поэт? [впервые в кн.: Кусов Г. Поиски краеведа. Орджоникидзе: Ир, 1975, с. 25—33]. — Замок или башня? [в Ларсе]. — Встреча с Бей-Булатом. — «Не останавливайтесь, ваше благородие!» — У подошвы Крестовой горы [впервые под загл. «Кобинский рисунок Пушкина»: Лит. Осетия, 1978, № 52, с. 88—92]. — Ошибался ли корреспондент «Северной Пчелы»? — Любимая картина Пушкина [впервые в кн.: Кусов Г. Поиски краеведа. Орджоникидзе: Ир, 1975, с. 35—54].
- Куфаев М. А.** С. Пушкин — библиофил. — В кн.: Альманах библиофила. 1929. М.: Книга, 1983, с. 49—108.
- Лацис А.** Непрочтенные строки: 1. Самозванец Отрешков. 2. Румяной критик. — Лит. учеба, 1983, № 2, с. 207—213.
О чтении рукописей Пушкина.
- Лацис А.** «У меня их пропасть». — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 190—204.
I. Две звездочки. [Эпиграмма «Старик и Юноша», опубликованная в «Московском вестнике» (1827, № 18), приписывается Пушкину]. II. В потемках. [Эпиграмма Пушкина «Когда Потемкину в потемках...»].

- Лихачев Д. С. Земля родная: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
- С. 72—76: «Природа России и Пушкин» [впервые в кн.: Лихачев Д. С. Заметки о русском. — Новый мир, 1980, № 3, с. 29—31]. С. 133—142: «Сады Лицея» [впервые в кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1979, т. 9, с. 188—194].
- Лихачев Д. С. Служение памяти. — Наш современник, 1983, № 3, с. 171—174.
- Эстетическая и нравственная роль памяти на примере поэзии Пушкина.
- Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1983. 255 с. (Биогр. писателя).
- Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1983. 416 с., ил.
- Лукпанова Г. Достоевский и Пушкин: Суета и свобода. — Лит. учеба, 1983, № 2, с. 167—173.
- «Пир во время чумы» Пушкина и рассказ Достоевского «Бобок» (1873).
- Лысков В. П. М. В. Ломоносов в русской историографии 1750—1850-х годов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. 360 с.
- С. 96—104: «А. С. Пушкин».
- Магомед-Расул. Слово о кинжале поэта. — Лит. учеба, 1983, № 5, с. 199—204.
- Тема кинжала в творчестве Пушкина, Лермонтова, Брюсова и Р. Гамзатова.
- Впервые в кн.: Литература Дагестана и жизнь: Статьи. Рецензии. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982, с. 75—83.
- Маймин Е. А. Поэзия Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Избранное / Сост., авт. послесл., коммент. Е. А. Маймин; Худож.: Н. В. Кузьмин. М.: Просвещение, 1983, с. 297—330. (Школьная б-ка).
- Макаровская Г. В. Самостоянье человека: Заметки о лирике Пушкина 30-х годов. — В кн.: Литература и нравственные проблемы современности. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983, ч. 2, с. 18—40.
- Малов Л. В. «Образ автора» и коммуникативно-речевая структура художественного текста: На примере романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — В кн.: Аспектное обучение русскому языку иностранных студентов-филологов: Сб. науч. тр. / Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1983, с. 79—96.
- Мальчукова Т. Г. Композиция послания А. С. Пушкина «К вельможе». — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. / Петрозав. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1983, с. 3—16.
- Мамонов А. И. Страницы японской пушкинианы: К 100-летию знакомства с великим поэтом в Японии. — Пробл. Дальнего Востока, 1983, № 4, с. 149—156.
- Марандман В. Г. Лирика Пушкина: Единство исторического и современного прочтения. — Рус. яз. в эст. школе, 1983, № 3, с. 3—8.
- Марандман В. Г. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в школьном изучении: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 159 с.
- Содерж.: От автора. — Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в восприятии учеников VIII и X классов. — Вступительные занятия по изучению романа. — Анализ романа «Евгений Онегин» на уроках в VIII классе и его варианты: Проблемный анализ романа; Анализ романа «вслед за автором»; Изучение системы образов романа. — Заключительные занятия по изучению романа. — Повторение романа «Евгений Онегин» в X классе.
- Реп.:
Друян Н. Онегин и восьмиклассники. — В мире книг, 1984, № 6, с. 85.

- Соловей Н. Я. Система занятий по роману «Евгений Онегин». — Лит. в школе, 1984, № 3, с. 68—69.
- Мартиросян И. Г. Отражение дружбы народов в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина. — В кн.: Материалы VI Респ. науч. конф. аспирантов вузов Азербайджана. Секция гуманитар. наук. Ноябрь 1983 г./ Азерб. политехн. ин-т им. Ильдрима. Баку, 1983, ч. 2, с. 271—272.
- Мартынова Н. В. Некоторые замечания о способах наименования героев в поэмах А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы поэтики русской литературы XIX века: Межвуз. сб. науч. тр./ Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1983, с. 32—36.
- Марченко А. М. Михаил Лермонтов. Жизнь и творчество: Кн. для чтения с коммент. на англ. яз. М.: Рус. яз., 1983. 236 с.
С. 134—145: Ода на смерть Пушкина.
- Махлевич Я. Л. Мезонин у Нарзана. [Лермонтовские места в Кисловодске: Очерки]. Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. 192 с., ил.
С. 109—115: «1829. „Принял девятнадцать ванн... Александр Пушкин“» [в гл.: Весь городок как на ладони (ч. 2: Кисловодские летописи)].
- Мацапура В. И. Работа А. С. Пушкина над строфами о театре в первой главе «Евгения Онегина». — В кн.: Вопросы русской литературы / Черновиц. гос. ун-т. Львов: Виша школа, 1983, вып. 2 (42), с. 64—72.
- Мегаева К. И. Функция стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». — В кн.: Жанр романа в классической и современной литературе: Межвуз. науч.-темаг. сб. / Даг. ун-т им. В. И. Ленина. Махачкала, 1983, с. 76—81.
- Медриш Д. Н. Заметки о соотношении «Песен западных славян» А. С. Пушкина с фольклорными источниками. — В кн.: Функциональные аспекты изучения и преподавания литературы: Сб. науч. тр. / Волгоград. пед. ин-т им. Серафимовича. Волгоград, 1983, с. 72—77.
- Мерлин В. В. Анаграммы у А. Пушкина / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983. 16 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, 8.04.83, № 12680.
- Мерлин В. В. А. С. Пушкин и развитие звуковой организации русского стиха (XVIII—нач. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983. 17 с.
- Милиц З. Г., Лотман Ю. М. 2. Образы природных стихий в русской литературе: Пушкин — Достоевский — Блок. — В кн.: Типология литературных взаимодействий. Тарту, 1983, с. 35—41. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 620. Тр. по рус. и слав. филологии. Литературоведение).
- Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». [О Василии Львовиче Пушкине]. М.: Сов. Россия, 1983. 189 с., ил.
С. 7—36: Гл. I. «Мой брат двоюродный Буянов». С. 127—155: Гл. V. «Мой дядюшка».
- Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX в. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. 215 с.
Гл. 1. Журнальные дискуссии. 5. Приезд Тургенева в Россию в 1879 г. Публичные речи и приветствия. Речь о Пушкине 1880 г. (с. 92—101).
- Мушина С. Л. А. С. Пушкин и забытый жанр русской литературы: «Мысли и замечания». — В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, вып. 9, с. 105—128.
- Н. З. Новорожденное творенье: К 150-летию выхода «Евгения Онегина». — Лит. в школе, 1983, № 2, с. 61—65, 78.
- Нагибин Ю. Болдинский свет: Рассказ. — Новый мир, 1983, № 3, с. 154—168.
- Нагибин Ю. М. Хранитель Лукоморья. [С. С. Гейченко]. — В кн. Н.: Не чужое ремесло. М.: Современник, 1983, с. 185—193. (Б-ка «О времени и о себе»).

- Наумова А. И. Черты истории и славянской древности в «Песни о вещем Олеге» Пушкина. — Лит. в школе, 1983, № 4, с. 51—52.
- Не ты ли мне руку дал?.. Из писем Пушкина и Жуковского / Вступ. статья Вл. Вельяшева. — Огонек, 1983, № 6, с. 21—22.
- Невелев Г. А. Одно из исторических исследований А. С. Пушкина. — Вопр. истории, 1983, № 2, с. 97—108.

Материалы о казни декабристов в рукописях Пушкина: Рисунки, записи.

- Недзвезцкий В. А. Манифест новой поэзии: «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, № 5, с. 418—432.

Поэтические декларации о поэте и поэзии Некрасова и Пушкина.

- Недозорова Л. Л. Вновь прикасаясь к неисчерпаемому Пушкину... — Веч. сред. школа, 1983, № 2, с. 78—79.

Рец. на кн.: Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1981.

- Некрасова М. А. Пушкинские темы: Проблема индивидуального образа. — В кн. Н.: Палехская миниатюра — Palekh Miniature Painting. — Л.: Художник РСФСР, 1983, с. 145—185. 1-е изд.: Л., 1978.

- Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. М.: Сов. писатель, 1983. 367 с., 1 л. портр.

Содерж.: С. 3—29: «Двадцать строк» [впервые: Вопр. лит., 1965, № 4, с. 111—145]. С. 30—42: «Народная тропа». [Написано в 1963—1981 гг.]. С. 143—211: «Добрый молодцам урок». [Написано в 1968—1980 гг.]. С. 212—250: «Наименее понятый жанр» [впервые: Театр, 1974, № 6, с. 7—11, 25—27]. С. 251—287: «Начало большого стихотворения» [впервые в расшир. варианте: Вопр. лит., 1982, № 6, с. 124—170]. С. 288—319: «Предназначение» [впервые: Новый мир, 1979, № 6, с. 236—253]. С. 320—366: «Космос Пушкина. наброски к книге». [Написано в 1976—1981 гг.].

Отзыв:

Камынов В. Постигание глубины. Мир Пушкина: Новые работы о поэте. — Новый мир, 1984, № 6, с. 234—248.

- Непомнящий В. С. Арина Родионовна, Наталья Николаевна. — Юность, 1983, № 6, с. 98—105, ил.
1. «Мама»; 2. Избранница.

- Непомнящий В. С. «Ах, умолчу ль о мамушке моей»: Лит. сценарий. К Пушкинским дням в 6-ке / После сл. И. Карпенко. — Библиотекарь, 1983, № 5, с. 58—63.

- Непомнящий В. С. Предисловие редактора [к разделу «К творческой биографии Пушкина»] — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 182—184.

- Непомнящий В. С. Слово и идеал. — Библиотекарь, 1983, № 6, с. 60—63.

Отрывки из книги «Поэзия и судьба».

- Непомнящий В. С. Театр Пушкина. — Октябрь, 1983, № 6, с. 187—200.

О драматической системе поэта.

- Николаев А. Дни Лицея / Фото В. Мишина и С. Петрухина. — Смена, 1983, № 16, с. 16—22, ил.

- Новиков И. А. Пушкин на юге. Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1983. 368 с.

- Новиков И. А. Пушкин на юге. Алма-Ата: Жазушы, 1983. 368 с.

- Новиков И. А. Пушкин на юге. Алма-Ата: Мектеп, 1983. 368 с.

- Новикова М. Сын гармонии. — Театр, 1983, № 3, с. 76—77.

Пушкинская пластинка «Времена года», начитанная В. С. Непомнящим.

- Новикова М. А. Испытание: «Дозор» А. Мицкевича и «Воевода» А. Пушкина. — Вопр. лит., 1983, № 10, с. 145—168.

- Новый памятник великому поэту. — Ленингр. панорама, 1983, № 6, с. 20.
Памятник работы М. К. Авикушина на станции метро «Черная речка» в Ленинграде.

Нольман М. Честь и ответственность исследователя. — В мире книг, 1983, № 9, с. 17—19.

По поводу некоторых пушкиноведческих работ.

Нурмухамедов М. К. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии: (Сюжетные аналогии, переключки образов). Ташкент: Фан, 1983. 50 с.

Рец.:

Максетов К., Насурлаева З. Новое в пушкиноведении. — Звезда Востока, 1984, № 3, с. 176—177.

Нысаналин А. Свидание со степью. — В кн. Н.: Параметры: Лит.-критич. статья. Алма-Ата: Жаушы, 1983, с. 158—172.

Пушкин в Казахстане.

Одиноков В. Г. «И даль свободного романа...» / Отв. ред. К. А. Тимофеев; АН СССР, Сиб. отд-ние. Новосибирск: Наука, 1983. 161 с. (Сер. «Литературоведение и языковедение»).

Содерж.: Введение. — «Под небом Африки моей». — «Дней минувших анекдоты». — «Происхождение... основано на истине». — «Итак, я жил тогда в Одессе». — «... Сказки моего друга Ив. П. Белкина». — «Из семейных преданий». — «План обширный...». — Заключение.

Одинцов В. В. Виноградов: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 95 с. («Люди науки»).

С. 41—56: «Декабрьский вечер». С. 71—83: «Пушкинский словарь». С. 84—92: «Проблема литературного авторства».

Озеров Л. А. Необходимость прекрасного: Кн. статей. М.: Сов. писатель, 1983. 327 с.

С. 5—29: «Перечитывая Пушкина». С. 30—36: «26 мая 1828 года» [«Дар напрасный, дар случайный»]. С. 37—48: «Встречи с Дельвигом».

Озеров Л. А. Читая тетради Пушкина. — Вопр. лит., 1983, № 3, с. 243—249.

Рец. на кн.: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. М.: Сов. писатель, 1981.

Ончуков Н. Е. Бова Королевич сказочный и Бова Пушкина / Вступ. статья А. Л. Налепина (с. 190—196). — Лит. учеба, 1983, № 4, с. 197—198.

Впервые: Рабочая Пенза, 1937, 8 янв., № 6.

Павленко Н. Ганнибал в Сибири. — Нева, 1983, № 8, с. 190—195.

Публикуются 2 письма Ганнибала А. Д. Меншикову от 1727 г. и 2 челобитные Петру II 1728 г.

Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. — Pushkin a gallery of portraits. — М.: Сов. художник, 1983. 151 с.+Прил. (374 с. ил. в пер.).

Рец.:

Завадская Е. Дорогое лицо поэта. — Искусство, 1984, № 6, с. 68—69.

Керцелли Л. Художественная пушкиниана. — Огонек, 1984, № 15, с. 25.

Павлова Е. В. Пушкин художника Н. Кузьмина. — Дет. лит., 1983, № 11, с. 51—54, ил.

К 50-летию издания романа «Евгений Онегин» с рисунками Кузьмина. (М.: Академия, 1933).

Павлова Е. В. «Чистейшей прелести чистейший образец»: Портреты Н. Н. Пушкиной. — Юный художник, 1983, № 3, с. 26—30, ил.

Паустовский К. Г. Томия Пушкина. — В кн.: Вечные спутники: Сов. писатели о книгах, чтении, библиофильстве / Сост., вступ. статья и примеч. А. В. Блюма. М.: Книга, 1983, с. 141—153.

Впервые в кн.: Паустовский К. Ленинградская ночь. М.: Военмориздат, 1943, с. 37—57.

Пенькова С. П. Две жизни старого дома. Алма-Ата: Онер, 1983. 126 с.

С. 65—73: «Дом наказного атамана Казачьего войска». [Дом О. Б. Покатилова в Уральске, в котором останавливался Пушкин].

- С. 107—118: «Овеянные легендами». [Мавзолей Козы-Корпеша и Баян-Слу в Семипалатинской области].
- Песков А. М. «Дым» И. С. Тургенева и «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. — Лит. учеба, 1983, № 4, с. 184—189.
- Петровский Б. В. Ранение на дуэли и смерть А. С. Пушкина. — Клинич. медицина, 1983, т. 61, № 4, с. 109—117.
- Петросов К. Г. Лира и свирель в стихах Блока и Маяковского: О пушкинской традиции и новаторстве. — Лит. учеба, 1983, № 2, с. 179—187.
- Петросов К. Г. «Мы общей лирики лента». — В кн.: Маяковский и литература народов Советского Союза / Ерев. гос. ун-т; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. Горького. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1983, с. 61—93.
- Пушкин и Лермонтов в творчестве Маяковского.
- Петрунина Н. Н. Первая повесть Пушкина: «Гробовщик». — Рус. лит., 1983, № 2, с. 70—89.
- Пехтерев А. С. Россия первая любовь. — В кн. П.: Невольно к этим берегам... (Писатели и калужский край). Тула: Приок. кн. изд-во, 1983, с. 29—36.
- Пушкин в калужском крае.
- Пищунова А. М. Книга книг. М.: Сов. Россия, 1983. 256 с.
- С. 160—174: «Рыцарь В. Фаворский». С. 175—207: «Пушкин, не умирай!» [О Н. В. Кузьмине]. С. 237—251: «Брат всех людей». [Об открытии памятника Пушкину работы А. М. Опекушина].
- Пищунова А. М. Памятник. — В кн.: Куранты: Ист.-краев. альм. М.: Моск. рабочий, 1983, с. 163—172.
- Памятник Пушкину работы Опекушина.
- Платонов А. П. Пушкин и Горький. — В кн. П.: Цветок на земле: Повести, рассказы, сказки, статьи. М.: Мол. гвардия, 1983, с. 368—391. (Б-ка юности).
- Написано в 1937 г.
- Плашевский Ю. О происхождении пасквильного «диплома». — Простор, 1983, № 4, с. 177—184.
- Поляков М. Я. История и жанр романтической поэмы: «Полтава» Пушкина и «Конрад Валленрод» Мицкевича. — В кн. П.: В мире идей и образов: Ист. поэтика и теория жанров. М., Сов. писатель, 1983, с. 342—356.
- Попкова Н. А. Чернышевский над страницами «Московского телеграфа»: Из полемики Чернышевского в статьях о Пушкине. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983, вып. 9, с. 37—45.
- Поплавский Г. «Борис Годунов» в Риге. — Театр, 1983, № 7, с. 95—96.
- Опера Мусоргского в Академическом театре оперы и балета Латвийской ССР.
- Поплавский Г. И снова классика: «Евгений Онегин» в постановке Ю. Темирканова. — Муз. жизнь, 1983, № 8, с. 3.
- Опера Чайковского в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова.
- Попова Н. И. Биография дома на Мойке. — Ленингр. панорама, 1983, № 8, с. 33—35, фото.
- О восстановлении исторической планировки и воссоздании облика последней квартиры Пушкина.
- Попова Н. И. Вчера и завтра квартиры на Мойке, 12. — Сов. музей, 1983, № 2 (74), с. 18—21.
- Попова Н. И. «...Грусть лежала на его лице». — В мире книг, 1983, № 6, с. 41, 1 л. портр.
- К истории создания портрета Пушкина работы И. Л. Линева.
- Поспелов Г. Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман. — В кн. П.: Вопросы методологии и поэтика: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, с. 254—335.
- Впервые в кн.: Пушкин: Сб. статей / Под ред. А. Еголина. М., Гослитгиздат, 1941, с. 75—154.

- Поэты пушкинского круга / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1983. 688 с., 4 л. ил.
- Прекин Г. Три пушкинских автографа. — В мире книг, 1983, № 6, с. 76.
Рец. на кн.: Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982.
- Прицкер М. На пушкинские сюжеты. — Муз. жизнь, 1983, № 14, с. 5.
Оперы А. А. Николаева «Пир во время чумы» и «Граф Нулин».
- Проблемы литературных жанров: Материалы 4-й науч. межвуз. конф.
28 сент.—1 окт. 1982 г. / Под ред. Ф. З. Кауновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 277 с.
- С. 36—37: Э. М. Жиликова. О новеллистической природе «Повестей Белкина» (Пушкин и В. Скотт). С. 37—38; Е. А. Сурков. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина. (Поэтика сюжета и характера). С. 39—40; В. И. Тюпа. Анекдот и притча как жанровые истоки «Повестей Белкина». С. 40—42; В. С. Белькин д. От «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке». (Эволюция жанра). С. 42—43; А. А. Слюсарь. Жанровые особенности романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». С. 167—169; О. Б. Лебедева. Жанровое своеобразие драматического «отрывка» В. А. Жуковского «Камоэнс» (Жуковский и Пушкин). С. 181—182; Н. Ж. Ветшева. Арамасская поэма и «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина. С. 182—184; Л. В. Войнич. Жанр поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» в дискуссиях 1820-х гг. С. 184—185; О. И. Видова. Функциональное преобразование пушкинской романтической элегии в художественной структуре поэмы «Кавказский пленник». С. 215—217; Л. С. Костоглодова. Свообразие жанра и композиции «маленьких трагедий» Пушкина.
- Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. / Латв. ун-т им. П. Стучки. Рига, 1983. 169 с.
- Содерж.: От редакции. — О. Н. Скачкова. Дружеское послание А. С. Пушкина и «Евгений Онегин». — Л. С. Сидяков. «Евгений Онегин» и «Арап Петра Великого». — Е. А. Тоддес. К вопросу о каменноостровском цикле. — Н. Е. Мясоедова. Наблюдения над поэтикой мемуарной прозы Пушкина: Поэтика биографических текстов. — А. Л. Осповат. К литературным отношениям Пушкина и С. П. Шевырева. — Ю. М. Лотман. Три заметки к проблеме «Пушкин и французская культура». — Р. Д. Тименчик. «Медный всадник» в литературном сознании начала XX века. — Л. В. Спроге. Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока (цикл «Мэри»). — Д. Д. Ивлев. Путь к Пушкину... (Из исканий советской филологической науки 20-х годов). — Г. Ершофф. О двух первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». — З. И. Дырченко. Хосе Марти о Пушкине. — И. Я. Бергман. Пушкинский юбилей 1899 г. и латышская общность. — Ю. К. Пярли. Из истории рецепции поэзии А. С. Пушкина в Эстонии в 1930-е годы.
- Прокушев Ю. Л. Даль памяти народной. 2-е изд. М.: Сов. Россия, 1983. 272 с.
- С. 12—17: «Подвиг поэта». С. 27—42; «Россия Пушкина. Россия Есенина».
- Пугачев В. В. Еще раз к вопросу о Пушкине-экономисте. — В кн.: Проблемы экономической истории и теории: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983, вып. 1, с. 180—190.
- Пугачев В. В. Из эволюции мировоззрения Пушкина конца 1820—начала 1830-х годов: «Арион». — В кн.: Проблемы истории взаимосвязей русской и мировой культуры. К 90-летию акад. М. П. Алексеева: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983, ч. 1, с. 38—59.
- Пугачев В. В. Пушкин о русской и западно-европейской истории. — В кн.: Проблемы истории взаимосвязей русской и мировой культуры

туры. К 80-летию акад. М. В. Храпченко: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983, ч. 2, с. 107—114.

Пушкин: Исслед. и материалы. Т. 11/АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. 360 с.

Содерж.: Предисловие. — I. Статьи. Я. Л. Левкович. Кавказский дневник Пушкина; С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (из текстологических наблюдений); В. Б. Сандомирская. Стихотворения Пушкина «А. Олениной» и «Е. Н. Ушаковой. (В альбом)». (К вопросу о двух редакциях); Ю. В. Стенник. Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина; Р. В. Иезуитова. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.; В. С. Баевский. Время в «Евгении Онегине»; Н. Н. Петрунина. От «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке»; О. С. Муравьева. Из наблюдений над «Песнями западных славян»; Г. М. Фридлиндер. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским; М. А. Турьян. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского; В. Э. Вацуро. К биографии В. Г. Теплякова. — II. Материалы и публикации. Н. И. Михайлова. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому; В. П. Степанов. Заметки о В. Л. Пушкине; А. А. Карпов. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова; Г. И. Назарова, В. А. Зызина. Из семейного архива Нащокиных. — III. Из истории пушкиноведения. М. П. Алексеев как исследователь Пушкина; Список трудов М. П. Алексеева по пушкиноведению; О пушкиноведческих работах Н. В. Измайлова; Список трудов Н. В. Измайлова по пушкиноведению. — Указатель имен; Указатель произведений Пушкина.

А. С. Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр./Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1983. 144 с.

Содерж.: Г. Н. Ищук. У истоков новой русской литературы. — Пушкин и русские писатели. Ю. М. Никишов. Романтический герой в реалистическом воплощении Пушкина. К проблеме «Пушкин и русский романтизм»; Н. В. Фридман. Тема «маленького человека» в творчестве Пушкина и Гоголя; Е. Н. Строганова. Пушкинское начало в повести Л. Толстого «Два гусара»; М. М. Кедрова. Пушкин в оценке Тургенева; Н. З. Кокovina. Творчество Пушкина в идейной борьбе 1860-х годов. А. К. Шеллер-Михайлов и демократическая критика о Пушкине; В. В. Сдобнов. Читатель в творческом сознании Пушкина и Достоевского; В. А. Никольский. «Евгений Онегин» Пушкина и «Попехонская старина» Щедрина; П. И. Овчарова. Пушкин в литературной памяти Чехова. «Повести Белкина» и «маленькая трилогия» как книги новелл. — Материалы и сообщения. М. В. Строганов. Из комментариев к «Евгению Онегину» и «Капитанской дочке»; А. М. Горшман, Н. А. Марченко. Об атрибуции портрета молодого Чаадаева; Е. В. Малиновская. Живописные работы Ксавье де Местра в фондах Государственного Литературного музея.

Пьянов А. С. «Мои осенние досуги». 3-е изд. М.: Моск. рабочий, 1983. 320 с., ил.

Библиогр. в примеч.: с. 312—317.

Пярли Ю. К. К вопросу о переводах Я. Тамма из А. С. Пушкина. — В кн.: Типология литературных взаимодействий. Тарту, 1983, с. 122—130. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 620. Тр. по рус. и слав. филологии. Литературоведение).

Пятин Р. Д., М. Ю. Лермонтов и А. С. Пушкин: Идеино-худож. особенности стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» и стихотворения А. С. Пушкина «Туча». — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. науч. тр./Горьк. пед. ин-т им. Горького. Горький, 1983, с. 19—25.

- Раевский Н. А. Избранное: В 2-х т. Т. 1. Портреты заговорили. Алма-Ата: Жазушы, 1983. 480 с.
С. 5—34: От автора.
- Рассадин С. Б. Большие надежды. — Новый мир, 1983, № 6, с. 239—255.
Драматургия Пушкина в театре и в кино.
- Рассадин С. Б. Спутники: Дельвиг. Языков. Давыдов. Бенедиктов. Вяземский. М.: Сов. писатель, 1983. 312 с.
С. 247—308: Гл. 5. При Пушкине и после.
- Редин Р. «... Изменив свою раннюю манеру...». — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 184—189.
О причинах незавершенности трагедии Пушкина «Вадим».
- Рецептер В. «Головокружительный лаконизм»: Размышления актера перед выходом на сцену. — Знание — сила, 1983, № 5, с. 42—43, фот. «Пир во время чумы».
- Романов Н. Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л.: Худож. лит., 1982. — Звезда, 1983, № 11, с. 205—206.
- Романюк С. Документы утверждают. — В кн.: Куранты: Ист.-краев. альм./Сост. Е. В. Коныч. М.: Моск. рабочий, 1983, с. 145—162, ил.
Публикуется купчая крепость на приобретение И. В. Скворцовым в 1798 г. земельного участка (ЦГИА, Москва). Устанавливается адрес владения Скворцова, в точности соответствующий записи о рождении А. С. Пушкина в метрической книге церкви Богоявления в Елохове.
- Романюк С. Улица Немировича-Данченко, 6. М.: Моск. рабочий, 1983. 63 с., ил.
С. 17—59: «Остановился тверской части в доме Обера...»
- Россия первая любовь: Повести и рассказы о Пушкине/Сост. и послесл. В. В. Кунина; Худож. В. Я. Черниевский. М.: Книга, 1983. 239 с., ил.
Содерж.: А. С. Пушкин. Начало автобиографии. — Земли чудесный посетитель. Ю. Тынянов. Ганнибалы. Вступление. [Написано в 1932 г.]. А. Слонимский. Детство. [Написано в 1966 г.]. Ю. Нагибин. Царскосельское утро. (Написано в 1974 г.). М. Марич. Ссылочный невольник [впервые: Новый мир, 1937, № 1, с. 46—50]. С. Гейченко. Пушкин устраивает свой кабинет. [Написано в 1971 г.]. Вс. Рождественский. Тригорское. [Написано в 1968 г.]. Л. Зилов. Возвращенный Пушкин [впервые в кн.: Зилов Л. Возвращенный Пушкин: Новеллы. М.: Сов. писатель, 1938]. П. Антокольский. Второе Болдино [впервые в кн.: Антокольский П. Собр. соч.: В 4-х т. М.: Худож. лит., 1972, т. 3, с. 42—57]. С. Гейченко. «Твоя от твоих». [Написано в 1971 г.]. М. Марич. На Черной речке [впервые в кн.: Марич М. Ссылочный невольник. М., 1937, с. 40—47]. П. Антокольский. Четыре гостя. [Написано в 1971 г.]. — Слух обо мне пройдет по всей Руси великой. Н. Баранская. Цвет темного меду [впервые: Сибирь, 1977, № 3, с. 30—63]. О. Форш. Белая ночь. [Написано в 1949 г.]. К. Паустовский. Михайловские рощи [впервые: Красная новь, 1938, № 7, с. 112—117]. Б. Шергин. Пинежский Пушкин [впервые в кн.: Шергин Б. Океан — море русское. М.: Мол. гвардия, 1959, с. 286—292]. Б. Шергин. Пушкин архангелогородский [впервые в кн.: Шергин Б. Поморщина—корабельщина. М.: Сов. писатель, 1947, с. 118—124]. Ф. Каверин. Маска Пушкина. [Написано в 1964 г.]. Ю. Герт. Дуэль. [Написано в 1972 г.] Вс. Рождественский. Ее письма: Легенда для пушкинистов [впервые в кн.: Рождественский Вс. Шкатулка памяти: Новеллы. Л.: Лениздат, 1972, с. 173—189]. В. Вересаев. Священнослужитель божества. [М. А. Цявловский]. А. Свободин. Пушкинская роль [впервые: Театр, 1963, № 1, с. 73—82]. В. Кунин. Пушкин — литературный герой.

- Рунт М. И. Проблемы художественности в суждениях Н. Г. Чернышевского о Пушкине. — В кн.: Русская критика и историко-литературный процесс: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1983, с. 76—96.
- Рыбак С. Михайловское лукоморье, год 1983. — Кодры, 1983, № 6, с. 130—145.
- Рыжова М. И. Словенский поэт Миле Клопчич — переводчик стихотворений Пушкина. — В кн.: Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Междунар. съезду славистов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983, с. 308—337.
- Сабинин В., Самгина Н. «Почитай сына моего совершенно счастливым...» — Огонек, 1983, № 46, с. 28—30, факс.
Публикуется письмо родителей Пушкина к А. Н. Гончарову от 20 июля 1830 г. по поводу женитьбы сына. Впервые: Русский архив, 1881, т. 2, с. 502.
- Савин О. М. «...Пишу тебе в Пензу»: Пензенская тропинка к А. С. Пушкину. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. 184 с.
- Сандомирская В. Б. Конференция «184-я годовщина со дня рождения А. С. Пушкина». — Рус. лит., 1983, № 4, с. 217—220.
Изложение докладов конференции, проведенной 6 июня 1983 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- Саркизов-Серазини И. М. Пушкин и спорт. — В кн.: Эстафета: Сборник / Сост. А. П. Кулешов, Н. Я. Сулова. М.: Физкультура и спорт, 1983, с. 238—240, 1 л. портр.
Впервые: Физкультура и спорт, 1947, № 2, с. 15.
- Сидяков Л. С. Биографические реалии и лирический сюжет в лирике Пушкина. — В кн.: Сюжет и художественная система: Межвуз. сб. науч. тр. / Даугавпилс. пед. ин-т. Даугавпилс, 1983, с. 92—100.
- Сидяков Л. С. Время итогов. — Вопр. лит., 1983, № 9, с. 222—228.
Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л.: Худож. лит., 1982.
- Скатов Н. Н. Кольцов. М.: Мол. гвардия, 1983. 287 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 17 (642)).
С. 120—134: «Пушкин».
- Сквозь столетия: Худож. произведения; Документы; Статьи; Очерки; Мемуары; Письма; Речи / Сост. В. Шадури. Тбилиси: Мерани, 1983. 544 с.
С. 189—200: «А. С. Пушкин — гость Грузии». С. 201—206: «Друзья приветствуют». С. 207—217: «Пушкинские юбилеи в Грузии».
- Славецкий В. От Пушкина до песен жней: Якуб Колас — мастер стиха. — Немад, 1983, № 12, с. 161—166.
- Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 5-е изд. / Всесоюз. добр. о-во любителей книги. М.: Книга, 1983. 382 с.
С. 185—356: «Начиная с Пушкина».
- Соловьев В. Во имя революции. — Наука и жизнь, 1983, № 9, с. 109—111.
О «калужской» родне Гончаровых.
- Соловьев Ю. И. М. В. Ломоносов в оценке А. С. Пушкина. — Вопр. истории естествознания и техники, 1983, № 4, с. 65—69.
- Сорокин Ю. С. «И мальчики кровавые в глазах...»: Фразеологический комментарий к пушкинской строке. — В кн.: Современная русская лексикография. 1981 / АН СССР, Ин-т рус. яз. Л.: Наука, 1983, с. 129—135.
- Спектор У. «Евгений Онегин» в миниатюрных изданиях. — В мире книг, 1983, № 12, с. 53—54.
- Станиславский К. С. «Из записной книжки» / Вступ. статья «Станиславский и Пушкин (новые материалы)», подгот. текста и примеч. О. С. Соболевской. — В кн.: Контекст. 1982: Лит.-теорет. исследование / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. Горького. М.: Наука, 1983, с. 245—255.
Запись о «Каменном госте» Пушкина.

- Стариков Д. Наряду с Пушкиным. — В кн. С.: Перечитывая классику. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1983, с. 233—235.
- Степанов А. Иллюстрирование «Евгения Онегина» как композиционная задача. — В кн.: Советская графика—7. М.: Сов. художник, 1983, с. 223—234.
- Строганов М. Рец. на кн.: Лотман Ю. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982. — Дет. лит., 1983, № 2, с. 47—48.
- Суслов И. М. Памятник Пушкину. М.: Моск. рабочий, 1983. 64 с., ил. (Биография моск. памятника).
Путеводитель.
- Тартаковская Л. «Мне ум и сердце занимали твой взор и дикая краса...»: Образ женщины Востока и эволюция творческих принципов Пушкина. — Звезда Востока, 1983, № 6, с. 182—188.
- Твардовский А. Т. Слово о Пушкине. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1983, с. 3—22. (Классики и современники. Поэтич. 6-ка).
- Речь на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1962 г.
- Твардовский А. Т. Слово о Пушкине: Речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. — В кн. Т.: Запас огня, залог тепла.../Сост. и предисл. А. И. Кондратовича. М.: Мол. гвардия, 1983, с. 160—176. (Писатель — молодежь — жизнь).
- Теляковская М. В. Изменения в системе средств связи частей сложно-подчиненных предложений причинного типа в языке художественной прозы от А. С. Пушкина до наших дней. — В кн.: Синтаксис предложения: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1983, с. 100—109.
- Тилембаева Ш. Д. Обобщения — с опорой на художественный текст: Один урок по «Евгению Онегину». — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1983, № 2, с. 23—28.
- Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. 287 с., 16 л. ил.
С. 140—146: «Первые встречи с Пушкиным». С. 166—181: «Лишь юности и красоты поклонником быть должен гений...». С. 182—190: «Все прошло с зимой холодной...». С. 191—203: «Я вас любил...».
- Тимофеев Л. И., Черкасский В. Апокриф?.. Или... — В кн.: Прометей. М.: Мол. гвардия, 1983, т. 13, с. 110—127.
- Отзыв: Лихачев Д. С. — Лит. газ., 1984, 11 июля, с. 3. Споры у подножия великого памятника.
- Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. 5-е изд., перераб. и доп. Кишинев: Лит. артистикэ, 1983. 395 с., 8 л. ил.
Библиогр.: с. 335—348. С. 349—387: Биографический словарь знакомых А. С. Пушкина в Молдавии.
- Турбин В. Н. Герои Гоголя: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 127 с.
С. 54—55: «Ревизор» Гоголя и «Борис Годунов» Пушкина. С. 73—78: «Шинель» Гоголя и «Медный всадник» Пушкина. С. 78—90: «Ревизор» и «Евгений Онегин». С. 121—126: Гоголь и Пушкин.
- Турбин В. Н. Онегин и Снегина: К проблеме традиций в поэзии. — Октябрь, 1983, № 4, с. 187—192.
- Турик П. В. Подготовка к сочинению — описанию скульптурного произведения. — Рус. яз. в школе, 1983, № 6, с. 38—44.
По теме «Памятник Пушкину».
- Тынянов Ю. Н. Пушкин. Ч. 1—3/Вступ. статья Вл. Новикова; Комментар. Б. Костелянца; Худож. Д. Терехов. М.: Книга, 1983. Ч. 1. Детство; Ч. 2. Лицей (гл. I—IV); Ч. 2. Лицей (гл. V—XI); Ч. 3. Юность.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. 480 с. (Волж. просторы).
С. 3—12: В. Каверин. Юрий Тынянов и его роман «Пушкин».

- Узников Ю. А. Это с нами навсегда: Лит. карта Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1983. 240 с.
С. 136—139: «Как спасли домик няни». С. 171—174: «Переводчик Пушкина» [М. Уметбаев].
- Усок И. Е. Новая книга о Пушкине. — Рус. яз. в нач. школе, 1983, № 1, с. 82—83.
Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Устинов М. Е. О «Моцарте и Сальери»: В помощь изучающим творчество А. С. Пушкина. — В кн.: О литературе для детей. Л.: Дет. лит., 1983, вып. 26, с. 101—111.
- Устюжанин Д. Жизнь поэта: Размышления над страницами новой биографии Пушкина. — Лит. в школе, 1983, № 2, с. 71—74.
Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Устюжанин Д. Александр Пушкин. «Медный всадник»: К 150-летию поэмы. — Лит. в школе, 1983, № 5, с. 75—76, 78.
- Ушаков Н. Н. Мастерская: О поэзии и поэтах. М.: Сов. писатель, 1983. 424 с.
С. 72—80: «Начинающий Пушкин» [впервые в кн.: Ушаков Н. Н. Состязание в поэзии. Киев, 1969, с. 48—53]. С. 132—136: «Возвращаемый долг» [впервые в кн.: Ушаков Н. Н. Состязание в поэзии. Киев, 1969, с. 141—145].
- Федорова В. Ф. А. С. Пушкин (1799—1837). — В кн. Ф.: Русский театр XIX века. М.: Знание, 1983, с. 9—19. (Нар. ун-т. Фак. лит. и искусства).
- Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина: Разыскания и материалы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и подбор ил. М. И. Фейнберг. М.: Наука, 1983. 128 с., ил.
Содерж.: М. И. Фейнберг. Об авторе этой книги. — Арап Петра Великого. Замечательный человек XVIII столетия. [Доклад, прочитанный в Государственном музее А. С. Пушкина в 1970 г. Впервые в кн.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1981, с. 68—102]. — «История Петра I» [впервые в кн.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М.: Гослитиздат, 1962, т. 8, с. 423—450]. — Черновик поэта. [Доклад, прочитанный 10 февраля 1968 г. в Центральном Доме литераторов на вечере «Перечитывая Пушкина»]. — Приложения.
Рец.:
Лосиевский И. Легендарный предок. — В мире книг, 1984, № 6, с. 56.
- Фесенко Г. Н., Пугач Л. Д. «И память Каменки любя...». — Рус. яз. и лит. в школах УССР, 1983, № 6, с. 63—64.
О работе клуба «Поиск» в каменской средней школе № 4.
- Филатов Н. Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. 1833. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. 159 с., ил.
Рец.:
Прекин Г. Пушкин в Нижнем Новгороде. — В мире книг, 1984, № 6, с. 85—86.
- Фильченкова Е. М. Л. Н. Толстой и незавершенные прозаические произведения А. С. Пушкина 30-х годов. — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Горьк. пед. ин-т им. Горького. Горький, 1983, с. 82—87.
- Фомичев С. А. «Песни западных славян» Пушкина: История создания, проблематика и композиция цикла. — В кн.: Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Междунар. съезду славистов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983, с. 130—144.
- Фомичев С. А. Последняя весна. — Нева, 1983, № 3, с. 186—192.
Пушкин и Грибоедов в 1828 г.

- Фридкин В.** Неожиданная находка. — Новый мир, 1983, № 11, с. 225—231.
Архивы П. Б. Козловского и Я. Н. Толстого в Парижской национальной библиотеке. Публикуется письмо Я. Н. Толстого к П. Б. Козловскому от 29 января 1837 г., в котором сообщается о дуэли и гибели Пушкина.
- Фридкин В.** По следам пропавшего дневника Пушкина. — Наука и жизнь, 1983, № 3, с. 86—92, фот.
Поиски дневника № 1 у английских потомков Пушкина.
- Фридкин В.** «Под миртами Италии прекрасной...». — Наука и жизнь, 1983, № 12, с. 52—56, ил.
О судьбе архива и виллы Э. А. Волконской в Италии. Современное состояние стелы в честь Пушкина на вилле Волконской.
- Фридлендер Г. М.** Литература в движении времени: Ист.-лит. и теорет. очерки. М.: Современник, 1983. 300 с.
С. 3—79: «Пушкин — пролагатель новых путей русской литературы». С. 216—244: «Пушкин и молодой Толстой» [впервые в кн.: Пушкин: Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1982, т. 10, с. 216—237].
- Хазин М.** Пушкинские мотивы: Люди, книги, рукописи. — Кодры, 1983, № 4, с. 52—90.
«Скиталец тот, кто всех светлей...» [Об участии И. В. Северянина в издании журнала «Золотой петушок» (Кишинев, 1934, № 1—3). Публикуется стихотворение Северянина о пушкинском Кишиневе «О том, чье имя вечно ново». — «Огонь и правда — вот чем питает нас искусство...» [О М. О. Гершензоне. Публикуются записи А. Б. Гольденвейзера]. — Близ Инзовой горы. [Пушкин в воспоминаниях А. Б. Гольденвейзера]. — А. Б. Гольденвейзер. Воспоминания о Кишиневе. — Каменные габриаки. — Мечта зодчего. [Проект создания Пушкинской охранной зоны в Кишиневе, разработанный архитектором Р. Е. Курдем].
- Халфин Ю. А.** Луны при свете серебристом...: О некоторых особенностях поэтики романа Пушкина «Евгений Онегин». — Лит. учеба, 1983, № 2, с. 201—206.
- Харджиев Н.** О том, как Пушкин встретился с Эдгаром По. — В кн.: Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи / Сост. В. А. Каверин. М.: Сов. писатель, 1983, с. 257—261.
- Хачатурова Н.** «Пиковая дама» в Афинах. — Муз. жизнь, 1983, № 17, с. 21.
Беседа с В. Пьявко — исполнителем роли Германна в Афинском оперном театре.
- Цявловская Т. Г.** Рисунки Пушкина. 3-е изд., стереотип. М.: Искусство, 1983. 446 с., ил.
- Челышев Б. Д. А. С. Пушкин.** — В кн. Ч.: Имеют свое лицо... / Отв. ред. В. А. Филатов. Тирасп. гос. пед. ин-т им. Шевченко. Кишинев: Штиинца, 1983, с. 6—42.
«Одесская путешественница». [«Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах». Ч. 5. (СПб., 1846 г.) со стихотворением Пушкина «Наполеон на Эльбе»]. — «О Георгии Черном». — «О милый брат...» [О И. И. Козлове]. — «То был, друзья, Мартын Задека...» [«Рукопись Мартына—Задека» (М., 1833), написанная А. Ф. Вельтманом]. — Из забытого [Воспоминание Н. М. Коншина о встрече с Пушкиным в пересказе И. И. Rogozинникова]. — «О Рамазанове и Брюллове». [Об издании «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений» (Берлин, 1861), принадлежавшем скульптору Н. А. Рамазанову]. — «Для простого народа». [Пушкин в изданиях И. Д. Сытина]. — «Спасенная книга». [«Евгений Онегин». С ил. Е. Самокиш-Судковской. 4-е изд. Пг., 1918]. — «Крестьянский сын». [А. М. Опекушин].

- Червинская О. В. Смысл последней пушкинской мистификации. — В кн.: Вопросы русской литературы / Черновиц. гос. ун-т. Львов: Виша школа, 1983, вып. 2 (42), с. 73—79.
- «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».
- Черейский Л. А. Задал задачу рисунок. — Нева, 1983, № 2, с. 206, ил.
- Отзыв:
- Сурис Б. Задал ли задачу рисунок? — Нева, 1984, № 3, с. 203—204.
- Черейский Л. А. Кому писал поэт? — Нева, 1983, № 6, с. 205.
- Предлагается новый адресат записки Пушкина «Прошу Вас, милая Анна Петровна» — А. П. Кутайсова.
- Черейский Л. А. Новое о Пушкине. — Аврора, 1983, № 6, с. 112—114.
- Свидетельство Н. И. Филимонова о проезде Пушкина через Бронницы в Петербург в 1824 г. (письмо к сестре Варваре Ивановне от 15 сентября 1825 г.).
- Черемсина Н. В. О гармонии композиции художественного целого: Трагедия А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери». — В кн.: Язык и композиция художественного текста. Русский язык: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1983, с. 7—33.
- Черноземова Е. Н. К вопросу о выразителях «мнения народного» в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: Пушкинский юродивый и шекспировские шуты. — В кн.: Проблемы типологических и контактных связей в русской и зарубежной литературе / Краснояр. пед. ин-т. Красноярск, 1983, с. 33—45.
- Чижев А. «Духовной жаждою томим...». — Наука и религия, 1983, № 2, с. 54—55.
- Использование текстов Библии в стихотворении Пушкина «Пророк».
- Чижева И. Б. «К протекшим временам лечу воспоминаньем...». — Нева, 1983, № 3, с. 179—182, ил. между с. 176—177.
- Портреты пушкинских героинь в коллекции В. М. Голод.
- Чижева И. Б. Три портретных рисунка О. А. Кипренского. — Искусство, 1983, № 3, с. 63—65, ил.
- Н. В. Кочубей, Е. П. Бакунина и А. А. Оленина.
- Чипрак Э. А. Опора на типологическую общность литератур: На материале любовной лирики Пушкина / Ташк. пед. ин-т им. Низами. Ташкент, 1983. 18 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 06.07.83, № 13563. Библиогр.: с. 18.
- Чичерин А. Жизнь и творчество. — Вопр. лит., 1983, № 4, с. 240—243.
- Рец. на кн.: Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981.
- Чубукова Е. В. О литературных источниках стихотворения А. С. Пушкина «Гроб Анакреона» (1815). — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Горьк. пед. ин-т им. Горького. Горький, 1983, с. 12—19.
- Чубукова Е. В. Работа Пушкина над лицейскими элегиями (1817—1825) / Саратов. экон. ин-т. Саратов, 1983. 18 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 18.10.83, № 14205.
- Чубукова Е. В. Рец. на кн.: Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982; Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М.: Наука, 1982. — Волга, 1983, № 11, с. 171.
- Чубукова Е. В. Стихотворение Пушкина «Роза»: К вопросу о литературной преемственности в лицейской лирике. — В кн.: Проблемы истории взаимосвязей русской и мировой культуры. К 80-летию акад. М. Б. Храпченко: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983, ч. 2, с. 99—107.
- Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман: Учеб. пособие к спецкурсу / Новосиб. гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1983. 86 с.

Содерж.: Предисловие. Гл. 1. Вопросы текста и жанровой структуры «Евгения Онегина». Гл. 2. Вопросы эволюции жанра стихотворного романа. Гл. 3. Выход романа «Евгений Онегин» за пределы поэтического мира.

- Чумаков Ю. Н. «Роман без конца...»: О книге Ю. М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя». [Л., 1982]. — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1983, № 5, с. 57—62.
- Шелестова З. А. Выразительное чтение на уроках: К изучению «Песни о вещем Олеге». — Лит. в школе, 1983, № 4, с. 34—38.
- Шиповский С. В. Рец. на кн.: Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Высш. школа, 1981. — Рус. яз. в нац. школе, 1983, № 1, с. 84.
- Шпринкин В. И. Метод Пушкина-критика / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983 27 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 22.02.83, № 12377.
- Шпринкин В. И. Пушкин и русская литературная критика 1820—1830-х годов: Заметка «О критике» / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983. 13 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 22.02.83, № 12376.
- Шпринкин В. И. А. С. Пушкин-критик и русская литературная критика 1820—1830-х годов (метод и жанры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983. 18 с.
- Шкловский В. Б. Избранное: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1983.
- Т. 1. Повести о прозе; Размышления и разборы. 639 с.
- С. 236—280: «Пушкин». (О сюжете Пушкина; «Арион» — певец, спасенный песней; Роман «Евгений Онегин» и другие произведения со многими подробностями, как бы не относящимися к жизни основных героев; «Путешествие в Арзрум» как преодоление очерка-путешествия; О времени в художественном произведении и о методе выбора деталей; Метод описания в «Капитанской дочке»; Язык мечты и желания; О прототипах; Екатерина как деталь царскосельского ландшафта; Мужичья рука, которую целуют). С. 280—295: «Пушкин и Гоголь» [впервые в кн.: Шкловский В. Повести в прозе. М.: Худож. лит., 1966, т. 2, с. 8—65, 66—82].
- Т. 2. Тетива. О несходстве сходного; Энергия заблуждения. Книга о сюжете. — 640 с.
- С. 434—443; 7. «Капитанская дочка» Пушкина [впервые в кн.: Шкловский В. Энергия заблуждения. М.: Сов. писатель, 1981, с. 138—148].
- Шубин Б. М. История одной болезни / С предисл. акад. Н. Н. Блохина. М.: Знание, 1983. 128 с., ил.
- Документально-художественные очерки о ранении, болезни и смерти А. С. Пушкина.
- Рец.:
Носик А., Носик Б. — Новый мир, 1984, № 9, с. 269—270.
- Шубин Б. М. Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина: [Докум. повесть] / Примеч. Н. Блохина. — Дружба народов, 1983, № 7, с. 162—177, № 8, с. 134—149.
- Шустрова Т. И. К вопросу о психологизме пушкинской прозы / Редкол. журн. Вестн. ЛГУ им. А. А. Жданова. Сер. ист., яз., лит. Л., 1983. 32 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 14.10.83, № 14125.
- Библиогр.: с. 30—33.
- Шухов И. П. Наш современник. — Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата: Жазушы, 1983, т. 5: Очерки; Воспоминания; Статьи, выступления, заметки, наброски; Письма, с. 530—536.
- Впервые: Казахстан. правда, Алма-Ата, 1949, № 108, 5 июня.
- Щеглов Ю. Святые Горы: Накануне дуэли. — Дружба народов, 1983, № 12, с. 93—169.
- Щеголев П. Е. Текст «Медного всадника». — В кн.: Пушкин А. С. Мелкий всадник. Петербургская повесть: Факс. воспроизведение изда-

ня 1923 г. с пл. А. Н. Бенуа. Л.: Художник РСФСР, 1983, с. 63—74.

Эйдельман Н. Я. Ганнибалов колокольчик. — Наука и жизнь, 1983, № 10, с. 86—93, ил.

О предках А. С. Пушкина.

Эйдельман Н. Я. Пушин в Москве. — В кн.: Куранты: Ист.-краев. альм. М.: Моск. рабочий, 1983, с. 172—178.

О поездке Пушина в Михайловское.

Эйдинова В. В. Рец. на кн.: Гиршман М. М. Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. М.: Вышп. школа, 1981. — Науч. докл. высш. школы: Филол. науки, 1983, № 6, с. 82—83.

Эль-Манси А. Принципы изображения характера в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М.: Изд-во МГУ, 1983. 27 с.

Яковлева М. В. Эпическое сознание А. С. Пушкина в «Повестях Белкина»: Статьи 1—2. — В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, вып. 9, с. 89—104; вып. 10, с. 112—122.

ДОБАВЛЕНИЕ К «ПУШКИНИАНЕ 1982 ГОДА»

Акелькина Е. А. Жанрообразующая роль «белкинской коллизии» в системе повествования записок из «Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. — В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982, вып. 7, с. 84—94.

Белюсов Р. С. Демоница. — В кн. Б.: Хвала Каменам. М.: Сов. Россия, 1982, с. 45—114.

С. 89—114: «Бесчувственный кумир». [К. Собаньская и Пушкин].

Видова О. И. Поэтика элегического жанра в художественной структуре поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». — В кн.: Материалы XX Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-техн. прогресс»: Филология / Новосибир. ун-т им. Ленинского комсомола. Новосибирск, 1982, с. 66—73.

Гальперин Ф. Я. Жажда гармонии. — Рус. яз. и лит. в школах УССР, 1982, № 4, с. 67—70.

Дягилев С. П. Иллюстрации к Пушкину. — В кн.: Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью; Переписка; Современники о Дягилеве: В 2-х т. / Сост., вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейна, В. А. Самкова. М., 1982, т. 1, с. 95—99.

Впервые: Мир искусства, 1899, № 16—17, с. 35—38.

Иванов-Вано И. Встреча с Пушкиным. — Искусство кино, 1982, № 11, с. 86—87.

Интервью с режиссером-постановщиком мультипликационного фильма «Сказка о царе Салтане» И. Ивановым-Вано. Художник Л. Мильчин.

Измайлова Л. Посвящается Пушкину: (Концерт для хора Г. Свиридова). — В кн.: Музыка России. М.: Сов. композитор, 1982, вып. 4, с. 114—133.

Лащилин Б. Тетрадь в голубом сафьяне. — В кн. Л.: Это было: Легенды и были. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982, с. 91—94.

О письмах Пушкина семейству Раевских.

Павлова Е. Тверские пенаты поэта. — Работница, 1982, № 9, с. 4 обл., ил.

Павлова Е. В. Тропининский портрет А. С. Пушкина в иконографии поэта. — В кн.: Василий Андреевич Тропинин: Исслед., материалы / Под ред. М. М. Раковой; Научно-исслед. ип-т теории и истории изобразит. искусств. М.: Изобразит. искусство, 1982, с. 191—206.

Приют, сиянием муз одетый. Фотолитературная композиция Е. Кассина и Г. Расторгуева: Рассказы об А. С. Пушкине и Гос. Пушкинском заповеднике С. Гейченко. 2-е изд. М.: Планета, 1982. 367 с.

Фотоальбом.

Савченко Т. Т. Время в стихотворениях А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем»; А. С. Пушкин. «Пора, мой друг, пора...». — В кн.: Матяш С. А., Савченко Т. Т. Пособие по спецкурсу «Анализ лирического стихотворения» / Караган. ун-т. Караганда, 1982, с. 21—29, 30—38.

Шведова Е. «Случалось мне проезжать...». — В кн.: История одного экспоната. Л.: Лениздат, 1982, с. 113—118.

«Домик станционного смотрителя» в Выре.

Библиотекарь, 1982, № 6.

Раздел «Венок поэту»: К Пушкинским дням в библиотеке. С. 38—39: С. Колесник. На русском и украинском. [Пушкин и Украина]. С. 39—41: И. Соколов. Первый на Парнасе. [Пушкин и Белоруссия]. С. 41—42: В. Копылов. «Где мчится Арагва в тенистых берегах...» [Пушкин и Кавказ]. С. 42—45: В. Сорокин. Пушкинский зал университетской библиотеки. С. 45—46: А. Зорин. У истоков Лицея. [И. И. Мартынов]. С. 47—48, 50: Тема для вечера: «Один день в 1831 году...». С. 48: И. Михайлова. Отклик души. [Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980]. С. 48—49: О «Пушкиниане» Каллаша. С. 49: «Искусство силуэта». [Иллюстрации В. Фаворского и Н. Ильина к произведениям Пушкина]. С. 49: «... По высочайшей воле». [Николай I — цензор Пушкина]. С. 50: «Вот тебе опять сумароковщина...» [О новом автографе Пушкина, опубликованном в 4-м вып. сб. материалов «Встречи с прошлым» (М., 1982)]. С. 50: «Поток подражаний» [роману «Евгений Онегин»]. С. 50: «Секретный циркуляр».

ГУДРУН ЕРШОФФ

ПРИЖИЗНЕННАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ ПУШКИНА В ГЕРМАНИИ

Восприятие писателя или поэта одной нации читателями другой приобретает тем большее значение, чем в большей степени писатель или поэт может претендовать на полноту репрезентации своего народа и его культуры. Произведения великих мастеров слова перерастают рамки обычных литературных взаимосвязей и тем самым могут становиться важным фактором сближения народов. Такими мастерами слова были и Шекспир, и Гете, и Пушкин. Внутренние условия восприятия определяются общественными потребностями и будут наиболее оптимальными, если обе стороны стоят перед решением одинаковых или аналогичных исторических задач. В зависимости от ситуации процесс восприятия может иметь характер переосмысления, критики или даже искажения. Среди внешних условий восприятия важную роль играют факторы иного рода, например личные контакты между представителями духовной жизни двух народов.

Деятельность переводчика представляется наиболее тесно связанной с внутренними условиями восприятия. На переводчика ложится большая ответственность, так как уже сам выбор произведения для перевода является той интерпретацией, которая формирует у читателя образ автора оригинала. Процесс собственно перевода есть уже вторая интерпретация, для ее реализации у переводчика имеется несколько путей.

Развитие русской литературы в XIX в. происходило в традициях, представлявшихся немецкому читателю отчасти чуждыми, отчасти устаревшими. Классовая структура общества в России и Германии была различной, отсюда вытекали и различия в общественно-социальной проблематике литератур обеих стран. Не следует забывать и о различной внутренней зрелости обеих литератур: в России лишь Пушкин достиг тех высот, которыми в Германии овладел уже молодой Гете.

Личные контакты передовых представителей культуры и литературы обоих народов, а также переводы российских немцев образуют начало восприятия художественного творчества Пуш-

кина в Германии. Вильгельм Кюхельбекер, друг и соратник Пушкина, объездивший Германию и Францию в качестве личного секретаря надворного советника Нарышкина, был первым пропагандистом творчества русского поэта в Германии. Сохранились документы, свидетельствующие о его встрече с популярным в то время немецким поэтом Кристофом-Августом Тидге (1752—1841); при этой встрече Кюхельбекер много рассказывал о Пушкине и оставил ему переводы нескольких стихотворений Батюшкова и Пушкина, которые Тидге обещал обработать и опубликовать в одном из журналов. Неизвестно, о каких стихотворениях шла речь, и, поскольку в периодических изданиях тех лет упомянутые переводы отсутствуют, надо полагать, что Тидге своего слова не сдержал. Остается только сожалеть, что судьба свела Кюхельбекера именно с Тидге, чей поэтический талант и эстетический кругозор были довольно ограниченными. Характерно, что отзывы Гете о Тидге просто уничтожающи.¹

С осени 1820 по начало 1822 г. продолжалась первая заграничная поездка В. А. Жуковского. Он, несомненно, также беседовал с Тидге и другими немецкими литераторами о Пушкине, хотя документальных подтверждений этого не сохранилось. Во время второй своей поездки за рубеж в 1826 г. Жуковский посетил Гете и вел с ним беседу о ставшем в то время уже знаменитым Пушкине. Много говорил с Гете о Пушкине и Антон Дитрих, немецкий врач-невропатолог, лечивший в России душевнобольного Батюшкова и интенсивно занимавшийся изучением русской народной поэзии и литературы. 15 ноября 1830 г. он пишет Жуковскому о встрече с Пушкиным, имевшей место, по видимому, в апреле 1830 г. в Москве. Дитрих сожалеет о том, что не получил от Пушкина сборника его стихов, который позволил бы ему переводить произведения поэта на немецкий язык.

Первое стихотворение А. С. Пушкина в немецком переводе появилось в 1823 г. вместе с фрагментом из «Руслана и Людмилы» в поэтической антологии Карла-Фридриха фон дер Борга.² Это эпиграмма «История стихотворца», помещенная без указания имени автора. Последние произведения Пушкина, а также сведения о развитии литературного процесса в России фон дер Борг получил из рук поэта Николая Языкова.³ Антология снабжена приложением с примечаниями, которые в большой мере исходят из «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (СПб., 1822). О Пушкине сказано: «У него много лирических стихотворений, посланий и т. п., наиболее же значительными его творениями являются изданное в Петербурге

¹ Briefwechsel zwischen Goethe und Zeller in den Jahren 1796 bis 1832 / Hrsg. von F. W. Riemer. Berlin, 1833—1834, Bd 1, S. 296.

² Poetische Erzeugnisse der Russen / Ein Versuch von Karl-Friedrich von der Borg: 2 Bde. Riga; Dorpat, 1823, Bd 2, S. 304. — Первый том вышел в Дерпте в 1820 г.

³ Письмо Н. М. Языкова А. М. Языкову от 13 ноября 1822 г. — В кн.: Языковский архив. СПб., 1913, вып. 1, с. 19.

романтическое стихотворение „Руслан и Людмила“ в 6 песнях и еще одно под названием „Кавказский пленник“, СПб., 1822. Оба стихотворения, а в особенности последнее, отличаются живостью изображения действительности, захватывающим повествованием и благозвучием, и Пушкин, благодаря этим произведениям, в расцвете юношеских сил стал в один ряд с крупнейшими русскими поэтами.⁴ Это был первый положительный отзыв о Пушкине, напечатанный в немецкой книге. Сборник стихотворений Пушкина появился лишь в 1826 г., так что вышедшие то тут, то там отдельные стихотворные произведения невозможно было охватить во всей полноте, тем самым на передний план выдвигается удачная романтическая поэма. Немецкая литературная критика долго не могла освободиться от этого первого впечатления, поскольку такое однобокое суждение затруднило понимание лирики Пушкина и его творчества вообще.

Сделанный Вульффертом перевод «Кавказского пленника», увидевший свет в Петербурге в 1824 г., был между тем практически неизвестен в Германии. Доктор Фридрих Отто, получивший известность благодаря своему переводу «Опыта краткой истории русской литературы» Греча, в 1825 и 1826 гг. опубликовал в «Breslauer Zeitung» несколько статей о русской литературе, а 17 сентября 1825 г. — перевод «Черкесской песни» из «Кавказского пленника». Там же было помещено подробное изложение содержания «Бахчисарайского фонтана».

В середине 20-х гг. в немецких журналах регулярно начинают появляться сообщения о Пушкине — и, без сомнения, величие таланта поэта тотчас находит признание. Его произведения обсуждаются и представляются читателю по меньшей мере подробным изложением содержания или частичными переводами. Уже в 1824 г. «Zeitschrift für die elegante Welt» публикует заметку, в которой Пушкин назван «русским литературным феноменом», а также сказано несколько слов о «Бахчисарайском фонтане» и «Воспоминаниях в Царском Селе». В начале 1826 г. в статье о русских литературных журналах «Literarisches Conversationsblatt» напечатал несколько отрывков из «Цыган»,⁵ немного времени спустя, наряду с сообщением о «Руслане и Людмиле», — краткое содержание «Бахчисарайского фонтана»⁶ с частичным прозаическим переводом. В этом же году издававшийся Генрихом Брокгаузом журнал «Morgenblatt für gebildete Stände» напечатал отзыв о значении творчества поэта.

Леонгард фон Будберг, прибалтийский немец, снабжавший газету «Blätter für gebildete Leser» с 1824 по 1826 г. статьями о состоянии русской литературы, пишет в сообщении из Петер-

⁴ Poetische Erzeugnisse der Russen, S. 403—404.

⁵ Der Polarstern: Ein Taschenbuch für das Jahr 1825 von den Autoren A. Bestushev und K. Rylejeff. — Literarisches Conversationsblatt, 2.02.1826, Nr. 27.

⁶ Baktschi-Sarasky Fontan, d. h. die Fontane zu Baktschi-Sarai. — Literarisches Conversationsblatt, 20.03.1826, Nr. 67.

бурга о литературных процессах, протекавших в жизни русского общества, и о значении некоторых русских писателей, из которых, по его мнению, особой симпатией публики пользуется Пушкин. Об авторе «Цыган» говорится далее: «Счастливее всех в этом отношении, без сомнения, страстно любимый своими согражданами молодой поэт Пушкин, которого по праву можно назвать русским Байроном за его выдающийся и на удивление плодovitый талант».⁷ А два месяца спустя Будберг пишет с еще большим восторгом: «По праву обожествляемый всеми своими согражданами поэт Пушкин на днях завершил очередной плод своего неисчерпаемого таланта — „Цыган“, однако этот эксцентрический ум, это поистине выдающееся явление на горизонте новейшей русской литературы никогда не испытывает потребности в отдыхе от своих многообразных занятий; он уже обрабатывает материал для русской трагедии, которая вскоре выйдет под названием „Борис Годунов“. У него имеются уже наброски некоторых других поэтических сюжетов, которые в скором времени должны увидеть свет как законченные произведения».⁸ В это же время в Петербурге выходит уже известный в Германии «Бахчисарайский фонтан».⁹

В заметке Николая Борхарда о романтической поэме «Цыганы» читаем: «Известная ранее по некоторым фрагментам и с нетерпением ожидавшаяся поэма одного из любимейших поэтов России наконец опубликована! Не сыщется кабинета государственного мужа и ученого, частной библиотеки или будуара светской дамы, где бы ее не встречали с восторгом...».¹⁰ В одном из номеров той же газеты в статье «Поэт Пушкин» имеется рецензия на роман в стихах «Евгений Онегин», который поначалу был благожелательно встречен в Германии: «К числу отличнейших поэтов, которых в настоящее время имеет Россия, без сомнения принадлежит Александр Пушкин <...> Теперь вышел первый том его романа в стихах, названного „Евгений Онегин“; роман этот, по заверениям знатоков русского языка, должен быть превосходным. Кстати, Пушкин пользуется особым покровительством нынешнего царя, последний вечерами лично читает его рукописи и порой высказывает ему свои замечания: преимущество, благодаря которому поэт, в отличие от своих собратьев по перу, избегает цензурных рогаток».¹¹ Год спустя это произведение подробно разбирается той же газетой. Правда, «Евгений Онегин» рассматривается как подражание «Дон Жуану» Байрона, но все же о Пушкине автор статьи отзываясь с почтением и в конечном счете по достоинству оценивает новое произведение, говоря следующее: «Простое повествование благодаря прелести поэтики, тонким наблюдениям, необычайно кра-

⁷ Morgenblatt für gebildete Stände, 15.05.1826, Nr. 115.

⁸ Neueste russische Literatur. — Literaturblatt, 7 und 11.07.1826, Nr. 54, 55.

⁹ Der Trauerquell. SPB, 1826.

¹⁰ Blätter für literarische Unterhaltung, 2.06.1828, Nr. 126.

¹¹ Ibid., 6.08.1828, Nr. 180.

сочным описаниям, благодаря глубокому и полному проникновению в человеческую жизнь делает это произведение шедевром творчества, который каждый мыслящий читатель пойдет в высшей степени привлекательным».¹²

В 1828 г. выходит двухтомное издание стихотворений Пушкина, так что его лирике может быть, наконец, уделено соответствующее внимание. «Blätter für literarische Unterhaltung» опубликовал в 1830 г. в переводе на немецкий язык стихотворения «Черная шаль» и «Телега жизни».¹³ Немного позже будут переведены напечатанные в «Северных цветах» (за 1829 г.) стихотворения «Ворон к ворону летит» и «Город пышный, город бедный».

В журнале «Das Ausland» за 1830 г. в статье «Русские поэты» находим упоминание об А. С. Пушкине по случаю выхода «Полтавы»: «Стихотворение отличается той необычайной красотой, живостью и энергичностью стиля, за которые Пушкин заслужил лестное прозвище „русский Байрон“; но, как и большинство творений его музы, оно является лишь фрагментом, и остается только сожалеть о том, что человек, способный на большее, ограничивается одними набросками, вместо того чтобы направить свой талант на создание законченного шедевра».¹⁴ (Авторство данной статьи, к сожалению, не установлено.)

Несмотря на довольно обширную информацию, уровень знаний о Пушкине и его творчестве оставался относительно невысоким. Об этом свидетельствуют вышедшая в 1830 г. энциклопедия Брокгауза (Allgemeine deutsche Real-Enzyklopädie für die gebildeten Stände), а также статья «Русская литература», которую лейпцигская газета «Blätter aus der Gegenwart» перепечатала из «Revue litteraire». Из произведений Пушкина в этих изданиях названы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин», «Полтава», «Руслан и Шевелана» (!?),¹⁵ причем последнее название — явная путаница со «Светланой» Жуковского. В то время как Пушкин уже осуществил в своем творчестве качественный переход к реализму, Брокгауз помещает о нем скудное и отчасти даже ложное сообщение; за крупнейшего русского писателя выдается Карамзин, а о самом Пушкине мы среди прочего читаем, что им написаны ода «Вольность», «Воспоминания в Царском Селе», «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» («Kaw-Koskoj Plennik»). Далее эти произведения, в особенности «Бахчисарайский фонтан», именуются украшением русского Парнаса. Здесь мы находим также краткий пересказ содержания названных произведений и биографию их автора. Предполагается, что немецкий автор (имя его, к сожалению, неизвестно) не смог проверить имевшуюся

¹² Ibid., 15.10.1829, Nr. 238 (Ewgeni Onegin... SPB, 1825—1828).

¹³ Blätter für literarische Unterhaltung, 15.11.1830, Nr. 319 (Notizen über russische Literatur).

¹⁴ Russische Dichter. — Das Ausland, 31.12.1830, Nr. 365.

¹⁵ Blätter aus der Gegenwart. Leipzig, 1831, Nr. 71.

в его распоряжении информация. В пользу этого факта говорят искажения некоторых русских имен собственных, а также такие в высшей степени сомнительные примечания, как например в конце статьи: «Небольшое его <Пушкина> стихотворение „Евгений Онегин“ изображает фривольную жизнь молодого человека в Петербурге. Пушкин также работает над трагедией „Борис Годунов“ <Godunaff>, продолжением которой будет „Лжедмитрий“ <„Der falsche Demetrius“>». ¹⁶ Предполагается, что источником информации о русской литературе для автора данной статьи являлись Шевырев или Погодин или, по крайней мере, знакомые с ними лица, поскольку в одном из писем Погодину Шевырев сообщает, что Пушкин намерен продолжать свою драму «Борис Годунов» и что продолжение это будет называться «Лжедмитрий». ¹⁷

Если проследить первые десять лет знакомства немецкого читателя с творчеством Пушкина, то прежде всего бросаются в глаза односторонний выбор его произведений для перевода, среди которых самое большое место занимают романтические поэмы, и некачественность переводов. Все это никак не способствовало пониманию личности автора и его произведений. Во всех переведенных произведениях отсутствовали мотивы свободолюбия, присущие творчеству Пушкина, единомышленника декабристов. Это сознательное умалчивание являлось заслугой не только царской цензуры, сделавшей невозможной публикацию многих пушкинских политических стихотворений, но и реакционного правительства Германии. Например, внимание читателей Франции было привлечено как раз к распространявшимся в рукописях и, следовательно, запрещенным цензурой стихам. И если в Германии 20-х гг. о них ничего не было известно (за исключением мимолетного упоминания об оде «Вольность» в энциклопедии Брокгауза), то на это есть более глубокие причины. В то время как русское освободительное движение переживало подъем (1812—1825 гг.) и лишь в 1826 г., после разгрома восстания декабристов, сменилось определенной депрессией, освободительные устремления молодой германской буржуазии уже вскоре после 1819 г. беспощадно подавлялись реакционным правительством. Поэзия, темы которой были бы созвучны идеям декабристов, в Германии 20-х гг. не находила резонанса, чего нельзя сказать о Франции.

Польское восстание 1830 г., жестоко подавленное николаевским режимом, вызвало мощную волну антирусских настроений. Интерес к русской литературе и, в частности, к Пушкину резко падает, чему немало способствовало появление стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», написанных в 1831 г. и тотчас же переведенных на немецкий язык. Немец-

¹⁶ Allgemeine deutsche Real-Enzyklopädie die gebildeten Stände. Leipzig, 1830, Bd 8, S. 937.

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 40.

кая оппозиционно настроенная буржуазия не смогла разобраться в сложных классовых противоречиях Польского восстания. Она приветствовала свободололюбивые устремления поляков и идентифицировала все русское с царизмом. Любая акция, направленная против России, встречалась с одобрением. Не случайно до немецкого читателя дошли именно эти стихотворения Пушкина. В самой России они уже были использованы царизмом в пропагандистских целях.¹⁸ Граф С. С. Уваров лично выразил Пушкину свое восхищение¹⁹ и сам перевел стихотворение «Клеветникам России» на французский язык. О скором переводе на немецкий позаботился Вульферт,²⁰ за что и снискал «высочайшее благорасположение».²¹ Поэтому не приходится удивляться, что немецкий читатель воспринял Пушкина как апологета царской политики. До 1834 г. стихотворение «Клеветникам России» переводилось шесть раз, в дальнейшем к нему обращались в общей сложности 12 (!) переводчиков,²² словно оно заслуживало особого внимания среди других произведений поэта.

Наряду с интенсивной полемикой вокруг творчества Пушкина в связи с упомянутыми выше стихотворениями во второй половине 30-х гг. в рецензиях немецких журналов на отдельные его произведения все большее место начинает занимать тема сопоставления Пушкина с Байроном. Это сопоставление было вполне обоснованным для определенного периода творчества поэта,²³ оно использовалось русской литературной критикой для того, чтобы подчеркнуть его масштаб. Но с некоторых пор, несмотря на реалистический характер творчества Пушкина, его стали выставлять подражателем Байрону.

Здесь уместны некоторые замечания по поводу восприятия в Германии пушкинской драмы «Борис Годунов». За довольно короткое время она была четыре раза переведена на немецкий язык,²⁴ отрывки в переводе публиковались во многих литературных газетах и журналах того времени, всюду она была встречена с одобрением, можно даже сказать — с восторгом. Приведем здесь цитату из рецензии, в которой эта драма признана одним из наиболее удачных и своеобразных творений русской музы: «Не будет преувеличением сказать, что она <русская муза>

¹⁸ См.: На взятие Варшавы. Три стихотворения Жуковского и Пушкина: Broschüre der St. Petersburgen Militärdruckerei, 1831.

¹⁹ «Я восхищен Вашими прекрасными, поистине народными стихами» (Пушкин: Исследования и материалы, т. 3, с. 224, примеч. 18).

²⁰ Eichhorn E. Die Geschichte der St. Petersburgen Zeitung. 1727—1902. SPB, 1902, S. 16 f.

²¹ Предположение, что этот перевод принадлежит именно Вульферту, обосновано В. П. Городецким (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935, т. 3, с. 100).

²² Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland. 1820—1870. Berlin, 1964, S. 37, Anm. 85.

²³ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Пг., 1924.

²⁴ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur (1800—1848). Berlin, 1970, S. 369.

этим завоевала себе право на самобытность <Freibrief>. Русские критики упрекали драму в анахронизме и ложном пафосе, мы также, впрочем, отметим в ней местами некоторую торопливость, отсутствие порой строгой мотивировки и последовательности; но по богатству и подлинности характеров, по новизне и прелести описаний природы, по силе живописания человеческой души мы ставим „Бориса Годунова“ несомненно выше целого сонма исторических трагедий, которые, к примеру, призваны драматизировать историю Гогенштауфенов, — в один ряд с „Эгмонтом“ и „Гецем“». ²⁵

Таким образом, мы можем убедиться, что произведение было в целом весьма положительно воспринято в Германии, что эту драму ставили в один ряд с историческими драмами Гете, а ее автор заслужил внимание и уважение читателей (невзирая на все недостатки перевода). Эта рецензия имеет большое значение не только для восприятия творчества Пушкина, но и для процесса восприятия русской литературы в Германии вообще, так как в атмосфере неприятия и предвзятости, царивших в 30-х гг., когда даже Пушкина считали скорее талантливым подражателем, нежели самобытным поэтом, утверждение, подобное вышеприведенному, содержит невысказанное признание в недооценке русской литературы.

В 1834 г. тот же печатный орган положительно высказывается о Пушкине по случаю выхода очень удачной в плане языка антологии русской поэзии в переводе Каролины фон Яниш (Павловой): ²⁶ «Пушкин — русский Байрон по силе и полноте чувства <...> но более верящий, более примиренный с действительностью и более мудрый. Лирика — его жанр, о чем свидетельствуют четыре фрагмента из „Цыган“, его „Пророк“, „Песня“, „Эхо“ и другие прекрасные произведения, приводимые здесь. Еще более, чем русским Байроном — в какой бы степени он действительно ни являлся кумиром поэта, — мы хотели бы назвать его за убежденный идеализм русским Шиллером, на которого от год от года все более становится похожим, по мере того как отходят в прошлое первые, слишком смелые поэтические выступления. Гордость и надежда русской Музы, он достаточно молод, чтобы осуществить любые замыслы, ибо во всей остальной Европе не найдется, пожалуй, других таких гигантов духа, как русский Пушкин и поляк Мицкевич».²⁷ Здесь необходимо отметить, что этот положительный отзыв был бы невозможен без успешной работы переводчицы — Каролины фон Яниш: ее переводы просто великолепны. Показательно, что для рецензента значение Пушкина в Европе — очевидный факт. Впервые поэт удостоивается высокой оценки как лирик. От внимания рецензента не

²⁵ Russische Bibliothek für Deutsche. — Blätter für literarische Unterhaltung, 12.02.1833, Nr. 43.

²⁶ Das Nordlicht: Proben der neuen russischen Literatur. Dresden; Leipzig, 1833.

²⁷ Blätter für literarische Unterhaltung, 27.02.1834, Nr. 58.

ускользнуло богатство выразительных средств пушкинской лирики. Довольно неожиданное сравнение с Шиллером, должно быть, есть не что иное, как попытка противопоставить нечто более актуальное затертому сравнению с Байроном. Если вспомнить, как высоко ценился Шиллер среди прогрессивной немецкой молодежи в то время, сравнение это приобретает дополнительный оттенок. Не только мировая скорбь и скепсис приписываются Пушкину, но и вера в силу разума и оптимизм. Это было нечто новое для немецкого читателя.

Примерно в то же самое время «Magazin für die Literatur des Auslands» перепечатывает статью из английского журнала «Foreign Quarterley Review», где сравнение Пушкина с Байроном подвергается критической переоценке: «Александра Пушкина многие на его родине называют русским Байроном, — титул, который слишком почетен, если к нему прилагается та же мощь поэтического гения, который кажется более лестным, чем верным, если имеется в виду сходство форм и манеры. Речь не идет о полном отсутствии своеобразия у Пушкина; однако Байрон, без сомнения, служил ему образцом. От него берут начало и стиль, и способ описывать предметы, в особенности в повествующих стихотворениях Пушкина. . . Юмор и сатира у него — тоже подражание Байрону, ибо так же, как он, хотя и с меньшим успехом, русский поэт облачает свою гибкую Музу в сатирические одежды. Его „Онегин“ стоит намного ниже „Дон Жуана“ и „Беппо“». ²⁸ Однако несмотря на все сказанное, автор статьи вынужден признать, что «Пушкинское направление» увело русскую читающую публику от «однобокого восхищения и подражания французским образцам».

В течение последующих пяти лет — с 1832 по 1837 г., т. е. до самой гибели Пушкина, мы не находим новых публикаций о нем. Впрочем, к создававшимся до сих пор исключительно в России переводам его произведений добавляются немногие появившиеся в немецких журналах: «Magazin für die Literatur des Auslands» публикует «Kirdshali, der Räuber» ²⁹ в анонимном переводе, в «Preußischer Volksfreund» появляется повесть «Выстрел» в переводе Бруно Кюна, ³⁰ Фридрих Тиц перепечатывает в «Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands» переводы трех стихотворений. ³¹ Заслуживает внимания тот факт, что последний являлся единственным в ту пору немцем, сообщавшим о личной встрече с Пушкиным. ³² Тиц ценил Пушкина как поэта, но не

²⁸ Magazin für die Literatur des Auslands, 6.07.1832, Nr. 69 (Alexander Puschkin).

²⁹ Ibid., 23.01.1835, Nr. 10.

³⁰ Kühn B. Der Zweikampf. Nach dem russischen Originaltext des A. Puschkin. — Preußischer Volksfreund, Nr. 142—143.

³¹ An Rußlands Feinde. — Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands, 1836, Nr. 66; Der Sänger. — Ibid., Nr. 69; Der schwarze Schawl. — Ibid., Nr. 71.

³² Tietz F. Bunte Skizzen aus Ost und Süd / Entworfen und gesammelt in Preußen, Rußland, der Türkei, Griechenland, auf den ionischen Inseln und in Italien: 2 Bde. Leipzig, 1838, S. 244—257.

мог бы, по его словам, полюбить его как человека, «ибо в сердце своём он <Пушкин> вряд ли исповедовал какую-либо религию».³³ Сам Тиц был убежденным монархистом и сторонником царистской политики в Европе. В Николае I он видел «воистину благородного человека, на которого молится его народ <...> ропот копошащихся во тьме кротов ныне стих и ушел в небытие, где ему, собственно, и место», — писал он в 1836 г.³⁴ Явным стремлением Тица было представить русского поэта вторым Байроном, что доказывает его описание встречи с Пушкиным.³⁵ С такой установкой он мог рассчитывать на больший успех у публики, чем Каролина фон Яниш. Хотя Тиц и прекратил вскоре занятия переводами Пушкина, некоторые из его работ вошли в антологии русской литературы XIX в. Насколько мало мог он понимать русского поэта со своих эпигонско-романтических позиций, свидетельствует тот факт, что переводчик ставил его в один ряд с Уваровым (!), Жуковским и Козловым.³⁶

В то время как Тиц публиковал свои переводы, произошел новый поворот событий, ставший драматическим эпизодом в процессе немецко-русских литературных связей. Внешней причиной была внезапная гибель Пушкина в феврале 1837 г. Официальная версия, будто перед смертью Пушкин пошел на примирение с царизмом, вызвала сомнение в передовых кругах немецких читателей. Смерть поэта расценивалась как «социально-политическое событие, объяснение которому — в варварских обстоятельствах».³⁷ Вместе с ростом симпатий к «жертве дворцовой интриги» рос и интерес к творчеству Пушкина. В журналах того времени наряду с простым изложением истории дуэли и ее последствий зачастую можно встретить и подробные рассуждения на эту тему и, таким образом, более или менее подробную характеристику Пушкина и его значения как поэта. Для некоторых печатных органов гибель Пушкина послужила поводом для первого упоминания о нем и его произведениях вообще. В журнале «Вигора» читаем: «Поэты сродни звездам тем, что вблизи можно заметить и наблюдать и малые, и даже светящиеся отраженным светом, издалека же видны лишь звезды первой величины. К таким относится русский поэт Пушкин, который, как недавно сообщали газеты, пал на дуэли от руки собственного шурина. Эхо этого выстрела гремит по всей России. Ибо Пушкин, как бы мало он ни был похож на Шиллера как внешне, так и своим творчеством, был, пожалуй, более народным поэтом для России, чем Шиллер для нас. Любой его замысел, любое проявление его кипучей натуры распространялись мгновенно до Сибири и Кавказа. Не будет ли уместным нам здесь, в Герма-

³³ Das Ausland, 1837, Nr. 89, S. 353, Nr. 90, S. 357—359.

³⁴ Erinnerungsskizze aus Rußland, der Türkei und Griechenland / Entworfen vom Legationsrath Tietz. Coburg; Leipzig, 1836, T. 1, S. 14.

³⁵ Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland, S. 48.

³⁶ Tietz F. Bunte Skizzen aus Ost und Süd. . . , T. 1, S. 231.

³⁷ Zeitung für die Elegante Welt, 1837, Nr. 214, S. 853.

нии, с помощью „Европы“ сказать несколько слов об этом европейце, тем более что они основываются на высказываниях одного из сограждан поэта?»³⁸

Итак, на примере знакомства с творчеством А. С. Пушкина в Германии при жизни поэта можно убедиться в том, что процесс восприятия национальной литературы одной страны в другой неизбежно определяется политическими, социальными и культурными условиями, характерными для общественной жизни воспринимавшей стороны. Первые контакты русского и немецкого народов происходили во время войн с Наполеоном, в обстановке общего подъема национального духа. Практически все слои населения Германии симпатизировали русским, видя в них освободителей от наполеоновской тирании. Неудивительно, что начало систематического изучения русской литературы приходится именно на данный период. Этому способствовало и господствовавшее в литературе того времени романтическое направление, одна из заслуг которого состоит в стимулировании изучения прошлого своего народа, его национальной самобытности и художественного творчества, а также в достижении внутренней готовности изучать историю и культуру других народов. Немецкий читатель с интересом следил за всеми публикациями из России, а также за переводами на свой родной язык произведений великих русских мастеров слова, к которым относили и молодого Пушкина. Благожелательное отношение к Пушкину с особенной силой выражалось в характеристике «русский Байрон», чем подчеркивался масштаб таланта поэта. Но по мере того как интерес к России сменялся открытой неприязнью, отождествлением всего русского с царизмом, росла готовность немецкого читателя принять официальное утверждение, будто Пушкин был царским верноподданным. Сравнение с Байроном приобрело уничижительный оттенок, стало походить на обвинение в эпигонстве. В художественном плане процесс восприятия творчества Пушкина, в особенности его лирики, был усложнен определенными эстетическими принципами, выдвинутыми новым литературным направлением «Молодая Германия». Эти принципы заключались в превознесении прозаических форм наряду с принижением значения поэзии и, прежде всего, в программном требовании политической направленности литературы. Именно это новое литературное направление, сложившееся после 1830 г., определяло в дальнейшем развитие публицистики и литературной критики в Германии вплоть до 40-х гг. Таким образом, лишь после смерти поэта начался новый этап в процессе восприятия творчества Пушкина — период переосмысления его литературной деятельности.

³⁸ Речь, по-видимому, идет о Н. Мельгунове, так как данная статья написана его другом, немецким писателем Кенигом. С 1837 г. они вдвоем издавали «Literarische Bilder aus Rußland» (Europa, 1837, Bd 2, S. 23—28).

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

«Простите, верные дубравы»

Как известно, автограф стихотворения «Простите, верные дубравы» не сохранился. Его текст известен по копиям, сделанным П. А. Осиповой — в ее домашнем альбоме¹ и на отдельном листе,² — и по публикации М. И. Семевского в статье «Прогулка в Тригорское. (Заметки и материалы для биографий Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига)».³

Обращение к некоторым известным материалам тригорского архива и архива братьев Тургеневых позволяет ввести в круг зафиксированных источников текста еще две ранее не учтенные копии пушкинского стихотворения.

Первая из них — в альбоме Анны Николаевны Вульф, который хранится в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР и хорошо известен пушкинистам, поскольку содержит пушкинские автографы (л. 20 и 59): отрывок из «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа 46) с английской записью из Кольриджа, сделанной 2 октября 1835 г.; стихотворение барона А. А. Дельвига «романс „Не говори: любовь пройдет“», переписанное Пушкиным в октябре (?) 1835 г.⁴

Альбом был подарен А. Н. Вульф ее материю П. А. Осиповой, которая на первом листе сделала памятную запись о том, что переписала пушкинские стихи «Простите, верные дубравы». Под текстом подпись: «А. Пушкин». 1817 сент<ября> 10-го». Как заметил М. Л. Гофман, хорошо знакомый с домашними альбомами Осиповых-Вульф, «Осипова дарила своим дочерям альбомы, заполняя собственноручно первую страницу указанным стихотворением Пушкина и, быть может, выставляя дату, относящуюся к подарку альбома».⁵

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 240. — Это наиболее авторитетный список, по которому и публикуется стихотворение.

² Там же, № 58.

³ «С.-Петербургские ведомости», 1866, № 175, 29 июня (11 июля).

⁴ ПД, № 211. — Альбом привез в 1913 г. из Малинников М. Гофман, который ошибочно считал его принадлежащим Евпраксии Вульф.

⁵ Гофман М. Л. Из пушкинских мест. — В кн.: Пушкин и его современники. Пгр., 1914, вып. 19—20, с. 98.

Это стихотворение Оспова, видимо, записала по памяти — с варпантом в первой строке: *милые дубравы*, вместо *верные*, как это было в копии, находившейся в ее собственном альбоме. Замечу, что именно этот эпитет особенно легко варьировался: в позднейшей копии, сделанной Осиповой же на отдельном листке большого формата (см. выше, примеч. 2), читаем *мирные дубравы*.

Замены, произведенные П. А. Осиповой, весьма характерны. Она заменяет непривычное для нее словосочетание *верные дубравы* традиционными для сентиментальной элегической поэзии формулами: *мирные дубравы* или *милые дубравы*. *Мирные дубравы*, вероятно, могли бы быть в пушкинском стихотворении; такое словосочетание находим, например, в «Руслане и Людмиле»:

Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат...

Но, во-первых, мешает следующая строка, где есть слово *мир*:

Прости, беспечный мир полей, —

а во-вторых, Пушкина, вероятно, не удовлетворяли элегические штампы, к числу которых принадлежали выражения *мирные* и *милые дубравы*. Его стихотворение, посвященное реальным людям и реальным обстоятельствам, с трудом укладывалось в стилистические нормы элегической поэзии с ее условно-поэтическим языком.

Традиционные, однозначные эпитеты типа *мирные*, *милые* не могли передать и многообразия смысловых оттенков. Определение *верные* расширяет смысловую и эмоциональный диапазон стихотворения. Этот эпитет неотделим от существительного *друзья*; так определяемое слово *дубравы* получает дополнительную смысловую нагрузку: поэт прощается с природой Тригорского, как со своим лучшим другом, — она неразделима для Пушкина с его обитателями. Ср. в седьмой главе «Евгения Онегина»:

Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит.

Так, первая строка уже задает тон всему стихотворению — глубоко личному по своему характеру.⁶

Полностью идентична тексту в альбоме А. Н. Вульф еще одна сделанная П. А. Осиповой копия, приложенная к ее письму А. И. Тургеневу от 17 февраля 1837 г.⁷ Возможно, она сделана со списка в этом альбоме: только в ней и в записи в альбоме Вульф первая строка читается «Простите, *милые дубравы*».⁸

Обе эти копии не учтены в академическом издании собрания сочинений А. С. Пушкина (см.: II (2), 1023—1024).

И. С. Чистова

⁶ См. об этом: Чичерин А. О стиле пушкинской лирики. — В кн.: В мире Пушкина. М., 1974, с. 303—304.

⁷ Письмо (без копии стихотворения) опубликовано в кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1908, вып. 6, с. 79—80.

⁸ См.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 34.

«Есть в России город Луга»

(К вопросу о датировке)

Стихотворение «Есть в России город Луга» традиционно датируется 1817 г. П. И. Бартечев ввел стихотворение в свой рассказ о поездке Пушкина с родными летом 1817 г. в Михайловское («Вышел из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери...» — XII, 304). Публикация сопровождалась следующим пояснением, касающимся истории создания стихотворения: «Михайловское, расстоянием почти на 400 верст от Петербурга, находится в Псковской губернии, в Опочковском уезде, в 20 верстах от города *Новоржева*. Туда отправились Пушкины на лето 1817 года всею семьею. Они ехали по большой дороге на город Лугу, о чем упоминал Александр Сергеевич к кому-то в письме, в котором, вероятно, описывал это путешествие и от которого сохранились в памяти одного из друзей его следующие забавные стихи».¹ Сведения, сообщенные Бартечевым, крайне неопределенны, поскольку в них отсутствуют какие бы то ни было конкретные реалии, даты, имена. Безусловно лишь, что стихотворение написано под впечатлением путешествия из Петербурга в Михайловское (или из Михайловского в Петербург?); наиболее удобный и кратчайший путь туда лежал через Гатчину, Лугу, Боровичи, Порхов, Ашево, Бежаницы, Новоржев.

Не случайно поэтому, что в ряде дореволюционных изданий сочинений Пушкина стихотворение датировалось по-разному, но в каждом случае непременно связывалось с той или иной поездкой в Михайловское, где поэт бывал в 1817, 1819, 1824—1826, 1827 и 1830-х гг. Обзор датировок пушкинского стихотворения был сделан в первом томе появившегося под редакцией С. А. Венгерова собрания сочинений Пушкина: «...пьеса («Есть в России город Луга». — *Ред.*) в разных изданиях относилась к разным годам. Анненков (т. VII, стр. 90) отнес ее к 1824 г., П. О. Морозов (изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. LVII) — к 1818 или 1819 гг., П. А. Ефремов (изд. А. С. Суворина, т. I, 1903, стр. 309) к 1818».² Характерно, что ни одно из перечисленных изданий не давало обоснования принятой датировки. Анненков, например, опубликовавший экспромт под редакторским заглавием «Из письма», сославшись на публикацию Бартечева, без всяких объяснений отнес стихотворение к 1824 г. Возможно, у него не было никаких конкретных доказательств в пользу предложенной им даты, и он руководствовался исключительно субъективными ощущениями, своим чутьем исследователя, подсказавшим ему иное по сравнению с общепринятым решение вопроса. В поддержку гипотезы о более поздней датировке стихотворения существует ряд косвенных свидетельств.

1. Заключительная строка *Новоржева моего* предполагает достаточно близкое знакомство поэта с этим городом, невозможное в момент первого путешествия в Михайловское. Наиболее вероятно, что «своим» Новоржев стал для поэта в годы Михайловской ссылки. В этот расположенный не-

¹ Бартечев П. И. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии, гл. 3-я (1817—1820). — Московские ведомости, 1855, 26 ноября, № 142 (Литературный отдел).

² Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Пушкин / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1907, т. 1, с. 452.

далеко от Михайловского уездный город Пушкину разрешено было выезжать, и он неоднократно бывал в Новоржеве; может быть, даже пользовался услугами новоржевской гостиницы. Известно, что ее владелец Д. С. Катосов хорошо знал Пушкина, так же как уездный судья Толстой и новоржевский заседатель П. Я. Чихачев, который был «сам лично знаком» с поэтом.³ Как правило, именно через Новоржев доходили до Пушкина известия из Петербурга. Пользовался он (как и его тригорские друзья) и новоржевской почтой.

2. Стихотворение «Есть в России город Луга» стилистически и эмоционально не укладывается в контекст лирики 1817 г., но вполне естественно читается в ряду более поздних стихотворений Пушкина. Уже первое из стихотворений «михайловского периода», озаглавленное «Из письма к Вульффу», по своему типу ближе комментируемому экспромту, чем любое из стихотворений 1817 г. Легко заметить также, что со стихотворением «Есть в России...» известным образом соотносятся поздние стихи Пушкина из его письма Соболевскому — «У Гальяни иль Кольони», связанные с поездкой поэта в сентябре 1826 г. в Москву. В письме от 9 ноября 1826 г. Пушкин сообщил Соболевскому о своем возвращении в Михайловское и «в доказательство дружбы» посылал ему свой «itinéraire» — маршрут от Москвы до Новгорода.

Стихи «У Гальяни иль Кольони» представляют собой шуточное описание пути от Москвы до Новгорода, выполненное в том же поэтическом ключе, что и интересующее нас стихотворение «Есть в России город Луга», характеризующее маршрут Петербург—Михайловское.

Может быть, веселая стихотворная шутка о Луге с Новоржевом была включена в одно из писем к тому же Соболевскому, остролову, эпиграмматисту, автору стихотворных шуток, с которым поэт состоял в переписке в 1826—1834 гг.? Известно, что период наиболее близкого и живого общения Пушкина с Соболевским относится ко времени возвращения поэта из ссылки в 1826 г. В начале сентября этого года Пушкин приезжает в Москву, в начале ноября отправляется в Михайловское (напомню, что из Михайловского он пишет Соболевскому), в конце декабря Пушкин вновь в Москве, живет у Соболевского, которого, по свидетельству современников, «любит за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами...»⁴ Один такой экспромт небезынтересен в контексте представленных здесь соображений относительно стихов «Есть в России город Луга». Я имею в виду явно корреспондирующие с пушкинской шуткой об «ужасном» городе Новоржеве стихи Соболевского, озаглавленные «Орел с его уздами», где есть такие, например, строки:

Брянск, Малоархангельск, Ливны
И Карачев мне противны;
Пресловутый ваш Елец
Мерзок из конца в конец,
Мценск ваш, Болхов, да и Кромы
Мне по гадостям знакомы...⁵

³ См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. «Л.», 1925, с. 23—24.

⁴ Соболевский — друг Пушкина / Ст. В. И. Сайтова. СПб., 1922, с. 13.

⁵ Русский архив, 1885, т. 1, с. 143—144.

И в заключение — одно двустипие:

Город есть еще один,
Называется он Мглин...⁶

Это уже стихи А. К. Толстого, написанные в 1861 г. на мотив пушкинского экспромта. Цитированные выше забавные вирши Соболевского стоят с ними в одном поэтическом ряду.

И. С. Чистова

⁶ Толстой А. К. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1969, т. 1, с. 444.

«Тому [одно, одно] мгновенье...»

В болдинских бумагах Пушкина сохранился набросок, датированный предположительно сентябрем 1830 г.:

Тому [одно, одно] мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
[опалена]
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

(III, 465)

В пушкиноведении не указано, что этот набросок свидетельствует о попытке Пушкина перевести стихотворение Барри Корнуолла «К розе» («On a Rose»). Пушкинские строки соответствуют следующим стихам английского поэта:

Alas! and but last night I saw thee lying
Upon the whitest bosom in the world,
And now thy crimson leaves are parch'd and curl'd.
Is it that Love hath with his fiery breath
Blown on thee, until thou wast fain to perish <...»

(Подстрочный перевод: «Увы! и всего лишь вчера вечером я видал тебя <цветок> лежащим на самой белоснежной груди в мире, а сейчас твои лепестки засохли и сморщились. Значит, это Любовь своим огненным дыханием подула на тебя так, что ты обречен на смерть <...»).

Стихотворение Корнуолла было включено в сборник произведений четырех английских поэтов,¹ привезенный Пушкиным с собой в Болдино. По этой же книге поэт познакомился с произведениями Корнуолла, послужившими литературной основой для нескольких болдинских произведений («Я здесь, Инезилья...», «Заклинание», «Из Wargy Cornwall», «Маленькие трагедии»), что в разное время указывалось исследователями.²

¹ The Poetical works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall. Paris, 1829, p. 154 (каждый из четырех разделов книги имеет свою пагинацию).

² См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 284—285; Михайлов Мих. Драматические сцены Барри

М. П. Алексеев, обращавшийся к теме розы у Пушкина,³ не затронул этих стихов. Включить их в цепь пушкинских стихотворений о розе пытается И. И. Грибушин, считающий набросок возвращением к теме стихотворения «Есть роза дивная: она...» (1827) и предвосхищением болдинского «Отрывка» («Не розу пафосскую...»; черновой автограф датруется концом октября—началом ноября 1830 г.), который, по мнению исследователя, «полностью закончен» и которым «символика розы <...> была исчерпана». ⁴ Думается, И. И. Грибушин прав: связь наброска с «Отрывком» есть. Но обнаружение источника вносит новый акцент: сам «Отрывок», возможно, тоже связан не только с известной традицией (И. И. Грибушин выделяет здесь стихотворение Веневитинова «Три розы»), но и — прямо или косвенно — со стихотворением «К розе» Корнуолла.

Почему же Пушкин оставил работу над переводом?

Стихотворение Корнуолла написано в тональности грусти и пессимизма. Роза названа «унылым цветком» («dull flower»), и сожаление о ее гибели — лейтмотив стихотворения. Любовь здесь выступает как сила, которая, хотя и «стремится делаять» («so strives to cherish»), в действительности испепеляет «огненным дыханием» («fiery breath»). Пушкин, закончив свой «Отрывок» стихами:

Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей...

(III, 258)

даст совершенно иную трактовку темы: роза у него не «унылая», а «счастливая» (в автографах несколько раз появляется эпитет «блаженная» — III, 869); всякое сожаление о цветке исчезает в радости любви. По словам И. И. Грибушина, симпатии Пушкина — «<...> на стороне жизни, мирской красоты, земного чувства любви». ⁵

Причина прекращения работы Пушкина над стихотворением английского поэта, видимо, в том, что по своему настроению оно было чуждо ему. Отказавшись от перевода, он тем не менее вернулся к мотиву Корнуолла (роза, умирающая на груди любимой женщины) в другом стихотворении («Отрывок»), дав своеобразный «ответ» английскому поэту.

Вопрос о влиянии поэзии Корнуолла на творчество Пушкина, возможно, еще не исчерпан. Атмосфера английской поэзии могла питать и

Корнуоля. — Русское слово, 1860, № 3, с. 245—246; Яковлев Н. В. 1) «Последний литературный собеседник Пушкина» (Бари Корнуоль). — В кн.: Пушкин и его современники. Пг., 1917, вып. 28, с. 5—20; 2) Об источниках «Пира во время чумы». — В кн.: Пушкинский сборник. М.; Пг., 1922, с. 124—125, 130—132.

³ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 326—377.

⁴ Грибушин И. И. «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихи А. С. Пушкина о трех розах: (Смысловые, жанровые и композиционные связи). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Калининград, вып. 2, 1976, с. 36—38.

⁵ Грибушин И. И. «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихи А. С. Пушкина о трех розах, с. 37.

другие болдинские произведения. Она ассоциативно возникает в стихотворении «Для берегов отчизны дальней...», финальный образ которого — «поцелуй свиданья» — напоминает финал стихотворения Корнуолла «К —» («То —»),⁶ посвященного смерти любимой женщины и ожиданию новой встречи с ней в загробном мире: «И коснусь роз тех губ» («And touch the roses of those lips»). Кроме того, первые строки пушкинского стихотворения — «Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой» — есть калька, созданная по английскому образцу. Даже если стихотворение Пушкина не имеет в качестве прямого литературного источника «К —» Корнуолла, думается, оно все же связано в целом с английской поэтической традицией; особенно с поэзией Корнуолла, пронизанной «псифильскими» мотивами.

Принципиальная разница есть, однако, и здесь. Сохраняет силу замечание Н. В. Яковлева об отличии «Заклинания» от «An Invocation», программное для соотношения поэзии Пушкина и Корнуолла: «Что заставляет поэта тревожить тень возлюбленной? У Корнуоля — живой интерес к потустороннему. У Пушкина — совсем другое чувство — земное <...>».⁷

В заключение заметим, что оборот, подобный тому, каким начинается пушкинский набросок, уже встречался прежде в творчестве поэта. В шестой главе «Евгения Онегина» о погибшем Ленском сказано:

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье <...>
(VI, 130)

Таким образом, перед нами еще и своеобразная авторемниценция.

О. Л. Довгий, А. В. Кулагин

⁶ The Poetical works of ... Barry Cornwall, p. 142—143.

⁷ Яковлев Н. В. «Последний литературный собеседник Пушкина», с. 20.

«Если ехать вам случится»

1

В числе незавершенных черновых набросков Пушкина, обнаруженных и опубликованных после его смерти, имеется и такой:

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов —
От большой дороги справа,
[Между полем и селом],
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,

Окна блещут как пожар,
И, ездой сучая мимо
..... развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.
(III, 403)

Автограф (ПД, № 210) — на последней (четвертой) страничке сложенного вдвое листка синеватой почтовой бумаги. На первой страничке — другой черновой набросок: это стихи, которые Пушкин предназначал для окончания второй строфы стихотворения «.. Вновь я посетил». На развороте листа — карандашный черновик письма Пушкина к Е. Ф. Канкрину от 23 октября 1835 г. Набросок «Если ехать вам случится» предположительно датируется осенью 1835 г., поскольку, во-первых, два других текста на том же листке безусловно относятся к осени 1835 г., и, во-вторых, оба стихотворных наброска написаны одинаковыми чернилами, тем же почерком и, по-видимому, одним и тем же пером.

Изучение наброска шло главным образом по пути выяснения, какие географические названия скрыты под звездочками и криптограммой «Л».

И. А. Шляпкин, впервые опубликовавший набросок,¹ так комментировал звездочки и криптограмму: «Конечно здесь дело идет о домике П. А. Осиповой и Вульфов в Тригурском. Тогда во втором стихе после *на* следует читать *Лсков* и *Л.* конечно Ловать; буква и звездочки поставлены временно потому, что имена сразу не укладывались в размер».²

Пояснения И. А. Шляпкина не были приняты последующими комментаторами, чему в немалой степени способствовал категорический тон его утверждений. (Н. О. Лернер, например, сопровождает шляпкинские «конечно» многозначительными восклицательными знаками).³ Существовала, однако, и другая причина, быть может, более весомая.

Задолго до публикации И. А. Шляпкина В. Е. Якушкин, описывая черновые тетради Пушкина, хранившиеся в то время в Румянцевском музее, опубликовал в «Русской старине» более ранний черновой вариант того же наброска.⁴ Автограф⁵ с характерными для пушкинских черновиков вычеркиваниями, пропусками, перестановками читался с трудом, и В. Е. Якушкину не все места удалось разобрать точно. Некоторые неточности первой публикации впоследствии устранил П. О. Морозов;⁶ наиболее адекватное воспроизведение текста дает Большое академическое издание сочинений Пушкина. Впрочем, первое четверостишие было прочтено правильно уже В. Е. Якушкиным:

¹ Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, с. 39. — В публикации имеется ряд неточностей: так, стихи «Путник смотрит невидимо / На семейство, на балкон» прочитаны И. А. Шляпкиным как «Взор завистливый бросая / Из телеги на балкон».

² Там же, с. 40.

³ Лернер Н. О. Примечания к стихотворениям 1833 г. — В кн.: Пушкин. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1914, т. 6, с. 453.

⁴ Русская старина, 1884, авг., т. 43, с. 328.

⁵ ПД, № 842 (по пифру Румянцевского Музея № 2373), л. 154 (по жандармской описи, л. 30).

⁶ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903, т. 2, с. 189—190.

Если ехать вам случится
От ** к Москве
Там, где струится
В неизменной синеве —

Далее следует еще одно четверостишие, дважды переписанное, с многочисленными вычеркиваниями, пропусками и заменами слов:

От моста немного вправо	[От большой] <дороги> справа
Перед вами будет <дом>,	Будет пруд и <барской> <?> дом,
Влево — темная дубрава	Влево — мелкая <?> дубрава
И поля кругом.	С нивкой> ровною кругом.

Ниже — еще два зачеркнутых стиха, относящиеся, по всей видимости, к первому четверостишию:

Там, где ровный и отлогой
Путь над Волгою лежит

(III, 1012—1013) ⁷

По положению в тетради ПД, № 842 набросок датируется 1833 г. В «Сочинениях А. С. Пушкина» под редакцией П. А. Ефремова опубликован текст, найденный В. Е. Якушкиным и исправленный П. О. Морозовым. Комментируя этот текст, П. А. Ефремов исходил из того, что в нем фигурируют вполне определенные географические названия — Москва и Волга. На этом основании он заключил, что набросок написан во время одной из поездок Пушкина в Болдино и что усадьба, о которой идет речь в стихотворении, находится где-то в Нижегородской губернии, где протекает Волга; возможно, полагает он, это усадьба кн. Голицыной (о посещении которой Пушкин писал в письмах к Н. Н. Гончаровой от 26 ноября и 2 декабря 1830 г.).

Что касается публикации И. А. Шляпкина, уже известной П. А. Ефремову, то она служит ему главным образом для полемики. П. А. Ефремов подвергает сомнению датировку наброска 1835-м г., сомневается в «псковском» его прочтении и высказывает предположение, что криптограммой «Л» Пушкин обозначил речку Лемета в Лукояновском уезде.⁸

В наиболее полном дореволюционном издании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова за основу также принят вариант наброска, опубликованный В. Е. Якушкиным.⁹ Комментируя набросок, Н. О. Лернер в главном следует за П. А. Ефремовым, добавляя, впрочем, некоторые собственные аргументы и предположения. Набросок, найденный В. Е. Якушкиным, Н. О. Лернер уверенно относит к 1833 г., датировку же второго

⁷ В прочтении П. О. Морозова отсутствует указание на существование двух вариантов второго четверостишия; не прочитано начало восьмого стиха, в девятом стихе вместо «ровный и отлогой» прочитано «вольный и отлогой».

⁸ См.: Пушкин А. С. Соч. СПб., 1905, т. 8, с. 350—352 (коммент. П. А. Ефремова).

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1913, т. 3, с. 484.

наброска он, вслед за П. А. Ефремовым, отвергает: «Рукопись профессора Шляпкина точно датирована быть не может, — пишет он, — на обороте ее находится черновой отрывок <...> „... Вновь я посетил“, и потому Шляпкин датирует набросок 1835 г., но, как справедливо заметил П. А. Ефремов <...> это не довод».¹⁰

Далее Н. О. Лернер, приводя версию И. А. Шляпкина по поводу звездочек и криптограммы, пространно с ним полемизирует: «Профессор Шляпкин решил „конечно (!) это домик П. А. Осиповой и Вульфов в Тригорском!“ Между тем в музейном наброске упоминается Москва и Волга — значит, Псковская губерния здесь не при чем. П. А. Ефремов <...> предпологает, что „Л“ — Лемета — речка в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. Можно думать, что звездочки во втором стихе обозначают число слогов в обозначенных ими словах, и 2—3 стихи читаются:

От Ардатова на *,
Там, где Лемета струится

(Ардатов стоит на р. Леметь). Но это конечно весьма гадательно».¹¹

Версия Ефремова—Морозова в дальнейшем не встретила возражений. Более того, со временем она обросла новыми подробностями. Так, уже в 1920-х гг. нижегородский краевед А. В. Звенигородский сообщил несколько новых адресов в Нижегородской губернии, по которым предположительно мог бывать Пушкин: «В один из своих поездок по Старо-Муромскому тракту Пушкин <...> мог своротить от большой дороги и заехать к кому-нибудь из своих знакомых в Ардатов и его окрестности».¹² Автор, в частности, указывает на усадьбу Ек. Г. Левашевой, расположенную «в 6 верстах от Ардатова в селе Нуче»,¹³ и одновременно уточняет: «Ардатов Нижегородской губернии расположен на речке Лемети. Леметь берет свое начало близ города и в пределах Ардатовского же уезда впадает в реку Тёшу, последняя под Муромом в Оку. Ефремов, а за ним Лернер, разбирая черновой набросок Пушкина „Если ехать вам случится“, ошибочно считают эту речку (которую для размера именуют Леметой) рекой в Лукояновском уезде. Такой речки там не существует».¹⁴

Выводы, вытекающие из этого сообщения, сделал сорок лет спустя Л. А. Черейский, который уже прямо отождествляет усадьбу Ек. Г. Левашевой в селе Нуче с усадьбой и местностью, описанной в наброске «Если ехать вам случится». Криптограмму «Л» Черейский по-прежнему раскрывает как «река Лемета», перемещая ее, в соответствии с указанием А. В. Звенигородского, из Лукояновского в Ардатовский уезд.¹⁵

Имела своих сторонников и версия И. А. Шляпкина (ни в одном случае, впрочем, не упомянувших о ее авторе). Первым в их ряду был

¹⁰ Лернер Н. О. Примечания к стихотворениям 1833 г., с. 453.

¹¹ Там же.

¹² Звенигородский А. В. О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии. — В кн.: Московский Пушкинист: Статьи и материалы / Под ред. М. А. Цявловского. М., 1930, вып. 2, с. 64.

¹³ Там же, с. 66.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Черейский Л. А. Загадочное стихотворение Пушкина. — Вопросы литературы, 1970, № 10, с. 246.

В. Я. Брюсов; в комментарии к предпринятому им изданию сочинений Пушкина он писал: «Здесь, вероятно, говорится об усадьбе Осиповой и Вульфов в Тригорском». Стих со звездочками соответственно раскрывается В. Я. Брюсовым «От Тригорского на Псков»; криптограмма «Л» остается в его варианте не раскрытой.¹⁶

Из числа поздних исследователей в пользу «псковского» прочтения высказалась Т. Г. Цявловская: «Первый автограф этого стихотворения, — пишет она в своем комментарии, — датируется 1833 г. (время поездки Пушкина в Болдино), второй — 1835 г. (время поездки в Михайловское и Голубово — в 18-ти верстах от Тригорского). Поэтому предлагавшиеся расшифровки географических названий во втором и третьем стихах предположительны. Наиболее вероятна следующая <...>:

Если ехать вам случится
От Тригорского на Псков,
Там, где Луговка струится <...>»¹⁷

Прочтение Т. Г. Цявловской поддержали С. С. Гейченко и А. М. Гордин. С. С. Гейченко почти дословно воспроизвел комментарий Т. Г. Цявловской в подготовленном им сборнике «А. С. Пушкин. Стихи, написанные в Михайловском», добавив лишь пояснение по поводу Луговки: «Луговка — речка, бегущая возле Тригорского; мимо нее в пушкинское время шла почтовая дорога, по которой Пушкин ездил в Псков, Петербург, Москву».¹⁸

А. М. Гордин внес в комментарий Т. Г. Цявловской новые нюансы. Осторожно, но вместе с тем достаточно определенно он намекает на то, что в наброске описывается именно Б. А. и Е. Н. Вревских Голубово, находившееся в 20 верстах от Михайловского по дороге на Остров и Псков. Он пишет: «К поездкам в Голубово в это время (осенью 1835 г. — Л. А.), вероятно, относится стихотворный набросок: „Если ехать вам случится“». Приведя полный текст наброска, А. М. Гордин следующим образом описывает усадьбу: «Голубовская усадьба была просторной. Двухэтажный дом с открытыми верандами и четырехколонным портиком стоял на пригорке. Один из его фасадов выходил на <...> лужайку, за которой сверкал на солнце довольно порядочной величины пруд, другой — выходил в сад».¹⁹

Соглашаясь с расшифровкой второго стиха «От Тригорского на Псков», А. М. Гордин воздерживается от обсуждения криптограммы «Л» в третьем стихе, не вступая, впрочем, в прямую полемику по поводу Луговки.²⁰

В академических собраниях сочинений Пушкина, изданных в 1930—70-х гг., ни звездочки, ни криптограмма не раскрываются. Комментарий к наброску предельно кратки. В комментарии к Малому академическому изданию Б. В. Томашевский ограничивается двумя словами: «Черновой

¹⁶ Пушкин. Соч. / Под ред. В. Я. Брюсова. М., 1923, с. 382.

¹⁷ Пушкин. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959, т. 2, с. 777—778. (То же. М., 1974, с. 631).

¹⁸ Л., 1967, с. 272. (То же. 2-е изд. Л., 1980, с. 264).

¹⁹ Гордин А. М. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970, с. 298—299.

²⁰ См.: Там же, с. 298.

набросок».²¹ Под этой подчеркнутой краткостью, отнюдь не свойственной одному из наиболее проникательных комментаторов Пушкина, угадывается некоторая обескураженность обилием предложенных прочтений наброска и вполне понятное нежелание присоединиться к какому-либо из них без достаточных к тому оснований.

2

Разнобой в интерпретациях звездочек и криптограммы в пушкинском наброске действительно велик, но из этого не следует, что набросок вообще не поддается прочтению. Отправной точкой на пути к такому прочтению должно быть, вероятно, ясное понимание, что перед нами не один текст в двух вариантах, которые можно как угодно совмещать, а два самостоятельных текста, написанных в разное время, на разной бумаге, по разным поводам, имеющих каждый свое содержание, перемещать которое из текста в текст недопустимо.

Каждый из этих текстов имеет и свой собственный географический локус. В тексте 1833 г. — это названная поэтом дорога на Москву, возможно, проходящая где-то неподалеку от Волги. В тексте 1835 г. — уже совершенно другая дорога: не в Москву, а в другой город, название которого, как явствует из его положения в стихе, состоит из одного слога и оканчивается на «ов». Поскольку во времена Пушкина таких городов (или городков) в России было всего четыре — Гдов, Льгов, Шклов, Псков — и поскольку первые три в орбиту пушкинских поездок и вообще интересов никогда не попадали, а четвертый по широко известным причинам играл в жизни поэта немалую роль, остается признать, что географический локус второго текста — дорога на Псков, проходящая где-то неподалеку от реки «Л».

Воздержимся пока от попыток раскрыть криптограмму «Л» и вдуемся, какая путаница может получиться, если объединить два далеких друг от друга географических локуса — дорогу на Москву близ реки Волги и дорогу на Псков близ реки «Л». Тогда, как это получилось у П. А. Ефремова и с его легкой руки пошло гулять по комментариям и статьям его последователей, появляется некий «составной текст», где Псков из одного текста оказывается замещенным Москвой из другого, где река «Л» из «псковского» варианта определяется на основании того, что в «московском» тексте упомянута Волга, и т. д. А ведь и Ардатов и Леметь («Лемета») возникли в соображениях П. А. Ефремова, Н. О. Лернера, А. В. Звенигородского и Л. А. Черейского на основе именно такого рода операций!

Возвращаясь к «псковскому» тексту, заметим, что название «Псков» практически предопределяет прочтение остальных топонимов, зашифрованных в тексте. Это относится прежде всего к криптограмме «Л», которой обозначена река где-то по дороге на Псков, причем название ее, согласно положению в стихе, должно состоять из трех слогов с ударением на первом. Такая река вблизи дорог на Псков, по которым когда-

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 4-е изд. Л., 1977, т. 3, с. 467.

либо ездил Пушкин, всего одна — Лүговка. Она и была названа Т. Г. Цявловской и С. С. Гейченко.

Что касается утверждения И. А. Шляпкина «Л. конечно Ловать», то его приходится отвести, так как достаточно взглянуть на карту, чтобы удостовериться: река эта находится на почтительном расстоянии от любой из дорог, которыми Пушкин следовал к Пскову. К тому же «Ловать» — название двусложное и к размеру стиха не подходит. Пояснение же И. А. Шляпкина, что Пушкин «поставил букву и звездочки временно», потому что не мог «сразу» подобрать размер, столь наввно, что может вызвать лишь улыбку.

Раскрытие криптограммы «Л» настолько сужает географический локус наброска, что расшифровка обозначенного четырьмя звездочками четырехсложного названия пункта, из которого отправляется «путник», казалось бы, не представляет трудностей. Однако одно затруднение при этом все-таки существует. По логике того, что сообщается в наброске, пункт, из которого едет путник, и усадьба, которую он видит по пути, не могут быть одним и тем же местом. Если по пути «на Псков» «путник» видит «домик П. А. Осиповой и Вульф в Тригорском» (как считал И. А. Шляпкин), то заместить звездочки топонимом «Тригорское» уже нельзя. В этом случае «путник» должен был бы выехать из Михайловского или из Петровского. Если же пункт выезда — Тригорское, то усадьба по пути (имея в виду реальные поездки Пушкина в 1835 г.) — имение Вревских Голубово. Таким образом, существует два возможных маршрута: из Тригорского на Псков мимо Голубова и от Петровского на Псков мимо Тригорского (Михайловское отпадает из-за размера). Пушкинскому описанию в большей мере соответствует голубовская усадьба, в связи с чем прочтение второго стиха в тексте «От Тригорского на Псков», представляется наиболее вероятным.

3

Переходя к тексту 1833 г. («московскому»), отметим следующие его особенности.

1. Он отличается значительно меньшей завершенностью, чем «псковский» текст. 2. Указание на его географический локус имеет два варианта (От ** к Москве, Там, где струится...» и «Там, где ровный и отлогий / Путь над Волгою лежит»), не обязательно совпадающих по обозначениям. 3. Количество звездочек во втором стихе не соответствует числу слогов, определяемых размером стихотворения (как это было в «псковском» тексте и как это чаще всего бывает у Пушкина вообще).

Все это делает прочтение «московского» текста более трудным, чем «псковского».

Есть, однако, особенность, которая дает рассматриваемому тексту определенное преимущество. По положению в тетради ПД, № 842 он датируется довольно точно — концом августа—октябрем 1833 г. На эту определенность и следует, по-видимому, опираться прежде всего.

В августе—сентябре 1833 г. Пушкин совершил поездку из Петербурга в Болдино через Торжок—Ярополец—Москву, далее — через Нижний Новгород—Казань—Симбирск—Оренбург—Саратов—Пензу и 1 октября прибыл

в Болдино. Где-то на пути к Москве и находилась усадьба, давшая импульс поэтическому вдохновению Пушкина. Подчеркиваем: на пути к Москве, ибо дальнейший путь в Болдино через волжские города и Оренбург лежал уже от Москвы. Могут возразить: но Пушкин проделал и обратный путь от Болдина к Москве. Верно, но возвращался он глубокой осенью (между 7 и 12 ноября), — собственно, даже ранней зимой,²² — а в наброске запечатлен явно летний или раннеосенний пейзаж: «ровная шва», «темная (т. е. еще не облетевшая. — Л. А.) дубрава». А ведь поэт был необычайно чуток к таким вещам; вспомним, к примеру, его отнесенные к октябрю строки: «Лесов таинственная сень / С печальным шумом обнажалась» или «поля пустые» и «леса, недавно столь густые» из стихотворения «Зимнее утро», датированного 3 ноября 1829 г. (III, 184).

Есть и другие признаки того, что интересующая нас усадьба находилась по дороге к Москве со стороны Петербурга, а не со стороны Болдина. Прежде всего, это упоминание Волги. Трудно сказать, почему в сознании П. А. Ефремова, а вслед за ним Н. О. Лернера и других исследователей Волга связывалась с дорогой Москва—Болдино. Вот что пишет тщательно изучивший этот маршрут уже цитированный нами А. В. Звенигородский: «Проехать из Москвы в Болдино в то время можно было только через Владимир, Муром и Арзамас. Из Арзамаса же в Болдино можно было проехать или по тракту, шедшему через Абрамово, в 12 верстах от которого находится Болдино, на Ардатов (Симбирской губ.), или по тракту, шедшему через Лукоянов на Пензу. Неизвестно, каким из этих путей ехал в Болдино Пушкин». Автор далее уточняет, что «по первому из указанных путей от Москвы до Болдина — 527 верст, по второму — 532».²³ Добавим еще одно уточнение: ни одна из названных дорог не подходит к Волге ближе, чем на 130—140 км. Каким же образом можно отнести к этому маршруту слова: «Там, где ровный и отлогий / Путь над Волгою лежит...»?

Иное дело — путь из Петербурга в Москву. Здесь, подъезжая к Торжку, путешественник то и дело сталкивался с Волгой и ее ближайшими притоками Твердой и Тьмой. Большой почтовый тракт дважды пересекал Тверцу (у Торжка и Медного), затем выходил на Волгу, пересекал ее в Твери и далее от Твери до Городни и от Городни до Завидова шел вдоль правого берега Волги, временами удаляясь от него на одну-две версты. За свою недолгую жизнь Пушкин не менее тридцати раз следовал трактом Петербург—Москва и отлично знал места, по которым он пролегал. Более того, от Торжка Пушкин неоднократно сворачивал с большой дороги на запад, чтобы навестить своих близких друзей в Бернове, Малинниках, Павловском, Старице. Дорога на Старицу также шла берегом Волги.

Наконец, чтобы окончательно отвести мысль, что в наброске имеется в виду Волга в Нижегородской губернии, вспомним: Пушкин только пе-

²² Из письма Пушкина к жене от 2 октября 1833 г. мы узнаем, что уже 1 октября 1833 г. в тех местах выпал снег и на последнем перегоне до Болдина поэт «обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях» (XV, 83).

²³ Звенигородский А. В. О пребывании Пушкина в Нижегородской губернии, с. 62.

давно побывал в Нижнем Новгороде, Симбирске и Саратове и мог воочию убедиться, что берега Волги здесь высоки и круты. Иное дело Верхняя Волга: ее берега на всем протяжении от Старицы до Калазина (за двумя-тремя исключениями) действительно «ровны и отлоги».

Из сказанного следует, что географический локус «московского» текста правильнее искать в бассейне Верхней Волги — т. е. в Тверской или Московской губерниях. Сведения о поездке Пушкина в Москву в августе 1833 г. позволяют существенно конкретизировать этот локус.

Как упоминалось, на этот раз Пушкин ехал к Москве через Ярополец, т. е. свернул от Торжка резко вправо. Следовательно, участок пути от Торжка к Москве через Медное, Тверь, Городню, Завидово, Клин полностью выпадает — интересующая нас усадьба расположена не там. Участок же пути Торжок—Ярополец—Москва, напротив, приобретает, с этой точки зрения, особый интерес. О том, как протекал его путь от Торжка к Москве, Пушкин подробно писал Н. Н. Пушкиной 20, 21, и 26 августа 1833 г. Для нашей темы более всего примечательно письмо от 21 августа, однако в интересах полноты картины заглянем и в предыдущее. Здесь говорится о приезде 19 августа в Торжок, о том, что день после дождливой погоды выдался солнечный, и далее: «...теперь (т. е. утром 20 августа. — Л. А.) отправляюсь в сторону, в Ярополец <...> Ямщики закладывают коляску шестерней, страдая меня грязными проселочными дорогами» (XV, 72).

Дальнейшие подробности — в письме от 21 августа, отправленном из усадьбы П. И. Вульфа Павловского: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, сворота на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решил их посетить...» (XV, 72). Поэт делится далее своими впечатлениями от Бернова, Малинников и Павловского, где он не был уже около пяти лет; рассказывает о поездке верхом в Малинники и затем сообщает: «Завтра чем свет отправляюсь в Ярополц, где пробуду несколько часов, и отправлюсь в Москву <...>» (XV, 73).

Продолжение путешествия описывается в письме от 26 августа: «В Ярополц приехал я в среду поздно <...> Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень» (XV, 73).

Последнее письмо заставляет исключить из рассмотрения еще один важный участок пути: от Яропольца до Москвы. В Ярополец поэт приехал и уехал затемно; а в утренние часы, при подъезде к Москве со стороны Яропольца, Верхневолжье оставалось уже далеко позади. Географический локус еще более сужается, превращаясь в топографический: это буквально несколько верст по проселочной дороге, на которую Пушкин свернул, миновав Торжок. Неподалеку от этой дороги расположены «Вульфовы поместья», как называет их поэт, — Павловское и Малинники. К ним и завернул «путник» по дороге на Москву.

Одно из этих поместий — судя по описанию, скорее Павловское, чем Малинники, — и дало импульс поэтическому вдохновению Пушкина.

Как же в этом случае раскрывается обозначенный звездочками топоним «московского» текста? Отвечая на этот вопрос, приходится принимать во внимание, что перед нами черновой набросок, т. е. текст в извест-

ном смысле более сложный, чем беловой или хотя бы частично обработанный. Одна из особенностей черногового текста заключается, в частности, в том, что он неоднороден по функциональному составу содержащихся в нем записей: наряду с собственно черновыми записями, представляющими основу для последующей обработки, в него могут входить записи, не предназначенные для включения в будущий беловой текст, а сделанные для памяти или с другими целями.

Пушкинские черновики в этом смысле не исключение.

Начиная работу над произведением, Пушкин писал «конспективно»: набрасывал более или менее развернутый план, фиксировал оформившиеся в его сознании фрагменты будущего произведения (если оно было прозаическим), записывал сложившиеся стихотворные строки, оставляя пропуски между словами, заполнявшиеся затем в ходе дальнейшей обработки. Одновременно Пушкин делал разного рода заметки: чаще всего это имена прототипов, названия тех или иных мест, с самого начала не предназначенные для включения в беловой текст, но необходимые в качестве опорных ориентиров. Такого рода ориентиры он обозначал обычно звездочками, криптограммами, сокращениями, как бы скрывая от постороннего взора подразумеваемые под этим собственные имена.

Именно такова функция звездочек во втором и пропуска между словами в третьем стихах «московского» текста. Ими обозначены опорные ориентиры, а не топонимы, предназначенные для включения в стихотворный текст, вследствие чего количество звездочек в стихе не соответствует (как упоминалось выше) числу слогов, требуемых размером стихотворения. Иными словами, приступая к работе над стихотворением «Если ехать вам случится», Пушкин, по-видимому, еще не решил, какие именно топонимы он включит в стихи, а просто заметил для себя реально подразумеваемые им географические названия: город, откуда он выехал на дорогу, близ которой расположена заинтересовавшая его усадьба, и реку, протекающую где-то поблизости от дороги.

Город, откуда утром 20 августа выехал Пушкин, нам известен: это Торжок. Торжок, очевидно, и имелся в виду, когда поэт поставил во втором стихе наброска две звездочки. Из этого не следует, что мы вправе прочесть второй стих «от «Торжка» к Москве». Звездочки здесь замещают название Торжка, но название это для включения в стихотворный текст не предназначено, у него иная — ориентационная — функция, о чем подробно говорилось выше.

Разумеется, записывая строки наброска, Пушкин не мог не задумываться над тем, каким образом либо видоизменить стих, чтобы «Торжок» мог войти в стихотворный текст, либо найти другой топоним, подходящий и по смыслу и по размеру. Размер стиха требует, чтобы искомый топоним был четырехсложным с ударением на втором слоге. Таких топонимов по дороге от Торжка к Москве через Ярополец всего два: Малинки и Ярополец. Возможность прочтения стиха «от Малинков к Москве» мы отклоняем в силу крайнего несоответствия масштабов топонимов: последнее возможно у поэтов второй половины XIX в. (преимущественно с целью пародии); для пушкинской поэтики подобная разномасштабность немислива.

Не вполне подходил и топоним Ярополец, поскольку усадьба, которая, как мы выяснили, имеется в виду, расположена не на пути от Яропольца к Москве, а не доезжая Яропольца. Однако это соображение едва ли имело для Пушкина существенное значение: он вполне мог поступиться топографией ради тех или иных поэтических целей. Следы того, что Пушкин обдумывал возможность заменить во втором стихе Торжок на Ярополец, мы находим в уже цитированном письме к Наталье Николаевне из Павловского от 21 августа. Пушкин вводит здесь игровой момент, обыгрывая схожесть двух маленьких городков на пути к Москве — Торжка и Яропольца: «Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец, где пробуду несколько часов, и отправлюсь в Москву <...> Забыл тебе сказать, что в Яропольце (виноват: в Торжке) <...>» (XV, 73). Таким образом, можно представить, что под звездочками второго стиха поэт подразумевал и Торжок, от которого он фактически ехал, и Ярополец — название, равноценное в его сознании Торжку.

Быстрые, почти молниеносные переходы — замены одного собственного имени другим — вообще чрезвычайно характерны для работы Пушкина над текстом. Это относится и к именам героев, и к топонимам. Вот несколько примеров. Работая над повестью «На углу маленькой площади», Пушкин записывает: «Она не дала ему времени опомниться, в тот же день переехала с <Английской> набережной» на <Васильевский> Остров...», — но здесь же, по-видимому, еще не дописав предложения, зачеркивает «Васильевский Остров» и меняет его на «Коломну» (VIII, 145).

Или же в «Станционном смотрителе». Первоначально было: «Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Тамбова в Петербург...». Не дописав до конца название города, Пушкин зачеркнул его и исправил: «из Смоленска в Петербург» (VIII, 102). Та же операция — несколькими строками ниже. Вначале: «С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился на <Васильевском> Острове...». После исправления: «остановился в Измайловском полку...» (VIII, 103); и т. д.

Пропуск между словами в третьем стихе также может быть понят двояко. Во-первых, как «Волга», поскольку название Волга появляется уже открытым текстом при первой же переделке строфы; во-вторых, как Тьма (или Темá — так называют ее иногда и сейчас), поскольку именно вдоль этой реки лежит путь от Торжка к Павловскому. Напомним, что Пушкин уже воспел ее однажды: «Речка подо льдом блестит», «Берег милый для меня» (III, 183—184) — все это относится к Тьме. С другой стороны, в отличие от романтиков, поэтизовавших названия небольших речушек,²⁴ Пушкин избегал такого рода поэтизации. В его стихотворениях, как правило, встречаются названия мощных рек: Волга, Нева, Днепр, Дон, Терек, Арагва. Поэтому более вероятно, что уже в первом варианте имелась в виду не реальная Тьма, а Волга, выступающая в данном случае как собирательное

²⁴ Ср., например, у Бернса: «Есть такая небольшая речушка — Афтон, впадающая в Нис, с совершенно очаровательными берегами — дикими, романтическими. Поэтические произведения — а наши шотландские песни все такие, — в которых слышатся названия или встречаются образы знакомых рек, озер, лесов, доставляют мне неизъяснимое наслаждение» (Бернс Р. Стихотворения. М., 1982, с. 619).

название для рек и речушек Верхневолжья. Заметим, что и в «Путешествии Онегина» путь от Торжка к Москве вдоль берегов Волги и ее притоков передан собирательно: «По гордым волжским берегам...» (VI, 497).

Так или иначе, но первоначальный вариант наброска первой строфы не удовлетворил Пушкина, и сразу же после недолгой работы над второй строфой записывается новый вариант двух стихов первой:

Там, где ровный и отлогий
Путь над Волгою лежит...

Не исключено, что эти стихи, соответствующие по смыслу третьей и четвертой строке первого варианта, мыслились в новом варианте как два начальных стиха.

Набросок, однако, остался незавершенным. Прошло два года, прежде чем поэт вспомнил о нем; вспомнил в Тригорском, имении тех же владельцев — П. А. Осиповой и Вульфова, — которым принадлежали Малинники и Павловское. Эта ассоциация — еще одно косвенное свидетельство того, что в наброске 1833 г. также имелась в виду усадьба, связанная с Вульфами.

Стихи были завершены, но теперь в них подразумевалась другая усадьба, фигурировали другие топонимы.

Л. М. Аринштейн:

«...Вновь я посетил»

В изданиях сочинений А. С. Пушкина первая часть стихотворения «...Вновь я посетил» (мы будем говорить только о первой части) печатается со следующими знаками препинания:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер ещё бродил
Я в этих рощах.

(III, 399—400)

На наш взгляд, запятая, стоящая в девятом стихе перед словом «кажется», неверна. Это слово, выделенное запятыми, стало вводным, получило значение сомнения и изменило смысл первой тирады стихотворения.

В своей статье «Из последней тетради Пушкина» С. М. Бонди дает расшифровку черновика стихотворения «...Вновь я посетил», указывая в сносках наиболее значительные варианты слов и стихов.¹ Мы их опустим — у нас другая задача — и выпишем первую часть стихотворения из этой сводки:

¹ См.: Бонди С. М. Из последней тетради А. С. Пушкина. — В кн.: Стихотворения Пушкина 20—30-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 377.

Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Два года бурной юности моей
В спокойствии невольном и отградном,
И десять лет ушло с тех пор и много
Переменилось в жизни для меня

Далее зачеркнуто:

И сам, покорно общему Закону,
Переменился я. Но здесь опять
Минувшее ко мне теснится живо
И кажется вчера еще бродил
Я в этих рощах и сидел недвижно
На том холме над озером широким. . .

Несмотря на отсутствие некоторых знаков препинания, ясно, что в этих стихах идет перечисление фактов и никакого сомнения не выражается, слово «кажется» употребляется в значении глагольной формы, в значении определенного действия: *кажется, видится, стоит перед глазами*.

В окончательной редакции стихотворения мысли остались прежними — изменились некоторые стихи, знаки препинания. Известно, что, находясь в состоянии творческого вдохновения и торопясь записать свои мысли, Пушкин иногда пропускал слова, не соблюдал правила пунктуации. В одних и тех же местах черногового и белого автографов стихотворения «. . . Вновь я посетил» расстановка знаков препинания несколько различна. Однако слово «кажется» и в том и в другом случаях запятыми не выделено. Не выделено оно и в первой публикации стихотворения в журнале «Современник» под редакцией В. А. Жуковского, а также в изданиях П. В. Анненкова, Я. А. Исакова, Г. Н. Геннади.² В издании П. А. Ефремова³ впервые появляется запятая, стоящая после слова «кажется». Затем она последовательно повторяется в изданиях сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. О. Морозова, Л. И. Поливанова, В. Я. Брюсова и др.⁴ Интересно, что С. А. Венгеров⁵ в своем издании отказался от этой запятой. В однотомнике избранных сочинений А. С. Пушкина Б. Томашевский и К. Халабаев изменили знаки препинания, поставленные под редакцией В. А. Жуковского, но оставили запятую после слова «кажется».⁶

² См.: Современник, 1837 г., т. 5, с. 320; Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, т. 3, с. 52; Пушкин А. С. Соч. / Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1859, т. 1, с. 519; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. / Под ред. Г. Н. Геннади; Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1870, т. 1, с. 479.

³ Пушкин А. С. Соч. 3-е изд. / Под ред. П. А. Ефремова; Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1880, т. 3, с. 424.

⁴ Пушкин А. С. Соч. / Изд. Л. Поливанова. М., 1887, т. 1, с. 386; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887, т. 2, с. 182; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. В. Брюсова. М., 1920, т. 1, с. 371.

⁵ Пушкин А. С. <Соч.> / Под ред. С. А. Венгерова; Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1910, т. 1, с. 38.

⁶ Пушкин А. С. Соч. Л., 1924, с. 377. — Б. Томашевский и К. Халабаев поставили тире в 3-м, 4-м, 6-м, 7-м стихах, а тире в 8-м стихе после слова «живо» заменили запятой.

Современная расстановка знаков препинания в первой части стихотворения «...Вновь я посетил» появилась в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина под редакцией М. А. Цявловского в 1930 г.⁷

В. А. Никифоров

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1930, т. 2, с. 200.

«Когда за городом, задумчив, я брожу»

Стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1836) неоднократно привлекало внимание исследователей творчества Пушкина.

В работе Н. В. Измайлова этому стихотворению, построенному на «противопоставлении двух кладбищ: городского как образа неволи, пошлости, антихудожественности, унижения человека, — и деревенского как воплощения воли, покоя, широты, поэтичности, близости к природе», дана следующая интерпретация: определяя второе кладбище как «приусадебное, помещичье» (отгалкиваясь от определения «родовое»), он связывает стихотворение с «целым комплексом социальных размышлений Пушкина о положении передового, культурного (и материально падающего) дворянства <...>, о его общественно-политической роли, о его судьбе».¹

По мнению Гуковского, в пушкинском произведении «сталкиваются как бы две России: одна — петербургская, чиновничья, торгашеская, лживая, искусственная, страшная; и другая — народная, торжественно-величественная, мощная отчизна, где и смерть легка, мирна и не страшна; ибо смерти в сущности нет, а есть жизнь природы и народа».² Эти две интерпретации отразились и в других позднейших работах о Пушкине.³

Огромное значение финального образа-символа в стихотворении было специально отмечено Л. Я. Гинзбург, которая писала: «Предметам аллегорической буффонады противопоставлен дуб — царь растительного мира. Образ дуба освобожден от частных аспектов и подробностей <...> И эти <...> характеристики заимствованы из наиболее общих, традиционных представлений, из многовековой символики, уходящей в глубины народного сознания, народной философии природы».⁴

Однако значение символа, по природе своей многозначного, этим не исчерпывается. Нам кажется, что тут не просто противопоставление двух «памятников». Для идеи стихотворения важны истоки его образности, которые связаны у Пушкина с национальным самосознанием. Чтобы показать это, необходимо вернуться к предшествующим периодам творчества поэта.

¹ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 256—257.

² Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Л., 1957, с. 405.

³ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 122—127; Степанов Н. Л. Лирика Пушкина: Очерки и этюды. Изд. 2-е. М., 1974, с. 31—32; Городецкий В. П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962, с. 406; Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 442—446.

⁴ Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974, с. 227.

В 1824—1825 гг. будучи в Михайловском, Пушкин записывает со слов Арины Родионовны сказку о Султানে Султановиче и 34 его сыновьях: «Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. „Ах, говорит царь, — поеду посмотреть это чудо“. — Что за чудо, — говорит мачеха, — вот что чудо: у моря Лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет. Царевич прилетел домой и с благословения матери принес перед дворец чудесный дуб...» (III, 449). Каково происхождение этого образа в сказке?

Образный комплекс «дуб-океан (море)» соотносится с народно-мифологическими верованиями: это один из неизменных зачинов во многих заговорах и молитвах.⁵ Встречается в заговорах и таинственное Лукоморье и остров Буян.⁶ В славянской мифологии дуб представляет собой варпант так называемого «мирового древа» как важнейшего структурного элемента мифопоэтической картины мира.⁷ «Предание о мировом дереве, — пишет Афанасьев, — славяне по преимуществу относили к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали еще до сотворения мира (следовательно, образ возник еще в дохристианскую эпоху. — А. И.). В колядке карпатских русов поется, что еще в то время, когда не было ни земли, ни неба, а только синее море (воздушный океан), — среди этого моря стояло два дуба».⁸ Афанасьев отмечает ряд мифологических функций дуба: под ним вершили суд, решения которого считали волей божества; дуб обладал целебными, живительными свойствами,⁹ он давал вечную молодость, здоровье, красоту.¹⁰ Мировое дерево отделяет мир космоса

⁵ См., например: Буслаяв Ф. И. Соч. СПб., 1910, т. 2, с. 45—46, 49.

⁶ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982, с. 215.

⁷ См.: Топоров В. Н. 1) О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа». — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1971, т. 5; 2) Из позднейшей истории схемы мирового древа. — В кн. Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Мелетинский Е. М. Пэтика мифа. М., 1976, с. 100, 207, 212—217.

⁸ Афанасьев А. Н. Древо жизни, с. 214. — Очень популярен образ дуба в «Поэмах Оссiana» Д. Макферсона, где, однако, он возникает лишь в ритуальной функции как священное место собраний, или как ритуальное жертвоприношение («Где на пирах сто арф звучало / И пламенело сто дубов»), или как часть пейзажной зарисовки. Характерен и мотив дерева на могиле, но у Макферсона это чаще всего — сосна. О символической функции дуба у северных народов, в частности, см.: Vries A. de. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London, 1974, p. 347—348. — Следует отметить также, что функцию мирового древа в мифологии северных народов запада выполняло дерево Иггдрасиль (ясень), см.: Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, стр. 288. — Поэзия Оссiana оказала влияние и на Пушкина, однако это влияние ощутимо лишь в его раннем творчестве. (См.: Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1 (1813—1824). М.; Л., 1956, с. 87—90). Более серьезным было влияние поэзии Оссiana на литературу сентименталистов и преромантиков (см.: Левин Ю. Д. Оссian в русской литературе. Л., 1980).

⁹ См.: Афанасьев А. Н. Древо жизни, с. 217.

¹⁰ См.: Там же, с. 219.

от мира хаоса, вводя в хаос цивилизацию, культуру.¹¹ Оно несет в себе и оценочно-правственное содержание, санкционируя бессмертие космоса.¹²

Этот образ, как нам представляется, привлек внимание Пушкина именно потому, что в нем отразились народные представления о мироздании, о его гармоничности, бессмертии. Пушкин считал, что мифология имеет не только высокое эстетическое значение (см. его письмо к Плетневу около 14 апреля 1831 г.), но и служит формой выражения национальной характеристики, самобытности. В заметках по русской истории XVIII в., написанных еще в 1822 г., Пушкин, сетуя на неразвитость славянской мифологии, замечает: «... жаль, ибо греческое вероисповедание, отдельно от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (VIII, 130). Обращение поэта к славянской мифологии, к фольклору было явлением достаточно сложным,¹³ но нам важно подчеркнуть стремление к национальному видению через мифопоэтическую образность, которая является «самовыражением народа и формой национального самосознания».¹⁴ Именно поэтому в 1828 г., переиздавая «Руслана и Людмилу», Пушкин печатает новое вступление к поэме:

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.

(IV, 5)

Поэт вставляет «Руслана и Людмилу» в оправу национально-мифологической образности, тем самым ориентируя свою поэму на фольклор: «Там русский дух, там Русью пахнет!» (IV, 12) — вот что стоит за чудесным Лукоморьем. Миф о мировом древе позже входит в сказку о царе Салтане (1830), оформляя ее сюжет. Гвидон с матерью попадают на пустынный остров посреди океана, где

Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.

(IV, 510)

Из дуба делается лук, с помощью лука спасается царевна Лебедь, с помощью царевны Лебеди возникает волшебное государство. Именно так и сообщают об этом корабельчики Салтану:

В море остров был крутой,
Ни привольный, ни жилой;
Он лежал пустой равниной;

¹¹ См.: Топоров В. Н. Древо мировое. — В кн.: Мифы народов мира, т. 1, с. 398, 404.

¹² См.: Там же, с. 396—397, 407. — Особая функция дуба в мифологии древних славян была подчеркнута Н. М. Карамзиным (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., <1816>, т. 1, с. 87, 93—94).

¹³ См.: Азадовский М. Пушкин и фольклор. — В кн.: Литература и фольклор. М., 1936, с. 5—64.

¹⁴ Там же, с. 46.

Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом.

(IV, 514)

И город — тоже особенный. Это, как совершенно верно отметил С. М. Бонди, «народный образ идеального, счастливого морского государства. На острове, где княжит Гвидон, „все богаты, изб нет, везде палаты“, чудесная белочка <...> создает богатства острова, надежная волшебная охрана <...> охраняет его от внешних врагов».¹⁵ Пушкин создает своего рода народную утопию, причем с помощью образов и логики национальной мифологии.¹⁶

Весной 1836 г., за несколько месяцев до создания стихотворения «Когда за городом...», Пушкин, судя по письмам к В. Ф. Одоевскому (от февраля—начала марта 1836 г.), ознакомился с рукописными материалами книги И. П. Сахарова «Сказания русского народа», думая в одном из номеров «Современника» напечатать отрывки из нее. В книге Сахарова собраны заговоры, легенды, обряды, записанные непосредственно в народной среде. Популярными зачинами заговоров были следующие: «На море, на Океане, на острове на Буяне, стоит дуб...», «За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Океан-моря, лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб...».¹⁷

Социальный раскол России на дворянскую и народную получил отчетливое выражение в творчестве Пушкина 1830-х гг.: в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке», в ряде поэтических произведений поэта («Румяный критик мой...», «Мирская власть», «Памятник»). Образы двух кладбищ в стихотворении «Когда за городом...» также воссоздают разные лики России: купеческо-чиновный и крестьянский, народный. Сама идея народной России с особой выразительностью воплотилась в образе-символе дуба, восходящем к национальной мифологии. Этот традиционный образ органически вошел в систему пушкинской символики, воплощая бессмертие, красоту, вечность народного мира России. Дуб символически соеди-

¹⁵ Бонди С. Комментарий к сказкам Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1960, т. 3, с. 526—527.

¹⁶ Поверие о Лукоморье Б. А. Успенский и В. Я. Пропп связывают с представлением об островах блаженных (см.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, с. 146; Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984, с. 242), зафиксированным на русской почве в «Слове о рахманех и о предивном их житии» ивока Ефросина (см.: Роман об Александре Македонском по русской летописи XV в. М.; Л., 1965, с. 143). Е. А. Аничкова, проанализировав возможные западные и русские источники происхождения пушкинской сказки, показала, что образы дуба и кота ученого «очень близко стоят к народной сказке» (Аничкова Е. А. Опыт критического разбора происхождения пушкинской сказки о царе Салтане. — В кн.: Язык и литература. Л., 1927, т. 2, вып. 2, с. 133).

¹⁷ Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. 2-е изд. СПб., 1837, ч. 1, с. 63. — Б. А. Успенский отметил, что жанр заговора представляет собою мыслительное паломничество на тот свет, где конечным пунктом пути выступает обычно остров (см.: Успенский Б. А. Филологические разыскания... , с. 56, примечание).

няет умерших с целым космическим порядком (это подтверждается черновым вариантом последней строки, где единство подчеркнуто общим эпитетом: «Разросся в а ж н ы й дуб, над в а ж н ы м и гробами»; разрядка моя. — А. И.). Именно поэтому снимается трагизм индивидуальной смерти. Вся вторая часть стихотворения развертывалась первоначально в «священной тишине»,¹⁸ что создавало атмосферу, более возвышенную.

Бессмертие крестьянского мира подчеркивает еще один глубоко архаический, фольклорный мотив: смерть в стихотворении выступает как мотив испытания героев при переходе в царство мертвых.¹⁹ В царстве мертвых, как пишет В. Я. Пропп, «живые узнаются по тому, что они пахнут, зевают, спят и смеются. Мертвецы всего этого не делают».²⁰ Действительно, на городском кладбище мертвые «гниют», а на родовом — «дремлют в торжественном покое»; одни герои не выдержали испытания, другие остались «живыми» даже после смерти, т. е. преодолели ее. Такой древний сюжетный ход придает всему стихотворению очень широкую смысловую перспективу.²¹

Стоит отметить, что в «Словаре языка Пушкина»,²² в статье «Дуб» выделено три контекстных употребления, не снабженных никакими пометами семантического свойства: 1. «Гляжу ль на дуб уединенный...» («Стансы», 1829); 2. «У Лукоморья дуб зеленый» (из вступления к поэме «Руслан и Людмила», 1825—1826); 3. «Почтовая контора учреждена была в душе старого дуба» («Барышня-крестьянка», 1830).

Между тем, например, в статье «Бесы» автором выделено несколько культурных традиций, формирующих семантику слова: библейская, античная, народно-мифологическая.²³ Такой принцип позволяет внести некоторые дополнения и в статью «Дуб»: 1) указание на то, что дуб в «Стансах» имеет реально-биографическую основу;²⁴ 2) дуб во вступлении к поэме «Руслан и Людмила» — народно-мифологическую; 3) финальный же образ в стихотворении «Когда за городом...», упомянутый в «Словаре» в списке падежных форм, формируется на пересечении сентиментальной и народно-мифологической традиций и требует особого пояснения.

«В пушкинском стихотворении, — пишет И. М. Тойбин, — картина „публичного“ кладбища приобрела исторический, социально-конкретный смысл (иерархические отношения, купцы, чиновники)».²⁵ Пушкинские черновики показывают, что этот исторический смысл возник далеко не сразу

¹⁸ Гофман М. Посмертные стихотворения Пушкина. 1833—1836. Пг., 1922, с. 68.

¹⁹ См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 184.

²⁰ Там же, с. 67.

²¹ Оппозиция «живого—мертвого» интересна и в другом отношении. По замечанию Г. П. Макогоненко, она становится «характерной для творчества [Пушкина] последних лет» (Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина..., с. 444).

²² Словарь языка Пушкина: В 4-х т. М., 1956, т. 1, с. 729.

²³ Там же, с. 96—97.

²⁴ См.: Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л., 1979, с. 171—172.

²⁵ Тойбин И. М. К проблеме художественного историзма в пушкинской лирике 1830-х годов. — В кн.: Проблемы историзма в художественной литературе: Науч. тр. Курск, 1973, т. 24, с. 58.

(ср. варианты строки «Купцов, чиновников усопших мавзолее»: 1. «Безносых гениев болваны, мавзолеи»; 2. «Богатых, нарядных мавзолеи») и что поэт шел к нему вполне сознательно. Символический смысл стихотворения, таким образом, возникает в точке пересечения реального, социально-конкретного и мифологического.

Так происходило разрушение прежней сентиментальной традиции. Изображение кладбища, вопреки тематической традиции, не вызывало у Пушкина ни «эстетических любований», ни «нежных, меланхолических чувствований», свойственных его предшественникам, русским предромантикам начала XIX в. — Н. М. Карамзину или В. А. Жуковскому.²⁶ Его позиция резко изменилась. Пушкин, по меткой характеристике Н. В. Гоголя, смотрит на мир не с сентиментальной точки зрения, но «глазами национальной стихии».²⁷ Стихотворение «Когда за городом...» является частным, но конкретным проявлением гоголевской формулы. Этот демократический взгляд предопределил необычность сатирического пафоса в изображении городского кладбища — тут все нелепо, алогично, бессмысленно: «по старому рогаче вдовицы плач амурный», «мелкие пирамиды», «безносые гении», «растрепанные хариты», «дешевого резца нелепые затеи», «могилы склизкие» и т. д. Смерть как бы выводит вовне всю пошлость и пустоту купеческой России (ср. аналогичную ситуацию в «Бобке» Достоевского). Через сатирическое изображение городского кладбища Пушкин осуществляет суд над сословной Россией. С другой стороны, изображение деревенского кладбища проясняет народный идеал, с высоты которого поэт ниспровергает дворянскую Россию. Дуб как образ мирового дерева, согласно мифологической традиции, отделяет мир хаоса (Россия официальная) от мира космически организованного (Россия народная).

Использование образа дуба как символа, связанного с национальной, народной культурой, было одним из частных открытий Пушкина-поэта. В 1830-х гг. реализм Пушкина как в идейном плане (образ Родины, народа), так и в плане поэтики осваивается Лермонтовым. Авторская позиция позднего Лермонтова все сильнее тяготеет к народному мирозерпанию. В этом отношении обращает на себя внимание финал стихотворения «Выхожу один я на дорогу»:

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.²⁸

Близость последних строк пушкинскому стихотворению не осталась незамеченной: «...символом вечно цветущей жизни, символом, перекликаю-

²⁶ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», с. 157.

²⁷ Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в русской критике. 2-е изд. М., 1953, с. 42.

²⁸ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х т. 2-е изд. Л., 1979, т. 1, с. 488.

цимся с пушкинским, завершается этот предсмертный шедевр Лермонтова». ²⁹ Это не случайное совпадение, а закономерное освоение Лермонтовым народного идеала. Нам представляется, что образ дуба соотносится с той же концепцией «мирового древа», которое дает вечную молодость, обладает целительными свойствами, символизирует бессмертие («вечно зеленая»). Эта связь с мифопоэтическим сознанием объясняет и трактовку смерти в произведении, когда герой не умирает, а засыпает («Но не тем, холодным сном могилы...»). Сама ситуация «жизни после смерти», стремление заснуть, умереть от усталости и боли соотносится с архаическим сюжетом, указанным Е. М. Мелетинским. ³⁰ Нет смысла говорить в данном случае о влиянии или заимствовании, тем более что пушкинское стихотворение было опубликовано впервые в 1857 г. Совпадение мифологических образов и мотивов в творчестве Лермонтова и Пушкина может быть объяснено единством трактовки темы смерти на основе славянской мифологии, народного миропонимания. Символичность стихотворения Лермонтова поддерживается его поэтикой, где «по сути дела, каждое слово <...> — знак некоторых идейных структур, хорошо известных читателю лермонтовской поры из предшествующего культурного опыта». ³¹ Ю. М. Лотман точно описал идейную структуру образа дуба как символа бессмертия, «соединяющего микрокосм-могилу — со вселенной». ³² О связи этого лермонтовского произведения с мифологией писали и другие исследователи. ³³ В данном случае нам важно подчеркнуть, что обращение Лермонтова к национальным мифопоэтическим воззрениям типологически развивало открытия Пушкина в этой области.

А. В. Ильичев

²⁹ Муравьев Д. П. Послесловие. — В кн.: Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы. М., 1974, с. 279.

³⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа, с. 194.

³¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972, с. 192.

³² Там же, с. 196.

³³ См.: Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова. М., 1973, с. 129.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

1

«Там Озеров невольны дани...»

Современные справочные пособия указывают ударение в фамилии знаменитого некогда драматурга на первом слоге. В прошлом веке в библиографических пособиях не было принято обозначать ударения. Как произносили эту фамилию современники Пушкина и сам поэт?

«Ударение в русских фамилиях определяется двумя факторами: 1) нормами ударения в тех словах, от которых образованы фамилии, и 2) заққ

ном аналогии. Однако оба этих фактора имеют ограниченное действие из-за того, что фамилии — слова индивидуальные, а происхождение их зависит, кроме всего прочего, и от желания самих людей.¹

В соответствии с первым фактором, ударение в фамилии *Озеров* должно стоять на начальном слоге. Как действовали второй фактор и ограничивающие его влияния обстоятельства, сейчас сказать трудно.

В пушкинском стихе из строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина» (VI, 12) в соответствии с нормами просодии ударение может стоять как на первом, так и на третьем слоге слова *Озеров*. Обе ритмические формы четырехстопного ямба, возникающие при этом, достаточно распространены в романе (их частоты равны 9.7% при ударении на первом слоге и 6.6% при ударении на третьем).²

Однако кроме «Евгения Онегина» фамилия *Озеров* еще дважды встречается в стихах Пушкина — в «Городке» (1815) и в послании «К Жуковскому» (1816); частота в них, а следовательно, и вероятность ритмических форм, возникающих в зависимости от колебания ударения, весьма различны.

Стихотворное послание «К Жуковскому» написано александрийским стихом, и нужное нам слово читается в следующем контексте: «К вам Озерова дух взывает: други! мсть!..» (I, 197). Здесь, как и в «Евгении Онегине», согласно нормам просодии ударение может находиться как на первом, так и на третьем слоге фамилии *Озеров*. Однако при ударении на начальном слоге возникает 3-я ритмическая форма шестистопного ямба, частота которой в поэзии Пушкина 1816—1819 гг. равна 10.5%. При ударении на третьем слоге возникает 2-я ритмическая форма, частота которой ничтожна — 0.8%.³ С большой долей уверенности можно считать, что Пушкин предполагал здесь произношение *Озеров*.

Отвлеченно говоря, в «Городке» ударение тоже может стоять как на начальном, так и на конечном слоге фамилии: «Здесь Озеров с Расином» (I, 98). Однако в стихах Пушкина 1815 г. нет ни одного случая, когда бы в трехстопном ямбе отсутствовало ударение на первой стопе, т. е. на втором слоге.⁴ Не остается сомнения, что поэт рассчитывал на чтение *Озеров*.

Исходя из этого, можно утверждать, что и в «Евгении Онегине» данная фамилия для Пушкина звучала так же.

Сто лет спустя О. Мандельштам написал стихотворение, где непременно следует читать *Озеров*:

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явльенье Озерова —
Последний луч трагической зари.⁵

Исключительно бережное отношение поэта к слову не позволяет предположить здесь *licentia poetica*. Мандельштам учился в одном из лучших

¹ Суперанская А. В. Имена собственные. — В кн.: Наша речь. М., 1965, с. 90—91.

² Томашевский Б. В. О стихе. Л., 1929, с. 136—137.

³ Тарановский К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953, таб. VII, 34.

⁴ Там же, с. 95.

⁵ Мандельштам О. Э. Стихотворения. Л., 1973, с. 222.

заведений предреволюционных лет — Тенишевском училище, где русскую словесность преподавал образованный филолог и поэт, — в частности, знаток русской литературы рубежа XVIII—XIX вв. — Вл. Вас. Гиппиус. Мандельштам был родственником выдающегося историка литературы С. А. Венгерова, вращался в петербургской литературной и театральной среде и скорее всего зафиксировал устную традицию произношения фамилии В. А. Озерова, восходящую к началу XIX в. Ее можно объяснить аналогией с фамилией Новиков и т. п.

Очевидно, в разговорной речи бытовали два варианта произношения фамилии В. А. Озерова, подобно Иванову и Иванову, Новикову и Новикову, Дашковой и Дашковой, Корсаковой и Корсаковой. В своем письме от 5 апреля 1823 г. Пушкин, обращаясь с вопросом к Вяземскому, ставит следующее ударение в фамилии дамы, чтобы избежать *qui pro quo*: «Важный вопрос и, сделай милость, отвечай: где Мария Ивановна Корсакова <...>» (XIII, 64). Поэт придавал значение акцентуации фамилий и в фамилии драматурга избрал вариант (возможно, московский, воспринятый в детстве) *Озеров*.

2

«... панталоны, фрак, жилет»

Одежде Онегина — шляпе à la Боливар, панталонам, фрак, жилету — посвящены содержательные статьи в комментариях к роману. Дополнительно можно отметить следующее. Историк цензуры отмечает, что при Павле I строжайшим ограничениям подвергалась не только печатная продукция, но и частная жизнь людей, в том числе — стиль одежды. В частности, запрещены были круглые шляпы, фраки, жилеты, панталоны: французская мода связывалась в глазах правительства с Французской революцией.⁶ Через несколько дней после восшествия на престол Александра I, при либеральных веяниях начала царствования, вновь появились круглые шляпы, фраки, панталоны, жилеты.⁷ Когда Пушкин писал первую главу своего романа, эти колебания моды ушли в прошлое, но память о них осталась. Поэт, с его подчеркнутым стремлением к достоверности исторических реалий, задержал внимание и на них.

Мало того. В строфу XXVI он ввел своеобразный лингвистический комментарий, в котором еще и подчеркнул иностранное происхождение этих слов:

Но панталоны, фрак, жилет, —
Всех этих слов на русском нет <...>
(VI, 16)

Поэт сделал все, чтобы читатели не прошли мимо социального смысла современной моды. Далее с той же целью он иронически приносит повинную:

А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог

⁶ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892, с. 65.

⁷ Там же, с. 86.

Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами <...>

В заключительном двустишии строфы поэт противопоставляет своему будто бы перегруженному варваризмами языку «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный»:

Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

В этом противопоставлении текста романа «Академическому словарю» в полной мере выясняется проницательный смысл самообвинений поэта. Если слов *панталоны* и *жилет* в «Словаре Академии Российской» действительно нет, то во 2-м издании этого словаря, вышедшем как раз незадолго до начала работы Пушкина над романом, читаем: «Фрак — кафтан французского покроя».⁸ Противопоставление лексики романа и словаря оказывается мнимым. Еще в Предисловии к 1-му изданию «Словаря Академии Российской» были четко сформулированы принципы отбора лексики. Среди стилистических пластов, которые было положено исключить или предельно ограничить (антропонимы и топонимы, профессиональные термины, «благопристойности противные», архаизмы, диалектизмы), значатся: «б) Все иностранные слова, введенные без нужды, а которым равносильные славянские или российские находятся <...>». Среди исключений из этого правила указаны: «(III) Названия произведений как естественных, так и художественных, отъинуда привозимых, которым по общему праву всех языков дано место и в нашем словаре».⁹ По точному смыслу правила (б) и исключения (III) такие слова, как *панталоны*, *фрак*, *жилет*, обозначающие предметы иностранной одежды, распространенные в России, имеют право на место в словаре и в языке.

Весьма вероятно, что следующий абзац в статье Вяземского «Отрывок из письма А. И. Г—ой» («Денница, альманах на 1830 год») навеян рассмотренной строфой «Евгения Онегина», хотя поэт и его произведение не названы: «Еще есть вспомогательное средство для изучения языка русского: частое чтение „Академического словаря“. Этот способ был мне присоветован Карамзиным и, следовательно, заслуживает доверенность вашу. Сей словарь далек от совершенства; но все, за неимением другого, должно прибегать к нему, как к единому хранилищу материальных богатств языка нашего».¹⁰ Характерно здесь наименование труда Академии Российской «Академическим словарем», имеющееся в «Евгении Онегине», но отнюдь не общераспространенное в начале XIX в. В статье Вяземского ассоциация с пушкинским романом тем более вероятна, что статья написана в форме письма к поэтессе А. И. Готовцовой, чье послание к Пушкину вместе с ответным посланием поэта было опубликовано незадолго до статьи Вяземского. Послание Готовцовой явилось откликом на

⁸ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. 2-е изд. СПб., 1822, ч. 6, стб. 1119.

⁹ Там же. 1-е изд. СПб., 1789, ч. 1, с. IX—X.

¹⁰ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. с. 106.

пачальные строфы четвертой главы «Евгения Онегина», опубликованные в «Московском вестнике», но не вошедшие в окончательный текст романа, а ответное послание Пушкина было написано по настоянию Вяземского.¹¹ Таким образом, его статья многими нитями связана с «Евгением Онегиным».

Тынянов писал о внутренней диалогичности пушкинского романа.¹² Аллюзия в «Отрывке из письма А. И. Г—ой» Вяземского на строфу XXVI главы первой раскрывает перед нами фрагмент диалога между текстом романа и современными ему текстами — статьями, письмами, стихами. Данное явление можно назвать внешней диалогичностью романа. К этой теме мы еще обратимся далее и именно в связи с Вяземским, которому принадлежит в романе особое место.

3

«Я думал уж о форме плана...»

В понимании этого и следующего стихов из последней строфы первой главы «Онегина» замечается расхождение. К. Гильшер и Ю. М. Лотман¹³ относят слова

Я думал уж о форме плана
И как героя назову <...>
(IV, 30)

к роману «Евгений Онегин», связывая их со следующими стихами:

Покамест моего романа
Я кончил первую главу <...>

В. В. Набоков и некоторые другие исследователи относят слова о форме плана и имени героя к предыдущей строфе, к замыслу большого эпического произведения.¹⁴ В таком случае, если строфа LIX кончается строками:

Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

то начало строфы LX:

Я думал уж о форме плана
И как героя назову <...>

Следует ли одно из этих прочтений считать безусловно правильным?

«Словарь языка Пушкина» приводит в качестве второго значения следующее толкование слова «герой»: «Главное действующее лицо литератур-

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1950, т. 3, с. 492 (примечания Б. В. Томашевского).

¹² Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина». — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

¹³ Hielscher K. A. S. Puskins Verseepik. München, 1966, S. 125; Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975, с. 92.

¹⁴ Eugene Onegin: A Novel in Verse by A. Pushkin / Transl. from Russian, with a Commentary by V. Nabokov. New York, 1964, vol. 2, p. 215.

ного произведения».¹⁵ В таком значении это слово употребляется Пушкиным 54 раза, в том числе в начале «Евгения Онегина»:

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас <...>

(VI, 6)

Герой романа — вне всякого сомнения, Онегин, чьим именем роман и назван. Далее в первой главе Пушкин говорит: «Вот наш герой подъехал к сеним <...>» (VI, 16). На протяжении всего романа Онегин еще неоднократно будет назван героем. Поэтому в конце первой главы Пушкин никак не мог предупреждать читателя, что уже думал об имени героя.

Никак нельзя предположить, что под героем подразумевается Ленский: для Пушкина он всегда поэт, певец, но не герой.

Движение пушкинской мысли при переходе от предпоследней строфы первой главы к последней следует понимать так: *Скоро я начну писать большую поэму; я думал уже о плане и об имени героя; а покамест я кончаю первую главу того романа, над которым работаю в настоящее время.*

Таким образом, слова о форме плана и об имени героя несомненно относятся к замыслу поэмы «песен в двадцать пять», а не к «Евгению Онегину».

4

«Цензуре долг свой заплачу...»

Эти слова из заключительной строфы обыкновенно понимаются как указание на готовность поэта пожертвовать какими-то частностями текста в угоду требованиям цензуры, чтобы роман увидел свет. Действительно, письма Пушкина одесского периода полны горестных размышлений о печальной судьбе русских писателей, самого поэта и его романа, поставленных в зависимость от реакционной, тупой, а подчас и бессмысленно жестокой цензуры. С этим следует вполне согласиться. Однако кроме этого, на наш взгляд, Пушкин вкладывал в данный стих и другой смысл, буквальный: «Цензуре долг свой заплачу», т. е. представлю в цензуру положенное число экземпляров книги. В пушкинское время на обороте титульного листа книги значилось: «Печатать позволено с тем, чтобы по напечатании представлены были в Цензурный комитет три экземпляра». Иногда подобное распоряжение писалось самим цензором. Его-то и имел в виду поэт. Завершая первую главу, в своем воображении он уже видел ее изданной, прошедшей цензуру и вызвавшей нападки критики.

5

В строфе X главы второй среди тем поэзии Ленского названа туманная даль (прилагательное стоит в стяженной, усеченной форме):¹⁶ «ту-

¹⁵ Словарь языка Пушкина. М., 1956, т. 1, с. 470.

¹⁶ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947, с. 266.

ману даль»). Н. Л. Бродский приводит ряд примеров употребления этого словосочетания с именем прилагательным и в стяженной (усеченной), и в членной форме из элегий Жуковского и Батюшкова.¹⁷ Комментатор прав. Словоупотребление предромантиков отразилось в строфах VI—XI то в нарастающей, то в убывающей свободной косвенной речи.¹⁸ Полагаем, однако, что отразилось оно опосредованно.

В 1822 г. была опубликована статья Вяземского «О „Кавказском пленнике“, повести. Соч. А. Пушкина». В начале ее он писал: «Противники поэзии романтической у нас устремляют в особенности удары свои на поражение некоторых слов, будто *модных*, будто *новых*. „Даль“, „таинственная даль“, „туманная даль“ более прочих выражений возбуждает их классическое негодование».¹⁹ Некоторые замечания о построении поэмы и образа пленника вызвали возражения Пушкина, но с общестетическими идеями статьи он солидаризировался: «Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос — французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность» (XIII, 57—58). Французская болезнь — классицизм. Позже Пушкин солидаризировался с Вяземским иначе, — повторив словосочетание из его статьи во второй главе «Евгения Онегина».

Как было отмечено в связи с «Академическим словарем», роман Пушкина находится в зоне оживленного диалога его автора с Вяземским, реминисцирует Вяземского и вызывает его ответные реминисценции. Приведем еще один пример. Когда Вяземский читал:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят <...>

(VI, 136)

— он должен был вспоминать письмо Пушкина от 1 сентября 1822 г.: «<...> понимаю тебя — лета клонят к прозе <...>» (XIII, 45).

Следует, однако, иметь в виду разномыслие Вяземского и Пушкина по поводу словосочетания «туманная даль» и проблемы романтизма вообще. Вяземский однозначно встал на защиту и нового литературного направления, и нового словоупотребления. Так написана и статья о «Кавказском пленнике». Пушкин же считал, что романтизм, или истинный романтизм, как он иногда говорил, — это нечто другое.²⁰ Сквозь романтические понятия и формы он прозревал реализм. Поэтому «туманну даль» как одну из тем поэзии Ленского Пушкин называет и сочувственно, и одновременно несколько прощически, не отождествляя свою литературную позицию с позицией юного поэта.

¹⁷ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1957, с. 143—144.

¹⁸ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, с. 442.

¹⁹ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984, с. 43. (Курсив Вяземского.)

²⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956, т. 1, с. 605.

«Стихов российских механизмов»

В восьмой главе имеется странная на первый взгляд метафора, характеризующая стихотворную речь:

Стихов российских механизмов
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.

(VI, 164)

Казалось бы, представление о стихотворной речи как о механизме плохо совмещается с образом боговдохновенного поэта («Поэт», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), создающего этот механизм. Каково же место этой метафоры в романе?

Русский классический силлабо-тонический стих, каким он был в пушкинское время, подчинялся целому ряду правил. В нем строго различались метрически сильные и метрически слабые слоговые позиции. Сильные позиции притягивали к себе ударные слоги, слабые позиции отталкивали их. Между сильными позициями могли быть либо одна слабая (в хорее, ямбе), либо две (в дактиле, амфибрахии, анапесте). Хорей и дактиль имели нулевую анакрузу (стих начинался с сильной позиции), ямб и амфибрахий — односложную, анапест — двусложную. Таким образом, в хорее сильные позиции приходились на нечетные слоги, в ямбе — на четные, а в дактиле, амфибрахии и анапесте — на нечетный (четный) и четный (нечетный) поочередно.

В каждом стихе (строке) было строго определенное количество слогов. Ударные слоги должны были приходиться на метрически сильные слоговые позиции, безударные — на метрически слабые. Ударный слог мог прийти на слабую позицию, но безударный слог того же слова не мог прийти на сильную позицию. Это значит, что в хорее и ямбе на слабых позициях могут стоять только односложные слова, несущие ударение, а в дактиле, амфибрахии и анапесте на слабой позиции может быть ударный слог только односложного либо двусложного слова.

В пятистопном и шестистопном ямбе часто вводилась постоянная цезура, т. е. постоянный словораздел после определенного слога — четвертого или шестого.

Соединение стихов в пределах строфы и в астрофическом тексте, а также соединение строф между собой тоже подчинялось определенным требованиям. Еще Тредиаковский принял за правило «бракосочетание рифм» — чередование женских и мужских клаузул. В пушкинское время не могли стоять рядом два стиха с женскими клаузулами на разные рифмы или два стиха с мужскими клаузулами на разные рифмы. Если предыдущая строфа (или абзац астрофического текста) кончалась стихом с мужской клаузулой, то последующая строфа (абзац астрофического текста) начиналась стихом с женской клаузулой, и наоборот.

Исключения из всех перечисленных правил воспринимались именно как исключения и возможны были, в свою очередь, опять-таки в определенных условиях.

Рифма предполагала совпадение гласной фонемы (звука, буквы) последнего ударного слога и всех согласных справа от нее, отклонения воспринимались как несовершенство, уступки материалу языка.

Мы намеренно самым сжатым образом суммировали правила силлабического стихосложения пушкинской поры. Они столь строго ограничивают движение поэтической мысли, вызывают такое обилие повторений при чередовании ударных и безударных слогов, мужских и женских рифм, единообразных строф, что могут вызвать ассоциацию с работой механизма. Пушкин с наслаждением отдавался во власть этого механизма, о чем ярко свидетельствует, например, начало «Домика в Коломне». В заключении рецензии «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» Пушкин отметил: «Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекzamетра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами» (XI, 221).

Можно с уверенностью сказать, что слово «механизм» для Пушкина играло роль прозаизма, аналогичного слову «организм» в «Осени». Подобные «прозаические бредни» были важнейшей структурной частью текста романа, всей системы пушкинской поэтической лексики 30-х гг.

Пушкин новаторски ввел слово «механизм» в язык поэзии, однако при этом он опирался на традицию русского литературного языка и языка русской прозы его времени. Хотя в «Словаре Академии Российской» слова «механизм» нет, но есть слово «механика». Оно объясняется следующим образом: «Часть прикладной математики, имеющая предметом законы равновесия и вообще движения».²¹ Стоит отметить, что в качестве примеров приведены словосочетания «Учить, учиться механике», близкие по смыслу соответствующему месту «Евгения Онегина». Кроме того, в словаре имеются статьи «Механик», «Механически», «Механический», отсылающие к статье «Механика», — гнездо слов данного корня, таким образом, представлено весьма широко.

Слово «механизм» применительно именно к стихосложению употребил до Пушкина А. Х. Востоков. Замечательный поэт, филолог, реформатор и теоретик стихосложения, он скромно писал о себе в третьем лице, оправдываясь в слабости переводов из Горация: «Не имел иного руководителя кроме некоторых книг, придерживался он, может быть, слишком рабски подлинника своего в вещах побочных — в механизме стихов».²²

Общезвестно, что Пушкин высоко ценил поэтическую и научную деятельность Востокова. Однако данной книги в библиотеке Пушкина не было.²³ Тем не менее мы можем привести косвенное доказательство того, что очень рано, еще в Лицее, Пушкин познакомился со второй частью «Опытов лирических...» Востокова. Оно любопытно и само по себе.

Среди источников «Руслана и Людмилы» отмечаются поэмы Востокова.²⁴ Первая законченная поэма Пушкина особенно близка к поэме

²¹ Словарь Академии Российской (...). СПб., 1814, ч. 3, стб. 761.

²² Востоков А. Х. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. СПб., 1806, ч. 2, с. 77.

²³ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.

²⁴ См.: Томашевский Б. В. Пушкин, т. 1, с. 299.

Востокова «Светлана и Мстислав». Не станем пересказывать содержание этой поэмы, отметим лишь некоторые точки соприкосновения ее с «Русланом и Людмилой». Действие происходит в Киевской Руси Владимира-Солища. В числе узловых эпизодов есть преследование неузнанного врага (ср. преследование Фарлафа Рогдаем), битва Владимира с Мстиславом на берегу Днепра (ср. бой Руслана с Рогдаем), радостное возвращение в Киев, брачный пир.

Особенно доказательно сопоставление лексики. У Востокова, например, есть *Баян*, *Лель*, *грядница* и *грядни*. Два последних слова Б. В. Томашевский считал особенно характерными и связывал их с влиянием на Пушкина «Истории государства Российского» Карамзина.²⁵ Между тем *грядни* и *грядница* имеются в поэме Востокова, написанной в 1802 г.²⁶ Немаловажное значение имеет и совпадение стихотворного размера: обе поэмы написаны четырехстопным ямбом.

Влияние «Светланы и Мстислава» на «Руслана и Людмилу» (даже заглавие своей поэме Пушкин дал по той же модели, что и Востоков) сомнению не подлежит. Между тем, поэма Востокова опубликована как раз во второй части его «Опытов лирических...» (с. 81—99). Таким образом доказывается знакомство Пушкина с этой книгой. С большой уверенностью можно говорить о том, что метафору «механизм стихов» Пушкин перенес в роман «Евгений Онегин» из прозы Востокова. Простое совпадение представляется маловероятным.

Можно еще отметить, что в конце 40-х гг. сходное выражение применил в воспоминаниях о Ю. А. Нелединском-Мелецком Вяземский: «Арифметические задачи решал он мысленно или, лучше сказать, наобум, но с математическою непогрешительною верностью. Это бессознательное, внутреннее производство, эту умственную механику применял он даже к самому стихотворству».²⁷ Здесь меньше оснований говорить, что Вяземский реминисцирует Пушкина, но, с другой стороны, «Евгения Онегина» он читал и метафору «стихов российских механизм» знал.

С первой по шестую главу романа Онегин подчеркнут прозаичен. Ленский и он — это стихи и проза. Как его друг ни бился, Онегин не мог отличить ямба от хорей. Он не полюбил поэтичную Татьяну, хотя и почувствовал ее поэтичность, сказав, что из двух сестер выбрал бы ее, если бы был поэтом. Позже Онегин полюбил Татьяну и сам стал похож на поэта. Поражает цельность романа, писавшегося на протяжении более чем семи лет и перебивавшегося множеством других работ. Пушкин помнит, что его герой был прозаичен и мог полюбить Татьяну, только став поэтом, — и в восьмой главе Онегин по своему мироощущению и поведению предельно близок к этому. Такой Онегин любит Татьяну. Пушкин помнит и выразительную деталь: его герой не различал хорей и ямба. Обновленный Онегин чуть было не постиг и «стихов российских механизма». Эта деталь становится выразительным штрихом для характеристики пушкинского героя.

В. С. Баевский

²⁵ См.: Там же, с. 296.

²⁶ См.: Заметки А. Х. Востокова о его жизни / Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1904, с. 48.

²⁷ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика, с. 236.

Он мог бы чувства обнаружить,
 А не щетиниться, как зверь;
 Он должен был обезоружить
 Младое сердце. «Но теперь
 Уж поздно; время улетело...
 К тому ж — он мыслит — в это дело
 Вмешался старый дуэлист;
 Он зол, он сплетник, он речист...
 Конечно: быть должно презренье
 Ценой его забавных слов,
 Но шепот, хохотня глупцов...»
 И вот общественное мнение!
 Пружина чести, наш кумир!
 И вот, на чем вертится мир!

(VI, 121—122)

В контексте романа строфа XI шестой главы представляет собой преддуальное размышление героя, сопровождаемое авторским комментарием. И мысленный монолог Онегина, и особенно обобщающие суждения Пушкина обнажают страшную пропасть между здравым смыслом и нормами светского поведения.

Пушкин не был первооткрывателем этой пропасти. Он хорошо знал своих предшественников — и западных, и отечественных. Ближайшим из последних был А. С. Грибоедов. Недаром же строка «И вот общественное мнение!» процитирована и снабжена особым авторским примечанием: «Стих Грибоедова» (VI, 194).

Чего боится Онегин, принимая заведомо бессмысленный вызов мальчика Ленского? «Стих Грибоедова», заимствованный из монолога Чацкого, объясняет последствия возможного отказа героя от поединка. Может родиться слух о трусости Онегина. А дальше — точно по «Горю от ума»:

Поверили глупцы, другим передают,
 Старухи вмиг тревогу бьют —
 И вот общественное мнение!¹

Но грибоедовской строкой об «общественном мнении», бессмысленном и ложном, строфа не завершается. Пушкин ведет ее дальше, к итоговому восклицанию, в котором содержится другая, куда большая, чем в строке из «Горя от ума», мера обобщения:

И вот, на чем вертится мир!

Стих о бессмысленном верчении мира, построенного на механическом приложении общих понятий («пружина») к каждому отдельному случаю, есть, по нашему мнению, еще одна цитата в ткани строфы. На этот раз цитата скрытая. Но так же, как и в первом случае, она заимствована из стихотворного текста. Автор его — Д. И. Фонвизин.

Сюжет фонвизинского «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1789) хорошо известен. Автор послания обращается к трем

¹ Грибоедов А. С. Горю от ума, д. 4, явл. 10. — Соч. М., 1985, с. 133.

своим «людям» с философским вопросом: «...на что сей создан свет?». И получает три разных ответа. Все они так или иначе клонят к мнению о тщете и бессмысленности мира. Нас будут интересовать несколько строк из монолога домашнего парикмахера Петрушки:

«Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка, —
Весь свет, мне кажется, ребячья игрушка...
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет!..»²

Близкое текстуальное сходство между восклицанием фонвизинского Петрушки и завершающей строкой онегинской строфы — вряд ли простая случайность. Его следует комментировать.

Произведение Фонвизина Пушкин хорошо знал. Еще в лицейском стихотворении «Тень Фон Визина» (1815) поэт не просто обнаруживает знакомство с «Посланием к слугам...», но в воображаемом монологе Дениса перефразирует именно приведенные строки из речи Петрушки:

Вдохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.

(I, 157)³

Онегинская строка — тоже вариант фонвизинской. Пушкин заменяет здесь «вертится свет» на близкое, синонимичное: «вертится мир». Объяснить замену нетрудно. Пушкин даже в прозе, где меньше права на «вольность» при цитировании, нередко подставляет близкое по значению слово. Примером может служить заимствование как раз из Фонвизина. Эпиграфом к главе III «Капитанской дочки» автор ставит: «Старинные люди, мой батюшка. Недоросль». Между тем в «Недоросле» эта реплика госпожи Простаковой звучит несколько иначе: «Старинные люди, мой отец!» (д. 3, явл. 5).

Но бросается в глаза не только текстуальное сходство пушкинской и фонвизинской строк. Их сближает и смысловой контекст произведений. В пределах комментируемой онегинской строфы все действующие лица — Евгений, Ленский, Зарецкий, хохочущие глупцы — лишены собственной воли, поступают сообразно с внешними обстоятельствами. Их поступки, по существу, и есть танец марионеток, движимых не равным, а посторонней механической силой — «пружиной». К ним (опять-таки только в пределах строфы) вполне приложимо сравнение, которым пользуется Петрушка:

По свету нас пустил, как кукол по столу...

² Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959, т. 1, с. 211—212.

³ Цитата из фонвизинского «Послания...» есть и в «Капитанской дочке»: Савельич, подобно Шумилу, «и денег, и белья, и дел моих рачитель» (VIII, 284).

Образ куклы как существа, движимого не разумом, а механическим усилием светской условности, хорошо знаком читателям пушкинского романа. Уже в главе второй присутствует важный мотив жизни-игры, жизни — кукольной комедии, насаждаемой в дворянском быту с детства:

С послушной куклою дитя
Приготавливается, шутя,
К приличью — закону света...

(VI, 43)

Татьяна далека от подобных игр. Онегин погружен в них целиком; педаром же его идол — «столбик с куклою чугунной» (VI, 147), т. е. Наполеон, как бы олицетворяющий антигуманное начало, являющий собой некий предел несвободы...⁴

Теперь попробуем понять, почему Пушкин отметил примечанием заимствование из «Горя от ума», но молчит о прямом родстве последней строки с «Посланием к слугам...». Ю. М. Лотман, комментируя строфу XI, пишет: «Грибоедовская цитата входит в авторский текст, интонационно и идеологически в нем растворяясь: Пушкин как бы солидаризируется с Грибоедовым, опираясь на его авторитет. Поэтому он отмечает самый факт цитаты, но не выделяет ее графически».⁵

Вероятно, такое же растворение происходит и с фонвизинской строкой: она совершенно точно совпадает с идеей и интонацией строфы. Думается, однако, что Пушкин дает примечание «Стих Грибоедова» вовсе не потому, что «солидаризируется» с автором «Горя от ума». Дело проще. В 1826 г., когда идет работа над шестой главой романа, комедия Грибоедова еще не опубликована. Это и обязывает Пушкина дать примечание. А фонвизинское сочинение напечатано почти шесть десятилетий тому назад. Это образцовое произведение, оно у всех на устах; ссылка на источник, видимо, не нужна.

Близость общественных и литературных взглядов Пушкина к традициям Фонвизина общеизвестна.⁶ Например, в одном из писем, адресованных П. А. Вяземским П. И. Бартеневу, прямо было замечено, что на рубеже 20—30-х гг. Пушкин в дружеских и литературных спорах «фонвизинствовал».⁷ И строка, завершающая строфу XI шестой главы, — еще одно тому свидетельство.

8

«... ум, любя простор, теснит»

На протяжении своего романа Пушкин дважды обращается к этому известному выражению. Данный афоризм весьма популярен у исследователей «Онегина», он давно, если воспользоваться выражением В. О. Ключевского, «оброс литературой».

⁴ Подробнее об этом см.: Листов В. С. «Евгений Онегин» как исторический роман. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1982, с. 62—72.

⁵ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980, с. 292.

⁶ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Из пушкинских маргиналий. — В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 114—131.

⁷ Там же, с. 129.

Не вдаваясь в детали противоречивых оценок, мы ограничимся лишь указанием на один забытый источник формулы и постараемся поставить ее в связь с некоторыми суждениями современников Пушкина.

Но сначала напомним оба контекста, в которых Пушкин приводит афоризм о теснящем уме. Сначала — в беловом автографе главы седьмой, в строфе I «Альбома Онегина», не вошедшего в основной текст. В альбомной записи герой отмечает, что его не любят в обществе, на него клеветают:

За что? за то, что разговоры
Принять мы рады за дела,
Что вадорным людям важны вадоры,
Что Глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит —
Что ум, любя простор, — теснит <...>

(VI, 614)

В основном тексте главы восьмой (строфа IX) сходное суждение дано не в первом лице, как в «Альбоме», а в третьем. Это как бы авторская реплика в защиту Онегина перед лицом высшего света:

Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит <...>
И что посредственность одна
Нам по плечу и не страна.

(VI, 169)

Источник стиха о теснящем уме не раз обсуждался. В. В. Виноградов по этому поводу писал: «Этот стих — ходячая, хотя и несколько видоизмененная цитата. Ее исторические корни раскрываются у И. С. Аксакова: „Говорить снова о перевороте Петра, нарушившем правильность нашего исторического развития, было бы излишним повторением. Мы могли бы кстати, говоря об уме, припомнить слово, приписываемое Кикину и хорошо характеризующее наше умственное развитие. Предание рассказывает, что Кикип на вопрос Петра, отчего Кикин его не любит, отвечал: Русский ум любит простор, а от тебя ему тесно“».⁸

Следуя в своем комментарии за В. В. Виноградовым, Ю. М. Лотман приводит ту же цитату из И. С. Аксакова и вскользь замечает: «... мы располагаем несколькими близкими версиями этого устного предания».⁹

⁸ Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. — ТОДРЛ, Л., 1969, т. 24, с. 326.

⁹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», с. 349—350. — Комментарий опирается и на мнение современного исследователя, который утверждает, что в этом историческом эпизоде «государственному абсолютизму, воплотившемуся в лице Петра, был противопоставлен прин-

Далее Ю. М. Лотман пишет: «Раскрытие источника цитаты объясняет ход мысли Пушкина: судьбы русских онегинных связываются для автора с размышлениями над итогами реформы Петра I. Одновременно можно отметить резкий сдвиг в решении этих проблем, произошедший между седьмой и восьмой главами: сочувственная цитация слов Кикина — заметный шаг на пути от концепции „Полтавы“ к „Медному всаднику“».¹⁰

Но, во-первых, неясно, что понимается тут под «раскрытием источника цитаты». По причинам чисто хронологическим Пушкин не мог читать произведений И. С. Аксакова (1823—1886). Во-вторых, непонятно, какой «резкий сдвиг» в оценке петровских реформ произошел у Пушкина за время между седьмой и восьмой главами. Ведь в «Альбоме Онегина» (седьмая глава) и в строфе IX (восьмая глава) комментируемая строка существует в одной и той же редакции и в совершенно аналогичном смысловом контексте.

Пусть кикинский эпизод восходит к устным преданиям, бытовавшим в XVIII столетии. Но едва ли не с полной уверенностью можно сказать, что Пушкин знает реплику Кикина не в изустной передаче, а из печатного текста, ибо она приведена в хорошо известном поэту сочинении И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России». Давно доказано, что с многотомным трудом Голикова о Петре Пушкин познакомился во всяком случае не позднее 1825 г.,¹¹ т. е. до работы над седьмой и восьмой главами «Евгения Онегина».

Голиковский анекдот, о котором идет речь, носит длинное — в традициях XVIII в. — название: «Один злодей в сонного Государя дважды стреляет из пистолета, но оба раза оный осекается».

Что же узнает Пушкин из этого сочинения?

Апологет Петра Голтков начинает свой рассказ как историю избавления государя от смертельной опасности: некий злодей пробрается к постели Петра, стреляет в спящего, но божественному провидению угодно отвести гибельный исход. Далее простодушный историограф пишет: «Впрочем и не утверждая заподлинно, чтобы изверг сей был Кикин, можно однако же о нем сказать, что крайняя неблагодарность его <...> доказывает чудовищное его сердце, способное к самым величайшим злодеяниям».¹²

Так и не решив, Кикин ли пытался убить Петра, Голиков продолжает рассказ о Кикине как о величайшем преступнике. Государь возводит злодея в достоинство «Адмиралтейского Президента», а он ворует на хлебных подрядах. За «похищение казенных интересов» суд приговаривает президента к лишению имущества и ссылке, но Петр его прощает и

цип свободы личности» (Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметьев и правительственная среда Петровского времени. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 193).

¹⁰ Там же, с. 350.

¹¹ См.: Фойнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979, с. 86; Листов В. С., Тархова Н. А. Труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого...» в кругу источников трагедии «Борис Годунов». — В кн.: Временник пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983, с. 114.

¹² Голиков И. И. Дополнения к «Деяниям...». М., 1797, т. 18, анекдот VII.

даже оставляет в прежнем «толь важном звании». Однако милость не впрок: Кикин становится главным развратителем несчастного царевича Алексея Петровича. Тут уж «благодеющий государь» вынужден предать Кикина казни.¹³

«Но кажется, — пишет Голиков, — что его величество, и тогда еще жалея лишиться в нем ума тонкого и способного к важным препоручениям, расположен был еще простить его, ежели б только увериться мог в сердечном его раскаянии. И в сем-то намерении (как уверяли меня) благоволил он, накануне казни его, еще его видеть и спросить, что принудило его употребить ум свой в толикое зло? Какой же от него получил на сие Монарх ответ? „Ум (сказал нераскаянный сей злодей) любит простор; а от тебя было ему тесно“».¹⁴

Голиковская версия анекдота, разумеется, не обязательна для Пушкина. И нет повода думать, будто в пушкинском романе буквально процитирован простодушный историограф. Но его запись все же важна как некая отправная точка размышлений и чувствований поэта.

Прежде всего отметим существенное различие между Голиковым и Аксаковым. Автор XVIII в. не считает любовь к простору отличительным свойством русского ума. В уста Кикина он вкладывает суждение об уме вообще; реплика умного злодея носит, следовательно, общечеловеческий характер. Поздняя формула Аксакова, по-видимому, тоже восходит к Голикову. Но, верный славянофильским пристрастиям, Аксаков не поминает криминальных действий противника Петра — вроде воровства на хлебных подрядах. Затем, вводя понятие «русский ум», Аксаков трактует всю ситуацию противостояния Кикина и Петра как борьбу здорового национального начала с тлетворным космополитическим реформаторством — тоже в славянофильском духе.

Все это тяготеет к другому этапу общественных и литературных воззрений и мало помогает в истолковании «Онегина». Тема Петра, конечно, вырисовывается в подтексте строки, но прямая оценка петровских реформ вряд ли здесь присутствует.

Что же привлекло Пушкина в голиковском анекдоте, в странном диалоге царя и неудачливого заговорщика? Возможно, ситуация, намеченная Голиковым, показалась поэту и знакомой, и актуальной. В среде, близкой Пушкину, коллизия «горя от ума» была хорошо известна и широко обсуждалась. Отголоском таких обсуждений явилось, например, письмо декабриста В. И. Штейнгеля Николаю I, отправленное в январе 1826 г. из Петропавловской крепости. Описывая бедствия России в конце александровского царствования, Штейнгель рисует тягостное положение людей пушкинского круга и прибегает к знакомому нам голиковскому образу:

«Царскоельский лицей дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности, но свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, по-

¹³ В нашу задачу не входит соотнесение голиковского рассказа с исторически реальной судьбой адмирала А. В. Кикина. Заметим только, что в анекдот с осекшимся пистолетом Пушкин-историк, видимо, не поверил, а сведения о его воровстве и участии в деле царевича Алексея принял всерьез — и то, и другое внесено в пушкинский конспект основных томов «Деяний...» Голикова (X, 211, 239—241).

¹⁴ Голиков И. И. Указ. соч., т. 17, с. 32—33.

ставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем <...> Отличительные свойства вновь образованных людей, суть: непризнание ничего святым, нетерпение подчиненности, неуважение к летам, желание независимости, сучание всем и беспомощность ко всему настоящему. Им кажется, что для ума их в России тесно».¹⁵

То, что декабрист назвал «отличительными свойствами», как раз и характеризовало многих людей пушкинского круга, делало александровскую Россию «тесной» для умственной жизни. Обобщенный портрет, представленный Штейнгелем, создан, вероятно, не без влияния «Евгения Онегина». Так что уже здесь можно предположить косвенное скрещение первой главы романа и голиковского анекдота.

Но заметим: традиция, начатая Голиковым и продолжаемая Штейнгелем и Аксаковым, при всех различиях авторских воззрений, подчеркивает одно и то же положение — есть некий ум, которому тесно в предлагаемых общественных обстоятельствах. Пушкин же все переинтерпретирует, описывает совершенно противоположную ситуацию: онегинский ум активен; не его теснят, а сам он «теснит» косную светскую среду.

Сочувствие Пушкина на стороне теснящего, а не на стороне теснимого (или теснимых). Отсюда, конечно, не следует, будто Пушкин непременно берет сторону Петра против Кикина или — что уж вовсе неправдоподобно! — сторону Александра I против декабристов. Нам представляется, что обращение поэта к анекдоту XVIII в. лежит совсем в иной плоскости. Оно навеяно скорее причинами личными и этическими, чем общественно-историческими мотивами.

В связи с голиковским рассказом вряд ли стоит обсуждать, как относился Пушкин к неудавшемуся царевубийству (в чем, кстати, обвиняли декабристов), к делу царевича Алексея, а тем паче к воровству на хлебных подрядах. Рискнем предположить, что внимание Пушкина привлечено ясно выраженный поединок персонажей, спорящих об уме и чести. В самом деле: царь и подданный. Подданный осужден, но царь искушает его последним вопросом. Сказав правду, можно сохранить честь и лишиться головы; солгав, можно сохранить голову и лишиться чести. Кикин выбирает первое. Тем и определяется, мы думаем, отношение Пушкина к опальному адмиралу.

Седьмую главу «Онегина» Пушкин начал писать в августе или сентябре 1827 г., т. е. через год после знаменитой беседы с царем в московском Кремле. Обстоятельства этого диалога близко напоминают ситуацию голиковского рассказа. Конечно, Пушкину грозит не казнь, но крепость или Сибирь вполне возможны. Вопрос Николая I — «Что вы бы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?» — искушает собеседника. Правдивый ответ, с точки зрения царя, неблагонадежен — за преступное намерение можно сильно поплатиться. Но и неправда опасна: царь ведь пеглуц, поймет, что собеседник лукав и неискренен. Пушкин, как известно, выбрал тот же путь, что и Кикин, — сказал опасную правду.

¹⁵ Письмо В. И. Штейнгеля на имя Николая I. — В кн.: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с. 248.

Важное свидетельство Д. Н. Блудова: после беседы с Пушкиным Николаем I понял, что «разговаривал с умнейшим человеком в России».¹⁶ В словесном поединке поэт явно «потеснил» царя.

Таким образом, Пушкин переименовал формулу Голикова сначала в жизни, а потом в строке «Онегина»: теснящий ум выше, достойнее ума теснимого, в умственной среде нет царственных привилегий, «и стина сильнее царя» (XVI, 224).

Тот же мотив появится потом в «Капитанской дочке». Пугачев спрашивает пленного Гринева: «Ты не веришь, что я великий государь?». Ответ Гринева построен совершенно по тому же принципу, что и ответ Пушкина Николаю I. Сильно рискуя, офицер тем не менее апеллирует к разуму мнимого царя: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую» (VIII, 332). Эту реплику своего героя Пушкин сопровождает многозначительным замечанием в скобках: «... и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту» (VIII, 332). Нет ли тут самооценки Пушкина через десять лет после разговора с царем? Этот вопрос заслуживает отдельного исследования...

Но вернемся к онегинской теме. По признаку «теснящего ума» Онегин близок Петру I, декабристскому кругу, наконец, самому Пушкину. Родственность, сомасштабность героя историческим личностям, намеченная строками «Альбома» и восьмой главы, существенны. Возможно, в них теплится след нереализованной перспективы «Большого Онегина», где вчерашний «добрый приятель» выходил бы на Сенатскую площадь или становился военным героем.

Так ли, иначе ли, но в комментируемой строке Пушкин намечает важнейшую эволюцию Онегина. Если в первой главе свет снисходительно решает: «... умни и очень мил» (VI, 7), — то теперь онегинский ум уже не так безобиден. Поэтому-то общество и платит ему нелюбовью и клеветой. Здесь Пушкин делает акцент не только на том, как среда воздействовала на героя, но и на том, как Онегин «теснил» общество, как он был опасен для света.

А. А. Ахматова, одна из самых чутких к Пушкину исследователей, давно заметила, что мы с привычной односторонностью судим о том, почему высший свет ненавидел поэта и изверг его как инородное тело из своей среды. «Теперь настало время, — пишет Ахматова, — вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними».¹⁷ Иными словами, Пушкин вытеснил из нашей памяти, из истории, огромное большинство своих посредственных современников...

Онегин — не Пушкин; он не удостоился такой судьбы. Но был готов к ней. Именно об этом напоминает нам историческая реплика петровского времени, сильно переосмысленная Пушкиным и примененная им к герою романа.

¹⁶ Русский архив, 1865, стб. 96.

¹⁷ Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. Л., 1977, с. 5.

В черновых рукописях «Путешествия Онегина» составители Большого академического собрания сочинений Пушкина выделили раздел сводных рукописей предполагаемой восьмой главы, включающий 34 строфы. Три завершающие строфы посвящены здесь расставанию с Онегиным, который «пустился к невским берегам», и «печальному приезде» автора в далекий северный уезд. В воображении своем поэт вечно видит «мир и сон Тригорских нив»,

И берег Сороти отлогий
И полосатые холмы
И в роще скрытые дороги
И дом, где пировали мы, —
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языков^кым воспетый,
Когда из кашица наук
Являлся он в наш сельский круг
И нимфу Сор^коти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом;
Но там и я свой след оста^квил,
Там ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель —

18 сент. Болдино

1830

(VI, 506)

В нашу задачу не входит изучение места данной строфы в контексте романа; современный комментатор дает подробную сводку мнений по этому вопросу.¹⁸ Наше внимание будет сосредоточено на завершающих строках строфы, ставших хрестоматийными.

Литературная ориентация последнего двустипшия с первого взгляда кажется простой и очевидной. Образ свирели, повешенной на ель, тяготеет к поэдному мифу о золотой эоловой арфе, поющей от дуновения ветра. Очевидна и русификация образа: свирель вместо арфы, «темная ель», безусловно не растущая в священных рощах Эллады. Такое объяснение вполне корректно. Оно подкреплено и другими образами строфы: рощи, «приют, сияньем муз одетый», речная нимфа и т. д.

Слышатся в двустипшии и пасторальные мотивы, близкие Руссо. Пушкин несомненно помнит описание Эрменонвиля, где жил и похоронен Руссо, сделанное Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника»: «Прежде всего поведу вас к двум густым деревьям, которые сплелись ветвями, и на которых рукою Жан-Жака вырезаны слова: л ю б о в ь все соединяет. Руссо любил отдыхать под их сению<...> Тут рассеяны знаки пастушеской жизни: на ветвях висят свирели...»¹⁹

Но строки о свирели, повешенной на ель, могут, как нам кажется, восприниматься и в другом смысловом ряду, не менее важном для Пуш-

¹⁸ Тархов А. Е. Комментарий. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах. М., 1980, с. 296—297.

¹⁹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 308.

кина. Иная ориентация образа подтверждается обращением к широко известному в пушкинское время литературному источнику. Речь идет о перемиаде «Плач при реках Вавилонских» из псалма, приписываемого Давиду:

«1. При реках Вавилона, там сидели мы и плакали <...>». Далее плачущие вспоминают священный холм земли обетованной, откуда они изгнаны, уведены в плен.

«2. На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы.²⁰

3. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья <...>».

4. Как нам петь песню Господню на земле чужой?»²¹

Знакомство Пушкина с псалмом, в котором певцы-пленники вешают арфы свои на вербы, не подлежит сомнению. Ведь ситуация просто азбучная — по псалтырю учили детей читать. Можно только заметить, что первые стихи из псалма 136 активно живут в сознании поэта. Доказательство тому — черновик пушкинского письма, адресованного из Кишинева арзамасцам:

«В лето 5 от Липецкого потопа — [мы, превосходительный Рейн и] жалобный сверчок, на лужище города Кишенева, именуемой *Быком*, сидели и плакали, вспоминая *тебя, о Арзамас...*» (XIII, 20).

Вся фраза есть пародия на первый стих приведенного псалма (XVII, 112). Сатирическая подмена персонажей и обстоятельств здесь очевидна. Рейн и Сверчок (по-арзамасски — генерал М. Ф. Орлов и Пушкин) представлены в виде плачущих певцов-невольников, а роль «рек Вавилона» играет кишиневская речка Бык. Священное место, с которым разлучены плачущие, конечно же петербургское литературное общество «Арзамас».

Разумеется, эпистолярная пародия молодого Пушкина проще, яснее обсуждаемой онегинской строфы, написанной десятилетие спустя. Но общая ориентация обоих произведений на один и тот же источник выступает вполне отчетливо. Письмо к арзамасцам есть перефразировка первого стиха псалма, а онегинское двустушие — переосмысление второго стиха того же псалма.

Простые смысловые соответствия между строками «Евгения Онегина» и стихами псалмопевца можно наметить лишь очень предположительно: будем помнить, что перед нами фрагмент черновика, явно незавершенный и неотделанный. В его вариантах два очень важных для нас разночтения: «Там на горе, на темну ель», «И на горе, на темну ель» (VI, 506).

Гора, где повешена свирель, может тяготеть к образу золотой арфы. А может быть осознана и как священный холм, вспоминаемый в некоем пленении, сходном с вавилонским. Обстоятельства «северного уезда», в который ссыльный Пушкин приезжает в 1824 г., дают материал для осторожных параллелей. Не идет ли речь о холме Тригорского, который для Пушкина есть образ земли обетованной? Такое предположение нахо-

²⁰ Этот ключевой для нашей темы стих в известном Пушкину церковнославянском тексте читался следующим образом: «На вербихх посреде его обесиэхому Органы наша».

²¹ Псалтырь, псалом 136.

дит некоторую опору в предшествующей строфе, построенной как воспоминание о дружеском круге Тригорского:

Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей —
Вдали, один среди людей
Вообразать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

(VI, 505)

Но возможно и более широкое истолкование образа земли обетованной, где повешена арфа-свирель: не только тригорский холм, а вся окрестность, включающая Михайловское, Петровское, Савкино. Смысловым центром этой округи будет Святогорский монастырь, откуда и вся местность носит название: Святые Горы. Само звучание топонима близко подводит к библейскому понятию священного холма, на который ориентированы горестные воспоминания псалмопевца.

К этому же толкованию близка и пророческая строка «Где б пи ждала меня могила» (VI, 505) из предшествующей строфы.

Все это, однако, предположения. Вместе с тем не подлежит сомнению, что со строками о свирели, повешенной на ель, в онегпскую строфу входит тема плена, изгнанничества.

Пушкин не по своей воле приехал «в далекий северный уезд» и не по своей воле покинул его два года спустя. Свидетельств того, как тяготила поэта ссылка в Михайловское, более чем достаточно, и мы не станем их приводить. Гораздо важнее для нас то, как изменилось его отношение к месту ссылки потом, в годы странствий, на которые приходится работа над завершением «Евгения Онегина». Уже в ноябре 1826 г. Пушкин пишет из Михайловского П. А. Вяземскому: «Вот я в деревне <...> Деревня мне пришлась как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму» (XIII, 304). Четыре года спустя тем же «поэтическим наслаждением» проникнуты и сами воспоминания о местах прежней неволи.

Строки о свирели, оставленной в Святых Горах, Пушкин пишет в новом заточении — болдинском. На этот раз его отделяют от мира холерные карантинные. Теперь, с дистанции в несколько лет, обетованной землей, увенчанной по библейской традиции священным холмом, кажется поэту прежняя «тюрьма»: «Что пройдет, то будет мило» (II, 270).

Но, думается, в двустии о свирели, толкуемом как библейский мотив, есть и непреходящее значение. Чтобы его понять, необходимо отвлечься от конкретно-биографических реалий и осознать онегинскую строфу в широком контексте современной Пушкину русской жизни. Читателю, к которому прямо обращен пушкинский стихотворный роман, могут быть неизвестны и неважны подробности северной ссылки или «холерного» заточения поэта. Но как только осознается параллель стихов с арфой и вербами из псалма 136, мгновенно становится понятен образ поработенного народа — народа, поэты которого в неволе.

Чтобы показать это, достаточно обратиться хотя бы к сочинению декабриста М. С. Лунина, старшего современника Пушкина, который, рисуя

картину крайнего социального неблагополучия в годы николаевского царствования, прибегает к той же библейской параллели, что и Пушкин: «Рабство, утвержденное законами, является обильным источником безнравственности... За этот период не появилось ни одного сколько-нибудь значительного литературного или научного произведения. Поэзия повесила свою лиру на вавилонские ивы».²²

Нам близок и понятен пафос автора-декабриста, чья любовь к отечеству проявляется прежде всего в ненависти к узаконенному рабству. Но образ, созданный Пушкиным, не есть простой сколок с воззрений М. С. Лунина и его друзей. Томясь в неволе, поэт всегда находил в себе силы «петь», «оставлять след» в народном сознании. В этом смысле очень важно его самосравнение с «вольным» Языковым: неравенство положения не препятствие к поэтическому равенству и согласию. И «вавилонское пленение» в конце концов не может поколебать любви поэта к священным холмам родины, земли обетованной.

Само явление «Евгения Онегина», как и последующее творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, других гениев русской литературы, всегда будет свидетельствовать об этом.

В. С. Листов

²² Луinin М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840. — В кн.: Мемуары декабристов, с. 305.

10

E sempre bene, господа

Что означает это итальянское выражение в строфе XXXV восьмой главы «Евгения Онегина»?

Согласно переводу, представленному в Большом академическом издании, оно означает: «И отлично», господа (VI, 662). Между тем, нельзя сказать, что такой перевод точно передает смысл сказанного.

Речь здесь идет об Онегине, когда в своем уединении он, по словам поэта, читает «все без разбора»:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.

(VI, 183)

Если *è sempre bene* действительно значит «и отлично», то смысл последнего стиха строфы состоит в том, что Пушкин одобряет своих критиков. За что же? Неужели за то, что прежде они его расхваливали, а теперь бранят? Или, быть может, «и отлично» сказано в ироническом смысле? Но тогда непонятно, в чем, собственно, состоит ирония поэта. Трудно себе представить, чтобы Пушкин стал хвалить за что-либо без оговорок своих журнальных «зоилов», чей вульгарный тон и художественная слепота всегда были предметом его насмешек и осуждения. Очевидно, смысл итальянской фразы иной.

Дело заключается в неточном переводе употребленного Пушкиным выражения. Этот традиционный разговорный оборот означает в итальянском языке не прямое одобрение, а одобрение условное — насмешливое, ироническое. Оно как бы резюмирует то, что следует из недомолвок, из высказанного уклончиво, подразумеваемого, обставленного оговорками мнения. *E sempre bene* — фразеологическая константа, смысл которой ближе всего может быть передан по-русски разговорным же оборотом: *и то хорошо, и на том спасибо, спасибо и за то*.

Таким и должен быть адекватный перевод данного места в «Евгении Онегине».¹ Пушкин воспользовался ироническим итальянским фразеологизмом, чтобы сказать своим критикам: *Спасибо и за то, что вы хоть прежде меня хвалили, а не всегда бранили, как теперь*.

Верный перевод итальянской фразы в восьмой главе «Онегина» может подсказать словоупотребление самого Пушкина. Так, например, в дневниковой записи 1834 г., там, где речь идет о смерти видного сановника, но «ничтожного человека» — князя В. П. Кочубея, мы читаем: «Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо» (XII, 331). Последние слова этой записи точно отражают тот оттенок смысла, который заключен в *è sempre bene* онегинской строфы.² Употребление этого выражения Пушкиным говорит о необыкновенном лингвистическом чутье поэта: в чужом языке он сумел уловить не сразу очевидный, тонкий смысл живой, подлинно национальной идиомы и безошибочно найти ей место в художественной ткани романа в стихах.

Исправление отмеченной ошибки перевода в будущем академическом собрании сочинений устранил смысловую неясность, множество раз повторяющуюся во всех изданиях «Евгения Онегина».

А. А. Вишневский

¹ Следует иметь в виду, что в тексте итальянской фразы первое слово 'è' значит 'есть' — 3-е лицо ед. ч. глагола 'быть'. В русском языке этот глагол опускается, а в итальянском он необходим и пишется с надстрочным знаком акцента в отличие от 'e' — союза 'и', знака акцента не имеющего. Однако написание глагола 'è' допускает одно исключение: знак акцента над ним не ставится, когда это 'E' прописное. Именно с таким случаем мы и встречаемся в разбираемом месте пушкинского текста.

² Другой случай аналогичного словоупотребления, хотя и с иной смысловой окраской, встречается в «Капитанской дочке»: «Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то» (VIII, 357).

БОЛДИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К СЦЕНЕ «КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ» В «РУСАЛКЕ»

В работе над некоторыми произведениями 1830-х гг. Пушкин опирался на результаты своей научно-собирательской деятельности. Характер этой деятельности был различен: обращаясь к истории, он «изучает архивы, делает огромное количество выписок из документов, <...> выезжает на места событий, где собирает устные свидетельства»;¹ интересуясь кре-

¹ То м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961, т. 2, с. 182.

стьянским бытом и народно-поэтическим творчеством, он производит фольклорно-этнографические записи. Предназначая результаты своей работы главным образом для научных трудов — исторического сочинения или сборника русских народных песен, Пушкин в то же время использует их и в художественных произведениях, в частности в драме «Русалка».

Незавершенная драма «Русалка» позволяет глубже понять метод творческой работы Пушкина и в области «использования чужого текста в целях наиболее объективного исследования жизни и выявления своего, авторского отношения к изображаемому».² Для изучения новых тенденций в творчестве Пушкина 30-х гг. вопросы эти также имеют немаловажное значение.

Сказанное выше скорее относится к разряду предпосылок, нежели решенных литературоведческих задач. Сведения об источниках, преломленных в драме, отрывочны, до конца не прояснены. В настоящей работе будет сделана попытка внести уточнения в то, что известно об использовании фольклорных источников во второй сцене «Русалки» («Княжеский терем»), где происходят свадебный пир и никому не видимое появление героини пьесы. Такую возможность предоставили материалы, собранные в фольклорных экспедициях последних лет.

В принципе источники сцены свадебного пира давно раскрыты. После выхода в свет издания «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, выпуск 1, песни обрядовые» (М., 1911) стало известно, что песни девушек на пиру и одна из реплик Свата («Али все песенки вы перепели? / Аль горлышки от пенья пересохли?») совпадают с народными песнями из записей, переданных поэтом П. В. Киреевскому (№ 23, 24, 28). Выявлены также и этнографические вкрапления: колоритные детали старинных обрядов, в том числе ритуальное кормление новобрачных жареным петухом.³ Все эти заимствования яркой нотой выделились в той «высокой гармонии подробностей»,⁴ новизной и свежестью которой пушкинская драма привлекла внимание еще первых своих читателей.

Приведенные факты, однако, никак не убеждают в том, что в «Русалке» отразились историко-этнографические разыскания Пушкина 30-х гг. Так, все песни, в том числе и свадебные, Пушкин, как известно, не снабдил сведениями о времени и месте записи. Киреевский предположительно отнес их ко времени пребывания поэта в Михайловском,⁵ и его атрибуция считалась достаточно убедительной долгие годы. Этнографические данные, которые привел Е. Г. Кагаров, проследивший сходные обычаи в традиционной культуре славянских и кавказских народов, а также в античности, были рассмотрены им в отрыве друг от друга. Подобный «корпускулярный» подход отодвинул в тень вопрос о ближайших фольклорных и этнографических источниках сцены «Княжеский те-

² Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. с. 71.

³ Жданов И. Н. «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера. СПб., 1900, с. 25; Кагаров Е. Г. Этнографические мотивы в поэзии Пушкина. — Советская этнография, 1937, № 1, с. 64.

⁴ Дружинин А. В. Пушкин и последнее издание его сочинений. — Цит. по: Русские писатели XIX в. о Пушкине. М.; Л., 1938, с. 233.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским, с. 54.

рем». В результате создается впечатление, что наблюдения над свадебным обрядом, отразившиеся в «Русалке», могли пасть в поле зрения автора драмы в самое различное время, в разных местах, независимо друг от друга. Впоследствии же память и творческая фантазия поэта отобрали из этих разрозненных впечатлений то, что было необходимо для сценического изображения обряда.

Иной подход к данному вопросу возникает под воздействием работ фольклористов, пытавшихся установить место записи народных песен, собранных Пушкиным. Исследование народнопесенной традиции Михайловского, предпринятое в свое время С. А. Бугославским, показало, что не все свадебные песни, записанные Пушкиным, наличествуют в местном репертуаре.⁶ Правда, позднее А. Д. Соймонов, изучив псковские свадебные песни по публикациям, смог локализовать в традиции, распространенной и в Михайловском, еще часть «пушкинских» свадебных песен, не пропетых Бугославскому, по-видимому, из-за того, что через сто с лишним лет они оказались забытыми в селе.⁷ Но и в этом случае в псковском обрядовом репертуаре не обнаружены все песни, записанные в свое время Пушкиным.

Новое и притом очень существенное предположение о локализации «пушкинских» свадебных песен, отсутствующих в псковской традиции, было выдвинуто исследовательницей фольклора Горьковской области К. Е. Кореповой. Обратив внимание, что среди пушкинских записей имеются как величальные, так и корильные песни, она считает, что последние «с большой долей вероятности» были записаны в Болдине.⁸ Среди них — текст, цитируемый поэтом в «Русалке». Подвергая сомнению замечание Киреевского о том, что все пушкинские записи свадебных песен относятся к Михайловскому, Корепова вместе с тем основывалась в своих выводах на общем знании нижегородской песенной культуры, а не на обследовании самого Болдина.

Исследования, проведенные фольклористами, поставили ряд вопросов. Возможно ли предположить, что автор «Русалки» наблюдал как очевидец (или выяснил по рассказам) свадебный обряд, где содержались бы в едином комплексе подробности, отразившиеся в сцене «Княжеский терем»? В какой местности мог бытовать вариант русского народного свадебного обряда с подобными деталями? В связи с этим возникла необходимость полевого изучения болдинской обрядовой традиции, предпринятого фольклорной экспедицией Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1980 г.; в ней участвовал и автор настоящей статьи.⁹

⁶ См.: Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, вып. 6.

⁷ Соймонов А. Д., П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971, с. 116.

⁸ Корепова К. Е. Пушкинские записи свадебных песен и нижегородская обрядовая традиция. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1978, с. 119.

⁹ Экспедиция проходила в июне—июле 1980 г., ее участниками были также А. Ф. Некрылова и Т. А. Новичкова.

Обследование Большого Болдина не подтвердило предположения К. Е. Кореповой. Бойкое место и во времена Пушкина (в те годы это село называлось Базарное Болдино), ныне оно является районным центром Горьковской области. Традиционный бытовой уклад здесь быстрее ушел в прошлое, нежели в окружающих небольших селах. Может быть, по этой причине в современном Большом Болдине не удалось зафиксировать свадебный обряд, сохранивший элементы старины; комплекс фольклорно-этнографических элементов, аналогичных имеющимся в сече пира в «Русалке», здесь не обнаружен.

Иные результаты принесла запись свадебного обряда в соседнем с райцентром селе Малое Болдино. Село это было основано в 1776—1777 гг. Л. А. Пушкиным и заселено большеболдинскими крестьянами.¹⁰ Следовательно, можно предполагать, что здесь был воспринят традиционно болдинский репертуар.

Свадьбы в Малом Болдине проходили чаще всего осенью: на Успенье, на Михайлов день. Местный обряд включал ряд колоритных моментов: смешивание вина, выставленного на стол «от жениха» и «от невесты» в знак закрепления договоренности о браке; обязательное прощание невесты с «келейницей» (хозяйкой дома, где девушки пряли); приглашение родственников на пиры специально назначенными свадебными чинами — «позыватыми», которые обходили дома, держа «кусты», т. е. особо украшенные жезлы; обмен ритуальными хлебами в свадебный день и др.¹¹

К числу ярких моментов в Малом Болдине относился девичник: к вечеру предсвадебного дня невесту одевали в подвенечный наряд и представляли собравшимся гостям — родственникам жениха. Девушки пели при этом печальную песню «При пиру ли при беседушке / При последнем часу-вечере», за которую полагался выкуп деньгами. Сват сначала отказывался дать девушкам деньги, и те запевали корильную песню «Сватушка». После того как девушки, удовлетворенные выкупом, кончали пение, шли дары от невесты родственникам жениха. Этим, по существу, и заканчивался девичник.

Центральное место в малоболдинском свадебном фольклоре занимают причитания; сейчас удалось выявить всего две обрядовые песни, сохранившиеся именно в составе девичника.

В Малом Болдине в настоящее время еще можно услышать «Сватушку» в варианте, достаточно близком записанному Пушкиным и вошедшему в «Русалку»:

А, сватушка, догадайся,
За мощну хватайся,
В мощне деньги шевелятся,
Девкам норовятся!
А, сватушка бестолковый,
В огород заехал,
Пиву бочку пролил,
Всю капусту полил.¹²

¹⁰ См.: Левина Ю. И. Межевые планы Болдина. — В кн.: Болдинские чтения, 1981, с. 187.

¹¹ Полностью описание малоболдинской свадьбы будет опубликовано в сборнике «Фольклор Горьковской области» (вып. 2), подготовленном в секторе народно-поэтического творчества ИРЛИ.

¹² РО ИРЛИ, р. V, колл. 263, п. 8, № 45.

Современную и пушкинскую записи различает перестановка поэтических фрагментов: требование, завершающее песню у Пушкина, теперь записано в качестве инициальной формулы.

Требуя выкуп, девушки в Малом Болдине несколько раз повторяли «Сватушку». При этом, сообразно ситуации, они могли внести в текст новые строки, отбросить кое-что из старых:

Дари, дари девок;
Дари, дари красных.
Не будешь дарить —
Мы будем корить.
А, сватушка бестолковый!
На <о>город заехал,
Пива бочку пролил,
Всю капусту полил.
Жених-то у вас —
Нос-ти вилочками,
Глаза-ти дырочками.¹³

Фрагменты со слов «Дари, дари девок» и «Ноги вилочками» не встречаются в тексте, включенном Пушкиным в «Русалку», но они имеются в других его фольклорных записях — № 21, 24, 26. Это убедительно показывает, что данные песни, а также № 23 и 25 принадлежат именно болдинской фольклорной традиции: в этих пяти пушкинских записях имеется переход поэтических формул из одного текста в другой, на чем и основывалась К. Е. Корепова, выделяя группу нижегородских обрядовых песен. Теперь, благодаря записи свадебного обряда в Малом Болдине, их с полной уверенностью можно считать записанными именно в Болдине.¹⁴

Обращает на себя внимание также и другая сторона вопроса. Еще раз подчеркнем, что в современной малоболдинской свадьбе сохранились всего две обрядовые песни. И обе они встречаются в пушкинских записях (упомянутая песня «При пиру ли, при беседушке» является вариантом «пушкинского» текста № 14).¹⁵ По всей вероятности, Пушкин исчерпывающе, с повторами текстовых фрагментов, записал все песни болдинской свадьбы, очевидно, и тогда небогатой песнями. Но в свою драму он включил не общераспространенную, а, условно говоря, местную свадебную песню «Сватушка», мало оразившуюся в публикациях фольклора, известную в вариантах, близких пушкинской записи, по материалам из Владимирской губернии, Волго-Керженского междуречья.¹⁶ Наряду с этим существует иное мнение об источнике «Сватушки».

¹³ РО ИРЛИ, р. V, колл. 263, п. 8, № 39. — Певница, вероятно, ошибочно спела «нос-ти», тогда как следовало «ноги».

¹⁴ Работа Пушкина над «Русалкой» датируется осенью 1830—апрелем 1832 гг. (См.: Бонди С. М. «Русалка»: Комментарии. — В кн.: Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935, т. 7).

¹⁵ Данная песня широко распространена в России, известна по публикациям во множестве вариантов, незначительно отличающихся друг от друга (см.: Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы. Л., 1973, с. 273). Трудно поэтому решить, где она записана Пушкиным: в Михайловском, Москве или Болдине.

¹⁶ См.: Смирнов М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. М., 1922, с. 21; Корепова К. Е.,

Вблизи Михайловского С. А. Бугославский записал в двух вариантах песню, послужившую, как он полагал, источником пушкинской записи:

Дорогие кашники,
Не путям вы ехали (2 раза),
В огород заехали,
Кацарык (кочерыг. — М. Л.)
нарезали (2 раза);
Кацарык напарили,
Пуза позаправили.¹⁷

Второй вариант в записи Бугославского отличается только зачином, где названы другие свадебные чины: «Бояры вы, бояры». Близкая к ним запись этой же песни сделана в западной части Псковской области.¹⁸

И владимиро-вожжская, и псковская группы вариантов имеют в тексте общую формулу «...ехали / В огород заехали, одинаковый стиховой размер, сходное содержание: в обоих случаях говорится о поездке, завершившейся не там, где предполагалось. Но они различаются упоминанием свадебных чинов. В той локальной разновидности русского свадебного обряда, где действуют «кашники»,¹⁹ отсутствует сват как глава поезжан (т. е. жениха, дружки и прочих свадебных чинов, приехавших, чтобы сопровождать невесту к венцу). Принадлежит разным местным традициям русского свадебного обряда, эти чины не смыкаются в Болдине и, очевидно, в Михайловском (где Пушкин записывал фольклор). На эту деталь Бугославский не обратил внимания, а она заставляет отнести пушкинскую запись к нижегородской традиции и потом уже, на основе найденного варианта, более узко — к Болдину.

Этнографический момент, таким образом, помог локализовать источник «Свагушки». Однако не только песня, но и собственно церемониальная сторона болдинской свадьбы, ее характерные моменты и детали были восприняты Пушкиным и в качестве ремарок, реплик действующих лиц вошли в «Русалку». В этом плане обращает на себя внимание выражение «не корите свата». Во-первых, само слово «корить» как обрядовый термин типично прежде всего для среднерусских диалектов, в том числе и для говора местности, расположенной южнее Арзамаса, и не распространено в псковском обряде.²⁰ В узколокальных традициях слово это характеризует неоднородные обрядовые явления. В одних случаях «корить» значит «петь песни, позорящие жениха и поезжан»; в других — «петь грустные

Волкова Т. М. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского университета, 1980, вып. 2, ч. 3, гл. 3, с. 6.

¹⁷ Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина..., с. 185.

¹⁸ Фридрих И. П. Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972, с. 145, № 196.

¹⁹ Родственники новобрачной, перевозившие ее приданое к мужу (см.: Фридрих И. П. Русский фольклор в Латвии, с. 138); в других местностях они назывались «горные».

²⁰ Словарь русских народных говоров. Л., 1978, вып. 14, с. 333; Картошка Псковского областного словаря с историческими данными (рукопись находится в межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (ЛГУ)).

песни, чтобы вызвать у певесты слезы»;²¹ в третьих, известных мне по болдинской традиции, — петь песни, за которые жених либо сват откупаются деньгами: здесь неважно содержание текста — он может заключать и хулу тому, для кого поется, и величание.

На русской территории традиция корильных песен интенсивнее проявляется в тех районах, где распространен свадебный термин «корпеть». В гораздо меньшей степени свойственны корильные песни севернорусской свадьбе — там ярче традиции величаний. Незначительно место корильных песен и в псковских материалах.

В «Русалке», таким образом, Пушкин не просто цитирует народную песню, услышанную им в Болдине, но и последовательно воплощает сопутствующие ее естественному исполнению обрядовые детали. Так, по современной записи малоболдинского свадебного обряда, в основе которой, — как, впрочем, и других современных записей традиционных обрядов, — лежат воспоминания пожилых людей о том, как игрались свадьбы в их молодости (т. е. в 1920—начале 1930-х гг.), девушки «корили» песнями только свата, и происходило это на девичнике. Пометки Пушкина «па девичнике свата корят», «поется на девичнике» при текстах № 24 и 25 из числа переданных Киреевскому показывают, что такое же приурочение корильных песен существовало в болдинской традиции и полтора столетия назад. Поэт, следуя своему этнографическому наблюдению, вводит в драму фигуру Свата, только ею ограничивая выбор свадебных чинов, к которым обращена песня. А ведь в русском фольклоре корильные песни пелись также свахе, дружке, жениху, но в болдинской традиции такие песни не зафиксированы. Единственное изменение этнографической детали, допущенное автором «Русалки», — это перенос эпизода со «Свагущкой» в сцену свадебного пира.

Думается, болдинские впечатления стоят и за ремаркой «молодых кормят жареным петухом». Данный ритуальный момент, отмеченный у различных славянских народов,²² широко распространенный по центральной России и соблюдаемый там даже в мелких городах,²³ вовсе не был принят в русской свадьбе повсеместно. Не встречается он, в частности, и в псковских материалах.²⁴ И напротив, вблизи Болдина он не только сохранился в памяти пожилых людей, но активно поддерживается и сейчас.

В настоящее время обычай подносить птицу новобрачным осуществляется в селе Кистенево, входившем ранее в родовую вотчину Пушкиных, следующим образом: «Молодым подносят „утку“ — т. е. курицу и два яйца в ней. Курицу закрутят бумагой, жених ее дерет, на все столы мясо кидает. Дугу (курувую косточку. — М. Л.) тянут молодые: у кого

²¹ Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, с. 218.

²² Кагаров Е. Г. Этнографические мотивы в поэзии Пушкина... с. 64.

²³ Жирнова Г. В. Брак и семья русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980, с. 58.

²⁴ См., например: Смирченецкий Н. Этнографический очерк из быта крестьян Псковского уезда. — В кн.: Псковский статистический сборник за 1871 г. Псков, 1871; Орехов Г. Свадебные обряды, обычаи и песни в Холмском уезде Псковской губернии. — Живая старина, 1913, вып. 3—4 и др.

скорее обломится, тот умрет».²⁵ И в соседнем селе Черновском, где бывал Пушкин, существовало подобное гадание. Жених, отламывая большую часть дуги, должен был произнести sacramентальную фразу: «Бери, да помни».²⁶ Наоборот, в Малом Болдине обычай подносить птицу сейчас вовсе неизвестен и, по словам жителей, ранее не был принят в их селе. Вероятно, в болдинской традиции состав обрядовых элементов в свадьбе не был одним и тем же. Для биографии Пушкина данный факт небезыntересен: во время пребывания в Болдине поэт, видимо, не ограничился наблюдением свадебного обряда в каком-либо одном варианте, но более широко ознакомился с его состоянием.

Сроки пребывания в Болдине несомненно позволили автору «Русалки» видеть, как справлялись местные свадьбы. В 1830 и 1833 гг. он уезжал из Болдина поздней осенью, в ноябре. А осень, по рассказам малоболдинских старожиллов, — то время года, когда в их селе предпочитали устраивать свадьбы. Эти же сроки некогда могли быть принятыми в болдинской традиции в целом.

Итак, происхождение фольклорно-этнографических заимствований в сцене «Княжеский терем» доказывалось выше с помощью сопоставления среднерусской и псковской обрядовых традиций. Но не могли ли такого рода заимствования возникнуть и вне связи с непосредственными наблюдениями автора «Русалки» над крестьянской жизнью?

Показательна в этом отношении комическая опера К.-Ф. Генслера «Русалка» (в переделке Н. Краснопольского). Свадебный обряд составляет бытовой фон всех трех действий первой части и продолжается во второй части оперы. Эффектное театральное зрелище, как известно, произвело на Пушкина большое впечатление, о чем свидетельствует ряд рецензий в его «Русалке», выявленных в свое время С. М. Бонди.²⁷

В комической опере упоминаются или сценически воссоздаются различные эпизоды свадьбы: сватовство, которое осуществляет сам жених, а не присланные сваты (ч. I, д. 1, явл. 10, с. 24—25); последнее родительское благословение в предсвадебный день (там же, д. 2, явл. 6, с. 80); плетение венка для невесты, происходящее в этот же день (там же, явл. 10, с. 85); прибытие жениха и невесты (порознь) к венчанию (ч. I, д. 3, явл. 9, с. 151)²⁸ и т. д. По этим примерам нетрудно понять, что детали свадьбы, представленные в комической опере, совсем непохожи на те, что приняты в русском народном обряде. Не занимаясь оценкой воссоздания старинной свадьбы в опере, надо отметить, что в пушкинской драме нет ни одной этнографической детали, сходной с имеющимися у Краснопольского.

²⁵ РО ИРЛИ, р. V, колл. 263, п. 8, № 35, л. 2. Запись Т. А. Новичковой.

²⁶ Там же, № 13.

²⁷ См.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 626—632. — К этому хотелось бы добавить примеры из «Руслана и Людмилы», также свидетельствующие о знакомстве поэта с оперой Генслера—Краснопольского: гром в разгар свадьбы; любовные преследования Наинной Финна; наконец, упоминание о русалке, со смехом и лобзаниями увлекающей Рогдая в пучину вод.

²⁸ Здесь и выше в тексте приведены указания на издание: Краснопольский Н. Русалка: Опера комическая в трех действиях. СПб., 1804, ч. I.

Старинные обряды, отразившиеся в сцене «Княжеский терем», могли быть почерпнуты Пушкиным в описаниях древнерусской великокняжеской свадьбы. По-видимому, к одному из таких описаний восходит конная охрана молодых во время первой брачной ночи.²⁹ В этих же источниках имеются и упоминания о кормлении молодых жареным петухом, причем в описании свадьбы Василия III и Елены Глинской в тот же момент происходит осыпание новобрачных хмелем,³⁰ совсем как в пушкинской «Русалке». Однако Пушкин не ввел в этот эпизод остальных канонических подробностей великокняжеской свадьбы (согласно описанию, кормление молодых петухом происходило на подклете, у постели; «жура печеное» заворачивалось вместе с солонкой, блюдом и калачом в скатерть) и оставил его при свадебном застолье, т. е. там, где по современным записям это происходит в болдинском обряде и где, вероятно, происходило и в прошлом. Нет в описаниях великокняжеской свадьбы указаний на пение песен перед столами. Да и сам свадебный чин «сват» отсутствует в этих описаниях. Данный персонаж возник в пушкинской драме явно под воздействием народной традиции, дабы сохранить целостность воссоздаваемого обряда.

Элементы народной и великокняжеской свадьбы органично соединились в сцене «Княжеский терем», ибо автор включил в нее не только различные, но и общие для того или другого обряда детали. Это соответствовало подходу Пушкина к воссозданию мира Древней Руси, установившемуся в его творчестве еще в предшествующие годы. Как отмечал Г. А. Гуковский, «по Пушкину (такова же была мысль многих его современников и потомков, притом людей передовых), до Петра не существовало резкого разделения русской культуры на верхушечную, книжную, впоследствии дворянскую, с одной стороны, и народную — с другой».³¹ Подобная контаминация позволяла произвольно обращаться с историко-бытовым материалом. Однако в драме «Русалка» различные элементы русской культуры объединены с большой документальной точностью.

Итак, теперь с достаточным основанием можно утверждать, что элементы народной свадьбы почерпнуты Пушкиным из наблюдений над местным бытом, относящихся ко времени пребывания его в Болдине. Свадьба, «картина которой с удивительной верностью передана поэтом во всем ее простодушии старинных нравов»,³² возникла под воздействием болдинских впечатлений. Имея ко времени начала работы над «Русалкой» достаточно разнообразные записи о свадебных обрядах в селе Михайловском, Пушкин тем не менее продолжил собирание аналогичного материала в Болдине, используя и его в своей драме. Позволю себе предположить, что болдинская свадьба привлекла поэта характерными историко-бытовыми чертами, явственно в ней сохранившимися. В пушкинском творчестве 30-х гг. это оказалось благодатной основой для художественной разработки.

М. А. Лобанов

²⁹ См.: Древняя российская вивлиофика. СПб., 1775, ч. 7, с. 11, 38, 44.

³⁰ Там же, с. 12.

³¹ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 42.

³² Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — В кн.: Белинский В. Г. Избр. соч. М., 1949, с. 692.

Деятельность А. И. Тургенева как посредника между русской и западно-европейской культурами в 20—40-е гг. XIX в. чрезвычайно важна и для понимания того, как проникало в Россию имя Гейне. До настоящего времени исследователи темы «Гейне в России», к сожалению, не обращались к богатейшим материалам тургеневского архива. Между тем упоминания о Гейне не раз встречаются в дневниках и письмах русского путешественника.² Некоторые из них приближают нас к проблеме «Пушкин и Гейне», где многое до сих пор еще остается неясным.³

27 июля 1832 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому из Франкфурта-на-Майне: «Сей час прочел книжонку одного немецкого якобинца: Briefe aus Berlin 1832,⁴ послание к Пушкину: An Russlands Apologethen, Erwiderung an Puschkin,⁵ — он называет стих его ein Produkt wahrer Dichterbegeisterung;⁶ но книга и стихи его — богомерзкие.⁷ Автором этого анонимного сочинения, включавшего, в частности, полемическое послание Пушкину (ответ на стихотворение «Клеветникам России»), был немецкий литератор Арнольд Штейнман (1801—1875).⁸ Основываясь на факте знакомства Тургенева с «Письмами из Берлина», М. П. Алексеев предположил, что «до Пушкина, вероятно, дошли эти обращенные к нему стихи».⁹ В свете очень правдоподобной гипотезы М. П. Алексеева небезынтересным представляется то обстоятельство, что в дневниковой записи, сделанной Тургеневым

¹ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1928; Шебуин А. Н. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. 1; Тургенев А. И. Хроника русского: Дневники (1825—1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964; Гиллельсон М. И. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 гг. — Русская литература, 1964, № 1, с. 125—134.

² Так, в феврале—марте 1835 г., сообщая из Вены своим русским друзьям (Жуковскому, Свербееву, Чаадаеву) о недавно появившихся двух частях «Салона» Гейне, Тургенев в письме к Жуковскому от 15 (27) февраля дает лаконичную характеристику автору этой книги: «Умный враль» (ИРЛИ, ф. 309, № 4714 а—д. л. 204). Более подробно А. И. Тургенев писал о Гейне весной 1836 г. из Парижа (этому будет посвящено наше отдельное сообщение).

³ Краткую справку по теме «Пушкин и Гейне», составленную Н. Н. Петруниной, см.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 382; см. также: Романов Н. М. Пушкинская заметка при чтении «Путевых картин» Гейне. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. 10, с. 319—325.

⁴ Письма из Берлина. (Нем.) Имеется в виду книга: Briefe aus Berlin, geschrieben im Jahre 1832. Hanau, 1832.

⁵ Апологетам России. Ответ Пушкину. (Нем.)

⁶ Продукт истинного поэтического вдохновения. (Нем.)

⁷ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, вып. 6, с. 100.

⁸ См.: Там же, с. 456—458 (примеч. Н. К. Кульмана). На с. 457—458 приведен полный текст послания «Апологетам России».

⁹ Алексеев М. П. Пушкин на Западе. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937, т. 3, с. 128.

25 июля (в день его приезда во Франкфурт), анонимные «Письма из Берлина» определены как «новая книжка Гейне».¹⁰ О том же письмом из Мюнхена от 3—4 августа 1832 г. известил Тургенев и Жуковского, находившегося тогда в Германии: «Гейне (автор der Reisebilder)»¹¹ написал в Briefe aus Berlin ответ Пушкину в стихах, называя однако ж стих его ein Produkt wahrer Dichterbegeisterung».¹²

Происхождение этой ложной версии легко объяснимо. В 1822 г. Гейне уже выпустил собственные «Письма из Берлина», а новое сочинение под аналогичным названием тем естественнее ассоциировалось с его именем, поскольку имело в качестве эпиграфа его строку: «... ich höre schon, wie die Meute losbellt gegen dieses Buch.»¹³ (Возможно, этот эффект и входил в расчет А. Штейнмана, снискавшего впоследствии известность фальсификацией наследия Гейне).¹⁴ Следует также заметить, что политические взгляды самого Гейне, отразившиеся в его корреспонденциях из Парижа («Французские дела»¹⁵), которые с января по сентябрь 1832 г. печатались анонимно (или же — подписанные инициалами автора) в «Аугсбургской всеобщей газете», вполне соотносились с «якобинской» и антирусской направленностью новых «Писем из Берлина».

Обращает на себя внимание следующая деталь: в письме от 27 июня 1832 г., отправленном на родину, осторожный Тургенев предпочел не называть имени Гейне. Есть, однако, основания думать, что употребленный им оборот («один немецкий якобинец») должен был навести Вяземского, скорее всего, на мысль о Гейне, о котором в русской литературной среде уже сложилось к тому времени определенное мнение. Так, в первом номере близкого к пушкинскому кругу журнала «Европеец» была помещена рецензия анонимного автора на «Парижские письма» Л. Берне, где утверждалось, что и сам Берне, и его «друг» Гейне «принадлежат к левой стороне и в политике, и в словесности».¹⁶ Кроме того в первых двух номерах «Европейца» печатались «Отрывки из письма Гейне о парижской картинной выставке 1831 года». Это было первое публицистическое произведение Гейне, появившееся в России, в котором между прочим содержались весьма откровенные восхваления вождя французских якобинцев Робеспьера.¹⁷

Мы не располагаем точными сведениями о том, насколько имя Гейне было известно Пушкину до 1835 г., тем более — в связи с его стихотворением «Клеветникам России».¹⁸ Однако цитированные выше фразы из писем

¹⁰ ИРЛИ, ф. 309, № 11, л. 72.

¹¹ Путевые картины. (Нем.)

¹² ИРЛИ, ф. 309, № 4714—а, л. 46 об.

¹³ Я уже слышу, как свора собак поносит эту книгу. (Нем.) Заключение слова из предисловия Гейне к книге «Калькдорф о дворянстве в письмах к графу фон Мольтке», изданной в Нюрнберге в 1831 г. (Ср.: Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958, т. 5, с. 166).

¹⁴ Raab H. Die Lyrik Puschkins in Deutschland (1820—1870). Berlin, 1964. S. 37—38.

¹⁵ Французское издание этой книги («De la France», 1833) имелось в библиотеке Пушкина.

¹⁶ Европеец, 1832, № 1, с. 115.

¹⁷ Там же, с. 93.

¹⁸ О реакции немецкой либеральной общественности на стихотворение «Клеветникам России» см.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1931, с. 352—360.

Тургенева к Вяземскому и Жуковскому позволяют с большой долей уверенности предположить, что Пушкин действительно знал о стихотворении «Апологетам России» (либо от Вяземского, либо от Жуковского, вернувшегося в Россию в ноябре 1833 г.) и считал его — вслед за Тургеневым — принадлежащим перу Гейне. Если это так, то неудивительно, что несколько позднее, в 1835 г., у Пушкина обнаруживаются и стойкие негативные ассоциации, связанные с именем Гейне, и явный интерес к нему.¹⁹

2

31 марта 1842 г., будучи в Париже, Тургенев кратко записал в дневник свой разговор с И. С. Гагариным. М. И. Гиллельсон прочел эту запись следующим образом: «О Вяземском». „Камергер Пушкин теперь в отставке“. Я объяснил ему и Вяземского» о Пушкине и их отношения. Вяземский» не поддавался ему; не во всем с ним соглашался, а спорил часто; например» за Польшу в Москве против Пушкина» и Денкиса» Давыдова» — соглашаясь со мною».²⁰ Заново обратившись к автографу, М. И. Яшин внес частное исправление («Я объяснил ему и Вяземского» и Пушкина <...») и одновременно попытался истолковать фразу, взятую Тургеневым в кавычки («Камергер Пушкин теперь в отставке»), как «недобрую шутку» Гагарина, издевательски присвоившего Пушкину более высокий придворный чин.²¹ Эта интерпретация, как и вся гипотеза М. И. Яшина о причастности Гагарина к гибели Пушкина, не находит опоры в материале. Данная реплика Гагарина читается: «Камергер Пушкина, теперь в отставке».²² Гагарин, таким образом, «пошутил» не над Пушкиным, а над Вяземским, что и побудило Тургенева дать собеседнику необходимые разъяснения.

К. М. Азадовский, А. Л. Основат

¹⁹ См. письмо Пушкина к Г. Нордину, в котором он просит шведского дипломата достать «книгу о Германии этого повеса Гейне» (опубликовано Э. Э. Найдичем в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958, т. 2, с. 217). В оригинале сказано «се mauvais sujet de Heine», что далеко не соответствует русскому «повеса». В первой публикации этого письма (Огонек, 1956, № 43, с. 17) — другой перевод: «этого негодника Гейне».

²⁰ Гиллельсон М. И. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева, с. 126.

²¹ См.: Яшин М. К портрету духовного лица. — Нева, 1966, № 3, с. 126.

²² ИРЛИ, ф. 309, № 319, л. 138 об.

ДЕКАБРИСТ К. А. ОХОТНИКОВ, КИШИНЕВСКИЙ ЗНАКОМЫЙ ПУШКИНА

В числе лиц, составлявших кишиневское окружение Пушкина, видное место занимал член Союза благоденствия, адъютант генерала М. Ф. Орлова, Константин Алексеевич Охотников (ок. 1795—1824). Выяснение характера и степени влияния этого декабриста на поэта представляется важнейшей задачей, которой препятствует отсутствие цельной биографии Охотникова. Наша работа может рассматриваться как подступ к этой

важной проблеме. Здесь мы попытались собрать воедино всё, что известно об Охотникове, с тем чтобы иметь возможность более точно оценить роль декабриста в кишиневском кружке Союза благоденствия, который, по существу, и составлял основу пушкинского окружения в 1820—1823 гг. О том, что эта роль была очень значительна, свидетельствуют многие мемуаристы. Так, Ф. Ф. Вигель рассказывал: «Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор Раевский <...> с жаром витийствовали. На беду попался тут и Пушкин, которого сама судьба совала всегда в среду недовольных».¹ С большой симпатией высказывается об Охотникове другой мемуарист — И. П. Липранди: «На его <М. Ф. Орлова> умных, оживленных беседах перебиралось все, исключая правительственных учреждений, существующего порядка. Он <К. Охотников> мог иметь свой личный взгляд, мог сообщать его и другим, но благородный характер его никогда не покусился бы на совращение молодого человека с пути присяги и долга».² Эту характеристику дополняет следующее замечание: «Что касается до Охотникова, то этот, в полном смысле слова, был человек высшего образования и начитанности, что иногда содействовало ему очень скучным в нашей беседе, где педагогическая ученость была неуместна».³ Замечательно характеризует К. Охотникова сам М. Ф. Орлов в письме к Николаю I, написанном вскоре после ареста генерала в Москве: «У меня было два офицера, которые входили в общество: Раевский (майор, арестант в Тирасполе) и Охотников. Последний умер. Это был храбрый и превосходный молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу)».⁴

Об отношении кишиневских декабристов к Охотникову красноречиво свидетельствует отзыв о нем В. Раевского: «Это самоотвержение для общей пользы, строгая жизнь и чистая добродетель без личных видов глубоко врезались в груди моей. Я тайно завидовал, что человек почти одних лет со мною так далеко ушел от меня в совершенстве нравственном».⁵

В 1823 г. после следствия по делу В. Раевского, к которому Пушкин проявлял самый живой интерес, именно с Охотниковым поэт передает конфиденциальное письмо П. А. Вяземскому в Москву.⁶

Однако, несмотря на ту роль, которую играл Охотников в кишиневском кружке декабристов, в исследовательской литературе его фигура занимает скромное место.⁷ Тому, конечно, есть причины, и главная из них та, что в 1824 г. Охотников умер и, естественно, не мог быть привлечен к общему следствию по делу декабристов, хотя по приговору комис-

¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892, т. 6, с. 115.

² Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 8—9, стб. 1257.

³ Там же, стб. 1252.

⁴ Красный архив, 1926, № 13, с. 161.

⁵ Там же, с. 299.

⁶ В своем письме к Вяземскому от 5 апреля 1823 г. Пушкин спрашивает: «Охотников приехал? Привез ли тебе письма и прочее?» (XIII, 20).

⁷ См.: Оганян Л. Н. 1) Новые материалы о деятельности кишиневских декабристов. — Учен. зап. Кишинев. ун-та, 1964, т. 72, с. 49—58; 2) Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в. Кишинев, 1974, т. 1, с. 104—107.

сии и был объявлен «деятельнейшим членом».⁸ (Имя Охотникова упоминают в своих показаниях многие декабристы).⁹ Таким образом, отпал главный источник сведений о декабристе — материалы его дела в Верховном уголовном суде. Что же касается участия Охотникова в процессе Раевского, то и это дает крайне скудные сведения — возможно, благодаря осторожному поведению Раевского.¹⁰

Помимо общей скудности материала об Охотникове — причины, объективно объясняющей почти полное отсутствие исследовательских работ, специально ему посвященных, — существует и другая, субъективная, которая заключается в том, что личность Охотникова оказывается как бы заслоненной фигурами М. Орлова и В. Раевского, деятельность Охотникова представляется целиком зависимой от деятельности Орлова и определяемой идеологическими установками последнего;¹¹ таким образом, вопрос о собственной идеологической позиции Охотникова не встает вообще. Это приводит к парадоксальным историческим выводам: в 1820—1823 гг. на фоне общего кризиса, затронувшего абсолютно все сферы Союза благоденствия, его кишиневская ячейка объявляется счастливым исключением из общего правила — настолько, что серьезно ставится вопрос о ее «бескризисном» существовании и после января 1821 г.¹² Между тем отношения Охотникова с Михаилом Орловым развивались отнюдь не столь гладко, как это обычно представляется, о чем свидетельствует такой важный эпизод, как совместное участие Орлова и Охотникова в московском съезде Союза благоденствия, формально положившем конец Союзу.¹³

Из воспоминаний И. Д. Якушкина, который передал М. Орлову письмо М. А. Фонвизина с приглашением приехать в Москву, следует, что Орлов согласился участвовать в съезде не сразу и с большой неохотой. Еще не дав Якушкину окончательного ответа, Орлов пригласил его в Каменку, к Давыдовым. Якушкин уже собрался было отказаться, но тут вмешался Охотников: «... он взял меня в сторону, — вспоминает Якушкин, — и просил меня убедительно ехать с ними вместе, без чего было бы мало надежды, чтобы он «М. Орлов» приехал в Москву».¹⁴

Таким образом, уже накануне съезда поведение Охотникова отличается определенной независимостью. Эта независимость с еще большей силой проявилась во время заседаний. Как известно, уже на первой сходке делегатов М. Орлов выступил с программой, которая вызвала резкое не-

⁸ Восстание декабристов. М., 1951, т. 3, с. 144.

⁹ Об Охотникове см. показания В. Л. Давыдова (там же, т. 10, с. 186), М. И. Муравьева-Апостола (т. 11, с. 199), П. И. Пестеля (т. 4, с. 39), А. П. Юшневского (т. 10, с. 57).

¹⁰ См.: В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1981, т. 1, с. 209—210, 250—252, 241—242.

¹¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 365; Оганян Л. Н. Общественное движение..., с. 158.

¹² Оксман Ю. Г. Из истории агитационной литературы 20-х гг. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, с. 473.

¹³ О расхождении в позициях К. Охотникова и М. Орлова писала Л. Н. Оганян (Общественное движение..., с. 166), однако вопрос об индивидуальной позиции К. Охотникова ею не ставился, как не прослеживался и генезис этого расхождения.

¹⁴ Якушкин И. Д. Записки. М., 1951, с. 39—40.

довольство большинства присутствующих, группировавшихся вокруг инициатора съезда М. А. Фонвизина. «Неистовым мерам» Орлова Фонвизин противопоставил программу, направленную на повышение конспирации внутри общества и на более тщательный отбор новых членов. По свидетельству участника съезда Н. Комарова, Фонвизин предложил разделить всех членов общества на «три разряда <...> высший, „незнаемый“, в виде постоянно действующего совета, <...> „исполнителей“ и <...> „пововодимых“». ¹⁵

В числе тех, кто решительно выступил против этого предложения, был Михаил Орлов; в числе тех, кто не менее решительно встал на его защиту, был Константин Охотников. Н. Комаров приводит замечательный эпизод, свидетельствующий о самых острых разногласиях между «делегатами кишиневской управы»: «Этого последнего моего вечера, — пишет он, — я никогда не забывал и не забуду: — в первой комнате от гостиницы слышу шум, а войдя, застаю в сильном споре Орлова с Фонвизиним, Якушкиным, Охотниковым. <...> Не бывши при самом начале спора, не знаю о чем, но догадываюсь явно, что Орлов опровергал положение Фонвизина и с жаром, а как сего придерживались с Фонвизиним живущие Якушкин и Охотников, то у него в эту минуту вырвалось с неудовольствием, что это похоже на заговор в заговоре». ¹⁶

То, что на съезде Охотников так решительно примкнул к «партии Фонвизина» и выступил против своего соратника по кишиневскому кружку, отнюдь не случайно и объясняется многими обстоятельствами жизни декабриста до приезда в Кишинев.

Охотников происходил из очень обеспеченной семьи калужских дворян. Его отец имел 1200 душ. ¹⁷ Мать Охотникова, Наталья Григорьевна — урожденная княжна Вяземская. ¹⁸ Образование декабрист получил в иезуитском пансионе аббата Николы (по предположению Л. Н. Оганяна, ¹⁹ одновременно с П. А. Вяземским). ²⁰

Службу свою Охотников начал в 1811 г. на юге, где Россия вела войну с Турцией. В 1812—1813 гг. он участник всех крупных сражений Отечественной войны и Заграничного похода. В 1814 г., накануне битвы за Париж, Охотников попал в плен. ²¹

После войны он продолжил службу в Лубянском гусарском полку, а в августе 1816 г. перешел на службу в 38-й егерский полк, которым командовал М. А. Фонвизин. ²² Однако этому переходу предшествовало очень

¹⁵ Комаров Н. Показания. — В кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 33.

¹⁶ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 43.

¹⁷ См.: Оганян Л. Н. Общественное движение..., с. 104.

¹⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, стб. 1252.

¹⁹ Оганян Л. Н. Общественное движение..., с. 104.

²⁰ Данное предположение следует из письма К. Охотникова П. А. Вяземскому от января 1821 г. (Литературное наследство, т. 58, с. 36 (публ. К. П. Богаевской)). Это письмо — единственный в настоящее время оригинальный источник биографии Охотникова, не считая его письменных показаний по делу Раевского.

²¹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, св. 6/3, т. 7, л. 99.

²² ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, 106, л. 1—2.

важное для биографии Охотникова событие: в 1816 г. для расследования злоупотреблений командира Лубянского полка туда приехал П. Х. Граббе,²³ один из друзей М. А. Фонвизина, в будущем член Союза благоденствия. У нас нет сведений об участии Охотникова в деятельности комиссии, которую возглавлял Граббе, но факт их личного знакомства сомнению не подлежит.

Не позднее 1819 г. Фонвизин принял Охотникова в Союз благоденствия.²⁴ Именно к этому времени относятся свидетельства об их совместной деятельности в Москве.²⁵

Характеризуя идейную позицию Охотникова, мы сталкиваемся с большими трудностями, которые возникают из-за отсутствия источников, отражающих взгляды декабриста. Однако несомненная общность взглядов Охотникова и Фонвизина говорит о том, что Охотников не был сторонником быстрого военного переворота и что для него деятельность Союза благоденствия в полном соответствии с его уставом, Зеленой книгой, была прежде всего не столько деятельностью политической, сколько нравственной, направленной на борьбу с частными злоупотреблениями, на формирование общественного мнения и на воспитание солдатской массы. Характеристика, которую дал Охотникову Ф. Ф. Вигель, свидетельствует о том, что для своей пропаганды Охотников использовал любую аудиторию. Однако это представляется возможным только в том случае, если его взгляды отличались известной умеренностью.²⁶ Так или иначе, в мутной волне доносов, которые поступали из Кишинева в штаб 2-й армии и в Петербург, имя Охотникова упоминалось крайне редко;²⁷ в деле Раевского он участвовал только как свидетель, причем из близких друзей Раевского, составивших кишиневский кружок декабристов, он пострадал менее всего и в отличие от А. Непенина, И. Пущина и М. Орлова был оставлен на службе. Хорошо знавший кишиневское окружение М. Орлова начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев, характеризуя взгляды Охотникова, назвал его «мечтателем политическим».²⁸ Большое внимание Охотников уделял воспитанию в себе высоких нравственных качеств. Его любимым автором был апологет республики Тит Ливий, однако сам по себе этот факт не доказывает, что республика являлась политическим идеалом Охотникова. Так, декабрист В. Давыдов показывал на следствии: «При вступлении моем в общество не мог князь Волконский объявить мне

²³ См.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, с. 202.

²⁴ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, 353, л. 5—6.

²⁵ См.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения, с. 416; Восстание декабристов, 1953, т. 10, с. 66.

²⁶ К Охотникову вполне можно отнести слова М. Орлова: «Они (члены Союза благоденствия. — И. Н.) были более немецкие идеологи, чем французские якобинцы. Изыскания средств для освобождения крестьян, статистические сведения о России, народное образование, изучение конституционного права всех других народов составляли их занятия...» (Орлов М. Записка. — В кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 5).

²⁷ Об этом см.: Иовва И. Ф. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1975, с. 78.

²⁸ ЦГВИА. Военно-учетный архив. № 28, л. 40.

о республике, ибо я был принят, как теперь помню, в Кишиневе Охотниковым, который был совершенно других мыслей».²⁹

В Кишинев Охотников переехал в 1820 г. Сам переезд представляется нам далеко не случайным: в начале 20-х гг. центр декабризма перемещается на юг, а незадолго до Охотникова во 2-ю армию перевелся из Москвы его друг и командир М. А. Фонвизин. Правда, местом службы Фонвизина стал не Кишинев, а Тульчин, но именно на юге, в Киеве, Фонвизин и представил Охотникова Орлову в качестве члена Союза благоденствия.³⁰ (Не лишено основания предположение о предшествующем знакомстве Орлова с Охотниковым, поскольку оба были помещиками Калужской губернии.)

Отношение М. Орлова к Союзу уже в этот период было сложным. Близко зная многих его членов, сам он не торопился войти в его состав. «Фонвизин, Пестель и Юшневский <...> настоятельно просили меня, чтобы я взошел в общество, — признавался Орлов впоследствии, — и наконец, видя мое упорство, сказали, что зная все их тайны и имена многих, не великодушно не разделять их опасности. Я поддался на сию причину и вступил в общество».³¹

Затем Орлов встретил Охотникова уже в Кишиневе, и очень может быть, что члены тульчинской управы, прежде всего Фонвизин, рассматривали последнего как своеобразного эмиссара Союза благоденствия при Орлове. По наблюдению Ю. Г. Оксмана, именно Охотникову формально принадлежало первенство в кишиневской ячейке Союза благоденствия, у него же хранился устав с расписками новых членов.³² Однако это формальное первенство, конечно, не отменяло фактического, безусловно принадлежавшего М. Орлову.

Несмотря на имеющиеся расхождения в позициях Орлова и членов тульчинской управы, можно без преувеличения сказать, что в течение 1820 г. Охотников сделался правой рукой Орлова в той многосторонней деятельности, которую тот проводил в 16-й дивизии. Поскольку особое внимание Орлов уделял взаимоотношениям офицеров с солдатами, именно Охотников возглавил дивизионные учебные заведения, в том числе солдатскую школу взаимного обучения; по поручению Орлова Охотников занимался расследованием злоупотреблений офицеров кишиневского гарнизона.³³ Однако — при том что в практической деятельности Орлов всецело опирался на Охотникова — можно предположить, что в свои политические планы он его не посвящал; программа «крутых мер», предложенная Орловым московскому съезду, была для Охотникова не меньшей неожиданностью, чем для других делегатов.

После того как Орлов покинул съезд, Охотников не только остался в качестве полноправного его участника, но был в числе тех немногих,

²⁹ Восстание декабристов, т. 10, с. 225.

³⁰ Орлов М. Ф. Записка, с. 6.

³¹ Там же.

³² См.: Оксман Ю. Г. Из истории агитационной литературы 20-х гг., с. 468.

³³ Оганян Л. Н. Общественное движение..., с. 107.

кто знает, что закрытие Союза формально и что тайное общество ~~не~~ должно существовать.³⁴

В 1821 г. служба Охотникова при Орлове продолжалась. Никакими данными о разногласиях между ними мы не располагаем, если не принимать во внимание тот факт, что в августе 1821 г. Охотников сдал управление дивизионными школами В. Раевскому.

В конце 1821 г. Орлов оставил Кишинев, а в апреле 1823 г. Охотников посетил своего бывшего командира в его калужском имении. После отъезда Охотникова М. Орлов писал жене: «Охотников пробыл здесь два дня и, все раскритиковав, все разбранив, изложив все свои философские воззрения, увозит теперь с собой это письмо. <...> Не знаю ничего несноснее этого воплощенного нравственного совершенства, которое оговаривает всякий чужой поступок и берет на себя роль ходячей совести своих друзей. В сущности, он прекраснейший и достойнейший человек, и я люблю его от всей души, но у него привычка говорить другому в лицо самые грубые истины, не догадываясь, что каждая из них бьет словно обухом по голове».³⁵

По-прежнему дружескими оставались отношения Охотникова с М. Фонвизиным, который с большой тревогой писал в марте 1824 г. И. Якушкину: «Как жаль бедного Охотникова — я опасаясь, чтобы болезнь его не имела худых последствий. Уведомь меня об нем, <...> а я сегодня пишу к нему».³⁶ В середине апреля Фонвизин узнал о смерти Охотникова.

В жизни Охотникова особую страницу составляют его отношения с Пушкиным. По свидетельству И. П. Липранди, беседы поэта «с Вельтманом, Раевским и Охотниковым и некоторыми другими лицами <...> дали толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предметам серьезных наук».³⁷ Местом встреч декабриста и поэта служила квартира Липранди, где «не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор и всегда о чем-то дельном».³⁸ Кроме того, Пушкин почти ежедневно мог видеть Охотникова и разговаривать с ним в доме Михаила Орлова. И здесь Охотников был инициатором самых серьезных, «дельных» бесед (иногда к неудовольствию менее серьезно настроенных гостей: «Охота тебе слушать разговоры Охотникова с братцем о политической экономии», — говорил И. Липранди Федор Орлов, брат генерала).³⁹ Можно с достаточной уверенностью утверждать, что в таком небольшом городе, как Кишинев, где круг образованных людей был относительно узок, Охотников входил в число близких знакомых Пушкина, действительно влиявших на идейную позицию поэта и в значительной степени определявших его интересы. Вместе с тем, очевидно и другое: несмотря на частые встречи и общность интересов, дружбы между Пуш-

³⁴ Якушкин И. Д. Записки, с. 476.

³⁵ Цит. по: Гершензон М. О. История молодой России, М.; Пг., 1923, с. 34.

³⁶ Фонвизин М. А. Сочинения и письма, Иркутск, 1979, т. 1, с. 109.

³⁷ Липранди И. П. Записки. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, М., 1974, т. 1, с. 327.

³⁸ Там же, с. 298.

³⁹ Там же, с. 317.

кшным и Охотниковым не сложилось, при этом с обеих сторон можно усмотреть вежливо-проничное отношение, о котором свидетельствует, например, следующий эпизод: «Однажды вечером собралось ко мне, — вспоминает Липранди, — человек десять, людей различных взглядов (. . .) Пушкин был в схватке с Раевским, одни поддерживали первого, другие второго, и один из спорящих обратился узнать мнение Охотникова, не принимавшего никакого участия в споре и сидевшего на диване с книгой, взятой им наугад с полки. В этот раз ему попался один из томов Тита Ливия, и он с невозмутимым хладнокровием, глядя на наступавших на него Пушкина и Раевского для разрешения их спора, не обращая никакого внимания на делаемые ему вопросы, очень спокойно предлагал послушать прекрасную речь из книги и начал „règes conscrits“. Это хладнокровие выводило из себя Пушкина и Раевского, одинаково пылких, из терпения (. . .) После этого Пушкин за глаза и при встрече с Охотниковым не иначе называл его, как „rège conscrit“. Впрочем, Александр Сергеевич уважал Охотникова и не раз обращался к нему с серьезным разговором».⁴⁰

Оценивая отношение Охотникова к Пушкину, трудно избежать вопроса о том, была ли вызвана определенная сдержанность к поэту одного из лидеров кишиневской ячейки Союза благоденствия только несходством характеров и темпераментов или же она являлась отражением какой-то коллективной позиции. Этот вопрос, как нам представляется, непосредственно связан с другим, гораздо более общим: почему, несмотря на близкое знакомство со многими заговорщиками и свою репутацию первого вольнолюбивого поэта России, Пушкин не был непосредственно причастен к заговору? Наиболее «хрестоматийный» ответ (заговорщики ценили талант поэта и опасались за его судьбу) вряд ли можно считать достаточно убедительным. Во-первых, у нас нет оснований думать, что Охотников сознавал все значение Пушкина как поэта; во-вторых, ситуация второй половины 1820 г. еще не предполагала серьезных опасений за судьбу членов тайного общества, тем более что сам Охотников не принадлежал к радикальному крылу Союза и, по свидетельству В. Ф. Раевского, «тогда Общество не имело еще цели истребить существующую или царствующую династию. Приготовления к конституции, распространение света или просвещения и правила чистой добродетели — было основанием установления этого общества».⁴¹

Существует и другая точка зрения на отношения Пушкина с декабристами. В наиболее резкой форме она выражена членом Южного общества И. И. Горбачевским: «Бедный Пуштин, — он того не знает, что нам от Верховной думы было запрещено знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге, — и почему? Прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос правительству о существовании Тайного общества».⁴² Мнение Горбачевского, человека, не знавшего Пушкина, —

⁴⁰ Там же, с. 297.

⁴¹ Раевский В. Ф. Воспоминания. — Литературное наследство, т. 60, кн. 1, с. 82.

⁴² Горбачевский И. И. Записки и письма. М., 1925, с. 300.

безусловно крайность. Восприятие им личности поэта было определено позднейшей официальной легендой и опосредовано сложным отношением к творчеству Пушкина людей 60-х гг. И все-таки до известной степени это мнение отражает точку зрения той части деятелей декабрьского движения, чьим установкам на «чистейшую добродетель» и аскетизм противоречило эпикурейское отношение Пушкина к жизни.⁴³ Возможно, что к последним принадлежал и Охотников, для которого этическая программа Союза благоденствия имела не меньшее значение, чем политическая. Но несмотря на все сказанное, мы хотели бы подчеркнуть, что в отношениях между поэтом и декабристом и речи не было о недоверии. Об этом свидетельствует участие Пушкина и Охотникова в споре о том, насколько полезным было бы для России учреждение тайного общества. В обсуждении принимали участие Ал. Н. Раевский, М. Ф. Орлов, В. Л. Давыдов и И. Д. Якушкин. Спор происходил в Каменке, имени братьев Давыдовых, в конце ноября 1820 г. Вопрос о создании тайного общества был поставлен М. Орловым. «Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного общества, — пишет И. Д. Якушкин. — В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю полезность, которую могло бы принести Тайное общество в России. Тут <...> я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой <...> „В таком случае давайте руку“, — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „Разумеется, все это только шутка“. Другие также смеялись, <...> кроме Пушкина, который был очень звольнован; он перед этим уверился, что Тайное общество или существует или тут же получит свое начало и он его будет членом, но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь, я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только шутка“ <...> В 27-м году, когда он пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу Никите, он сказал ей: „Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести“».⁴⁴

Смысл рассказанного Якушкиным эпизода, на первый взгляд, довольно прост: члены общества, стремясь разуверить Александра Раевского в своей принадлежности к тайному обществу, разыгрывают сцену спора, причем попутно они вводят в заблуждение и Пушкина. Такая трактовка данного эпизода, несмотря на то что она принадлежит самому Якушкину, вызывает серьезные возражения.

Во-первых, заметим, что инициатором спора явился М. Орлов, который вряд ли позволил себе подвергать таким рискованным шуткам Александра Раевского, своего близкого друга. К тому же о принадлежности Орлова к тайному обществу Раевский знал определенно. Если при этом

⁴³ Об этом см.: Лотман Ю. М. Декабристы в повседневной жизни. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 55—57.

⁴⁴ Якушкин И. Д. Записки, с. 42—43.

учесть, что основным вопросом предстоящего съезда в Москве был вопрос о пользе тайного общества для России, то станет понятно, что во время встречи в Каменке, непосредственно предшествующей московским дискуссиям, не могло не возникать споров — причем не шуточных, имеющих цель отвести глаза посторонним, а самых серьезных, живо интересующих всех присутствующих. Очень показательны, что участником этих споров был и Пушкин. Характеризуя свое пребывание в Каменке, поэт писал Н. И. Гнедичу в начале декабря 1820 г.: «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей, известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя» (XII, 207).

Отношения Пушкина с Охотниковым складывались в сложный период кризиса Союза благоденствия, когда основной формой существования тайного общества стала дискуссия. И в Кишиневе, и в Каменке поэт являлся активным участником споров между декабристами.

В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» определены временные границы взаимоотношений Охотникова и Пушкина: от 23 сентября 1820 г. по начало 1823 г.⁴⁵ Однако и внутри данного промежутка общение поэта и декабриста не было непрерывным. Можно предположить, что общение это было особенно частым в сентябре—ноябре 1820 г. — в период острых идейных разногласий внутри Союза благоденствия. Именно к этому времени относится совместное пребывание Пушкина и Охотникова в Каменке. 1 декабря их пути разошлись. Охотников вместе с М. Орловым уехал в Москву, чтобы принять участие в съезде Союза благоденствия. Пушкин остался в Каменке и вернулся в Кишинев только в начале марта 1821 г. К этому же времени сюда приехал из Москвы Охотников. Их совместное пребывание в Кишиневе продолжалось до середины мая, когда поэт уехал в Одессу. 3 августа Охотников сдал управление дивизионными школами Раевскому и до конца декабря оставил Кишинев. Вернувшись, он застал разгром кишиневской ячейки декабристов. 1822 год и поэт и декабрист провели в Кишиневе почти безвыездно. Этот период их общения мог быть особенно значимым, так как Охотников, единственный из активных членов кишиневского кружка Союза благоденствия, остался на службе, однако документированными свидетельствами на этот счет мы не располагаем. В начале 1823 г. Охотников уехал из Кишинева в Москву. Он увозил с собой конфиденциальное письмо Пушкина, адресованное П. А. Вяземскому, и должен был на словах передать тому тревожные обстоятельства следственного процесса по делу В. Раевского—М. Орлова.

И. В. Немировский

⁴⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина / Сост. М. А. Цявловский. М., 1951, т. 1, с. 247.

ПУШКИН И А. КОРНИЛОВИЧ

(Из литературных источников «Капитанской дочки»)

Принято считать, что описание бурана во второй главе «Капитанской дочки» опирается на реалии и художественные детали очерка С. Т. Аксакова «Буран», опубликованного в альманахе «Денница» 1834 г. Автор небольшой заметки «Картина бурана у Пушкина и С. Т. Аксакова» А. С. Поляков отметил «ряд параллельных мест» и завершил свое сравнение указанием на то, что «мы имеем типичную пушкинскую переработку, сухую и сжатую в противовес растянутому и эмоционально-насыщенному оригиналу».¹ Это наблюдение было подхвачено, стало одним из «общих мест» научной и популярной пушкинианы и вошло в методические пособия для школы как пример, наглядно иллюстрирующий тезис о знаменитом пушкинском лаконизме.² «Давно и прочно установлено, — пишет в связи с упоминанием названной заметки Н. Н. Петрунина, — что в описании степного бурана Пушкин опирался на очерк С. Т. Аксакова...» Но здесь же отмечает недостаточность только этой параллели и включает в круг пушкинских ассоциаций образ кибитки («колесницы»), плавающей в зеленом море, из сонета А. Мицкевича «Аккерманские степи» (1826), образ «кибитки-ладьи», ныряющей в «хребтах замерзнувшей волны», из «Зимних карикатур» (1827) П. А. Вяземского и сравнение «снежной равнины, взрывае-мой порывистым ветром», с «бурным морем» из романа «Юрий Милославский» (1829) М. Н. Загоскина.³

Не снижая интереса исследователей и популяризаторов творчества Пушкина ни к традиционному уже сравнению с Аксаковым, ни к другим ассоциациям,⁴ обратим внимание на источник более ранний и не менее впечатляющий, мимо которого прошли исследователи, но, как представляется, не прошел Пушкин.

Речь идет об одном из исторических повествований А. О. Корниловича — «За богом молитва, за царем служба не пропадают», опубликованном в альманахе «Полярная звезда на 1825 год» (с. 157—173) с подзаголовком «Исторический анекдот».

¹ Поляков А. С. Картина бурана у Пушкина и С. Т. Аксакова. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 287—288.

² См.: Качурин М. Г., Шнейерсон М. А. Изучение языка писателей. М., 1961; Кривова А. М. Чтение и разбор отрывка «Буран в степи». — В кн.: Изучение художественной литературы в школе. М., 1959; Кудряшев Н. И. Об изучении языка художественных произведений в V—VII классах. М., 1954; Машинский С. С. Т. Аксаков. — В кн.: Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1955, т. 2; Шкловский В. Б. Писатель Борис Житков и традиции русской литературы. — В кн.: Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М., 1955, и др.

³ Петрунина Н. Н. Пушкин и Загоскин. — Русская литература, 1972, № 4, с. 115—117.

⁴ К этому ряду ассоциаций, конечно, следует прибавить и пушкинские автореминисценции из «Метели», «Зимнего вечера», «Бесов» и др. В частности, в «Бесах» впервые встречается то неразличимое в мутной кутерьме метели («пень или волк»), что привидится сначала Гриневу («что-то черное») и затем ямщику: «воз не воз, дерево не дерево... или волк или человек» (VIII, 288).

Отмечая, что «интерес к „живой литературе фактов“, как называл мемуарные и анекдотические источники П. А. Вяземский, в 1830-е годы стал всеобщим», Я. Л. Левкович подчеркнула: «... однако впервые бытовые документы были использованы для характеристики исторического процесса декабристом А. О. Корниловичем».⁵ Исторические очерки Корниловича и отношение к ним Пушкина стали предметом специального изучения.⁶ В поле внимания исследователей оказались очерки «О первых балах в России», «Об увеселениях российского двора при Петре I», использованные Пушкиным в работе над незавершенным «Арапом Петра Великого», и приписывавшийся Корниловичу «Рассказ моей бабушки» как один из документальных источников «Капитанской дочки», а также повесть «Андрей Безыменный» — в аспекте обратного влияния: Пушкина на Корниловича.

«Исторический анекдот» Корниловича «За богом молитва, за царем служба не пропадают» существенно отличается от его очерков о балах и увеселениях, которые призваны были документально обрисовать быт петровского времени. Прежде всего это сюжетное произведение, в котором «анекдот» представлен не в качестве исторически документального материала, а художественно обработан самим Корниловичем в виде новеллы из жизни Петра I. Здесь есть главный герой — Петр, есть событие — его приезд в бедное степное имение, есть второстепенные персонажи с более или менее развитой сюжетной функцией и намеченными характерами. Новеллистический принцип повествования четко выдержан. Внезапное случайное происшествие, длящееся несколько часов событие, данное в узловых моментах, и несколько оттянутый финал — развязка со счастливым и неожиданным результатом сочетаются с элементами таинственности, незнания — узнавания, с мотивом предощущения героиней новеллы чрезвычайной значительности фигуры таинственного посетителя и ожидания какого-то особого благодеяния от него, которое в итоге оказывается даже более существенным, чем ожидалось.

Событие, о котором повествует А. Корнилович, относится ко времени создания Петром знаменитой «азовской флотилии» на верфях, построенных близ Воронежа. В работах принимал непосредственное участие сам государь. Велись они здесь с начала 1696 г. и то лихорадочно возобнов-

⁵ Левкович Я. Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969, т. 6, с. 181.

⁶ См.: Якубович Д. П. Пушкин в работе над прозой. — Литературная учеба, 1930, № 4, с. 46—64; Мейлах Б. Литературная деятельность декабриста Корниловича. — Литературный архив. М.; Л., 1938, т. 1, с. 414—422; Гуляев В. Г. К вопросу об источниках «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939, вып. 4—5, с. 209—211; Богородский Б. Л. О языке и стиле романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1956, т. 122, с. 227—237; Фокин Н. И. К вопросу об авторе «Рассказа моей бабушки» А. К. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1958, № 261. Сер. филол. наук, вып. 49, с. 155—163; Левкович Я. Л. 1) Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969, т. 6, с. 181—188; 2) «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича. — В кн.: Временник пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 89—92.

лялись, то затихали, пока наконец в 1709 г. Петр не распорядился перевести верфи в Таганрог.

Примерно к 1709 г. можно отнести и случай, рассказанный Корниловичем. В тексте есть некоторые указания на время и место события: дело происходит «слишком сто лет тому назад» на «большой Московской дороге между Павловским и Воронежем» (158).⁷ В Павловске, расположенном при впадении р. Воронеж в Дон, были построены крепость и верфи. В рассказе Корниловича не говорится о флотских заботах Петра, связанных со стремлением овладеть Черным морем и Причерноморьем, но переданы то напряжение и интерес, с которыми «он часто поглядывал то вправо, то влево, как будто бы ехал по знакомой дороге» (с. 158). В умело организованной новелле Корниловича имя Петра не раскрывается до самого конца. Сознательно не называя его, повествователь рисует, однако, портретные черты и знаки царского достоинства. Сам царь в разговоре пользуется «псевдонимом».

Новелла начинается с описания метели, застигнувшей в сумерках на зимней дороге «длинные сани, запряженные тройкою малорослых степных лошадей» (158). В усилившейся «ужасной буре» ямщик теряет путь, и лишь далекий огонек в стороне наконец указывает, где жилье. Примчавшиеся к дому сани встречены слугой. Странники входят в дом, где их привечает и угощает ужином Наталья, «девушка лет 18», дочь хозяина — капитана Бердина, отставного офицера Преображенского полка, вдовца, живущего в своем бедном степном хуторе. В его отсутствие незнакомец, представившийся Петром Михайловым, беседует с Натальей. Петр узнает, что Бердины бедствуют потому, что вышедший в отставку капитан получает пенсию поручика. Прощение, поданное на имя какого-то важного лица, Петра Михайлова, осталось без ответа. Из беседы с Натальей Петру становится известно также, что ее любит флотский лейтенант Муханов, но бедность не дает любящим надежды на брак. Петр обещает Наталье помочь и, переночевав, утром по ясной дороге отправляется дальше... Вернувшись домой, отец по рассказу дочери догадывается, кто был этот таинственный посетитель, но не проговаривается ей. Между тем Наталья, с самого начала проникшаяся каким-то особым расположением к ночному гостю, верит в его обещание. Проходит три месяца, уже наступает весна, событие начинает стираться в памяти капитанской дочки, как вдруг является на тройке с колокольчиком Муханов и вручает Наталье письмо: «Бывший у тебя в гостях Петр Михайлов есть тот самый, которого ты желала видеть. За богом молитва, а за царем служба не пропадают. Отцу твоему дарю капитанское жалованье, тебе же за твою любовь к нему посылаю пятьсот рублей в приданое и жениха, который, кажется, тебе по сердцу. Прощай. Петр» (173).

Описанию метели предшествует небольшое рассуждение-наблюдение, дающее читателю «понятие о вьюгах, свирепствующих иногда в обширных тамошних степях»: «Небольшое белое облако, появляющееся среди ясного

⁷ Здесь и далее текст Корниловича цитируется по изданию «Полярная звезда. Карманная книжка на 1825-й год, для любителей и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рыжеевым» (СПб., 1825) с указанием в скобках страницы.

дня на синем небе, возвещает жителям о предстоящей грозе... В одно мгновение облако распространяется по всему небу. Сильный ветер начинает мести землю, унося с собой все, что ни встречает на пути. При дневном свете не видишь дня. Снежные равнины представляют вид волнующегося моря: в одном месте видите высокие сугробы снега; в другом голую землю. И счастлив путник, не застигнутый в дороге сею ужасною бурей!» (157).

Эту типичную картину южнорусской степной метели Корнилович далее конкретизирует рядом деталей, переходя к повествовательному оформлению «исторического анекдота». Петр и его слуга Василий оказались в санной тройке на зимней дороге как раз в такую пору: «Между тем ночь спускалась на землю: густые тучи, гонимые ветром, быстро неслись в одну сторону; поднялась метель, лошади помчались дружнее, и ямщик, не видя дороги, занесенной снегом, пустил их на волю, в надежде, что оне сами собою приведут его к какому-нибудь жилью. Путешественники, закутавшись в свои шубы, не говорили друг другу ни слова, и только слышен был скрип саней и пронзительный свист ветра, волновавшего снег.

Наконец, тот из путешественников, о котором мы упомянули прежде (т. е. Петр. — Л. С.), прервал молчание.

— Скоро ли перемена? — спросил он, привстав, у ямщика, который, опустив вожжи, напевал про себя унылую песню.

— Да бог весть, ведь у нас, барин, лошадей держат в землянках, а в эту погоду и чутьем не найдешь.

Между тем ночь час от часу становилась темнее; ветер не устал, и лошади, которые до того неслись стрелою, приметно начали сокращать свой бег.

— Что, брат Василий, — продолжал первый, обратясь к товарищу своему, закутанному в медвежьей шубе, — не весело ночевать под открытым небом в такую метелицу; того и смотри, что занесет снегом <...>

— Да если мне не чудится, кажись, вправо брежжится огонек.

Первый из разговаривавших тотчас обратился в эту сторону, устремил глаза в темноту, и громко прокричав: туда, опять улеся в сани. Ямщик взял вожжи в руки, и усталые кони, как бы чувствуя, что скоро настанет время отдыха, помчались быстрее.

Огонек <...> светил из дому, находившегося верстах в 15-ти от большой дороги <...> Домик сей <...> обнесен был плетнем. Небольшая прорубь в ограде служила воротами <...>

Быстро примчался путешественники к дому. Василий, выпрыгнув из саней, подошел к окну, из которого выходил свет; постучал в ставень и просил ночлега для проезжих, сбившихся с дороги» (159—161).

Сходство этого фрагмента с главой «Вожатый» несомненно. В отличие от аксаковского «Бурана» здесь сходны не только детали, но и сюжетные ситуации: барин со слугою направляются по зимней дороге в определенное место, разыгравшаяся снежная буря сбивает их с пути, путники вынуждены искать пристанища, случайно находят его и после ночлега по ясной дороге отправляются к месту следования, причем этот случайный ночлег имеет для них благие последствия.

Если же говорить о деталях, то очевиден ряд параллелей, еще более

разительных, чем те, какие дает сравнение текстов «Капитанской дочки» и «Бурана».

«Зимой однообразные равнины встречали унылый взор путешественника», — пишет Корнилович (158). Пушкинский Гринев видит и чувствует то же: «Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом» (VIII, 286—287). В обоих случаях метель начинается в сумерки, причем Пушкин замещает слово «сумерки» парафрастическим «Солнце садилось». Солнце нужно для того, чтобы Гринев смог увидеть «ясное небо», на котором он едва различил очертания «белого облачка», показавшегося ему «отдаленным холмиком» (VIII, 287). Очерковую фразу — «Небольшое белое облако, появляющееся среди ясного дня на синем небе...» — Пушкин развертывает в характеристическую картинку: разговор седока, молодого барина, с ямщиком. Ямщику, жителю этой стороны, появление облачка «возвещает» (согласно Корниловичу) «предстоящую грозу», «ужасную бурю». Мотив незнания молодым человеком местной приметы приводит к сюжетному осложнению и позволяет ввести фигуру «вожатого» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мотив этот важен и в характерологическом отношении. Ведь Гринев замечает, что «слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены» (VIII, 287), но горячность и неопытность заставляют его пренебречь мнением ямщика и Савельича, несмотря на данное последнему обещание «вперед вести себя умнее и слушаться». Цепь приключений, начатая с выездом из родительского дома, продолжается.

Образные детали в «Капитанской дочке» обладают гораздо большей экспрессией, чем в рассказе Корниловича.

Такая деталь, как «белое облачко», у Корниловича выступающая лишь как образ-знак, в главе «Вожатый» получает дальнейшее развитие. «Облачко» живет уверенным предчувствием «беды» в сознании ямщика. Затем его смутно различает на ясном небе беспечный Гринев, а увидевший это «облачко» Савельич принимает сторону ямщика. Не принятое в особый расчет Гриневым, оно вскоре «мстит» за невнимание к себе: «Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегала небо» (VIII, 287). Такие же «преобразования» происходят и с другими образными деталями.

«Сильный ветер начинает мести землю, унося с собой все, что ни встречает на пути», — сообщает читателю Корнилович (157). Ветер здесь — такая же «примета», предвестие бурана, как и облачко в «Капитанской дочке». У Пушкина ветер сначала «слегка подымается». Это наблюдение принадлежит ямщику и усилено его эмоциональным восприятием: «...вишь, как он сметает порошу», — что означает, по словам ямщика, «ненадежное» время. Вскоре и Гринев замечает: «Ветер час от часу становился сильнее». Затем он слышит, как «ветер завыл». Нейтральный в эмоционально-оценочном отношении эпитет «пронзительный» Пушкин заменяет впечатляющей прозопоеей: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным». Ветер же доносит до «тонкого чутья» вожатого запах дыма. И когда страх быть занесенным снегом в стороне от жилья миновал, Гринев засыпает в кибитке под убаюкивающее «пение» ветра (VIII, 287—288).

Описание снега в рассказе Корниловича информативно, хотя и выразительно: «Снежные равнины представляют вид волнующегося моря: в одном месте видите высокие сугробы снега; в другом голую землю». Далее мы видим дорогу, занесенную снегом, и волнующийся под ветром снег; наконец — полузанесенную снегом крышу.

В начале пушкинского повествования снег — эпический образ равнодушно-печальной «белой степи». Но подымается пороша: «Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями». На глазах у путешественников «темное небо смешалось со снежным морем». Эта жуткая игра стихий ищет своего названия, отличного от обыденного, — «...беда: буран!». Через некоторое время снег становится «глубоким», и это состояние снежной пустыни ведет к сравнению медленного движения кибитки с «плаванием судна по бурному морю» (VIII, 287—288). Сравнение явно напоминает текст Корниловича, но, как и в других случаях, описание Пушкина пластичнее и живописнее, ибо сводит детали в емкий образ, зримый в своем тягостно-медлительном движении.

В рассказе Корниловича отсутствует освещение пейзажной зарисовки, тогда как у Пушкина смена освещения сопутствует динамике пейзажа, изменяет его колорит. Свет—мрак живут у Пушкина в единстве с другими природными стихиями — снегом, ветром: «...все было мрак и вихорь», «мгла кругом», «мутное кружение метели» (VIII, 287—289).

Ямщик Корниловича не может в непогоду определить, где находится землянка со свежими лошадьми.

В стихии пушкинского бурана лишь «тонкость чутья» вожатого помогла найти путь к постоялому двору. Горящую тростинку, которая выглядит весьма неубедительно в такую погоду, Пушкин заменяет на «фонарь под полою» (VIII, 289).

В игру природной стихии вовлечены и живые существа. Однако ямские кони у Корниловича характеризуются лишь тем, как они бегут — быстро или медленно. У Пушкина же, разделяя судьбу людей, бессильные против метельной стихии лошади «стояли, понуря голову и изредка вздрагивая», а затем «тяжело ступали по глубокому снегу» (VIII, 287—288). Кони, везущие Петра, еще полные сил, въезжают в специально проделанную «прорубь в ограде» (160). Усталые лошади с Гриневым и его спутниками, «господь помог, наткнулись прямо на забор» (VIII, 289).

У Корниловича весь эпизод с метелью играет роль вводной пейзажной зарисовки, в центре которой находится важная персона. Большинство описательных деталей даны либо от автора-повествователя, либо в восприятии Петра. Василий, готовый «ловить его желанья, предупреждать его волю» (159), почти безмолвен.

В «Капитанской дочке» все трое — и сам Гринев, и Савельич, и ямщик — живо реагируют на происшествие, затем к ним на равных присоединяется и вожатый.

Наконец, у Корниловича буран ничего не меняет в жизни героя повествования, а для Гринева это важнейший эпизод, от которого начинается его бытие в истории. Недаром сон Гринева непосредственно следует за описанием переживаний во время бурана и входит в главу «Вожатый». Тема метели в «Капитанской дочке», кроме выразительности

описательных и характеристических деталей, несет в себе сложный и очень глубокий символический смысл.⁸

Различие повествовательного стиля, которое сказывается и в использовании деталей, и в общем колорите рассказа, никак не может отменить того очевидного факта, что новелла Корниловича послужила источником для описания бурана в степи в романе Пушкина. Если по отношению к «Бурану» Аксакова Пушкин сжимает в своем повествовании «эмоционально насыщенный оригинал»,⁹ то с новеллой Корниловича дело обстоит иначе. Проведенный анализ вообще подвергает сомнению тот факт, что Пушкин опирался на Аксакова. Скорее всего он лишь «поверил» и дополнил некоторыми деталями (кибитка Гринева вначале идет по следу, проложенному крестьянскими санями, и др.) тот материал, который давал рассказ Корниловича. К тому же стихотворения Мицкевича, Вяземского, «Юрий Мирославский» Загоскина, «Буран» Аксакова (и его же стихотворный неоконченный набросок на эту тему) написаны позднее.

Литературные параллели ведут нас дальше, не ограничиваясь сферой пейзажа.

В доме капитана Бердина незнакомец внимательно осматривает обстановку. Детали интерьера здесь как бы предваряют детали описания дома капитана Миронова. В первой комнате среди других предметов — «шкаф с посудой, печь из синих изразцов с фигурными изображениями из Эзоповых басен». Над кроватью «висели в золотых рамах патенты па чины, подписанные Петром, из которых выделось, что хозяин был отставной капитан Бердин... На стенах развешаны были: преображенский мундир, покрытый простынею, серебряный значок с золотым ободочком и вычеканенным из синей эмали Андреевским крестом, шляпа, отороченная золотым узеньким позументом, и длинная шпага, на черной перевязи, на коей изображено было вензловое имя Петра Первого» (162—163).

Описание дома Бердиных занимает у Корниловича значительное место (восьмую часть текста). Оно изобилует перечислением предметов, и по этому описанию этнограф и историк могут восстановить ушедшие в прошлое бытовые черты: такова одна из целей, преследуемых автором. Специально оставляя Петра одного, чтобы дать ему возможность познакомиться через предметы быта с образом жизни и правами хозяев дома, Корнилович тем самым представляет читателю историко-этнографическую зарисовку.

Пушкинское описание сжато до нескольких строк. Из всех примет старинного интерьера, столь обильных у Корниловича, автор «Капитанской дочки» выбирает несколько наиболее существенных для него: «В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие

⁸ См., например: П р я н и ш н и к о в Н. Проза Пушкина и Л. Толстого. Чкалов, 1939, с. 13; П е т р у н и н а Н. Н. Пушкин и Загоскин. — Русская литература, 1972, № 4, с. 117 (там же изложение доклада Ф. Я. Приймы «Иносказательный пейзаж в творчестве Пушкина» на XXIII Всесоюз. Пушкинской конференции). См. также: Ф р и д л е н д е р Г. М. Пушкин и молодой Толстой. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982, т. 11, с. 228—230.

⁹ Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 288.

взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота» (VIII, 295).

Отбор и «подача» Пушкиным деталей интерьера продиктованы различием ситуаций. Бердин — в отставке, Миронов — действующий офицер; у Бердина хозяйкою дочь, у Миронова — равноправная Василиса Егоровна. Петр ходит по пустым комнатам; Гринев вступает в «переднюю», чтобы доложить о своем прибытии на службу, и сразу встречает капитаншу и старого инвалида. Петр находит в светелке только что оставленную в пяльцах работу. У Пушкина — «живые пяльцы» (Иван Игнатьич), которые здесь же комически обыгрываются. В пушкинском интерьере представлено только то заметное и характеристически существенное, что схватывает свежий глаз Гринева с первого взгляда. Поэтому шкаф и знаки офицерского отличия переходят из повествования Корниловича в «усеченном виде», а сюжеты Эзоповых басен, представленные на печных изразцах, заменяются более современными и актуальными сюжетами лубочных картинок.

Наряду с деталями описания из рассказа Корниловича перенесена и важнейшая сюжетная функция Петра — устройство чужой судьбы, восстановление справедливости. В «Капитанской дочке» эта функция передана двум историческим фигурам — Пугачеву и Екатерине II, чем достигается очень тонкий художественный эффект. Поведение Пугачева многими чертами напоминает поведение Петра. У обоих «грозный» вид, «огненный», «сверкающий» взор, способный привести в трепет. В то же время и Наталья, и Гринев чувствуют какое-то невольное расположение; робость и скованность уступают место открытости, смелости, «решимости заговорить». Широка натуры, дерзость, удал, веселость, способность «миловать так миловать», отпускать «виноватому вину» — эти черты русского национального характера Пушкин находит и у государя Петра I, и у «мужицкого царя» Емельяна Пугачева. Точно так же, впрочем, он отмечал в них проявления жестокости и самовластной нетерпимости. Но эти свойства натуры преимущественно нашли отражение в «Истории Петра» и в «Истории Пугачева». В художественных произведениях образы Петра I («Полтава», «Медный всадник», «Пир Петра Первого» и др.) и Пугачева («Капитанская дочка») сближены на иной основе, и в этом отношении внимательное чтение произведений Корниловича, посвященных Петровской эпохе и личности Петра, оказало на Пушкина несомненное влияние.

Петр у Корниловича и Пугачев у Пушкина близки по складу характера, мотивам поведения и следствиям поступков. Петр награждает капитана Бердина за службу, его дочь — за преданность отцу-преображенцу и за верность Муханову, честно исполняющему свой долг флотского командира. Наталья из рук Петра получает жениха и приданое. Пугачев спасает и жалует Гринева за добросердечие и «самостоянье», за «честь смолоду» в службе и в любви. Он дает Гриневу невесту и благословение, с лихвой возвращая свой «должок».

Любопытно, что основной рисунок образа Натальи передается образу Маши Мироновой: послушная, воспитанная в добрых нравах, скромная девушка-сирота становится смелой искательницей справедливости. Внутреннее душевное движение Натальи по достоинству оценивает Петр. Капитанскую дочку Миронову ждет более серьезное испытание. Одна на

свѣте зная правду о взаимоотношениях Гринева и Пугачева, она решается «искать покровительства» у самой императрицы. Здесь возникает сложная система сопоставлений. Ведь в конце концов Екатерина тоже «награждает» капитанскую дочку за заслуги отца и возвращает ей жениха. Но в итоге получается, что ее обещание («Я беру на себя устроить ваше состояние») повисает в воздухе. Петр Андреевич Гринев, как сообщается в эпилоге, благоденствовал в «селе, принадлежащем десятерым помещикам» (VIII, 374). В эпилоге же читатель намеренно возвращается автором к одной детали интерьера, напоминающей офицерские дипломы капитанов Бердина и Миронова; только теперь облагодетельствованное семейство держит «под стеклом и в раме» оправдательное «собственноручное письмо Екатерины II».

Как и Петр, Екатерина прибегает к уловке, не называя себя с самого начала. У Корниловича: «Жаль, что я не тот Петр Михайлов, которого тебе надобно, — сказал приезжий, вставая с кресел, — но молись усердно богу, а я, может быть, донесу об вас царю при случае: он меня знает и жалует» (168). У Пушкина: «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь» (VIII, 372). Как и Петр, императрица интересуется «родными» наивной провинциалки.

У Маши возникает то же чувство расположения к даме, какое было у Натальи к незнакомому посетителю. Портрет Петра завершается выражением обобщенного впечатления: «... в глазах, исполненных огня, изображалось какое-то неизъяснимое благоволение...» (161—162). Портрет Екатерины — тем же: «... голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую» (VIII, 371). Ход портретного описания в обоих случаях абсолютно одинаков: костюм, указание на возраст, черты лица. Именно этот порядок позволяет заметить лукавую насмешку Пушкина-портретиста. И сами портреты, и поведение их «моделей» у Корниловича и Пушкина имеют различную интонационно-стилистическую окраску. Портрет Петра проникнут безусловным почтением и восхищением автора. Пушкинская дама с собачкой, «сидевшая на скамейке противу памятника» «в честь недавних побед» (VIII, 371) одного из своих «орлов», явно притворяет Петру — «работнику на троне» в монаршем достоинстве: «Он был средних лет, но глубокие морщины на челе являли в нем человека, перенесшего в жизни немало трудов» (161) — «Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие» (VIII, 371). «Благоволение» — «прелесть», «глубокие морщины» — «лицо полное и румяное»; «труды» — «спокойствие» — так пародийно соотнесены личностные «приметы» Петра I и Екатерины II.

Светская любезность, ласковость и приятность в обращении завораживают Марью Ивановну: «Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность» (VIII, 372). (Ср. у Корниловича: «... какое-то неизъяснимое благоволение, влекущее к нему каждого и внушающее смелость самым застенчивым» (162)). Это и побуждает ее передать «незнакомой своей покровительнице» прошение о «милости», писанное на высочайшее имя. Форма таких прошений предусматривала определенную стилистику начальных строк обращения к «верховному судье». (Заклющ-

тельная глава «Капитанской дочки» не случайно называется «Суд», и не случайны слова Марьи Ивановны, что она приехала просить «милости, а не правосудия»). Отсюда лукавая фраза: «Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным». Изложение же сути дела моментально меняет весь облик «покровительницы» — и Марья Ивановна (...) испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному» (VIII, 372). Весь облик Екатерины при одном упоминании о Гриневе преобразен холодностью и вспышкой гневного недоумения, вызванного тем, что подданная позволила себе назвать ее мнение «неправдой». И лишь искренняя горячность барышни заставляет ее выслушать «со вниманием» дочь храброго капитана Миронова. Сохраняя инкогнито, «дама» на прощание, правда, не столь любезно, как вначале, но все же обещает помощь: «„Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо“. С этим словом она встала и вошла в крытую аллею...» (VIII, 373).

Продолжая досадно прерванную на утреннем моционе тайную игру придворной дамы, могущественной и в то же время приятной и любезной, с неопытной провинциалкой, которая по наивному неведению забрела в ранний час на царцын луг, императрица высылает к ней карегу и велит камер-лакею объявить, что «государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чем ее застанут» (VIII, 373). Предвкусение неотразимого эффекта, который произведет новая встреча на просительницу, возвращает тщеславной женщине первоначальное игриво-самодовольное настроение.

Весь эпизод с Екатериной выглядит как новеллистически обработанный «исторический анекдот» из жизни императрицы. В отличие от Петра и Пугачева, Екатерина не способна «миловать» и «отпускать вину» просто, умно, щедро, по одному лишь душевному движению, без предварительных раздумий и согласований. Решение принимается ею не в походной палатке, не на проезжей дороге, не на мачте нового корабля, не в токарне и даже не во время приятной прогулки, а «за своим туалетом» в окружении придворных советников, когда она полностью «убеждена в невинности» (VIII, 373). В умилении перед павшей к ее ногам, ослезливенной ею Машей дама, вполне вернувшись в образ матушки-императрицы, «подняла ее и поцеловала», взяв на себя обязательство «устроить состояние» (VIII, 374) Гриневых.

Сравнение текстов двух исторических анекдотов показывает, что осуществленный в «Капитанской дочке» намеренно пародийный «сдвиг» образов и ситуаций, их стилевая трансформация находятся в прямом соответствии с общей пушкинской концепцией деяний и личности Петра I с его «всеобъемлющей душой», Екатерины II, «Тартюфа в юбке и короне», и «мужицкого царя» Емельяна Пугачева.

Широко известен тот факт, что Пушкин пользовался очерками Корниловича «О первых балах в России» и «Об увеселениях российского двора при Петре I», работая над «Арапом Петра Великого». Добавим, что он в ряде случаев опирался и на «исторический анекдот» «За богом молитва, а за царем служба не пропадают». Прежде всего, рассказ Корниловича был первым опытом повествования о Петре I, где личность великого исторического деятеля нарисована «домашним образом», и Пушкин не мог

этого не заметить. В бытовых, характеристических, поведенческих чертах пушкинского Петра есть и черточки, воспринятые из рассказа Корниловича. Дважды упоминает Корнилович о целовании в голову (Бердина и Наталья) как царском знаке отличия человека за его достоинства, благоволения к нему. И у Пушкина царь целует своего крестника в голову при первой встрече в ямской избе. Корнилович детально описывает «зеленый суконный кафтан» Петра (161) — в ямской избе Красного Села Ибрагим видит Петра в «зеленом кафтане». Не забыта и «записная книжка» из рассказа Корниловича, в которой Петр делает заметку на память (167), — в «Арапе» государь «вынул карманную книжку, дабы справиться, все ли им предполагаемое на сей день исполнено» (VIII, 14). У Корниловича быстрые сани везут человека «в тулупе из калмыцких мерлушек, покрытом красною матернею» (158), — у Пушкина Гаврила Афанасьевич Ржевский, провожая царя, «подал ему красный его тулуп» (VIII, 24). Красный тулуп окажется затем и у Пугачева.

«Исторический анекдот» мог быть услышан Корниловичем от его друга и единомышленника декабриста Петра Александровича Муханова¹⁰ (или вообще от кого-либо из братьев Мухановых), один из предков которого, Ипат Калинович Муханов (1677—1726), служивший в Преображенском полку, был в 1697 г. отправлен в Голландию для изучения морского дела, а в феврале 1709 г. в чине подпоручика царским повелением командирован из Петербурга в Воронеж. В конце апреля 1709 г. Петр I на двух бригантинах под командою Муханова спустился из Воронежа в Азов и далее в Таганрог (Троицкую крепость).¹¹ Ипат Муханов был близким Петру человеком, участвовал с ним не только в делах, касающихся флота, но и в увеселениях, а в 1712 г. состоял шафером при бракосочетании государя. Следует, однако, обратить внимание на то обстоятельство, что Ипат Муханов женился впервые в 1709 г. на Ирине Васильевне Нестеровой, вдове Н. А. Полянского.¹² Имя Наталья, таким образом, у Корниловича вымышленное. Подобным образом (возможно, учитывая опыт Корниловича) отнесется к историческому материалу Пушкин, у которого в рассказе о сватовстве Ибрагима и Натальи нарушена и хронология, и фактическая история женитьбы Ганнибала.

«Корнилович славный малой и много обещает — но зачем пишет он для снисходительной вниманя милостивой государыни NN и ожидает ободрительной улыбки прекрасного пола для продолжения любопытных своих трудов? Все это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностью», — писал Пушкин 8 февраля 1824 г. из Одессы издателю «Полярной звезды» А. А. Бестужеву (XIII, 87), имея в виду, конечно, и историческую достоверность, и литературные достоинства произведений Корниловича, опубликованных в двух первых выпусках альманаха. Использование Пушкиным новеллистического «анекдота» Корнило-

¹⁰ О своем предке П. А. Муханов мог рассказывать Пушкину и во время их общения в Одессе в 1823—1824 гг.

¹¹ Воронежские заботы Петра I вообще и данный факт в частности отражены Пушкиным в «Истории Петра» без упоминания о Муханове (см.: X, 129—130 и др.).

¹² См.: Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1910, с. 25—58.

вича в целом характеризуется теми же закономерностями творческого процесса, что были отмечены в его отношении к историческим очеркам, опубликованным в «Полярной звезде» (1823, 1824) и в «Русской старине» (1825).¹³

Корнилович, видимо, со вниманием отнесся к замечанию, высказанному Пушкиным в цитированном письме, и в третьей своей публикации в «Полярной звезде» отказался не только от «шаликовской» установки на благосклонное внимание прекрасного пола, но и вообще от формы очерка-письма к NN, создав на основе «исторического анекдота» вымышленное историческое повествование. Впоследствии, в 1831 г., находясь в Петропавловской крепости, Корнилович пишет повесть «Андрей Безыменный», в которой хорошо ему известные события и факты Петровской эпохи художественно преломлялись под воздействием напечатанных в «Северных цветах на 1829 год» и в «Литературной газете» (1830, № 13) фрагментов из «Арапа Петра Великого». ¹⁴

Разумеется, творческое взаимодействие Пушкина и Корниловича приводило каждого из этих писателей к разным творческим достижениям, но в целом оно способствовало становлению и развитию русской повествовательной прозы в процессе художественного освоения исторического и документально-фактического материала.

Л. А. Степанов

¹³ См.: Якубович Д. П. Пушкин в работе над прозой. — Литературная учеба, 1930, № 4, с. 46—64; Левкович Я. Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969, т. 6, с. 171—196.

¹⁴ См.: Левкович Я. Л. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 89—92.

ПУШКИН И Е. Н. ВРЕВСКАЯ В ЯНВАРЕ 1837 ГОДА

Все, что мы знаем о встречах Пушкина с Е. Н. Вревской в январе 1837 г., поражает своей недосказанностью. Нам хорошо известно, что накануне дуэли поэт несколько раз встречался с Евпраксией Николаевной (Euphrasie, Зизи — как ее называли в домашнем кругу) и что у них состоялся какой-то важный разговор. Но о содержании этого разговора и о роли всего эпизода в преддуэльных событиях до нас дошли очень смутные сведения. Упоминания о встречах и разговорах Пушкина с Зизи мы находим и в письмах родных Евпраксии Николаевны, и в откликах, идущих из круга друзей поэта. Известен также рассказ об этом самой Е. Н. Вревской, записанный в 1860-х гг. М. И. Семевским. И хотя в данном случае мы располагаем целым рядом свидетельств, картина, тем не менее, не становится яснее, так как в дошедших до нас сообщениях имеются противоречия, а в некоторых из них явственно ощущается намеренная недоговоренность.

Среди этих свидетельств наибольшую известность приобрел рассказ П. А. Вяземского, на который опирался, строя свою гипотезу, П. Е. Щеголев. Вяземский, несомненно, придавал разговору Пушкина с Вревской важное значение, раз он счел нужным сказать о нем в своем обзоре преддвуэльных событий, сделанном в письме к великому князю Михаилу Павловичу. Сообщая в этом письме о слухах, распространившихся в обществе после свадьбы Дантеса, Вяземский указал на то, что как раз в это время в Петербург приехали соседки Пушкина по имени. Он упоминает об этом в таком контексте:

«Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоит так мучиться, раз он уверен в невинности своей жены, и уверенность эта разделяется всеми его друзьями и всеми порядочными людьми общества, то он им отвечал, что ему недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают...» Вот в каком настроении он был, когда приехали его соседки по имени, с которыми он часто виделся во время своего изгнания. Должно быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и, верно, вести были для него неблагоприятны. По крайней мере, со времени приезда этих дам он стал еще раздраженнее и тревожнее, чем прежде...»¹

Итак, Вяземский полагал, что разговоры с тригорскими приятельницами оказали какое-то влияние на Пушкина и, возможно, даже подтолкнули его в тот момент, когда он принимал решение. Что дало Вяземскому основание для такой версии? Откуда он мог почерпнуть сведения о разговоре поэта с Вревской?

С самой Евпраксией Николаевной Вяземский вряд ли успел поговорить: она уехала из Петербурга утром 4 февраля. Очевидно, Петр Андреевич услышал об этом от кого-то из домашних Пушкина. Записанный позднее П. И. Бартеневым рассказ Вяземского подтверждает наше предположение. В разговоре с Бартеневым он выразился так: «... в Петербург приехали девицы Осиповы, тригорские приятельницы поэта; их расспросы, что значат ходившие слухи, тревожили Пушкина...»² Раз Вяземский назвал обеих дочерей Прасковьи Александровны Осиповой девицами, значит, он не был лично знаком с баронессой Е. Н. Вревской. Кстати, из самого текста письма к великому князю видно, что сведения, которыми располагал Вяземский, были неточными. Так, он даже не знал о том, что в январе 1837 г. в Петербург приехала одна Е. Н. Вревская, а ее незамужняя сестра Анна Николаевна Вульф уже почти год жила в столице.

О визитах Пушкина к тригорским соседкам Вяземский, скорее всего, услышал от Александрины, которая в те дни была единственным человеком, способным рассказать о том, что происходило в доме в последние дни перед дуэлью. Именно от нее друзья поэта узнали тогда ряд подробностей, ранее им неизвестных; с ее слов сделал важные записи в своих «Конспективных заметках» Жуковский.

¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 3-е изд. М., 1928, с. 262.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 162.

От Александрины Вяземский мог узнать о самом факте: о том, что встречи с тригорскими соседками происходили в те дни, когда настроение Пушкина было особенно тревожным. Но о содержании разговоров поэта с Вревской он в сущности ничего не знал. Он лишь высказал свои предположения по этому поводу и в письме к великому князю писал об этом довольно осторожно, постоянно оговариваясь: «должно быть», «верно»... Так что сообщение Вяземского о роли интересующего нас преддуэльного эпизода является скорее его собственным домыслом, нежели достоверным свидетельством.

Более точные сведения о встречах поэта с Вревской содержатся в письмах П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. Они были написаны 16 и 17 февраля под впечатлением рассказов Евпраксии Николаевны, вернувшейся из Петербурга. Однако и в этих письмах много неясного. Они полны намеков и недомолвок, которые могут быть истолкованы по-разному.

Письма, которыми обменялись Прасковья Александровна и Александр Иванович Тургенев после их горестной встречи у гроба Пушкина, все, кроме одного, были опубликованы в 1903—1908 гг. Письмо от 16 февраля — самое важное — стало известно только в 1962 г. из публикации О. И. Поповой. Оно было первым откликом Прасковьи Александровны на то, что она услышала от дочери. Все, что в нем сказано о Пушкине, — это поистине «крик души». Потрясенная тем, что она узнала, Прасковья Александровна писала Тургеневу:

«Дочь моя <баронесса> Вревская возвратилась из Петербурга и 12 была у меня; подробности, которые она мне рассказывала о последних днях жизни незабвенного Пушкина, раздирали наши сердца и заставили меня жалеть, что я на эту пору не была в С.-Петербурге» — *но к чему теперь рыдать!*...».

В этом месте Прасковья Александровна отвлеклась от главной темы. Она пишет о стихах Лермонтова, благодарит Тургенева за присланный им портрет, за письмо и просит написать еще раз до отъезда в Москву: «... Напишите мне, что делает Наталья Николаевна»... что делают деточки моего любезного Пушкина... Много слышишь — но я давно не верю молве и имею причины не всему верить, что про нее говорят...» И далее она снова возвращается к главной теме своего письма: «Я почти рада, что вы не слышали того, что говорил он перед роковым днем моей Евпраксии, которую он любил, как пежной брат, и открыл ей все свое сердце. — Мое замирает при воспоминании всего слышанного. — Она знала, что он будет стреляться! и не умела его от того отвлечь!...»³

Публикация этого волнующего документа подтвердила давно сложившееся мнение, что Вревская сообщила своей матери нечто важное и значительное. Но что именно — остается неясным. О каких подробностях, раздиравших ей сердце, шла речь — Прасковья Александровна не пишет.

Буквально на следующий день, 17 февраля, Осипова отослала Тургеневу еще одно письмо. На сей раз она отправила его в Петербург с оказией. Во втором своем письме Прасковья Александровна, не опасаясь

³ Попова О. И. Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962, т. 4, с. 367.

«нескромных глаз», расспрашивает Александра Ивановича, не было ли ему каких-либо неприятностей «от *незабудки*» (т. е. от жандармов и их агентов). Это письмо написано под тем же ужасным впечатлением, что и предыдущее. П. А. Осипова вновь возвращается в нем к тому, что так мучительно волновало ее. Она не может не поделиться с Тургеневым своими переживаниями. Но и в этом письме, посланном с оказией, она избегает подробностей, пишет сбивчиво и неясно. Снова ее мысли обращаются к Наталье Николаевне: «Я знаю, что Вдова Александра Сергеевича» не будет сюда и я егому рада. — Не знаю, поймете ли вы то чувство, которое заставляет меня теперь бояться ее видеть?.. но многое должно бы было вам рассказать, чтобы вполне изъяснить всю, что у меня на душе — и что я знаю — наконец многоглаголанье и многописания всю выдет к чему ж теперь рыданье и жалкой лепет оправданья. Но ужас берет, когда вспомнишь всю цепь сего произшествия. — Мне сказывала моя Евпраксея, что будто бы жена убийцы хочет требовать разводу — *quelle iniquité*⁴ — что она была жертва привязанности к сестре <...> Я сказала вам, что отягчало душу мою...»⁵

Как известно, получив эти два письма — одно за другим, — А. И. Тургенев обратился к Осиповой с настоятельной просьбой: «Умоляю вас, однако же, написать ко мне все, что вы умолчали и о чем только намекнули в письме вашем: это важно для истории последних дней Пушкина. Он говорил с вашей милой дочерью почти накануне дуэли: передайте мне верно и обстоятельно слова его; их можно сообразовать с тем, что он говорил другим, — и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обещаю вам ее; но для чего таить то, на чем уже лежит печать смерти!»⁶ Прасковья Александровна, бесконечно дорожившая этой перепиской как последней связующей нитью с миром пушкинских друзей, на письмо Тургенева не ответила.⁷

Еще более сдержанно передал свое впечатление от рассказов жены барон Б. А. Вревский в письме к Павлицевым. Он писал: «Евпраксия Николаевна была с покойным Александром Сергеевичем все последние дни его жизни. Она находит, что он счастлив, что избавлен этих душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования».⁸ И здесь также намеки на то, что считается общеизвестным, — но больше никаких подробностей.

Невольно напрашивается вывод: Осипова и Вревские знали о каких-то важных обстоятельствах преддуэльной истории, но из деликатности по отношению к покойному не решились сообщить о них друзьям и родным поэта. П. Е. Щеголев полагал, что незадолго до дуэли состоялся некий «значительный разговор» Пушкина с Е. Н. Вревской. Исследователь высказал предположение, что «беседа с дочерью П. А. Осиповой имела

⁴ какал несправедливость. (*Франц.*)

⁵ Ф о м и н А. А. Новые материалы для биографии Пушкина (из Тургеневского архива). — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1908, вып. 6, с. 80.

⁶ Пушкин и его современники. СПб., 1903, вып. 1, с. 59.

⁷ См. об этом подробнее в указанной статье О. И. Поповой (с. 369—370).

⁸ Пушкин и его современники, 1909, вып. 12, с. 111.

какое-то решительное значение в истории поединка».⁹ Когда было обнаружено письмо Осиповой от 16 февраля, оно было воспринято как еще одно подтверждение догадки Щеголева. Так из-за намеков и умолчаний вся эта история оказалась окутанной дымкой тайны.

Сейчас в нее можно внести некоторую ясность, опираясь на письма из семейного архива Вревских, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ. До сих пор о январских встречах Пушкина с Зизи мы могли судить в основном по откликам ее родных и по сообщению Вяземского, так как в позднейшем рассказе Вревской многое остается непонятым. Но, как выяснилось, существуют письма самой Евпраксии Николаевны, относящиеся к январю 1837 г., которые оказались вне поля зрения исследователей, потому что были опубликованы с неверной датой. Эти письма интересны для нас как непосредственное свидетельство о событиях тех дней.

Остановимся прежде всего на их датировке. В 1915 г. два январских письма Е. Н. Вревской к мужу были опубликованы М. Л. Гофманом в составе ее писем 1836 г. на основании того, что в подлиннике рукою самой Евпраксии Николаевны проставлены даты: «19 янв. 1836 г.» и «25 янв. 1836 г.».¹⁰ Но в данном случае мы имеем дело с очевидной опiskeй: оба письма отосланы из Петербурга, а в январе 1836 г. Евпраксия Николаевна безвыездно находилась в своем имении Голубово, о чем неоспоримо свидетельствуют материалы семейной переписки. Так, в 20-х числах января 1836 г. в очередном письме к брату Алексею Вульффу Зизи написала из Голубова о том, что ее муж Б. А. Вревский уехал вместе с Аннетой Вульф, которую он взялся сопровождать: «19-го Борис повез сестру в Петербург». Дай бог, чтобы этот раз ей веселее было прошлого. 26 или 27 будет он назад, пробыв три дня в столице».¹¹ О предполагавшейся поездке мужа Е. Н. Вревская упоминала и в предыдущем письме к брату от 2 января 1836 г., жалуясь на то, что ей придется на неделю остаться в Голубове одной.¹² А 25 января 1836 г. Аннета Вульф отослала Зизи из Петербурга подробное письмо, в котором сообщала, что Б. А. Вревский намерен вечером этого дня выехать домой — в Голубово.¹³ Итак, совершенно очевидно, что в январе 1836 г. Вревская в столице не была и что на обоих ее петербургских письмах неверно обозначен год (это, кстати, очень характерная для начала года описка).

Из содержания писем ясно, что они написаны в январе 1837 г. (в частности, в первом из них речь идет о продаже Михайловского; переговоры об этом, как известно, начались осенью 1836 г. и продолжались зимой 1837 г.) Эта датировка подтверждается и сведениями из семейной переписки Вревских.¹⁴

⁹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 127, 128.

¹⁰ ИРЛИ, 2828/ХIс 84. Письма Е. Н. Вревской к Б. А. Вревскому, л. 9—10, 11—12. Фрагменты из этих двух писем опубликованы в кн.: Пушкин и его современники, 1915, вып. 21—22, с. 393, 394.

¹¹ ИРЛИ, 31296/ССХХVII16 12. Письма Е. Н. Вревской к А. Н. Вульффу, л. 15. — Это письмо опубликовано (не полностью) в кн.: Пушкин и его современники, 1914, вып. 19—20, с. 107.

¹² ИРЛИ, 31296/ССХХVII16 12, л. 11 об.

¹³ Пушкин и его современники, вып. 21—22, с. 328.

¹⁴ Упоминания о поездке Вревской в Петербург в январе 1837 г. имеются в письмах А. Н. Вульф, Б. А. Вревского, М. Н. Сердобина и, на-

Евпраксия Николаевна приехала в Петербург 16 января 1837 г. Дата ее приезда до настоящего времени не была известна. Она уточнена на основании письма Е. Н. Вревской к мужу от 19 января 1837 г. Оно начинается так: «C'est samedi que je suis arrivée ici...».¹⁵ По-видимому, Евпраксия Николаевна приехала 16-го вечером, так как в письме к Алексею Вульффу от 20 января она писала: «Сегодня четвертый день, мой милый друг, что я здесь...». Кстати, и в письме к брату Зизи делает ту же описку, что и в письмах к мужу. Ее первое письмо к брату датировано так: «Петербург. Генваря 20-го 1836».¹⁶

Пушкин узнал о приезде Вревской от мадемуазель Хилевской — гувернантки младших детей Осиповой, которая приехала из Тригорского и передала поэту от Прасковьи Александровны традиционный подарок — банку крыжовенного варенья. Предполагалось, что мадемуазель приедет в Петербург раньше Зизи (записочка, которую П. А. Осипова передала для Пушкина вместе с вареньем, датирована 9 января),¹⁷ но что-то ее задержало, и получилось так, что и гувернантка, и Е. Н. Вревская прибыли в город почти одновременно. По-видимому, со слов мадемуазель Хилевской Пушкин записал 17 января на последней странице письма П. А. Осиповой адрес Евпраксии Николаевны: «8 линия. Вревской».¹⁸

На следующий день, 18 января, Пушкин навестил Зизи, которая осталась на Васильевском острове у Степана Александровича Вревского. Эту первую встречу с поэтом Евпраксия Николаевна описала в письме к мужу от 19 января 1837 г.: «Вчера я была поражена появлением Пушкина, который пришел меня повидать, как только узнал о моем приезде, о чем ему стало известно только позавчера, так как м-ль Хилевская» прибыла одновременно со мной».¹⁹ Чувствуется, что Зизи польщена и горда тем, что Пушкин сразу же нанес ей визит.

В этом же письме она сообщает о том, что было главной темой разговоров в день первой встречи: «Он меня очень благодарил за твоё намерение купить Михайловское». Он мне признался, что он ничего другого не желал, как чтобы мы стали владельцами этого имения. Он хотел нам продать свою часть...».²⁰

После всего, что мы узнали о разговорах Пушкина с Вревской из писем Осиповой и Вяземского, то, что пишет Евпраксия Николаевна 19 января, поражает прежде всего безмятежностью тона. В ее упоминаниях о Пушкине не слышится никакого тревожного подтекста.

конец, в письмах самой Евпраксии Николаевны. См., например: Пушкин и его современники, вып. 6, с. 50; вып. 8, с. 65, 154; вып. 12, с. 111; вып. 19—20, с. 109; вып. 21—22, с. 346.

¹⁵ Я приехала сюда в субботу... (Франц.) (ИРЛИ, 2828/ХІс 84, л. 9). Суббота приходилась на 16 января 1837 г.

¹⁶ ИРЛИ, 31296/ССХХVIIб 12, л. 13.

¹⁷ См.: XVI, 216.

¹⁸ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 348.

¹⁹ ИРЛИ, 2828/ХІс 84, л. 10—10 об. (Подлинник по-французски). Опубликовано с неверной датой: Пушкин и его современники, вып. 21—22, с. 393.

²⁰ Там же (последняя фраза по-русски).

Тем же чувством безмятежности и праздничной пригодности проникнута и ее письмо к брату, о котором уже шла речь. «Сегодня четвертый день, мой милый друг, что я здесь <...> — пишет Евпраксия Николаевна Алексею Вульффу 20 января. — Я остановилась у Степана Александровича. Ты знаешь, как они милы всегда со мною и можешь судить <...> потому об их приеме <...> Мужа и детей я оставила здоровых. Вчера я получила письмо от Бориса. Ты можешь себе представить мою радость при получении оногo <...> Я ему писала, что здесь пашли, что я похорошела и помолодела, его ведь ему очень будет приятно...»²¹ Как видно из этих писем, Зизи, отрешившись на время от домашних и материнских забот, от души наслаждается столичными радостями и добрым отношением к ней всех ее родных и знакомых.

В эти дни ничто не омрачало ее счастливого, праздничного настроения. Во всяком случае, сама Евпраксия Николаевна, вспоминая о первой неделе пребывания в Петербурге, охарактеризовала свое душевное состояние в письме к брату именно так: «Когда я тебе писала первое отсюда письмо, я была чрезвычайно счастлива, этим счастьем, верно, и письмо мое дышало <...> Эти дни недели могли бы быть самые счастливые моей жизни, если бы не его несчастное происшествие...»²² Свое второе письмо к Алексею Вульффу Зизи написала 3 февраля 1837 г.

Самое поразительное впечатление производит письмо Евпраксии Николаевны к мужу от 25 января. В нем Зизи рассказывает о том, как она проводит время, и между прочим сообщает: «Сегодня утром я собираюсь пойти с Пушкиным в Эрмитаж...». Правда, при этом она добавляет, что уже три дня не виделась с ним.²³ Эта фраза из письма Зизи просто ошеломляет, когда отдаешь себе отчет в том, что оно писалось утром 25 января 1837 г. — за два дня до дуэли. Кстати, в предыдущем письме Евпраксии Николаевны отчетливо читается: «22 Janvier la visite de Pouchkine».²⁴

Сопоставляя все эти письма, можно с уверенностью сказать, что тот ужасный разговор, который Е. Н. Вревская не могла забыть всю жизнь, до 25 ноября еще не состоялся. Приехав в Петербург, Зизи, конечно, услышала от своей сестры Аннеты Вульф, а может быть и от других знакомых, о сплетнях и пересудах, ходивших в это время в обществе по поводу семейной истории Пушкина и женитьбы Дантеса. Но она и не подозревала всего трагизма сложившейся ситуации. Бывая у Вревских, Пушкин, сдержанный даже с самыми близкими людьми, не заговаривал на эти темы. А Зизи вряд ли осмелилась задавать ему щекотливые вопросы.

В январе 1837 г. встречи Пушкина с Вревской имели такой же характер, как и обычно, когда она приезжала в Петербург. Если в прошлый ее приезд Пушкин старался достать билеты в оперу, то теперь он предложил ей прогулку в Эрмитаж. И разговоры шли самые обычные. Зизи

²¹ ИРЛИ, 31296/ССХХVIIб 12, л. 13—14.

²² ИРЛИ, 31296/ССХХVIIб 12, л. 37—38. Фрагмент из письма опубликован в кн.: Пушкин и его современники, вып. 19—20, с. 109.

²³ Пушкин и его современники, вып. 21—22, с. 394 (опубликовано во французском оригинале с неверной датой); ИРЛИ, 2828, л. 11 об.

²⁴ 22 января вивит Пушкина. (Франц.) (ИРЛИ, 2828, л. 13). Дата на письме обозначена неразборчиво (по-видимому: 24 января).

рассказывала подробности о пребывании Павлищевых в Михайловском. Пушкин расспрашивал ее об Ольге. Б. А. Вревский потом писал Н. И. Павлицеву со слов жены: «Александр Сергеевич очень часто говорил с нею про Ольгу Сергеевну и с большою нежностью. Он очень заботился о ее беременности и жалел очень, что не знал это летом».²⁵ Но больше всего говорили о Михайловском.

Судьба Михайловского волновала в те дни не только Пушкина и его родных, но и их ближайших соседей. И Прасковья Александровна, и Вревская, зная, как поэт любит Михайловское, от души желали ему сохранить имение за собой. В письме Б. А. Вревского к Сергею Львовичу Пушкину от 9 декабря 1836 г. читаем: «Правда ли, что Александр Сергеевич на самом деле отказывается от этого имения? Я не могу в это поверить. Он, который весной только и говорил с нами о том, как сохранить эту деревню, чтобы приезжать сюда на лето с семьей! Нет, дорогой Сергей Львович, Михайловское не уйдет из вашей семьи. Александр Сергеевич его купит, потому что его невозможно разделить...».²⁶ Вместе с тем намерение Пушкина объявить о продаже Михайловского настолько встревожило Вревских, что они стали обсуждать между собой вопрос о его приобретении. Б. А. Вревский советовал об этом с братьями. 12 января 1837 г. барон М. Н. Сердобин в письме к Вревским советовал им хорошенько все обдумать, так как покупка имения увеличила бы их долг в ломбарде. При этом он признался, что и сам не прочь купить Михайловское, но не очень верит в то, что оно действительно будет продаваться. М. Н. Сердобин предлагал обсудить все это с Евпраксией Николаевной, когда она будет в Петербурге.²⁷

Неудивительно, что Е. Н. Вревская, встретившись с Пушкиным, сразу же заговорила с ним о Михайловском и рассказала ему о проектах мужа относительно его приобретения. По словам Евпраксии Николаевны, Пушкина это предложение обрадовало. Поэту было очень жаль расставаться с Михайловским, и он еще не принял окончательного решения. Если бы имение все-таки пришлось продать, Пушкин хотел по крайней мере оставить за собою усадьбу. По-видимому, он рассчитывал, что Вревские согласятся на эти условия. Именно такое предложение Пушкин сделал в конце декабря П. А. Осиповой. «Я желал бы, — писал он ей, — чтобы вы были владелицей Михайловского, а я — я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых...» (XVI, 205, 403). Но Прасковья Александровна решительно отказалась от этой выгодной для нее покупки и ответила Пушкину сразу же по получении его письма: «Мне Михайловского не нужно, и, так как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили...» (XVI, 214, 406). Хорошо зная соседнее имение, Осипова в своем ответном письме подробно объяснила Пушкину, каким образом он может оставить за собой Михайловское без особенных затрат. Она посоветовала ему заложить имение, с тем чтобы иметь возможность за счет полученной ссуды выплатить Льву и Ольге их долю. Таким образом, Пушкин мог сделаться владельцем Михайловского, не нанося ущерба

²⁵ Пушкин и его современники, вып. 12, с. 111.

²⁶ Там же, вып. 8, с. 47 (опубликовано во французском оригинале).

²⁷ См.: Там же, вып. 21—22, с. 397.

интересам брата и сестры. Умный и трезвый хозяйственный расчет, произведенный П. А. Осиповой, давал поэту надежду на выход из очень затруднительного положения. Это письмо поэт получил незадолго до приезда Евпраксии Николаевны. Можно не сомневаться, что вариант, предложенный Прасковьей Александровной, тоже обсуждался во время визитов поэта к Вревским. Позднее со слов жены Б. А. Вревский писал Сергею Львовичу, что Пушкин часами говорил с Зизи о том, как сохранить Михайловское, и мечтал на будущее лето уехать туда с женой и детьми.²⁸

Итак, разговоры о Михайловском, о родных, об общих знакомых... Письма Е. Н. Вревской от 19, 20, 25 января 1837 г. убеждают нас в том, что до 25-го Пушкин не посвящал Зизи в свои семейные дела и не делился с нею своими тревогами. И когда Евпраксия Николаевна утром 25 января поджидала поэта, чтобы идти с ним в Эрмитаж, она и предположить не могла, какое известие на нее обрушится.

Январские письма Вревской полностью опровергают предположение Вяземского о том, что разговоры с тригорскими приятельницами как-то повлияли на решение поэта. Первый откровенный разговор Пушкина с Вревской состоялся не ранее 25 января, т. е. тогда, когда письмо к Геккерну уже было написано и когда поэт все решил бесповоротно.

Пушкин увиделся с Зизи днем, по всей вероятности после того, как он отправил письмо к Геккерну,²⁹ и в разговоре с ней прорвалось то, что он скрывал от своих близких. В те дни поэт вел себя даже с друзьями настолько сдержанно, что никто из них ни о чем не догадывался. Но это давалось ему нелегко. 25-го вечером у Вяземских Пушкин почти проговорился Вере Федоровне о своем письме. Вяземская очень встревожилась, но, вероятно, до конца не осознала всей серьезности положения.³⁰

Можно только догадываться о состоянии Пушкина в тот страшный день. Видимо, он испытывал неодолимую потребность в сердечном участии. Ему необходимо было хоть кому-нибудь сказать о том, что надвигалось на него. Встретившись днем с Зизи, к которой он всегда испытывал нежность и братскую привязанность, Пушкин сказал ей все. Он знал, что Зизи не сможет помешать ему довести дело до конца. Так случилось, что Е. Н. Вревская оказалась единственным человеком, которому стало известно о предстоящей дуэли.

Позднейший рассказ Евпраксии Николаевны дает основание предположить, что этот разговор состоялся не у Вревских, а тогда, когда Пушкин остался с Зизи наедине. (Может быть, по дороге в Эрмитаж?) Много лет спустя, вспоминая о своих последних встречах с поэтом, Евпраксия Николаевна сказала М. И. Семевскому, что Пушкин сообщил ей о своем решении, встретив ее в театре. Это всегда казалось странным: в театре, в многолюдной толпе такой разговор? Вероятно, Вревская помнила, что

²⁸ См.: Там же, вып. 8, с. 54 (опубликовано во французском оригинале).

²⁹ Как известно со слов В. Ф. Вяземской, Пушкин полагал, что Геккерны получат его письмо 25-го вечером, значит, оно было отослано днем. См.: Бельчиков Н. Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти А. С. Пушкина. — Новый мир, 1931, № 12, с. 188—193.

³⁰ См.: Там же.

этот разговор произошел вне дома, но конкретные подробности изгладилась у нее из памяти.

Рассказ, записанный Семевским, в главном совпадает с тем, что сообщила П. А. Осипова в письме к Тургеневу от 16 февраля 1837 г. Напомним текст этой записи: «Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой Вревской» в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец, она напомнила ему о детях его. „Ничего, — раздражительно отвечал он, — император, которому известно все мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство...“.³¹

В этом рассказе звучит лишь далекий отзвук того, что было сказано 30 лет тому назад. «...сам сообщил <...> о своем намерении искать смерти...» — вспоминала Вревская. П. А. Осипова, с ее же слов, в феврале 1837 г. написала отчетливо и точно: «Она знала, что он будет стреляться! и не умела его от этого отвлечь! !...». При всех разночтениях суть рассказов Вревской сводится к одному и тому же: она заранее знала о предстоящей дуэли. Тогда, в феврале, это больше всего ужаснуло Прасковью Александровну и заставило ее сожалеть о том, что она не была в ту пору в Петербурге. Ей казалось, что, будь она на месте дочери, она сумела бы что-то сделать.

Видимо, и Евпраксию Николаевну мучила мысль о том, что, зная о дуэли, она не сумела ничего предпринять. Зизи, конечно, пыталась успокоить Пушкина, говорила ему что-то о детях. Но в ее ли силах было его остановить?

Накануне дуэли, 26 января, Пушкин обедал у Вревских и провел в их доме несколько часов. По словам барона М. Н. Сердобина, поэт пробыл у них «весь день».³² Это, конечно, преувеличение. Известно, что утром Пушкин заходил к Тургеневу, а потом до пяти часов пополудни был у себя, так как ожидал д'Аршиака.³³ В шестом часу вечера он ушел из дома, вероятно потому, что за семейным столом ему в тот день тяжело было выдерживать свою роль. У Вревских Пушкину было легче. Легче, может быть, оттого, что Зизи знала и он мог с ней говорить откровенно. Этот визит к Вревским накануне дуэли хорошо запомнили в семье поэта. Потом как-то стало известно, что Пушкин открылся Вревской. Все это вместе взятое дало повод для догадок о том, что откровенные разговоры с тригорскими приятельницами оказали влияние на поэта. На самом же деле, как теперь стало ясно, первый такой разговор состоялся тогда, когда ход событий уже сделался необратимым.

Знакомство с январскими письмами Е. Н. Вревской позволяет точнее прокомментировать и письма П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. Если прочесть письмо Прасковьи Александровны от 16 февраля не предвзято, то становится совершенно очевидным, что она сообщает в нем о признании, сделанном Пушкиным Зизи накануне дуэли, т. е. 25 или 26 ян-

³¹ Русский вестник, 1869, т. 84, № 11, с. 91.

³² Пушкин и его современники, вып. 8, с. 65 (опубликовано во французском оригинале).

³³ См.: XVI, 223,

варя. Как мы помним, Осипова писала А. И. Тургеневу: «Я почти рада, что вы не слышали того, что говорил он перед роковым днем моей Евпраксии...». И далее идет это страшное сообщение: «Она знала, что он будет стреляться!...». В том же письме П. А. Осипова упоминала, что дочь рассказала ей подробности «о последних днях жизни незабвенного Пушкина» и что эти подробности раздирали ей сердце.

Итак, из письма Осиповой следует, что со слов дочери она узнала о душевном состоянии Пушкина накануне дуэли. Если вспомнить рассказ В. А. Соллогуба о том, что говорил ему Пушкин 21 ноября, в день, когда он написал свое первое письмо к Геккерну, можно себе представить, что пришлось услышать Е. Н. Вревской 25 и 26 января. Она видела поэта в таком иступлении, что потом при воспоминании об этих днях готова была думать, что смерть была для Пушкина счастливым избавлением от душевных мук.

Однако все, что мы узнали о встречах и разговорах Пушкина с Вревской в январе 1837 г., заставляет нас отказаться от предположения, что поэт доверил Зизи некую тайну или открыл ей какие-то факты, о которых не знал никто из близких ему людей. Ясно также, что ужаснувшие Осипову подробности, касающиеся Натальи Николаевны, ее сестры и Дантеса, Вревская услышала не от Пушкина. Эти сведения Евпраксия Николаевна почерпнула из светских пересудов. О том, насколько далеки от истины были слухи, которые Вревская пересказала своей матери, можно судить хотя бы по реплике Осиповой о якобы предполагавшемся разводе Екатерины Николаевны с Дантесом («Мне сказывала моя Евпраксия, что будто бы жена убийцы хочет требовать разводу <...> что она была жертва привязанности к сестре <...>»). Прасковья Александровна и верила и не верила этим слухам («Много слышишь — но я давно не верю молве и имею причины не всему верить, что про нее говорят...»).

П. А. Осипова не ответила на настойчивые вопросы А. И. Тургенева скорее всего потому, что ей нечего было сказать. Прасковья Александровна понимала: дочь не сообщила ей ничего такого, что было бы новым и неизвестным для друзей поэта. А пересказывать подробно слухи, порочившие Наталью Николаевну, она не хотела.

И, наконец, следует сказать о самом важном обстоятельстве, которое открывают нам январские письма Е. Н. Вревской: 22 января 1837 г., когда Пушкин уславливался с Зизи о прогулке в Эрмитаж, он еще не предполагал, что три дня спустя совершит тот шаг, который сделает поединок неизбежным. Этот вновь выявленный факт должен быть введен в контекст событий последних январских дней. Он нуждается в дальнейшем изучении.

С. Л. Абрамович

Встретившись 11 апреля 1833 г. с поэтом-баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым, Пушкин записал его воспоминания о Пугачевском восстании, в том числе и рассказ о том, как юный в ту пору Ваня Крылов, приехав с матерью Марией Алексеевной в Яицкий городок, где служил его отец, капитан Андрей Прохорович Крылов, но раз игрывал с детьми в «Пугачевщину»: «Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишняя сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доньине). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. — Его отцепил прожорливый солдат» (IX, 492).¹

При чтении пушкинской записки представляется, что Мертваго и Анчапов были сотоварищами Крылова по играм в «Пугачевщину». Но при обращении к мемуарам Дмитрия Борисовича Мертваго (1760—1824), — а именно о нем шла речь в рассказе Крылова, — выясняется, что он, Мертваго, в Яицком городке (с 1775 г. Уральск) не бывал ни в дни своей юности, ни в последующие годы. Во время Пугачевского восстания Мертваго жил в Алатыре, где 23—24 июля 1774 г. останавливалось войско Е. И. Пугачева. После того как Пугачев ушел на юг, направившись в Нижнее Поволжье, жизнь в Алатыре стала входить в обыденную колею. Но события Пугачевского восстания глубоко врезались в память алатырцев, а у местных подростков игра в «Пугачевщину» сделалась одной из наиболее популярных, оттеснив на второй план исконные игры в лапту и чушки (бабки).

Однажды, когда в Алатыре шла игра в «Пугачевщину», подростки разделились на две партии, одной из них предводительствовал Мертваго, а другой — сын ямщика. Этот последний и «послал из партии своей лазутчиком мальчика-дворянина, ровесника мне», — вспоминал Мертваго, — поручив ему «разведать, откуда удобнее на нас напасть. Этот мальчик, маленький ростом, разделся и, прикрыв спину рогожею, пополз на животе исполнять данное ему поручение. Неприятель наш не знал, что для надзора за его движениями я поставил в скрытых местах несколько часовых, которые поймали и привели ко мне лазутчика. Я собрал начальников моей партии, нарядил суд, который решил виновного повесить, и как ни любил я этого мальчика, но привел в исполнение приговор суда. К счастью нашему, петля, сделанная из той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако он переставал уже дышать, когда гарнизонный солдат, шедший по пустырю, увидев наши проделки, прибежал и во время снял повешен-

¹ Фотовоспроизведение пушкинского автографа дано в статье Ю. Г. Оксмана «Запись рассказов И. А. Крылова о Пугачевщине» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936, вып. 1, вкл. между с. 26 и 27).

ного, который долго лежал без чувства. Мы стали дышать ему в рот и качать, и — кое-как оживили».²

Мертваго не назвал фамилии мальчика, едва не ставшего жертвой опасной игры, но очевидно, что речь шла о том самом Анчапове, который был упомянут в рассказе Крылова. Это наблюдение подтверждается несомненными чертами сходства в показаниях Крылова и Мертваго об одном и том же событии. О приключении, случившемся с Анчаповым, последний и рассказал Крылову во время одной из встреч в Петербурге, где в 1797—1801 гг. Мертваго служил по провиантской части в Военной коллегии, в 1807—1810 гг. — в Военном министерстве, а в последующие годы — сенатором в одном из департаментов Сената. Следует заметить, что мемуары Мертваго, над которыми он работал в конце 10-х—начале 20-х гг. XIX в., были опубликованы много лет спустя после гибели Пушкина и кончины Крылова.³

Первое документальное свидетельство, касающееся Анчапова, удалось обнаружить в бумагах походной канцелярии генерал-аншефа графа П. И. Панина, командующего карательными войсками, усмирявшего Пугачевское восстание на территории Поволжья и Урала. 28 ноября 1774 г. к Панину обратились с прошением проживавшие в Алатыре малолетние дворяне Николай Анчапов и его сестры Анна и Мария. В своем прошении они сообщили, что их отец, управлявший алатырскими казенными винокуренными заводами, убит взбунтовавшимися крестьянами, которые полностью, «без остатку все», расхитили имущество их отца, «собранное чрез пятьдесят лет» его жизни и службы. Николай Анчапов и его сестры просили выдать им денежное вспомоществование: «...к пропитанию нашему <дать> сколько либо», а также и на наем подвод для поездки в Москву. Рукou Панина на прошении проставлена резолюция: «Дать сто рублей», — а ниже ее внесена канцелярская помета об исполнении этого предписания: «3 декабря. 100 рублей. Алатырь».⁴ Рассматриваемый документ служит комментарием к рассказам Крылова и Мертваго, удостоверяя то, что Николай Анчапов в дни Пугачевского восстания жил в Алатыре, где и произошло с ним памятное приключение во время игры в «Пугачевщину», отображенное в показаниях названных воспоминателей.

Следует отметить, что в литературе не имеется комментирующих указаний об Анчапове. Не дал каких-либо пояснений на этот счет и Ю. Г. Оксман, в 1936 г. впервые опубликовавший пушкинскую запись воспоминаний Крылова.⁵ В составленном Г. П. Блоком указателе к тому IX Большого академического собрания сочинений Пушкина Анчапов назван одной только фамилией, без обозначения его имени и отчества (IX, 814).

² Мертваго Д. Б. Записки. М., 1867, с. 28—29.

³ Отырвок из мемуаров Д. Б. Мертваго, освещающий события Пугачевского восстания и эпизод с Анчаповым, впервые был напечатан в 1857 г. (см.: Русский вестник, 1857, кн. 1), а полный текст мемуаров опубликован в 1867 г.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274 (Панины), д. 187, л. 107.

⁵ Оксман Ю. Г. Запись рассказа И. А. Крылова о Пугачевщине, с. 26—29. — Нет пояснений относительно Анчапова и в последующем издании данной статьи Ю. Г. Оксмана (Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин—Рылеев—Кольцов—Белинский—Тургенев: Исследования и материалы. Саратов, 1959, с. 36—42, 112—114).

Любопытное известие об Анчапове встретилось в одном из писем литератора пушкинского времени А. Е. Измайлова, опубликованном в 1978 г. Я. Л. Левкович. В письме от 11 марта 1826 г. к своему приятелю П. Л. Яковлеву (брату М. Л. Яковлева, лицейского друга Пушкина) Измайлов, рассказывая о церемонии погребения Александра I в соборе Петропавловской крепости, писал: «Знаешь ли ты карлика Анчапова? Насмешники выдумали, будто зрители во время процессии, увидя его, спрашивали: *не наследник ли* ⁶ *этот малютка?* А этому малютке уже за 50 лет. — Ассистент Голстинского герба ⁷ заходил с ним в герберг ⁸ и чуть было его там не забыл». ⁹ Анчапов изображен Измайловым как анекдотически нелепая фигура, вызывавшая и по своему внешнему виду, и по комичности случавшихся с ним приключений неизменные усмешки как со стороны знакомых ему людей, так и у впервые встречавшихся с ним.

Сообщение Измайлова стало отправным пунктом для последующих разысканий об Анчапове: стало ясно, что в 1826 г. он был жителем Петербурга — то ли чиновником, то ли праздно живущим дворянином, иначе он не мог бы участвовать в официальной церемонии погребения Александра I. Обращение к адресной книге жителей Петербурга, изданной С. И. Аллером в 1822 г., позволило установить данные об Анчапове, где, в частности, сообщается, что коллежский советник Анчапов Николай Васильевич жительствоует в доме Ассигнационного банка. ¹⁰

Так как Анчапов имел квартиру в казенном здании Ассигнационного банка, то вполне правомерно возникло предположение, что и служил он чиновником в том же банке. Это подтвердилось при ознакомлении с так называемыми «Месяцесловами» — ежегодно издаваемыми списками чиновников по всем правительственным учреждениям Российской империи. В «Месяцеслове» на 1826 год среди чиновников Ассигнационного банка значится младший директор 2-го отделения Николай Васильевич Анчапов, чиновник 5-го класса (т. е. статский советник), кавалер ордена Владимира 4-й степени. ¹¹ Беседуя с Пушкиным в 1833 г., Крылов сказал, что Анчапов «живой доныне». Так оно и оказалось: в «Месяцеслове» на 1833 г. Анчапов упомянут в той же должности и в том же чине, но вот наград у него прибавилось: он стал еще и кавалером ордена Анны 2-й степени, а также получил «пряжку» с цифрой «XX» — знак отличия за 20-летнюю беспорочную службу. ¹²

⁶ Имеется в виду наследник престола цесаревич Александр Николаевич, которому в марте 1826 г. шел 8-й год.

⁷ Речь идет о гербе Голштинского герцогства, который нес на церемонии погребения специально назначенный ассистент-церемониймейстер.

⁸ Герберг — трактир. Возможно, впрочем, что в письме А. Е. Измайлова речь идет о некоем складском помещении для хранения гербов.

⁹ Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978, т. 8, с. 186.

¹⁰ Аллер С. И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга <...> на 1823 г. СПб., 1822, с. 370.

¹¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1826. СПб., 1826, ч. 1, с. 746.

¹² Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833 год. СПб., 1833, ч. 1, с. 648.

Наиболее полные биографические данные Анчапова удалось установить по его формулярному списку, обнаруженному в Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград). Список этот составлен в октябре 1835 г. и сообщает, что служащему во 2-м отделении Ассигнационного банка младшему директору Николаю Васильевичу Анчапову 75 лет отроду;¹³ вероисповедания он «греко-российского, православного; по происхождению из грузинских дворян»;¹⁴ женат, но детей не имеет; владеет двумя родовыми имениями в губерниях Казанской и Тамбовской (в первом состоит 64 души крепостных крестьян, во втором — 245, а в обоих — 309), эти имения были пожалованы его отцу по духовному завещанию грузинского царевича Георгия, выехавшего в Россию в первой половине XVIII в. С 1777 г. Анчапов учился на геодезиста в Казанском экономическом правлении, с 1781 г. служил в Симбирске протоколистом в дворянской Опеке, потом был соляным приставом, дослужился до чина губернского секретаря, в 1793 г. вышел в отставку. В 1799 г. Анчапов поселился в Петербурге и с того времени по 1808 г. служил в Экспедиции для свидетельствования государственных счетов, где, последовательно проходя служебную лестницу, получил чины титулярного советника (1799), коллежского assessора (1803), надворного советника (1807); в 1806 г. за усердную службу пожалован бриллиантовым перстнем. В 1808 г. Анчапов определен в Ассигнационный банк на должность младшего директора одного из отделений, где за время службы получил чины коллежского советника (1816) и статского советника (1824). Начальство не раз отличало Анчапова наградами и пожалованиями: в 1824 г. он был награжден орденом Владимира 4-й степени, в 1832 г. — орденом Анны 2-й степени, в 1830 г. — знаком отличия беспорочной службы за 20 лет, в 1829 г. он получил 5 тыс. р. на уплату долгов Опекунскому совету. За время службы Анчапов лишь дважды был в отпусках: две недели в январе 1825 г. и три дня в 1827 г. Формулярный список отмечает, что Анчапов не подвергался когда-либо штрафам, «под судом и следствием не был, к службе способен, получения следующего чина достоин».¹⁵

Шли годы. Анчапов, давно уже состарившийся среди банковских счетов, векселей и grossбухов, оставался на своем посту. В «Месяцесловах» 1836, 1837 и 1838 гг. он значится служащим Ассигнационного банка, состоя в прежней должности младшего директора 2-го отделения и в том же самом чине статского советника; единственное новшество состояло лишь в том, что его вицмундир украсился еще одним знаком чиновничьего

¹³ Следовательно, родился Анчапов в 1760 г. и в памятьную для него игру в «Пугачевщину» в 1774 г. он был 14-летним подростком. Такой же возраст имел в 1774 г. Д. Б. Мертваго — и, стало быть, он вполне точен в утверждении, что Анчапов был ему ровесником.

¹⁴ Вот отчего Н. В. Анчапов носил столь непривычную для русского слуха фамилию.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1349 (фонд-коллекция формулярных списков), оп. 4, 1835, д. 179, л. 162 об. — 169. — За сообщение данных формулярного списка Н. В. Анчапова автор приносит благодарность заведующей отделом ЦГИА СССР О. П. Сухановой.

усердия — знаком отличия за 25-летнюю беспорочную службу (получен в 1837 г.).¹⁶

В списке чиновников Ассигнационного банка, опубликованном в «Месяцеслове» 1839 г., Анчапов не упоминается. Нет упоминаний о нем и в «Месяцесловах» последующих лет. Это могло означать, что в 1839 г. Анчапов либо перешел на службу в другое учреждение, либо скончался. Последнее из этих предположений подтвердилось при обращении к архивным документам Ассигнационного банка, в которых сообщается, что Анчапов умер 6 мая 1839 г. — эта дата указана в прошении его вдовы о назначении пенсии¹⁷ и в доношении 2-го отделения банка в его правление.¹⁸

Старинный житель Петербурга, служащий ведомства, весьма далекого от изящной словесности, Анчапов не был вхож в круг столичных литераторов¹⁹ и наверняка не знал того, что его имя промелькнет в беседе двух знаменитых поэтов — Крылов расскажет, а Пушкин упомянет в своей записи об эпизоде из далекой юности Анчапова, косвенно связанном с Пугачевским восстанием.

Р. В. Овчинников

¹⁶ Месяцеслов и Общий штат Росийской империи на 1836 <год>. СПб., 1836, ч. 1, с. 717; То же на 1837 <год>. СПб., 1837, ч. 1, с. 814; То же на 1838 <год>. СПб., 1838, ч. 1, с. 817.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 584, оп. 1, д. 56, л. 12—13.

¹⁸ Там же, д. 37, л. 59.

¹⁹ Впрочем, справедливости ради следует сказать, что Н. В. Анчапов был причастен к некоему издательскому предприятию. В этой связи он упоминается в письме поэта Н. М. Языкова к братьям П. М. и А. М. Языковым от 4 ноября 1831 г. (см.: Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983, т. 11, с. 276).

ИЗДАТЕЛЬ ПУШКИНА Я. А. ИСАКОВ

В пушкиноведении и в истории русской книги оказалось, к сожалению, незаслуженно забытым имя книгопродавца и издателя Якова Алексеевича Исакова (1811—1881). Не считая нескольких энциклопедических заметок, о нем не появлялось ни одной статьи. А между тем, Я. А. Исаков внес большой вклад в историю русского книжного дела и прежде всего как издатель произведений Пушкина и книг о жизни и деятельности поэта. Исаков лично знал Пушкина и всю свою жизнь благоговейно отпосылся к его памяти.

В августе 1823 г. двенадцатилетний Исаков, по желанию отца, столяра Охтенских адмиралтейских поселений в Петербурге, поступает на службу к петербургскому книгопродавцу Ивану Панькову, торговавшему иностранными книгами в небольшой лавочке Гостиного Двора. Через шесть лет Паньков продал Исакову свою лавку со всем товаром за 1500 рублей ассигнациями с условием выплатить эту сумму в течение года. Таким образом, в 18 лет Исаков сделался самостоятельным книгопродавцем.

Важнейшая заслуга Я. А. Исакова перед русской книжной торговлей состоит в том, что он резко понизил цены на иностранные книги в России. За франк, который у других петербургских торговцев иностранными книгами считался как 1 р. 75 к. и даже 2 р. 10 к. ассигнациями, Исаков брал 87 1/2 коп. и в крайнем случае — рубль ассигнациями, талер, вместо 4—5 рублей, считался как 3 р. 15 коп. и даже 3 рубля. Видя такую громадную разницу в ценах, публика буквально хлынула к Исакову, нововведения и самое имя которого стали тогда широко популярны. Вскоре при магазине Исакова открывается и библиотека для чтения иностранных книг; и, наконец, по желанию покупателей была организована продажа русских книг.

Победив дешевизною своих конкурентов, Исаков долгое время не имел себе равных в русском книготорговом деле. Он сумел создать у себя своего рода книгопродавческую школу, из которой вышли многие видные деятели на русском книжном поприще: М. О. Вольф, Ф. А. Битепаж, Н. Г. Мартынов, Г. В. Беренштам, Ф. И. Колесов, Ф. Г. Михин, И. Г. Мартынов, Г. Н. Тютвин, В. А. Исаков.¹

Наивысшего расцвета книготорговая деятельность Я. А. Исакова достигла во второй половине 1870-х гг., когда вышли его книготорговые каталоги, составленные замечательным русским библиографом В. И. Межовым: «Систематический каталог русских книг за 1875 и 1876 годы, продающихся в книжном магазине потомственного почетного гражданина Якова Алексеевича Исакова. С указанием переводов, критических статей, рецензий и библиографических заметок и прибавлением азбучного указателя имен и предметов» (1877), «Систематический каталог русских книг за 1877 и 1878 годы, продающихся в книжном магазине потомственного почетного гражданина Якова Алексеевича Исакова. С указанием переводов, критических статей, рецензий и библиографических заметок и прибавлением азбучного указателя имен и предметов» (1880).

Книгоиздательская деятельность Исакова началась в 1841 г. Она распадается на два периода: с 1841 по 1858 гг. и с 1859 по 1881 гг. Первое время Исаков выпускал книги в основном случайно, как меценат, желая, очевидно, оживить довольно скудное в то время русское книгоиздательское дело.

Второй и наиболее интенсивный период издательской деятельности Я. А. Исакова начался в 1859 г., когда он издает полное собрание сочинений А. С. Пушкина.

Издание произведений Пушкина не было для Исакова чем-то случайным или произвольным. В переписке потомков друзей Пушкина, в частности, в письме А. М. Щербинина к Ю. Н. Щербачеву от 8 ноября 1873 г. читаем: «Исакову лет 70. Если узришь его, пади ему в ноги. Он знал Пушкина и пивал с ним вино кометы. Исаков ко мне благоволил, а я доставил ему несколько стихотворений Пушкина, ему неизвестных».²

¹ См. подробнее: Симони П. Яков Алексеевич Исаков и его ученики. — Книжная биржа, 1907, 14 января.

² Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913, с. 431.

В 1858 г. Я. А. Исаков вместе с лицейским товарищем Пушкина, секундантом в его дуэли с Дантесом К. К. Данзасом специально поехал на место дуэли, чтобы запечатлеть его для потомства. За год до своей смерти, когда вся Россия готовилась к открытию памятника Пушкину в Москве, Исаков прислал в газету «Голос» (1880, 5 июня, № 155) заметку о месте дуэли поэта с приложением точного плана местности.

В 1863 г. издатель выпускает брошюру К. К. Данзаса «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина».

Если учесть также, что Я. А. Исаков трижды издает собрание сочинений А. С. Пушкина в шести томах (1859; 1869—1871; 1880—1881), то можно определенно утверждать, что он делал это только из любви к великому поэту, благоговей перед его памятью.³

До выпуска собрания сочинений Пушкина Исаковым наиболее авторитетным считалось собрание сочинений поэта в семи томах (том 7 — дополнительный), изданное П. В. Анненковым в 1855—1857 гг. И хотя при подготовке этого издания использовались рукописи Пушкина, из которых был сделан ряд ценных выписок, в основу его было положено предыдущее издание (СПб., 1838—1841), текст которого остался невыверенным, в результате чего издание Анненкова сохранило его ошибки.⁴

Первые шесть томов анненковского издания выходили в свет в 1854 г. — в период тяжелых цензурных условий. В статье «Любопытная тяжба» П. В. Анненков рассказал о том, как «издание Пушкина 1855 г. в полном его составе висело на волоске вплоть до своего появления», и о той тяжбе с цензором, которую он предпринял, отстаивая пушкинский текст.

Ко времени издания Исаковым сочинений Пушкина авторитет анненковского издания был еще достаточно высок, особенно если учесть, что Н. Г. Чернышевский положительно оценил его аппарат. Ревизия анненковского издания, предпринятая П. А. Ефремовым и В. Е. Якушкиным, началась уже после появления издания Исакова.

К редактированию сочинений Пушкина Исаков решил привлечь замечательного русского библиографа Г. Н. Геннади, под редакцией которого собрание сочинений поэта в шести томах издавалось Исаковым дважды — в 1859 и 1869—1871 гг.

Однако эти издания не пользовались успехом, а друг Пушкина С. А. Соболевский даже написал эпиграмму:

О жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издает Геннади.

Чем же объясняется тот факт, что издание было встречено несочувственно? Прежде всего — неудачной редакторской работой Геннади. Л. М. Равич справедливо пишет: «Геннади осуществил здесь прием, принятый его современниками с законным недоумением: заботясь о сохра-

³ В связи с этим анекдотически звучит рассказ П. Полевого о том, как сын Пушкина продал права на издание сочинений поэта брату Я. А. Исакова (см.: Исторический вестник, 1887, № 3, с. 679—680).

⁴ См.: Рыскин Е. И. Основные издания сочинений русских писателей. XIX век. М., 1948, с. 45.

лении каждого слова, вышедшего из-под пера Пушкина, он вставлял прямо в текст (выделяя, правда, скобками и курсивом) варианты и зачеркнутые самим поэтом строки. В своем стремлении дать полного Пушкина Геннади не знал никакой меры, — точнее будет сказать, не был вооружен правильной методикой и практикой издания, так как основы композиции так называемых академических изданий в то время еще не были разработаны. В результате получилось неудачное, крайне неудобное для чтения издание».⁵

Другие нападки печати касались того факта, что издание Я. А. Исакова, — как, кстати, и издание П. В. Анненкова, — оказалось неполным. Однако в этом не были виноваты ни П. В. Анненков, ни Я. А. Исаков. В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранилась копия «предписания» министра народного просвещения Е. Ковалевского от 30 октября 1859 г. «на имя помощника попечителя С.-Петербургского учебного округа о запрещении книгоиздателя Я. А. Исакову Главным Управлением Цензуры вводить в новое издание сочинений А. С. Пушкина стихи, исключенные в издании П. В. Анненкова»:

«Главное Управление Цензуры в заседании 3 текущего октября по делу о предпринимаемом книгопродавцем Исаковым издании сочинений А. С. Пушкина, в которое желает он вложить некоторые стихотворения и места, не бывшие в издании Анненкова, рассмотрев представление С.-Петербургского Цензурного Комитета от 13 августа сего года за № 828, с приложенною к оному сделанной цензором Е. Е. Бекетовым выпискою мест, признаваемых комитетом дозволительными к печати, но возбудивших его сомнение, определило: при допущении к печати 1го тома сочинений А. С. Пушкина в издании книгопродавца Исакова, исключить из мест, исчисленных в вышеупомянутой выписке: 1) в стихотворении *к Сестре*, на стр. 4. Окончание „Спеша на новоселье“ до конца как исключенное по Высочайшему повелению, объявленному С.-Петербургскому Цензурному Комитету 14 окт. 1854 год. за № 2037. 2) *Заповеди*, рукописный лист 128: „Добра чужого не желать“, и далее, до конца на другой странице. 3) *Второе послание к Аристарху*, к листу 16^{му} приклеенный лоскуток по Исакову „Ов с нами сетовал когда..“ до „Но сам не зная как, ты видно устоял“. 4) *Когда великое свершилось торжество*, лист 270, по Исакову четыре последние стиха, от: „Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила“ до „Пускать не велено сюда простой народ“; 5) по рукописной тетради: пять стихов „я Вас бежал питомцев наслаждений“ до „Покою, славою, свободой и душой“ (как исключенные вышеозначенным Высочайшим повелением, объявленным за № 2037); 6) двенадцать стихов „М..... хвастун бесстыдный“ до „твоей небесной красоте“. 7) Экспромт „Француз дитя“.

Сверх исключения этих семи мест, нижеследующие стихотворения и места (числом тоже семь) напечатать в том самом виде, в каком они находятся в издании Анненкова, не допуская предполагаемых издателем Исаковым в сих местах дополнений и изменений. 1) *К Другу*, стр. 7,

⁵ Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880). М., 1984, с. 27.

два стиха „Послушайте, сказал отшельник мужикам“; „Как вас учу, так вы и поступайте“. 2) *М. Ф. Орлову*, лист 91, как по изданию Анненкова стр. 238—239. 3) *П. Я. Чадаеву*, лист тот же, по изданию Анненкова стр. 239—240. 4) *В честь Императрицы Елисаветы Алексеевны*, лист 104, стих. „Я не рожден людей забывать“. 5) *Моя родословная*, лист. 235. 6) Из VI Пиндемонте, лист 270. 7) В рукописной тетради: *Послание к Всеволожскому* „Прости, счастливый сын пиров“ и далее до конца. Затем все прочие места, упомянутые в выписке цензора Бекетова, Главное Управление Цензуры признало возможным допустить к печати. При сем Главное Управление Цензуры возложило на ответственность С.-Петербургского Цензурного Комитета строго наблюдать, чтобы в предпринятое книгопродавцем Исаковым издание Сочинений Пушкина ни под каким видом не было введено что-либо исключенное из издания Анненкова вышеупомянутым Высочайшим повелением, объявленным Комитетом за № 2037. О сем определении Главного Управления Цензуры имею честь уведомить Ваше Сиятельство для предложения С.-Петербургскому Цензурному Комитету к надлежащему исполнению. Приложенные к представлению Комитета за № 828 *Первый том Сочинений А. С. Пушкина* с дополнениями при сем возвращаются и предпрождаются копия с относящейся к тому представлению выпиской, составленной цензором Бекетовым. . .»⁶

И все же исаковское издание было значительно полнее анненковского, так как за годы, прошедшие после выхода последнего в свет, на страницах русской периодической печати было опубликовано большое количество пушкинских текстов. Именно поэтому Исаков и предпринял новое издание сочинений Пушкина, тем более что анненковское издание полностью разошлось.

Однако если русская периодическая печать прохладно встретила издание Исакова, то весьма высоко оценила выпущенную им в 1860 г. книгу Г. Геннади «Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания».

В предисловии к изданию Геннади указывал: «В этой книге, составляющей дополнительный том к новому изданию Сочинений А. С. Пушкина: 1) указаны разные издания произведений Пушкина, т. е. где и когда каждое из них было напечатано, с какими переменаами, заглавиями, подписями и проч.; 2) приведено в известность, на какие иностранные языки и кем переведены были сочинения Пушкина; 3) сообщены черновые отрывки и места, отброшенные поэтом в изданиях, вышедших при его жизни, или найденные в его рукописях и напечатанные П. В. Анненковым и не вошедшие в текст нашего издания; 4) присоединены необходимые объяснения и примечания к некоторым пьесам; 5) приложен указатель всех биографических сведений о Пушкине».

М. Н. Лонгинов, особенно высоко оценивший библиографическую часть этих «Приложений», назвал их «трудом капитальным, достойным имени почтенного нашего библиографа»,⁷ а современная исследовательница отме-

⁶ ГПБ, ф. 619. Собрание списков произведений А. С. Пушкина и материалов о нем, ед. хр. 20.

⁷ Московские ведомости, 1860, № 42.

чает, что «эта работа имела большое значение для развития пушкинской библиографии, в сущности, она положила начало всех пушкиниан, издающихся и по сей день».⁸

П. Симони указывает, что издание Исаковым сочинений Пушкина «ознаменовалось большими заботами и расходами, юридическими хлопотами и даже столкновением с интересами разных других лиц».⁹

Однако сам Исаков был не удовлетворен своими изданиями и прежде всего — редактурой Геннади. Поэтому в начале 1877 г. он обращается с письмом к другому замечательному библиографу — П. А. Ефремову:

«Милостивый государь
Петр Александрович!

Имея в виду приступить к печатанию нового издания Сочинений Александра Сергеевича Пушкина, дополнить их библиографическими и историческими примечаниями и исправить все погрешности, — честь имею предложить Вам принять на себя редакцию этого нового издания.

В случае согласия прошу Вас сообщить мне Ваши условия.

С истинным почтением всегда готовый к услугам

*Я. Исаков».*¹⁰

В марте 1877 г. между ними было заключено следующее соглашение: «... 1. Я, Исаков, предлагаю г. Ефремову принять на себя редакцию, исправление и дополнения нового третьего издания Сочинений А. С. Пушкина.

2. Я, Ефремов, принимая на себя этот труд, обязуюсь пересмотреть все шесть томов прежнего издания, исправить в них все пропуски и прочие ошибки, дополнить новыми материалами, помещенными в разных периодических изданиях и не вошедшими в прежние издания; затем собрать письма Пушкина, которые помещены были в повременных изданиях, в седьмой том или в дополнение к пятому, как будет для издания удобнее, и обязуюсь наблюдать за печатанием издания до конца и читать вторую корректуру, а в случае надобности могу требовать еще третью и даже четвертую.

3. За этот труд я, Исаков, обязуюсь уплатить г. Ефремову две тысячи пятьсот (2500) руб. сер. тотчас по отпечатании всех томов и по представлении издания в цензуру, но если г. Ефремов пожелает получать раньше, то обязуюсь по его востребованию заплатить триста (300) руб. сер. при подписании этого условия и затем по отпечатании каждого тома по триста (300) руб. сер., а остальную сумму по отпечатании последнего тома.

4. Труд г. Ефремова со всеми его дополнениями по исполнении 3го и 5го пунктов составляет полную собственность Исакова.

5. При печатании четвертого издания, если я, Исаков, не найду удобным вновь поручить редакцию г. Ефремову на особых условиях, то все-таки должен заплатить еще по сто руб. с тома в дополнение вознаграж-

⁸ Равич Л. М. Г. Н. Геннади, с. 48.

⁹ Симони П. Яков Алексеевич Исаков..., с. 6.

¹⁰ ИРЛИ, арх. П. А. Ефремова, 2448/VII м 40. — Письмо не датировано. Есть основания отнести его к началу 1877 г., так как соглашение между Ефремовым и Исаковым было заключено в марте этого года.

депия за третье издание, и затем уже дальнейшие издания Исаков вправе печатать без участия г. Ефремова, но с тем, чтоб его имени на издании обозначено не было...»¹¹

Однако П. А. Ефремов, указавший на ряд грубых ошибок и пропусков в издании Анненкова и высказавший в резкой форме отрицательное отношение к его редакции, в своей работе пошел на поводу у Геннади, т. е. тоже вставлял в основной текст варианты и зачеркнутые поэтом строки, усугубив тем самым нелепости геннадиевской редакции.¹²

Возможно, и сам Ефремов был недоволен своим трудом, так как за два года до выхода в свет третьего исаковского издания сочинений Пушкина он пытался отказаться от редактирования. 21 февраля 1878 г. Исаков писал председателю Литературного фонда В. П. Гаевскому:

«Милостивый государь
Виктор Павлович.

П. А. Ефремов отказался от дальнейшей редакции Соч. А. С. Пушкина на том основании, что типография Безобразова неаккуратна. В настоящее время я уже пригласил типографию Котомина, а между тем оригинала не имею.

П. А. <Ефремов> обещал выдать оригинал, для чего пожелал иметь образцы шрифтов, которые ему и доставлены, а между тем от редакции он отказывается.

Извините, что я Вас опять утруждаю, но покорнейше прошу переговорить с П. А. <Ефремовым>. Тут, очевидно, недоразумение, не могу же я отвечать за неаккуратность типографии, и с его стороны несправедливо ради этой типографии прекращать уже принятое им на себя дело, на которое и он уже потратил немало трудов в продолжении года и издание, вероятно, им подготовлено к печати.

В настоящее время я поставлен в весьма неловкое положение — на середине дела отыскивать редактора и кого, решительно не знаю, а потому Ваше примирительное содействие весьма для меня необходимо, и я надеюсь, что Вы не откажете мне побывать на этой неделе у Петра Александровича и посоветуете ему не отказываться; с своей стороны, конечно, я буду теперь следить за типографиями.

С истинным почтением всегда готовый к услугам

Я. Исаков.¹³

Гаевскому удалось уговорить Ефремова продолжить работу, и шеститомное собрание сочинений Пушкина под его редакцией было благополучно закончено в 1881 г.

Важно отметить, что третье издание сочинений Пушкина Исаков начинает выпускать в 1880 г., когда вся страна готовилась к открытию памятника поэту в Москве.

Исаковские издания (особенно под редакцией П. А. Ефремова) были исправленными и дополненными по сравнению с анненковским, что по-

¹¹ ИРЛИ, арх. Я. А. Исакова, 217/16.

¹² Об этом см.: Измайлов Н. В. Текстология. — В кн.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 502.

¹³ ГПБ, ф. 171, арх. В. П. Гаевского, ед. хр. 122.

зволюло им занять достойное место в истории русской книги. Но значение их не только в этом. Как справедливо отмечает М. Н. Куфаев, Исаков дал «доступную народу книгу Пушкина».¹⁴ 12 января 1874 г. издатель пишет В. П. Гаевскому:

«Милостивый государь
Виктор Павлович!

Вследствие бывшего совещания по делу издания „Сборника“ в пользу голодающих самарцев, спешу подтвердить обещанное г. Мартыновым: ¹⁵ я охотно уступаю безвозмездно право выбора из полного собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина по усмотрению Комиссии до десяти печатных листов в размере последнего издания (8—16 стр.) и для отпечатания до десяти тысяч экземпляров; относительно же цены, формата и редакции, я предоставляю в полное распоряжение Комиссии. При сем пользуюсь случаем принести Вам и всем участвующим в Комиссии душевную мою благодарность за доставленный мне случай быть полезным затейному доброму делу.

С глубоким уважением имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою,

*Я. Исаков».*¹⁶

В 1854 г. Я. А. Исаков получил звание комиссионера всех военных учебных заведений в России. Это обстоятельство способствовало тому, что он успешно занялся выпуском учебной литературы, пособий, атласов, а также самых разнообразных книг для детского чтения.

Часть изданий второго периода книгоиздательской деятельности Исакова выходила в составе специальных издательских серий: «Библиотека путешествий», «Классная библиотека», «Записки иностранцев о России в XVIII столетии».

Отметим, что в серии «Классная библиотека», представлявшей собой «Литературное пособие для средних учебных заведений» и вышедшей с примечаниями известного педагога В. Стоюнина, были издания произведений Пушкина: «Борис Годунов» (1876), «Полтава» (1876), «Медный всадник» (1876), «Капитанская дочка» (1878), «Моцарт и Сальери» (1873), «Скупой рыцарь» (1873).

Однако в конце жизни Исаков несколько охладел к книжному делу, занявшись другими коммерческими предприятиями и вступив на широкую дорогу общественной деятельности. По рекомендации управляющего Государственным банком Е. И. Ламанского он был назначен председателем Общества взаимного кредита — первого в России общественного банка. П. Сямони пишет: «От природы честный и трудолюбивый человек, но не получивший правильного академического образования, Я. А. Исаков не имел серьезных познаний и опыта в финансовых делах и сделался жертвою бесчестных людей, но не мог пережить унижения. Ослабева еж-

¹⁴ Куфаев. М. Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, с. 204.

¹⁵ Сотрудник фирмы Я. А. Исакова.

¹⁶ ГПБ, ф. 171, арх. В. П. Гаевского, ед. хр. 122.

дневно от постигнутого его горя, Яков Алексеевич скончался в больших нравственных страданиях 16 июля 1881 года <...> Современники его, люди достойные доверия, утверждали, что он не пользовался ничем в деле растраты в Обществе Взаимного Кредита — и умер честным человеком». ¹⁷

Вполне возможно, как отмечалось в некрологах и статьях памяти Исакова, что охлаждение издателя к своему начинанию было связано также с появлением в 1870-х гг. серьезных конкурентов повой коммерческой формации, причем многие из них, изучив книжное дело под его руководством, учли то обстоятельство, что изменились и требования читающей публики и сами условия существования издательского дела. ¹⁸

Возможно, сыграл свою роль тот факт, что в 1873 г. Исаков перестал быть комиссионером военно-учебных заведений, но совершенно справедливо П. Симоны делает вывод о том, что «Я. А. Исаков, увлекшись Председательством в Обществе Взаимного Кредита, взялся не за свое дело и, конечно, сильно повредил себе, но это увлечение не может умалить его славы как опытного книгопродавца и в особенности как книгоиздателя. Труды Исакова, его энергия, опыт и инициатива в издательстве сослужили свою службу — в своих учениках и подражателях он создал себе памятник своей честной и разумной деятельности». ¹⁹

К этому остается добавить, что благодарное потомство всегда будет чтить Я. А. Исакова как одного из первых и преданных издателей А. С. Пушкина.

С. В. Белов

¹⁷ Симоны П. Яков Алексеевич Исаков..., с. 7.

¹⁸ См.: Всемирная иллюстрация, 1881, № 656, с. 103—104; Русский библиофил, 1911, № 6, с. 99—100.

¹⁹ Симоны П. Яков Алексеевич Исаков..., с. 7—8.

А. А. ОРЛОВ И АНТИБУЛГАРИНСКАЯ БОРЬБА 1830—1833 гг.

А. А. Орлов вошел в историю русской литературы прежде всего как герой пушкинской статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831). Яркая полемическая статья А. С. Пушкина, направленная против Ф. В. Булгарина, была построена на «комплиментарном» уравнивании редактора «Северной пчелы» с А. А. Орловым, о книгах которого, как писал Н. А. Полевой, «говорить нечего и не для чего, ибо одно имя автора все скажет». ¹ Вместе с тем всю остроту этого критического выступления Пушкина можно оценить, лишь учитывая следующее обстоятельство.

А. А. Орлов был не просто бездарным лубочным писакой, подражавшим Булгарину своими романами о Выжигиных. ² Он — автор многочис-

¹ Московский телеграф, 1831, № 6, с. 257.

² Об этом см.: Слово В. А. А. Орлов и его сочинения. — Петербургский вестник, 1862, № 4, с. 77; Венгеров С. А. К характеристике А. А. Орлова. — Литературный вестник, 1901, кн. 3, с. 284—290.

ленных антибулгаринских пародий, создававшихся на протяжении 1831—1832 гг.³ Пародии Орлова, а также выступления в печати, связанные с именем этого писателя, создают фон, на котором становится понятен смысл пушкинского сопоставления Орлова и Булгарина. Между тем историко-литературный контекст этого выступления Пушкина до конца не прояснен и нуждается в существенном дополнении именно в связи с антибулгаринскими книгами Орлова.

Первые пародии Орлова, в которых были выведены не только Иван и Петр Выжигины (герои Булгарина), но и целое их семейство, появились в начале 1831 г. По-видимому, самая мысль о создании такого рода произведений родилась у Орлова в результате знакомства с журнальной полемикой того времени. Показательна в этом отношении история с выходом его романа «Марфа Ивановна Выжимкина».

В январском «Чрезвычайном прибавлении» к № 4 «Молвы» было напечатано «объявление» о выходе этого произведения. В нем сообщалось, что это «совершенно новый, правоописательно-сатирический, географо-исторический и прозаико-поэтический роман XIX века». И далее следовало: «Читая неоднократно в „Северной пчеле“, что публику нашу весьма занимают рассказы Ивана Ивановича Выжигина, что скоро появится на позорнице мира новый Петр Иванович Выжигин, и сличая с рассказами первого записки о собственных приключениях и наблюдениях, Марфа Ивановна Выжимкина решилась, наконец, обнародовать оные записки (истинный роман!)...».⁴ Это объявление было почти без изменений перепечатано Надеждиным из «Литературной газеты», где под ним стояла подпись «С. П. Галуховский».⁵ По-видимому, издатель «Молвы» сделал это с целью продолжить полемику в предложенном «Литературной газетой» ключе, так как в последующих февральских номерах были напечатаны еще два объявления, составленные от лица иного издателя записок Выжимкиной — Анемподиста Щупальце.⁶ В его напористости и склонности к саморекламе узнавался сам Булгарин.

Думается, авторы этих объявлений были очень удивлены, когда в мае 1831 г., действительно вышел в свет нравственно-сатирический роман «Марфа Ивановна Выжимкина», автором которого был А. А. Орлов (цензурное разрешение от 18 мая). Этот писатель воспылывал чужой задумкой, но реализовал ее весьма своеобразно. В. В. Гиппиус писал: «...если „М. И. Выжимкина“ и была задумана как пародия, то замысел этот оказался очень скоро реализован А. А. Орловым, который написал роман под этим самым заглавием, отнюдь не преследуя никаких пародийных заданий».⁷ Но исследователь ошибался: роман Орлова был не просто

³ Пометой «Пародии на булгаринских „Выжигиных“» сопровождался список произведений Орлова в кн.: Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: Библиографический указатель произведений русской словесности с историей литературы и критики / Сост. А. В. Мезпер. СПб., 1899, с. 274.

⁴ Молва, 1831, № 4, с. 9.

⁵ Литературная газета, 1831, т. 3, 11 января, № 3, с. 26.

⁶ Молва, 1831, № 5, с. 14; № 7, с. 5—6.

⁷ Гиппиус В. Пушкин в борьбе с Булгаринным в 1830—1831 гг. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, вып. 6, с. 248—249.

пародией, а пасквилем на Булгарина, причем очень грубым. На выход этой книги тотчас же откликнулся на страницах «Телескопа» (цензурное разрешение 23 мая) Н. И. Надеждин, отметив, что она «успела уже наде- лать <...> шуму в <...> журнальном мире».⁸ Чем поразили читателей этот роман, Надеждин дипломатично не указывает, однако его замечание — своего рода реклама произведению Орлова.

Фаддей Фаддеевич Щупалец (он же Щупар и Щупец) появляется в произведении Орлова лишь в конце второй, заключительной его части.⁹ Орлов не решился написать роман, героем которого был бы исключительно Фаддей Щупалец, как это и предполагалось в объявлении, впервые напечатанном в «Литературной газете»: «Итак, сей роман разделяется на 3 части: 1-я). просто *романтическая*, до Французской кампании; 2-я). *исторически-романтическая*, во время кампании, и 3-я). *романтически-сатири- ческая*, после кампании».¹⁰ По-видимому, Орлов не понял этих намеков, так как он не использует главный козырь в борьбе с Булгариным — его службу в наполеоновской армии. Тем не менее прототип Анемподиста Щупальце не вызывал сомнения: он, «как говорят, родился не в России, а выброшен сюда волнами житейского моря... Щупалец, не зная основа- тельно наук, прослыл литератором с помощью добрых людей. Он геогра- фию знал по практике, будучи гоним правительством за разные плутов- ства, переходил из страны в страну, яко скитающийся странник...».¹¹

В своем романе Орлов использовал ставшие уже традиционными в русской журналистике намеки на личные обстоятельства жизни Булга- рина: упоминания о его происхождении и «странствиях», невежество, алчность, «злоречие», назойливое саморекламирование и т. п. В этом автор «Выжимкиной» опирался на многочисленные антибулгаринские выступле- ния, раздававшиеся со страниц «Молвы» и «Телескопа». С их издателем у Орлова сложились весьма своеобразные отношения, по-видимому, не за- крепленные личным знакомством. У Н. Полевого были основания называть Надеждина «другом автора „Дунечки, Московской междуомочки“, кото- рый «сердито отстаивает *литературную его славу*».¹²

Имя Орлова достаточно часто встречалось на страницах «Молвы» и «Телескопа». Надеждин не просто сравнивал вновь выходявшие книги Орлова с «истинными» «Выжимными», но и своими «положительными» отзывами подталкивал этого писателя к созданию новых произведений о потомстве «сына Ваньки Каина». Так, в заметке Надеждина «Библиогра- фические редкости» (подписано Юстом Ижицыным) особо отмечались «весьма хорошие вещи в стихах и прозе», помещенные в романе Орлова «Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» (М., 1831).¹³ «...издатель „Церемониала...“, — пишет Надеждин, — передавая позднему потомству честь возложения лаврового венка на автора

⁸ Телескоп, 1831, № 1, с. 110.

⁹ Орлов А. Марфа Ивановна Выжимкина: Нравственно-сатирический роман. М., 1831, ч. 2, с. 21—40.

¹⁰ Литературная газета, с. 26.

¹¹ Орлов А. Марфа Ивановна Выжимкина, с. 21—22.

¹² Московский телеграф, 1831, № 13, с. 105. (Речь идет об издании: Орлов А. Дунечка, московская междуомочка. М., 1831.)

¹³ Молва, 1831, № 24, с. 18—19.

обоих Выжигиных, <...> желает сделать книгу свою, подобно как и роман „Иван и Петр Ивановичи Выжигины“, — классическою». ¹⁴ Игра в данном случае ведется двойная: рецензент одновременно и поощряет Орлова и смеется над «классическими» книгами о Выжигиных.

«Литературная газета» заняла в этом вопросе более сдержанную позицию. Если в 1830 г. ее рецензенты откровенно смеялись над книгами Орлова, ¹⁵ то в 1831 г., когда одна за другой стали появляться орловские пародии, лишь однажды в ней было помещено объявление о подписке на роман «Смерть Ивана Выжигина», перепечатанное из «Московских ведомостей», где Булгарин и Орлов были представлены в равной степени известными писателями. ¹⁶ Во всех разработках этой темы (Булгарин—Орлов) вплоть до пушкинской статьи «Торжество дружбы...» мы ощущаем ту тонкую иронию по отношению к автору нелепых пародий, которая, по-видимому, и ввела в заблуждение Орлова: этот писатель попытался установить непосредственные контакты с литераторами, близкими к «хвалившим» его изданиям.

Известна попытка Орлова завязать переписку с Пушкиным: поэт был вынужден отвечать на его письмо, явившееся, по-видимому, откликом на статью «Торжество дружбы...» (XV, 2). Любопытным представляется письмо Орлова к М. Н. Загоскину, хранящееся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Не имея счастья быть Вам лично известным, — сообщал Орлов, — я не сомневаюсь, чтоб я ни был Вам знаком по изданным мною одна за другою книжкам». ¹⁷ Ощущая некое единство своих действий с борьбой передовой журналистики против Булгарина, Орлов ставил себе в несомненную заслугу написанные им пародии (он с гордостью перечислил их в своем письме к Загоскину): «... Вы, может быть, интересуюсь всем тем, что касается до необыкновенного явления Выжигиных, имели уже случай читать их». ¹⁸

Письмо это было написано, по-видимому, летом 1831 г. Тогда на страницах журналов обсуждался роман Загоскина «Рославлев». Вероятно, Орлов оценил ситуацию следующим образом: положительную рецензию на книгу Загоскина дал «друг» Орлова Надеждин, а отрицательную — его «враг» Н. Полевой. Кроме того, эти рецензенты сопоставляли роман Загоскина с «Петром Выжигиным» Булгарина. ¹⁹ Усмотрев здесь сходные для себя обстоятельства, Орлов и решился на равных завязать переписку с Загоскиным. Видимо, писатель полагал, что созданные им пародии на булгаринских «Выжигиных» делали его равноправным в кругу литераторов, противостоявших издателю «Северной пчелы».

Подведем некоторые итоги. Смысл использования имени Орлова в статье Пушкина «Торжество дружбы...» не может быть сведен к уни-

¹⁴ Там же, с. 20. См. также: Телескоп, 1831, № 1, с. 98—110; Молва, 1832, № 21, с. 19.

¹⁵ См.: Литературная газета, 1830, т. 1, 11 апреля, № 21, с. 169—170; т. 2, 23 октября, № 60, с. 195—196.

¹⁶ Литературная газета, 1831, т. 3, 11 мая, № 28, с. 222.

¹⁷ ГПБ, ф. 291 (М. Н. Загоскин), оп. 1, ед. хр. 124, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ См.: Телескоп, 1831, № 11, с. 353—373; Московский телеграф, 1831, № 8, с. 534—545.

зительному для Булгарина сравнению с ничтожным писакой, осмелившимся продолжать его «Выжигиных». Дело усугублялось тем, что Орлов был неудачливым пародистом Булгарина. Именно поэтому редактор «Северной пчелы» совершенно спокойно относился к появлению графоманских романов типа «Нового Выжигина на Макарьевской ярмарке» И. Гурьянова и раздражался по поводу вновь создаваемых книг Орлова: «Признаемся откровенно, — писал Булгарин в рецензии, которую несколько позднее упомянул в своей статье «Торжество дружбы...» Пушкин, — что мы с некоторым предубеждением приняли за книгу г. Гурьянова: заглавие его романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего блаженного г. Александра Орлова <...> Но чем далее мы читали, тем более убеждались, что мы приятным образом обманулись».²⁰

В своих книгах о Выжигиных Орлов довел до абсурда некоторые художественные приемы, характерные для Булгарина. Поэтому Н. Полевой был прав, когда писал о непохожести пародируемого материала на то, что создавал Орлов.²¹ Основными его принципами при этом были непредсказуемость сюжетных ходов, граничащая с полным алогизмом, и сгущение мрачного (правильнее было бы сказать: грязного, в духе «истинных» «Выжигиных») колорита. В результате сложилась весьма своеобразная ситуация: Булгарин был поставлен перед лицом не просто подражаний, а нелепых пародий, которые сделали имя Орлова ненавистным для редактора «Северной пчелы».²² В целом, бездарный пародист Орлов автору «Выжигиных» был страшнее, нежели просто графоман Орлов. Именно на этот эффект и рассчитывал Пушкин, уравнивая в своей статье «оригинальные» произведения Булгарина с нелепыми пародиями, созданными на их основе.

С. В. Березкина

²⁰ Северная пчела, 1831, 8 сентября, № 201.

²¹ См.: Московский телеграф, 1831, № 15, с. 390.

²² См., например, отклик Булгарина на смерть Орлова: Северная пчела, 1840, 5 июня, № 124.

ЛИТОГРАФИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Замечательный знаток, собиратель гравюр и литографий пушкинского времени Яков Григорьевич Зак особенно гордился женскими портретами своей коллекции. Найти изображение царя, полководца, крупного ученого или знаменитого писателя обычно не составляет большого труда, в то время как поиски листов, запечатлевших женщин, порою не забытых лишь потому, что их удостоило внимания перо Пушкина, — задача романтическая, но не всегда выполнимая. Среди изображений актрис и писательниц в коллекции Я. Г. Зака, влившейся теперь в собрание Государственного музея А. С. Пушкина, долгое время находился литографированный портрет неизвестной. Имя незнакомки было раскрыто — на экзем-

пларе аналогичной литографии из коллекции Ф. Ф. Вигеля было написано рукою самого владельца: «Княгиня Зинаида Волконская». Портрет и надпись воспроизведены в каталоге коллекции Вигеля, изданном в 1980 г.¹

Редкость этой литографии, заказанной не с государственной, а с частной целью — подарить на память друзьям, усугубляется отсутствием на листе всяких выходных данных. Была ли это прихоть заказчицы или равнодушие к формальностям, так или иначе чистое поле вокруг изображения способствовало тому, что немногочисленные оттиски по истечении прошлого века могли, скорее всего, оказаться в папках «inconnus» (неизвестных), о которых пишет В. Л. Адарюков. С другой стороны, незаполненный лист располагал к надписям от руки. Поэтому каждый обнаруженный экземпляр может рассказать нам что-то новое. В словаре Адарюкова после описания этого портрета под № 2 воспроизводится надпись: «Z. W. — A. H.». Это экземпляр из Румянцевского музея, ныне хранящийся в Гравюрном кабинете ГМИИ имени А. С. Пушкина. Надпись сделана орешковыми чернилами: не обозначают ли инициалы имени какого-нибудь счастливого адресата подарка Зинаиды Волконской? На нашем экземпляре в нижней части листа стоит печать — княжеская корона и под ней латинские буквы PSV, означающие, очевидно, Princesse Sofie Volkonsky. Софья Григорьевна Волконская — сестра мужа Зинаиды Александровны, Никиты Григорьевича, и жена Петра Михайловича Волконского. Известно, что З. Волконская помечала книги экслибрисом Волконских,² не имея собственного, поэтому возможно, что и на литографиях она ставила их печать, или же этот лист принадлежал С. Г. Волконской.

Литографированный портрет, несмотря на отсутствие имени художника, должен занять свое место в иконографии З. Волконской. По количеству сохранившихся изображений «княгиня Зенеида» стоит на первом месте среди женщин пушкинского времени. И это неудивительно. Прежде всего, она была красива: золотые волосы, глаза «цвета цейлонского сапфира» — именно это сочетание поразило поэта И. И. Козлова, который писал в 1826 г., незадолго до того, как ослеп:

Волшебным голосом плененный
Я только помню, что видал
Певицы образ незабвенный.
О! Помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые.

В послании Козлова аллегория становится зримым образом. Через год уже сама Волконская напишет ему стихи под названием «Другу страдальцу».

¹ Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов собрания Ф. Ф. Вигеля. М., 1980, с. 150, № 370.

² См.: Полонский Я. Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме: Новые материалы. — В кн.: Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938, с. 174.

З. Волконская была профессиональным музыкантом. Ее «полным и ввучным контральто и одушевленную игрою»³ восхищались многие. Ее красоту, соединявшуюся с разносторонними талантами, увидел и увенчал двойным венком в стихотворном послании 1827 г. Пушкин.

У Волконской был более чем открытый дом-салон — в Москве и в Риме. На ее вечерах, называемых на итальянский лад «академиями», состязались поэты, музыканты, художники. Вот почему ей написано так много посвящений и еще больше создано портретов. Нам известно не менее двадцати (см. приложение).

Обратимся к нашей литографии и попытаемся ее датировать. Судя по фасону платья с очень высокой талией, по линии его выреза, оригинал, с которого делалась литография, был создан в конце 1810-х — не позднее 1820-х гг. Характер исполнения литографии заставляет считать ее русской работой и относить к первому периоду развития этой художественной техники в России, т. е. тоже к концу 10-х — началу 20-х гг. Если первая художественная литография в России датируется 1816 г., то в Европе она существовала с 1800-х гг. и к 20-м гг. достигла высокого уровня в области репродуцирования, т. е. близости к оригиналу. На нашей литографии заметно нарушены пропорции лица: глаза нереально большие, причем по размеру неодинаковые, расположены на разных уровнях — один выше, другой ниже. Правда, эти ошибки не мешают общему впечатлению от портрета. Но исполнителем такой литографии не мог быть кто-либо из больших мастеров (как например Беггров, Соколов, Кипренский), прославивших раннюю русскую портретную литографию. Скорее всего, это один из военных кантонистов, состоявших художниками при литографском заведении Главного штаба. Известно, что в 1820 г. за подписью кантониста Ефимова был налитографирован портрет упоминавшегося выше Петра Михайловича Волконского.⁴ Будучи начальником Главного штаба, он несомненно имел прямое отношение к одной из первых литографских мастерских, созданных при штабе. К тому же он был умным царедворцем и, зная глубокую привязанность Александра I к З. А. Волконской, мог позаботиться об исполнении ее портрета на камне.

В это же время, т. е. в начале 1820-х гг. в том же заведении группой военных кантонистов литографировались виды Грузина, о которых в каталоге «Ранней русской литографии из собрания Эрмитажа» читаем: «Отсутствие профессиональной подготовки у многих художников сказалось в слабости рисунка, неуверенности композиционного построения. Но им присущи свежесть восприятия...» и др.⁵ О нашем портрете также можно сказать, что несмотря на явные нарушения в рисунке, он блестяще передает обаяние и артистизм модели.

Судя по фактуре литографии, оригинал портрета не был карандашным рисунком — здесь нет штриха. Вряд ли это было масло, так как в то время живописные портреты редко воспроизводились на камне — их литографическое репродуцирование началось с конца 1820-х гг. По-видимому,

³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896, т. 7, с. 329.

⁴ См.: Адарюков В. Л., Обольянинов Н. А. Словарь русских литографических портретов. М., 1916, с. 184, № 1.

⁵ Л., 1976, с. 15—16.

литография передает разводы акварели или оттенки пастели (особенно это заметно на складках платья).

Чем же был в жизни Зинаиды Волконской этот промежуток времени — конец 1810-х—начало 1820-х гг.?

Благодаря обстоятельнейшей статье Р. Е. Теребениной «Пушкин и З. А. Волконская»,⁶ впервые обобщившей все изданные по этой теме материалы и привлекшей новые архивные данные, появилась возможность наметить довольно подробную хронологическую канву жизни нашей героини. Осенью 1819 г. Волконская уезжает из Петербурга в Италию, по дороге останавливается на несколько месяцев в Варшаве, а весной 1820 г. прибывает в Рим. С. И. Гальберг, пенсонер Академии Художеств, в письме из Рима от 19 декабря 1820 г. рассказывает: «Княгиня З. А. Волконская — женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина-автор, музыкант, актер, женщина с глазами очаровательными, наконец, та самая, которая известна в Петербурге под именем Зинаиды Волконской; она здесь живет около 8 месяцев. Она привезла с собою сюда живописца Ф. А. Бруни, который и живет у нее в доме».⁷ А 30 мая 1821 г. он пишет: «Когда мы, русские пенсионеры, стали с нею познакомнее, она начала приглашать нас на свои музыкальные вечера, что здесь, в Риме, называется приглашать в Академию. Мало-помалу эти музыкальные вечера превратились в оперу, и мало-помалу мы из зрителей превратились в актеров».⁸

Первый биограф Волконской, Н. А. Белозерская, рассказывает: «В это время княгиня Волконская с помощью Гальберга, служившего ей переводчиком немецкого языка, составила и издала в Риме итальянское либретто для сочиненной ею оперы: „Giovanna d'Arco, dramma per musica ridotta da Schiller, Roma, 1821“», — и сама явилась на сцене своего домашнего театра в роли Иоанны Д'Арк. В этом kostюме она изображена на портрете, писанном Ф. А. Бруни, который был одной из первых его работ в Риме».⁹ Как справедливо заметила Р. Е. Теребенина, кроме столь краткого упоминания о портрете З. Волконской в роли Жанны д'Арк, нигде не приводится ни описания, ни каких-либо более подробных сведений об этой работе Бруни, в то время как многие современники рассказывают о другом ее театральном портрете того же художника — в роли Танкреда.¹⁰ Только о нем говорится и в работах, посвященных творчеству Ф. А. Бруни.

Известно, что опера Д. Россини «Танкред» по трагедии Вольтера была поставлена Волконской в ее домашнем театре сразу же после «Жанны д'Арк». В этой связи Р. Е. Теребенина предполагает, что художник «вначале (...) стал писать Волконскую в роли Жанны, а потом, поскольку,

⁶ Русская литература, 1975, № 2, с. 136—145.

⁷ Вестник изящных искусств. СПб., 1884, т. 2, с. 122. (Приложение: Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках).

⁸ Там же, с. 124—125.

⁹ Белозерская Н. Княгиня Зинаида Александровна Волконская. — Исторический вестник, 1897, № 3, с. 950.

¹⁰ С 1926 г. портрет З. Волконской в роли Танкреда находится в собрании Государственного Русского музея.

вероятно, костюм рыцаря, приготовленный для показа императору,¹¹ оказался более эффектным и княгиня пожелала запечатлеть себя на картине именно в нем, он закончил его как портрет Танкреда».¹²

На этом можно было бы остановиться и забыть о самостоятельном портрете З. Волконской в роли Жанны д'Арк, если бы не ее широко известное письмо к Пушкину, сохранившееся в архиве поэта. Оно относится к тому периоду жизни Волконской, когда, вернувшись из Италии, она в 1822 г. останавливается в Петербурге, а затем, в 1824 г., переезжает в Москву, где дом ее становится центром литературно-художественной жизни. Пушкин был частым посетителем салона Зинаиды Волконской осенью 1826—зимой 1827 гг. Письмо датировано «29 октября 1826 года». В первой его половине содержится несколько строк, имеющих прямое отношение к жизни княгини в Риме: «Вот уже несколько дней, как я приготовила для Вас эти две строчки, дорогой господин Пушкин. Но я все забывала Вам их передать; это происходит от того, что при виде Вас я становлюсь мачехой. „Жанна“ была написана для моего театра, я играла эту роль, и так как мне захотелось сделать из этого оперу, то я была вынуждена кончить шиллеровскую пьесу на середине. Вы получите литографированное изображение моей головы в виде Giovanna d'Arco с композиции Бруни — поместите ее на первой странице и вспомните обо мне» (XIII, 299; подлинник по-французски). Сравним этот текст с первой публикацией письма, сделанной в 1881 г. П. И. Бартевым,¹³ быть может, в менее литературном, но, на наш взгляд, более точном переводе важного для нас отрывка: «Вы получите литографию с моего (головного) портрета, в виде Дживанны д'Арк, писанного Бруни...» («Vous aurez une lithographie de ma tête en Giovanna d'Arco d'après Bruni...»). Как видим, слово «композиция» отсутствует во французском оригинале.

Неизвестно, в каком году портрет Волконской в роли Танкреда был привезен в Россию, — во всяком случае, в конце 1824 г. он еще был в мастерской Бруни в Риме.¹⁴ Вряд ли Волконская стала заказывать литографию с незаконченного произведения.

О разнице между костюмами Жанны д'Арк и Танкреда, несомненно существовавшей для самой княгини и ее окружения, свидетельствует тот факт, что вскоре после написания письма Пушкину она возвращается

¹¹ Сведения о том, что на Веронском конгрессе в 1822 г. З. Волконская выступала перед Александром I в роли Танкреда, содержатся в единственном источнике: Trofimoff André. La princesse Zénaïde Wolkonsky de la Russie impériale à la Rome des papes. Rome, 1966, с. 64. — Эта книга, написанная по материалам архива З. Волконской (проданного позднее Гарвардскому университету, где и находится ныне) является произведением, относящимся к жанру художественной, а не научной литературы, поэтому портреты, приводимые в этой книге в качестве иллюстраций, нуждаются в уточнении авторов и датировок. Все предыдущие биографы З. Волконской писали, что на Веронском конгрессе она выступала в любимой опере Александра I «La Molinara» композитора Паизиелло (Paisiello).

¹² Терехина Р. Е. Пушкин и З. А. Волконская, с. 140.

¹³ Русский архив, 1881, ч. 1, с. 427—428.

¹⁴ Р. Е. Терехина предполагает, что Пушкин мог видеть этот портрет в московском доме Волконской в конце 1828—начале 1829 г. (См.: Терехина Р. Е. Пушкин и З. А. Волконская, с. 139).

к обоим сценическим образам. 3 января 1827 г. А. Я. Булгаков сообщает брату: «Вчера княгиня Зенеида забавляла своего сыночка. Много было смеху и фарсов... Вообрази, что в полночь въехали вдруг в залу (во втором этаже) Дон-Кихот и Саншо-Панса, верхом на живых лошадях. И насмешили и напугали всех. Никто еще не знает, кто это были. Сама княгиня прекрасно была одета en Jeanne d'Arc».¹⁵ Он же 26 января 1827 г. пишет: «Вчерашний спектакль у княгини Зенеиды продолжался очень долго, почти до двух часов... Je suis enchanté de Tancredi».¹⁶

В опубликованном в журнале «Старина и новизна» альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева (лист 73) находим стихи, написанные им после маскарада у З. Волконской, где он был одет Генрихом IV, а сама Волконская — Орлеанской девою. Они кончаются словами:

Все забавлялись там; и добрый, нежный царь
Благоговел пред Девой Орлеанской!¹⁷

Для создания костюма Жанны д'Арк естественно было обратиться не только к тексту Шиллера, где она описана в шлеме, но и к изображениям французской героини. В собрании ГМП имеются три ее портрета, награвированных французскими художниками в разное время: 1) Гравюра Мариетта с портрета Клода Виньона (XVII в.). 2) Гравюра Этьена Дероше (I пол. XVIII в.). 3) Гравюра Антуана Сержана по его же оригиналу (1787 г.).

На всех трех гравюрах головной убор Жанны д'Арк достаточно женствен, и его трудно назвать шлемом.

Вернемся к литографированному портрету З. Волконской начала 1820-х гг. На наш взгляд, шляпа княгини, украшенная перьями, имеет сходство с головным убором Жанны д'Арк. К ней добавлена воспринимаемая как нечто металлическое деталь, которая может вызывать ассоциацию с шлемом, не нарушая женственности наряда. Во всем облике изображения есть некоторая театральность.

Может быть, именно эта литография и была выполнена «d'après Bruni»?

Если же принять во внимание версию об увлечении княгини юным художником Фиделе Бруни, которого она «привезла с собой» в Рим, то будет вполне понятно, почему этот портрет — даже в литографическом воспроизведении — создает образ, полный женственности и очарования.

Повторяем: вряд ли оригинал был написан маслом. А. Г. Верещагина, подготовившая первую в советское время монографию о Ф. А. Бруни, любезно познакомила нас с фотовоспроизведениями итальянских работ художника 1819—1820 гг. Это женские портреты, выполненные в технике пастели. Все они находятся в Италии.

К сожалению, в библиотеке поэта не сохранилось либретто оперы «Жанна д'Арк» с литографией на первой странице. Поэтому, пока не будет найден лист с дарственной надписью Пушкину или же портрет, послужив-

¹⁵ Русский архив, 1901, кн. 3, с. 5.

¹⁶ Там же, кн. 2, с. 495.

¹⁷ Старина и новизна, 1905, кн. 10, с. 508—509.

ший оригиналом для литографии, мы можем позволить себе лишь сделать предположение: не данный ли портрет был послан Зинаидой Волконской Пушкину?

В заключение автор приносит благодарность за помощь и консультации Алле Глебовне Верещагиной, Юлии Петровне Глушаковой и Николаю Павловичу Прожогину.

Иконография З. А. Волконской

1. Семья кн. А. М. Белосельского-Белозерского вскоре после его смерти, акварель неизв. художника, 1810 г. (Государственный музей А. С. Пушкина).
2. Портрет З. А. Волконской, ошибочно приписываемый Ф. А. Бруни, масло, нач. 1810-х гг. (Римское собрание).
3. Портрет З. А. Волконской, акварель Мюнере, 1814 г. (Всесоюзный музей А. С. Пушкина).
4. Портрет З. А. Волконской, гравюра Д. Вейса с ориг. Мюнере, около 1814 г.
5. Портрет З. А. Волконской, акварель Ж. Изабе, 1814 г. (местонахождение неизвестно).
6. Портрет З. А. Волконской, литография К. Мотта с акварели Ж. Изабе, 1810-е гг.
7. Портрет З. А. Волконской, миниатюра Ф. Лидера (Вена), 1814 г. (Италия).
8. Портрет З. А. Волконской, акварель Л. Берже, кон. 1810-х гг. (Римское собрание).
9. Портрет З. А. Волконской, камень, 1822 г. (Римское собрание).
10. З. А. Волконская в костюме Танкреда, масло, Ф. Бруни, 1-я пол. 1820-х гг. (Государственный Русский музей).
11. З. А. Волконская в роли Жанны д'Арк, рисунок Д. Веновитинова, 1827 г. (ИРЛИ АН СССР).
12. Портрет З. А. Волконской, литография с ориг. К. Агрикола, 1828 г.
13. З. А. Волконская, рисунок в альбоме, неизв. художник, кон. 1820-х гг. (ЦГАЛИ).
14. Портрет З. А. Волконской, акварель К. Брюллова, 1830 г. (Лондон).
15. Портрет З. А. Волконской, гравюра К. Майера с ориг. К. Брюллова, сер. 1830-х гг.
16. Портрет З. А. Волконской, литография П. Рауумихина с ориг. К. Брюллова, сер. 1830-х гг.
17. Портрет З. А. Волконской, акварель Бенвенутти, 1838 г. (Римское собрание).

18. Вилла З. А. Волконской (изображены З. А. Волконская, Н. В. Гоголь и С. П. Шевырев), рисунок В. А. Жуковского, 1839 г. (Римское собрание).
19. Портрет З. А. Волконской, литография Баттистелли с ориг. Э. Росси, 1840-е гг.
20. Бюст З. А. Волконской, раб. П. Тенерани, мрамор, 1840-е гг. (Римское собрание).
21. З. А. Волконская в старости, камея, итал. раб., 1850-е гг. (Римское собрание).

Л. И. Вуич

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ Г. А. ПУШКИНА, МЛАДШЕГО СЫНА ПОЭТА

В Ростовском-на-Дону областном музее изобразительных искусств с довоенных лет хранится «Мужской портрет» работы И. К. Макарова. Выполненный маслом на холсте, который затем дублирован на стекло, он представляет молодого человека в мундире Пажеского корпуса. Юноша изображен в фас, внизу слева подпись: «И. Макаров, 1884». Внимание исследователей привлекло сходство модели, изображенной на «Мужском портрете» И. К. Макарова, с известным рисунком Н. П. Ланского, где запечатлен Г. А. Пушкин, младший сын поэта.

И. К. Макаров, академик живописи, — достаточно известный портретист второй половины XIX в. Он родился в 1822 г. в г. Саранске, в семье художника, воспитанника «Арзамасской школы» живописи, а затем основателя и руководителя Саранской художественной школы, бывшего крепостного пензенского помещика Горихвостова — К. А. Макарова. В 1845 г. И. К. Макаров был принят в Академию художеств и окончил ее в 1852 г. В конце академического курса он избрал для себя специальностью портретную живопись, которая быстро принесла ему успех в петербургском обществе. В свите великой княгини Марии Николаевны молодой художник отправляется в 1853 г. в поездку по Европе. По возвращении в Россию в 1855 г. ему было присвоено звание академика. «В 50—60-х годах не было светской гостиной, где бы не красовалась головка работы И. К. Макарова. Кисть его была мягкая и деликатная, рисунок отличался безусловной точностью и смелостью прежних русских мастеров...» — писала газета в некрологе на смерть художника в 1897 г.¹

Творческая биография И. К. Макарова отмечена тем, что в конце 40-х гг., еще будучи учеником Академии художеств, он много работал в семье Пушкиных—Ланских. Выдвигая предположение, что «Мужской портрет» — это портрет Г. А. Пушкина, мы опирались на факт создания И. К. Макаровым в 1849 г. портретов Н. Н. Пушкиной-Ланской и дочерей

¹ Вырезка статьи из газеты 1897 г. хранится в картотеке Б. Л. Модзалевского в Пушкинском Доме. Название газеты не указано.

З. А. Волконская.

Литография неизвестного художника. 1820-е гг.

Жанна д'Арк.
Гравюра Мариетта с портрета Виньона.
XVII в. Фрагмент.

Жанна д'Арк.

Гравюра Антуана Сержана по его же оригиналу.
1787 г.

Мужской портрет (Г. А. Пушкин?)
Худ. И. К. Макаров, 1884 г.

А. С. Пушкина: Марии и Натальи. Эти портреты широко известны, в последнее время получили новую атрибуцию и серьезные исследования.² Историю написания своего портрета Наталья Николаевна подробно излагает в нескольких письмах к П. П. Ланскому. В частности, 8 июля 1849 г. она пишет:

«...Макаров, автор этого сюрприза, с нетерпением ждет сообщения о впечатлении, которое на тебя произведет портрет. Надо мне тебе рассказать, каким любезным образом он предложил мне свои услуги, чтобы вывести меня из затруднения с дагерротипом и фотографией, которые у меня были, потому, что оба они были неудачными. Он пришел однажды утром к нам работать над портретами детей, и мне пришла в голову мысль посоветоваться с ним, нельзя ли как-нибудь подправить фотографию, и не поможет ли в этом случае кисть Гау.— Да, сказал он, может быть. Потом глядя на меня очень пристально, что меня удивило, он сказал:— Послушайте, сударыня, я чувствую такую симпатию к вашему мужу, так его люблю, что почту себя счастливым способствовать удовольствию, которое вы хотите ему доставить. Разрешите мне написать ваш портрет <...> Не забудь ему выразить благодарность свою, я непременно ее передам. Мы расстались с ним очень тепло, он обещал время от времени бывать у нас».³

Думается, если бы художник работал только над портретами девочек, то Наталья Николаевна, с характерными для нее обстоятельностью и точностью, так и написала. Но речь идет именно о портретах детей, написанных И. К. Макаровым в период 1849—1852 гг. (т. е. до отъезда художника за границу в 1853 г.),⁴— портретах, которые в наше время не все известны. И вот находка в Ростовском музее!

² См.: Седова Е. Н. Два портрета Н. Н. Пушкиной-Ланской. — В кн.: Панорама искусств. М., 1980, вып. 3, с. 201—209.

³ Ободовская И. М., Деметьев М. А. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. — М., 1980, с. 161.

⁴ Внимательно вчитываясь в строки вышеприведенного письма Натальи Николаевны от 8 июля 1849 г., мы также обратили внимание на фразу: «Теперь он начал писать портреты г-на и г-жи Айвазовских». Из этого сообщения видно, что летом 1849 г. в доме у Натальи Николаевны, а возможно, и в обществе и, конечно, в Академии художеств происходили частые встречи И. К. Макарова и И. К. Айвазовского. Понятно также, что характер общения молодого начинающего портретиста и молодого, но уже европейски знаменитого художника был дружеский.

Как известно, И. К. Айвазовский пронес через всю свою жизнь восторженное, глубокое чувство любви и почитания Пушкина — поэта и человека. Дважды в своей жизни Айвазовскому посчастливилось увидеть его. Навсегда запечатлелась в памяти художника встреча в 1836 г. на выставке в Академии художеств, которую Пушкин посетил вместе с Натальей Николаевной и где Айвазовский был ему представлен. Позже он напишет об этом в своих воспоминаниях.

В книге И. М. Ободовской и М. А. Деметьева «После смерти Пушкина» (гл. «Светские встречи») подробно описаны дружеские взаимоотношения семьи Пушкиных-Ланских и молодой четы Айвазовских, упоминается также о подаренной художником картине с надписью: «Наталье Николаевне Ланской от Айвазовского. 1 января 1847 г. С.Петербург». Дата в дарственной надписи указывает на то, что добрые связи существовали и до 1849 г. Но дело в том, что при жизни Пушкина художник не был вхож в дом поэта. Когда же появились столь близкие отношения?

Все это заставило более пристально всмотреться в «Мужской портрет».

Как уже говорилось, на портрете изображен юноша в форме камер-пажа. У него мягкий овал лица; прозрачные, светлые зеленовато-карие глаза, темно-каштановые, слегка вьющиеся волосы; довольно длинный нос с заметной горбинкой; красивой формы, четко вылепленные губы. Фон — золотисто-коричневый, манера письма гладкая, жидкими красками с лессировками. Общая цветовая гамма — соединение теплых охристо-коричневых тонов, неярких, неконтрастных, плавно переходящих из одного в другой.

Об этом портрете имеются упоминания в двух работах, посвященных творчеству художника.

Его ввук И. К. Макаров пишет в своей книге: «Среди других живописных работ И. К. Макарова выделяются еще две. Эти две написаны художником на стекле с изнанки. Для этого надо было всю работу от начала до конца вести в обратном порядке: лессировка, последние завершающие штрихи, блеск глаз ложился на стекло ранее всех, а за ними следовали темные места, фон; все, что составляло второй план, оказывалось последними штрихами, заканчивающими работу».

Самая ранняя — это образ „Нерукотворный спас“ (<...> Вторая работа — „Портрет камер-юнкера“ — хранится в Ростовском-на-Дону музее изобразительных искусств. Этот портрет характеризует определенное, близкое к академическому направление русского искусства второй половины

Необходимо было найти ответ на этот вопрос. Просматривая документы жизни и творчества И. К. Айвазовского, в письме художника к А. Р. Томилову от 10 мая 1843 г. из Парижа мы обнаружили следующие строки: «... Это письмо взялся доставить добрый Петр Петрович Ланской, который едет сегодня в Петербург. Мы часто говорили с ним про Вас, про Ваше доброе пощечение обо мне и проч. Он может рассказать подробнее про меня и картины мои. Извините, что так бессвязно и спешу написать, сейчас уезжает» (А й в а з о в с к и й И. К. Документы и материалы. Ереван, 1967, с. 71). Значит, Айвазовский был знаком с П. П. Ланским еще до его женитьбы на Н. Н. Пушкиной? В примечаниях к письму указано: «Ланской Петр Петрович — генерал-адъютант, крымский помещик». Как известно, И. К. Айвазовский родился (1817) и вырос в Феодосии. Но был ли интересующий нас П. П. Ланской крымским помещиком? В биографии А. П. Ланского (одного из четырех братьев Ланских) читаем: «... Ланские обладали именем под самой Феодосией, и, подолгу проживая там, он в детстве научился татарскому языку...» (Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906, с. 332). Все встало на свои места. Именно близкое знакомство с П. П. Ланским дало возможность Айвазовскому посещать дом, который с июля 1844 г. стал кровом для вдовы и детей А. С. Пушкина.

И. К. Айвазовский вернулся в Россию из поездки по Европе в июне 1844 г. С этого времени он имеет постоянную связь с Академией художеств, часто приезжает в Петербург. В 1845 г. в Академию художеств поступает учиться И. К. Макаров. Можно предположить, что именно Айвазовский рекомендовал молодого талантливого портретиста Наталье Николаевне и П. П. Ланскому. Но важно то, что портрет Натальи Николаевны и портреты детей поэта писались Макаровым в тот же отрезок времени, что и портреты Айвазовских. (Портреты Айвазовских работы И. К. Макарова в настоящее время неизвестны.)

XIX века...»⁵ Не возражая против такой характеристики портрета, трудно согласиться с остальными утверждениями о характере исполнения и технике данной работы.

Осмотр портрета с привлечением реставраторов показал, что первоначально он был написан на холсте, а затем переведен на стекло. Отчетливо сохранились следы нитяных переплетений холста на грунте, от гвоздей на подрамнике, а в некоторых местах и кромка холста.

Таким образом данная работа не может быть отнесена к числу тех двух, выполненных в столь оригинальной технике, описанной И. К. Макаровым.

Сличение портрета с уже известными изображениями Г. А. Пушкина — рисунком Н. Ланского, сухого, но точного рисовальщика, акварелью Райта (1844), а также фотографиями середины 60-х гг. — обнаруживает несомненное сходство. Оно прослеживается в овале лица, разрезе глаз, линии носа и подбородка, вырезе ноздрей, форме лба, характерном изломе верхней губы и выразительной линии бровей.

Одинакова форма, в которой мы видим Г. А. Пушкина на рисунке Н. П. Ланского (1851) и на определяемом портрете, — это мундир Пажеского корпуса. По свидетельству специалистов, такая форма была принята в Пажеском корпусе в первой половине 50-х гг.⁶

⁵ Макаров И. К. Записки о семье художников Макаровых. Саранск, 1974, с. 44. — По поводу расхождения в названии работы И. К. Макарова можно предположить следующее. Оба названия — «Портрет камер-юнкера» (так именуется эту работу и Л. Б. Федосеевко в своем альбоме «Иван Кузьмич Макаров» (Саранск, 1973)) и «Мужской портрет» (Каталог живописи. РОМИИ (1966 г.)) — были даны, исходя из визуального определения. Молодой человек, изображенный на портрете, одет в мундир Пажеского корпуса, т. е. является камер-пажем, отсюда — «Портрет камер-юнкера». Что же касается второго названия, то сотрудники музея, получив работы из эвакуации без каких-либо сопроводительных документов, некоторым произведением, названия которых не могли точно восстановить, давали произвольные. Так появился «Мужской портрет» (свидетельство главного хранителя Ростовского музея изобразительных искусств К. Т. Мицкевич). Таким образом, и первое и второе названия работы скорее предполагают, нежели отрицают третье — подлинное.

⁶ См.: Формы одежды. — В кн.: Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет. 1802—1902 / Сост. Д. М. Лёвшин. СПб., 1902, т. 2, с. 495—511. — В возрасте 14 лет Г. А. Пушкин, как и его старший брат А. А. Пушкин, после окончания гимназического курса в 1849 г. был определен в Пажеский корпус, который окончил в 1853 г. По просьбе авторов, специалистом по истории военной формы А. М. Горшманом проведена детальная атрибуция мундира и дано следующее заключение: «... с 26 февраля 1845 года воротники на мундирах пажей и камер-пажей стали делаться ниже против ранее существовавших. До этого времени воротники были высотой 2 вершка (8,9 см) <...> новые воротники стали иметь высоту 1 вершок с четвертью (5,6 см), т. е. как раз на эту высоту и смотрятся воротник на обоих портретах.

<...> На карандашном рисунке Григорий Пушкин еще просто паж, ибо на воротнике видна одна петлица, а вот на анфасном портрете <...> у него на воротнике есть <...> еще галун, нашитый вдоль верхнего и бокового краев воротника <...> значит, он уже камер-паж, т. е. состоит в выпускном классе Пажеского корпуса, и портрет надобно датировать 1852-м или 1853-м годами (в выпускном классе учились полтора года или год в зависимости от способностей или успехов» (из письма А. М. Горш-

Дополнительные визуальные исследования атрибутируемого портрета и портрета М. А. Гартунг, также работы И. К. Макарова, показали наличие фамильного сходства: нос, губы, разрез глаз имеют определенно выраженные идентичные формы.

Естественно, захотелось сравнить данный портрет с известными изображениями А. С. Пушкина и Н. Н. Пушкиной-Ланской. Исследования также привели к выявлению фамильного сходства: лоб, нос, губы — А. С. Пушкина, овал лица, цвет глаз, брови — Н. Н. Пушкиной-Ланской.

Для определения степени фамильного сходства мы решили обратиться не только к непосредственному сличению портретов членов семьи А. С. Пушкина, но и привлечь свидетельства современников об облике детей поэта, в первую очередь — младшего сына Григория.

Как выглядел в жизни Григорий Александрович Пушкин? Наталья Николаевна сообщала П. П. Ланскому в письме от 2 сентября 1849 г.: «Вообрази, что в корпусе все находят, что Гриша очень красивый мальчик, гораздо красивее своего брата, и по этой причине он записан в дворцовую стражу, честь, которой Саша никогда не мог достигнуть, потому что он числится в некрасивых. Когда Гриша появился в корпусе, все товарищи пришли сказать Саше, что брат на тебя ужасно похож, но сравненья нет лучше тебя».⁷

А это непосредственные впечатления современника уже в 80-х гг.: «Он был среднего роста, хорошо сложенный и сухой, темный патен с небольшой бородой, живыми глазами <...> сразу бросалось в глаза его сходство с отцом, особенно нос, глаза и, мне казалось, голос и манеры...» — таким увидел Григория Александровича Г. М. Ладыженский, внук Е. Н. Вревской (Вульф).⁸

С. Яблоновский, посетивший Михайловское в 1898 г., писал в своем очерке: «...я невольно поразился огромным сходством Григория Александровича с отцовскими портретами: такой же нос, такой же лоб, тот же склад лица, только волосы не вьются, да длинная седая борода».⁹

Из приведенных выше свидетельств можно сделать следующий вывод: литературные источники не противоречат визуальным исследованиям, напротив — подтверждают их.

Однако полной уверенности в том, что на портрете И. К. Макарова изображен Г. А. Пушкин, эти исследования дать не могли. Решающее слово осталось за криминалистами. Физиологический анализ проведен сотрудниками экспертно-криминалистического отдела УВД Ростовского Облсполкома. Главный исполнитель — эксперт И. М. Жук.

Для сравнительного анализа с определяемым портретом из изображений Г. А. Пушкина был выбран уже упоминавшийся рисунок Н. П. Ланского (1851).

мана от 25 октября 1984 г.). Из камер-пажей Г. А. Пушкин был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк.

⁷ Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина: Неизвестные письма, с. 149.

⁸ Воспоминания Г. Ладыженского. ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 207.

⁹ Яблоновский С. Поездка в Михайловское: У Григория Александровича Пушкина. — *Сын Отечества*, 1899, 9 февраля, № 38.

Сравнивая эти два изображения, эксперты выявили ряд совпадений деталей лица по следующим признакам: конфигурации верхнелобной линии роста волос, конфигурации линии левой брови, размеру и форме носа, конфигурации линии губ и форме углов рта, относительному расстоянию между углами рта и глазной раковины.

Но категорического заключения дано не было. Причина этого — разноречивость изображений сравниваемых лиц и то, что сравниваемые объекты являются рисованными портретами.

Исходя из того, что совпадающих признаков обнаружено значительно больше, чем несовпадающих, было высказано предположение: на сравниваемых портретах, вероятно, изображено одно и то же лицо, т. е. Г. А. Пушкин.

К этому заключению можно добавить, что обе модели объединяет сходство в выражении лица, отражающем одинаковое душевное состояние.

Таким образом, визуальные исследования и сопоставление свидетельств современников подтверждают предположение, что на портрете И. К. Макарова изображен Г. А. Пушкин. И сразу возникает новый вопрос: почему портрет датирован 1884 г.? Ведь в это время Г. А. Пушкину было около пятидесяти лет. Первоначально появилось мнение, что портрет был написан задним числом с дагерротипа, о котором упоминает Н. Раевский в своей книге «Портреты заговорили».¹⁰ Но тщательный осмотр работы дал возможность выдвинуть гипотезу, что портрет написан в начале 50-х гг. и уже позднее, очевидно именно в 1884 г., подновлен и переведен на стекло, — об этом свидетельствуют и следы остатков холста на грунте.¹¹

Размеры «Мужского портрета» несколько не совпадают с размерами портретов девочек: он немного больше. Все четыре (вместе с портретом Натальи Николаевны) известных теперь портрета этого периода различаются размерами, но таким образом, что невольно возникает впечатление единого временного и бытового фактора их написания. Рама на

¹⁰ «Но лучше всего Пушкина-Ланская вышла на отлично сохранившемся дагерротипе (...). В одинаковых платьях и чепцах сидят рядом Наталья Николаевна и Александра Николаевна. За ними сбоку трое детей Пушкиных — сыновья в мундирах пажей и девочка-подросток (младшая дочь Наталья) (...). Дагерротип снят не в ателье, а в комнате (видны книжные шкафы) и, по всей вероятности, относится к 1850 или, самое позднее, к 1851 году (старший сын А. А. Пушкин окончил Пажеский корпус в 1851 году)» (Раевский Н. А. Портреты заговорили. 2-е изд. Алма-Ата, 1976, с. 28). К сожалению, в настоящее время этот дагерротип неизвестен.

¹¹ В Государственном архиве Ростовской области в фонде Ростовского Областного музея изобразительных искусств выявлен следующий документ: «Приложение № 4 к протоколу № 1 Научно-Художественного Совета Музея от 26.IX.1945 г. Схематический план экспозиции живописи, графики, скульптуры и репродукций в Ростовском Областном музее изобразительных искусств», где в числе работ, включенных в «Раздел 1. Русские мастера. Портретисты реалистического направления начала и 1-й пол. 19 века» значится и «Мужской портрет» И. К. Макарова. Это дает основание полагать, что уже тогда, т. е. в 1940-х гг., имеющаяся датировка портрета (1884 г.) вызывала у специалистов музея сомнения (Ф. Р. — 4399, оп. 1, д. № 7).

«Мужском портрете», как видно, специально заказанная для него, близка по своему оформлению к рамам на портретах девочек, особенно Н. А. Пушкиной. Это также косвенно подтверждает версию, что портреты сестер и Григория Пушкиных писались в одно и то же время.

Можно предположить, не явился ли этот портрет, в том виде, в котором он известен нам, свадебным подарком Г. А. Пушкина своей жене? В октябре 1883 г. Г. А. Пушкин женился на В. А. Мошковой (урожд. Мельниковой).

Вероятно, по старой памяти Г. А. Пушкин обратился с просьбой привести портрет в необходимое состояние к художнику, который многие десятилетия поддерживал постоянную связь с семьей Пушкиных-Ланских. Во время реставрации и появилась подпись и датировка портрета. Но подчеркиваем, что это пока еще рабочая гипотеза. Окончательные ответы на все вопросы мы сможем получить лишь после полного технологического исследования портрета, которое задерживается из-за необходимых реставрационных работ.

Как видим, в процессе атрибуции выявился ряд загадок, связанных с историей создания портрета. Но не меньший интерес представляет история поступления его в Ростовский музей изобразительных искусств. Насколько в настоящее время известно пушкинистам, никто из ближайшего родственного окружения детей А. С. Пушкина в конце XIX—начале XX в. в Ростове-на-Дону не проживал. В ходе поиска мы обращались в Ростовский Областной музей краеведения, в Областной исторический архив и Областной архив ЗАГС, в крупнейшие книгохранилища Ростовской области, встречались и беседовали со старыми ростовскими краеведами, художниками, старожилами города.

Выяснить удалось следующее. По воспоминаниям ростовского художника С. С. Скопцова, портрет был куплен для музея случайно у двух неизвестных лиц на так называемом «Новом базаре» в Ростове в 1929 г.¹² Портрет ими, вероятно, был где-то украден. В период гражданской войны в Ростове-на-Дону имели место случаи грабежа квартир зажиточных граждан, о чем свидетельствуют документы и сообщения местной печати.

¹² С целью максимального уточнения названной даты мы обратились за справкой к председателю Ростовской Областной секции охраны памятников архитектуры Ростовского отделения ВООПИиК архитектору, историк-краеведу А. П. Зимину, который любезно сообщил нам, что «Новый базар», существовавший с 1825 г. в районе западных крепостных ворот крепости св. Дм. Ростовского, находился на месте, где в настоящее время высится здание Дома Советов. К началу XX в. эта территория представляла собой пустырь, на котором размещался базар. В 1905 г. архитектором А. А. Яценко на пустыре была построена церковь Александра Невского («Новый собор»), вокруг нее оформлена площадь, а «Новый базар» потеснили ближе к берегу Дона. Теперь он примыкал к церкви с юго-восточной стороны. В 1925 г. принимается решение о закрытии Александро-Невской церкви и начинается слом здания, оказавшийся очень затяжным, так как стены достигали толщины до 2 м 12 см. К концу 1929 г. слом здания был завершен, а «Новый базар» ликвидирован; на его месте в начале 1930 г. началось строительство Дома Советов по проекту архитектора И. А. Голосова.

Таким образом, дата приобретения портрета, даже при возможном отклонении в 2—3 года, имеет конечным именно 1929 г.

Среди расхищаемых ценностей было немало произведений искусства, так как к началу 1890-х гг. в Ростове выявилась определенная группа из представителей интеллигенции и купцов-меценатов, собравших в своих особняках целые картинные галереи.

Поиск бывших владельцев портрета Г. А. Пушкина осложняется тем, что волею какого-то непонятого стечения обстоятельств ни в одном из известных нам в настоящее время документальных источников (кроме цитировавшихся выше писем Н. Н. Пушкиной-Ланской) прямых сведений о портрете не обнаружено. Мы обращались за помощью к потомкам А. С. Пушкина — правнучке поэта Н. С. Шепелевой и праправнучке И. Е. Гишман, но, к сожалению, семейные предания о портрете Г. А. Пушкина работы И. К. Макарова им неизвестны. Возможно, данный факт объясняется обособленностью жизни Г. А. Пушкина.

Выйдя в отставку, он с 1866 г. обосновался на постоянное жительство в Михайловском. Григорий Александрович прожил в родовом имении 33 года и только в 1899 г., после продажи Михайловского в казну, покинул его, переехав в имение жены.

Если допустить, что портрет был вручен чете Пушкиных в 1884 г., то тогда его след ведет в Михайловское, а затем, после 1899 г., — в усадьбу «Маркутье» под Вильнюсом. Но пока сведений о том, что портрет был в Михайловском, не обнаружено.

И. К. Макаров прожил долгую жизнь, он умер в 1897 г. в Петербурге. Начало его знакомства с семьей Н. Н. Пушкиной-Ланской относится к 1849 г. Считавшаяся по сию пору последней по времени создания работа художника, имеющая отношение к семье Пушкиных-Ланских, — «Детский портрет сестер Араповых»,¹³ внучек Натальи Николаевны, — датирована 1879 г. Как известно, во втором браке Наталья Николаевна имела трех дочерей: Александру, Софью и Елизавету. Волею судьбы Александра и Елизавета Ланские в середине 60-х гг. выходят замуж за родных братьев Араповых: Ивана Андреевича и Николая Андреевича. И. А. Арапов к концу 90-х гг. получил чин генерал-лейтенанта и был в числе первых промышленников Пензенской губернии. Центральной усадьбой имени Араповых являлась Ламша.

В 80-х—90-х гг. в летнее время в Ламшу часто приезжала погостить к сестре М. А. Гартунг, а позже стал бывать и А. А. Пушкин, иногда с детьми. Сюда приходили письма и от Г. А. Пушкина из Михайловского.

Жизненные дороги людей пересекаются порой самым неожиданным образом. В 1852 г. родные И. К. Макарова (отец, мать, братья и сестры) переезжают из Саранска в Пензу. С этого времени Пенза прочно вошла в жизнь художника. Внук И. К. Макарова пишет в своей книге:

«Письма с приглашениями ожидали приезда Ивана Кузьмича в отцовском доме в Пензе. Присылались они и в Петербург. Это были любезные напоминания старых друзей и знакомых о данных когда-то обещаниях; отказаться было неудобно, и Иван Кузьмич ехал и писал портреты, а иногда, по особому заказу, и иконы».¹⁴

¹³ В настоящее время портрет находится в Пензенской картинной галерее.

¹⁴ Макаров И. К. Записки о семье художников Макаровых, с. 66.

Несомненно, сын Н. Н. Пушкиной-Ланской был в числе самых желанных заказчиков художника до конца его дней.

В семье Араповых, конечно, имелись портреты работы Макарова, которые в настоящее время неизвестны. Они или просто затерялись, или даже погибли в череде лет и событий. Сведения об одном из таких портретов есть, например, в воспоминаниях Е. Н. Бибиковой (речь идет о портрете Натальи Николаевны): «Няня только одна упоминала о жизни Пушкиных, так как бабушка об этом никогда не говорила. Она всегда была грустная, одетая в черное с белыми воротничками и манжетами и черной кружевной косынкой на голове, как она изображена на своем портрете кисти Макарова...».¹⁵

Е. Н. Бибикова — это уже самое молодое поколение разросшейся к началу XX в. семьи Пушкиных—Ланских—Бибиковых—Араповых—Шиповых. К началу века во главе этого клана стояла А. П. Арапова. Она вела большую переписку со своими родными сестрами, а также родными по матери братьями и сестрами Пушкиными. Г. А. Пушкин до конца своих дней имел довольно прочную деловую и родственную связь с А. П. Араповой — об этом свидетельствуют письма, имеющиеся в фондах Рукописного отдела ИРЛИ. А. П. Арапова принимала близко к сердцу заботы Григория Александровича, и поэтому естественно предположить, что она имела отношение к истории создания портрета. В таком случае появление портрета в Ростове может быть связано с судьбой кого-то из молодого поколения Араповых. Например, упоминавшаяся выше Е. Н. Бибикова многие годы прожила не так далеко от Ростова-на-Дону, в Пятигорске, где стоял полк ее мужа В. Д. Бибикова.¹⁶

Каждое из приведенных выше обстоятельств могло иметь отношение к тому, что в конце прошлого или начале нынешнего века в одном из домов Ростова появился портрет юноши в мундире камер-пажа. Пока неизвестно имя хозяина этого дома. Но важно главное. Летом 1849 г. судьба привела в дом вдовы Пушкина молодого художника. Он написал портреты детей поэта. Изображение младшего сына А. С. Пушкина стало известно нам спустя 130 лет.

А. А. Нарыжная, Т. В. Ковалева

¹⁵ Бибикова Е. Н. Мои воспоминания о Пушкине и его потомках — по рассказам матери — Елизаветы Петровны Бибиковой (р. Ланской, в 1-м браке Араповой). — ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175. — Елизавета Николаевна Бибикова (урожд. Арапова) — внучка Н. Н. Пушкиной-Ланской.

¹⁶ А. П. Арапова в письме к Г. А. Пушкину от 25 марта 1894 г. сообщала: «Лиза всю эту зиму безвыездно провела в Пятигорске...» (Письма А. П. Араповой к Г. А. Пушкину. — ИРЛИ, Архив «Маркутье», ф. 246, № 35).

IV. ХРОНИКА

ПУШКИН В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

(Хроника конференции)

4-го апреля 1984 г. в Институте востоковедения АН СССР (далее ИВ АН СССР) проходила научно-теоретическая конференция «Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока», приуроченная к 185-летию со дня рождения поэта.

Подобная конференция проводилась в ИВ АН СССР второй раз. Первая состоялась ровно 10 лет тому назад.¹ И та, и другая ставили своей задачей подвести некоторые итоги возрастающего интереса к творчеству Пушкина со стороны читателей афро-азиатского континента; выявить, какие произведения великого русского поэта более популярны у нового поколения читателей в странах зарубежного Востока.

Открывая конференцию, член-корреспондент АН СССР, заведующий Отделом литератур зарубежного Востока ИВ АН СССР проф. Е. П. Чельшев сказал:

— Великая освободительная миссия русской классики, от Пушкина до Горького, по признанию писателей Азии и Африки, сделалась определяющим фактором ее могучего воздействия на литературы стран Востока. Сегодняшний интерес в ориентальном мире к нашей стране, ее богатой и многонациональной культуре и, в частности, к Пушкину имеет свои особенности. Во-первых, это результат небывалого подъема национальных литератур афро-азиатского континента как в силу собственных художественных возможностей, так и благодаря тесным связям с русской и советской литературами. Это выражение глобальных социальных преобразований, там происходящих. Во-вторых, налицо возросшая зрелость переводов русской художественной литературы непосредственно с подлинника на языки, далекие от русского и по своей структуре, и по звуковому составу. Наконец, мы сталкиваемся сегодня на Востоке с новым явлением в духовной жизни, когда национальная интеллигенция хочет «по Пушкину» определять типологические особенности, которые давали бы национальному писателю право на имя классика. Отталкиваясь от наших представлений о Пушкине, читательские круги в странах Азии видят в нем

¹ Об этом см.: Вестник Академии наук СССР. М., 1974, № 10, с. 105—107; Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, вып. 1, с. 92—93; Народы Азии и Африки, 1974, № 6, с. 225—228; Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977, с. 167—169.

писателя, наиболее полно отразившего в своем творчестве привлекательные черты русского национального характера. Отсюда — стремление типологически сопоставить Пушкина с основоположниками своих национальных литератур.

Далее Е. П. Чельшев ознакомил собравшихся со своим докладом о значении Пушкина и Мухаммеда Икбала (создателя литературы на языке урду), прочитанным им по просьбе индийских коллег во время празднования в 1977 г. 100-летия со дня рождения М. Икбала.

Общезвестен интерес поэта к судьбам всего человечества, начиная «от западных морей до самых врат Востока» (III, 1036). Уловив эту особенность пушкинского наследия, переводчики стремились и стремятся, как показали материалы прошедшей конференции, представить великого поэта России своим современником. Еще в начале 1930-х гг. так работал над переводом «Цыган» известный китайский писатель-публицист Цэй Цюбо.

О стремлении приспособить поэмы и стихи Пушкина к своей национальной среде, своему времени, наконец, художественному уровню родной литературы говорила А. А. Долянина (ЛГУ) в докладе «Арабский перевод поэмы „Цыганы“». Остановившись на последнем по времени (1982) переводе, выполненном с английского Махмудом Баргумом, исследовательница отметила, что переводчик увидел в поэме не «страсти роковые», а образ обманутого мужа, который убил неверную жену и ее любовника. Из-за купюр, допущенных переводчиком, — в том числе отсутствия расказов старого цыгана о Мариуле и об Овидии, — поэма Пушкина превратилась в произведение, близкое по духу к отдельным романам современной арабской литературы, мораль которых сводится к тому, что предоставление женщине свободы ведет к падению семейных нравов.

Особенностям перевода романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на персидский язык был посвящен доклад другого профессора Ленинградского университета — А. З. Розенфельд.

Накануне конференции увидела свет монография А. И. Мамонова (ИВ АН СССР, Москва) «Пушкин в Японии» (М., 1984). Это первая и пока единственная в истории отечественного пушкиноведения монография о восприятии прозы и стихов русского гения в одной из стран Дальнего Востока. В своем выступлении ученый обобщил впечатления о переводах Пушкина в Японии.

Сегодня в странах зарубежного Востока, особенно в Индии, Японии, арабском мире, ведутся большие работы по переводу произведений русской классики. Так, в Ираке издана школьная хрестоматия, в которой представлены переведенные с языка подлинника стихи Пушкина, отрывки из его прозаических произведений. Аналогичная хрестоматия выпущена в этой же стране на курдском языке.

«Кольбелью перевода стихов Пушкина на иврит была и остается Россия» — так начал свое сообщение «Первые переводы произведений А. С. Пушкина на иврит» Л. Е. Вильскер (Ленинград). Исследователь остановился на сборнике Авраам-Бера Готлобера, который еще в 1837 г. едва ли не первым перевел с русского на иврит стихи Н. М. Карамзина и И. А. Крылова. В 1847 г. появился первый перевод стихов Пушкина на иврит. В роли переводчика выступил Леон (Арье-Лейб) Иосифович Ман-

дѣльштам. Его выбор пал, как установил исследователь, на семистрочное стихотворение «Последние цветы» («Цветы последние милей / Роскошных первенцов полей»). Не опубликованное при жизни Пушкина, оно было напечатано его друзьями в первом номере журнала «Современник» за 1838 г. К концу XIX в. абсолютное большинство произведений Пушкина было переведено на иврит и опубликовано в России.

Е. А. Западова (ЛО ИВ АН СССР, Ленинград) в своем сообщении «Произведения А. С. Пушкина на бирманском языке по материалам последних лет» проанализировала своеобразные переводы свободным стихом такого лирического шедевра Пушкина, как «Я помню чудное мгновенье».

По мнению Е. А. Западовой, именно гуманностью стихов Пушкина, о которой полтора века тому назад писал Белинский, объясняется сегодня глубокий интерес к его лирике, интенсивность ее восприятия за рубежом. Русская классика, таким образом, выступает благодатной почвой, которая сближает широкие круги читателей в странах Европы и Азии, во многом удовлетворяя духовные запросы новых поколений.

С развернутыми сообщениями об отношении к творчеству Пушкина в предвоенные годы в Турции и в первые послевоенные — в Корейской Народно-Демократической Республике выступили сотрудники ИВ АН СССР (Москва) Н. А. Айзенштейн и В. И. Иванова.

С сообщениями об особенностях перевода прозы и стихов Пушкина на языки Индии, кроме Е. П. Чельшева, выступили И. Д. Серебряков (ИВ АН СССР, Москва) и А. П. Гнатюк-Данильчук (МГИМО, Москва).

В центре первого сообщения — рассмотрение вероятных путей знакомства индийской интеллигенции с творчеством великого русского поэта. И. Д. Серебряков обратил внимание на судьбу миссионера Джемса Лонга, жившего в Петербурге с 1823 по 1834 г. и отправившегося затем в Индию, где он позднее издал в переводе на бенгальский язык басни П. А. Крылова. Ученый предположил, что Лонг одним из первых донес до Индии сведения о Пушкине.

В центре второго сообщения оказался материал, относящийся к более позднему времени. В нем шла речь об участии родственников Р. Тагора в переводе с французского пушкинской прозы.

С докладом «Произведения А. С. Пушкина в современном Китае» выступил А. Н. Желоховцев (ИДВ АН СССР, Москва), отметивший, что за последние годы в КНР практически были переизданы все сочинения Пушкина, переведенные на китайский язык в предшествующие десятилетия. В китайской печати, заметил докладчик, в последнее время поднимается вопрос о восстановлении памятника Пушкину в Шанхае, разрушенного в конце 30-х гг. японскими захватчиками, а в годы культурной революции — маоистскими штурмовиками.

В 1983 г. почитатели творчества Пушкина впервые получили возможность прочитать на родном языке роман «Арап Петра Великого». Он вошел в собрание сочинений Пушкина, изданное в Аньхое и насчитывающее 520 с.

Самым популярным произведением Пушкина в КНР остается «Дубровский», первый перевод которого осуществлен в 1937 г. В последние годы здесь был переиздан сборник критических статей о Пушкине под редакцией Гэ Баоцзяня.

В настоящее время в КНР переводятся и художественные произведения советских писателей, посвященные трагической судьбе поэта.

Еще на предыдущей конференции отмечалось, что характер художественного интернационализма Пушкина, динамика его становления и развития, как и многообразие форм его проявления в стихах и прозе, еще не изучены до конца. Эта проблема, продолжающая оставаться весьма актуальной, оказалась в центре докладов и сообщений нынешней конференции, посвященных интересу самого Пушкина к странам Востока, их историческому прошлому, религии, поэзии, языкам.

Сотрудник ИВ АН СССР А. Н. Хохлов (Москва) ознакомил собравшихся с малоизвестными упоминаниями о Пушкине в письмах его младшего современника Н. И. Любимова, впоследствии дипломата в Китае, выявленными ученым в архивах.

В докладе Д. И. Белкина (Горький) «Эстетические и этические принципы Пушкина в процессе работы над образом африканца Ибрагима Ганнибала» рассматривался процесс использования Пушкиным-прозаиком в своем романе ранее накопленного им опыта по воссозданию в стихах и поэмах многочисленных ориентальных образов.

Теме Африки в творчестве Пушкина посвятил свое сообщение, озаглавленное «Под небом Африки моей», журналист-международник А. М. Букалов (Москва).

Он поделился результатами предпринятых им розысков сведений о родственниках Ганнибала в Эфиопии, где длительное время находился по роду своей службы, а также отметил большой интерес к Пушкину в этой стране.

В ряде докладов и выступлений было показано, что каждая из историко-культурных цивилизаций на Востоке имела для Пушкина свое лицо, свой характер, особую неповторимую красоту и, наконец, право на свое поэтическое воспроизведение.

Интересным оказалось сообщение сотрудника ИРЯ АН СССР М. Ф. Мурьянова (Москва), посвященное пушкинскому эпитету «неруко-творный», его библейскому и византологическому аспектам.

Доклады и сообщения вызвали оживленный обмен мнений. В центре дискуссии оказалась проблема неизбежных художественных потерь при переводе творений Пушкина на восточные языки. Так, в выступлении С. В. Прожогойной (ИВ АН СССР, Москва) прозвучало опасение: поскольку среди существующих переводов стихов и поэм Пушкина на языки народов Востока многие весьма далеки от достоинств подлинника, как, к примеру, перевод Махмудом Баргумом «Цыган», не складывается ли у читателей обедненное представление о великом русском классике?

Отстаивая право на существование разных по художественным достоинствам переводов Пушкина, А. М. Букалов исходил из реальных фактов. Во-первых, читательская масса в странах Азии и Африки по своему образовательному цензу крайне неоднородна, поэтому значительной ее части доступен пока адаптированный Пушкин. Во-вторых, совершенный перевод может появиться только в результате овладения опытом переводческой культуры.

Итоги работы конференции подвел Е. П. Чельшев. Он, в частности, сказал:

— Обращаясь к теме «Пушкин и Восток», мы отмечаем, что перед нами встают не только новые проблемы, но и открываются новые грани в проблемах, казалось бы уже исследованных, однако оживающих вновь и вновь. Проводимые Отделом литератур зарубежного Востока ИВ АН СССР Пушкинские конференции способствуют появлению исследований, показывающих нам механизм воздействия русской классики на широкого читателя.

Так, представленный на прошлую конференцию доклад «Проза Пушкина в Китае» стал впоследствии ведущей главой в весьма содержательной монографии «Русская классика в Китае» безвременно ушедшего от нас доктора филологических наук М. Е. Шнейдера.²

Ученый далее подчеркнул, что исследование процессов функционирования русской классики в странах Азии, ее плодотворного влияния на читателей, на национальные литературы своими высокими нравственными идеалами, своим обличительным пафосом было и остается одной из сквозных проблем, над которой трудится руководимый им коллектив научных сотрудников.

В заключение Е. П. Чельшев сказал:

— В докладах было прослежено, что, обращаясь к тому или иному региону Востока, Пушкин в отличие от своих старших современников, как Вальтер Скотт и Байрон, рисовал каждый раз несходные между собой культурные миры. В представленных исследованиях было убедительно показано, что Пушкин акцентировал свое внимание и внимание читателей не столько на моментах сходства, повторяющихся явлениях в странах Востока, сколько на моментах различия.

Нельзя не заметить, однако, что за последние годы в практике перевода русской классики на языки народов Востока, и в первую очередь творений Пушкина, происходят существенные сдвиги, чему способствуют, во-первых, все более широкое распространение русского языка в странах Азии и Африки и, во-вторых, плодотворная деятельность издательства «Прогресс» по переводу отечественной классики на восточные языки. Все большее число литераторов стран Востока стремится осуществить прямые переводы Пушкина и других русских классиков на свои родные языки. Расширение масштабов этой работы не только вносит известный вклад в развитие теории и практики перевода, но и дает нам, востоковедам-филологам, все больший материал для суждений об идейно-эстетическом воздействии русской классической литературы от Пушкина до Горького на умы и сердца читателей в странах зарубежного Востока.

Д. И. Белкин

² Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае: (Переводы. Оценки. Творческое освоение). М., 1977.

ПУШКИНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ОСТАФЬЕВЕ

Среди многих достопримечательностей Подмосковья особое место занимает Остафьево. В конце XVIII в. здесь, в 34 километрах от столицы, поселился екатерининский сановник князь А. И. Вяземский, отец будущего поэта. До наших дней сохранились усадьба (архитектор И. Е. Старов), тенистый парк, четырехугольный пруд.

Остафьево вошло в историю под названием «Русский Парнас», присвоенным ему Пушкиным. Много замечательных деятелей русской культуры побывало в этом гостеприимном уголке: Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, В. Г. Бенедиктов, Д. В. Веневитинов, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, В. К. Кюхельбекер, А. Мицкевич, В. Ф. Одоевский, П. А. Плетнев, А. С. и В. Л. Пушкины, А. И. Тургенев, Ф. И. Тютчев, М. М. Херасков, Н. М. Языков и др.

Существует предположение, что Пушкин побывал здесь еще в свой первый приезд в Москву после ссылки (сентябрь 1826—май 1827 г.). Очевидно, тогда он узнал от Вяземского подробности о казни декабристов, а также о хранившемся в Остафьево с 1825 г. «крамольном» портфеле со своими документами и стихами, тайно привезенными И. Пущиным. Известно, что поэт гостил в Остафьево и позднее — с 30 мая по 5 июня 1830 г., в августе и 17 декабря того же года, а также 4 января 1831 г.¹

После смерти Пушкина П. А. Вяземский перевез многие его личные вещи к себе в усадьбу и создал в Остафьево первый в России кабинет-музей великого поэта. Уже в наше время эти вещи-реликвии (в том числе и жилет Пушкина, в котором он был смертельно ранен) обосновались в других музеях страны.

В 1910—1913 гг. в парке Остафьева были установлены памятники А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому, Н. М. Карамзину и П. А. Вяземскому (по проектам академика П. З. Панова). В постамент памятника Пушкину смонтирован бронзовый барельеф, на котором поэт изображен в овальном зале Остафьевского дворца, и выгравирована надпись: «Он между нами жил». На левой грани постамента слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!», на другой стороне — строки:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины.
В глуши звончее голос лирный,
Живее творческие сны.

Еще в довоенные годы в усадьбе Остафьево существовал литературный музей, включенный во все путеводители по Подмосковью. Во время Великой Отечественной войны здесь был расположен госпиталь для раненых советских солдат. В дни, когда вязанка дров стояла буханку хлеба, люди сберегли исторический парк.

Сейчас здесь небольшой дом отдыха. И хотя здание усадьбы объявлено памятником архитектуры, заповедной охранной зоны нет. Почти рядом с домом разместились дачи, совхозные постройки...

¹ См.: Воловч Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979, с. 68.

Начиная с 1982 г. в ближайшее ко дню рождения Пушкина воскресенье в Остафьевском парке проводится Праздник поэзии. Его организуют отдел культуры исполкома Подольского райсовета, Подольское отделение Всесоюзного общества книголюбов и библиотека дома отдыха «Остафьево». У памятника Пушкину перед многочисленными гостями праздника выступали писатели и поэты Э. М. Вольпонок, В. А. Леванский, Л. П. Попов, В. М. Пушкин, С. Л. Соложенкина, Ю. М. Щеглов; работники Государственного музея А. С. Пушкина И. Н. Врубель и Н. С. Нечаева. 3 июня 1984 г. в день праздника в новом здании Дома культуры были открыты передвижные выставки «А. С. Пушкин и его современники» и «А. С. Пушкин в советском изобразительном искусстве». На поляне парка проходил конкурс чтецов, поэтическая викторина; русские народные песни исполняли хор Щербинского Дворца культуры и фольклорный ансамбль «Ивушка». В овальном зале Остафьевского дворца была открыта музыкальная гостиная — звучали романсы на слова Пушкина, арии из опер П. И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» в исполнении самодеятельных артистов.²

А. М. Букалова

² См.: Подольский рабочий, 1982, 18 июня; 1983, 17 июня; 1984, 15 июня.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1983 ГОДА

В Ленинграде, на сцене Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, состоялась премьера оперы Чайковского «Евгений Онегин». Музыкальный руководитель и режиссер-постановщик спектакля — главный дирижер театра Ю. Темirkanов.

(«Ленинградская правда», 5 января)

В настенной живописи Дома культуры села Пушкино заслуженный художник Армянской ССР А. Григорян запечатлел приезд великого поэта в армянское село, ныне носящее его имя.

(«Сельская жизнь», 11 января)

Исполнилось 10 лет со времени открытия музея «Домик стационарного зрителя» в селе Выра Гатчинского района Ленинградской области. На праздник в день рождения музея «в гостях у Вырина» собралось около двух тысяч человек.

(«Советская культура», 15 января)

«К нему не зарастет народная тропа» — под таким девизом на действующих в Конакри курсах русского языка состоялся пушкинский вечер. Гвинейская молодежь, посещающая курсы, участвовала в конкурсе чтецов.

Победителям были вручены памятные призы. На вечере показан фильм «Встречи с Пушкиным».

(«Советская культура», 5 февраля)

«Пушкин в Молдавии» — так называется новая документальная кинолента, снятая на студии «Молдова-фильм» режиссером А. Кодру. Рассказать о Пушкине-поэте помог кинодокументалистам Пушкин-художник.

(«Правда», 1 февраля; «Смена» (г. Ленинград), 11 марта; «Тихоокеанская правда» (г. Хабаровск), 10 марта; «Рабочий путь» (г. Смоленск), 5 апреля)

В Ленинграде в подземном вестибюле станции метро «Черная речка» установлена бронзовая скульптура Пушкина работы народного художника СССР М. К. Аникушина.

(«Ленинградская правда», 10 и 11 февраля; «Вечерний Ленинград», 10 февраля; «Смена», 11 февраля; «Советская Россия», 3 июня)

У дома на набережной Мойки, 12 в Ленинграде 10 февраля в 14 часов 30 минут началось традиционное торжественно-памятное собрание, организованное Всесоюзным музеем А. С. Пушкина и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Оно было продолжено в Академической капелле имени М. И. Глинки.

(«Ленинградская правда», 11 февраля; «Вечерний Ленинград», 10 февраля)

По сложившейся традиции в день 146-й годовщины со дня смерти великого поэта в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве состоялся день открытых дверей. В этот день перед гостями музея выступили воспитанники хоровой капеллы мальчиков при хоровом обществе Москвы. Их сменили профессиональные артисты, которые исполнили литературно-документальную композицию «Пушкин и Москва в 1836—1837 годах».

(«Вечерняя Москва», 10 февраля; «Московскийсомолец», 18 февраля)

10 февраля на могиле А. С. Пушкина в г. Пушкинские Горы состоялся митинг. В тот же день в районном доме культуры прошел торжественный вечер памяти А. С. Пушкина.

(«Пушкинский край» (г. Пушкинские Горы), 10 февраля)

Из концертной студии Останкино транслировалась телепередача, посвященная 80-летию директора Пушкинского музея-заповедника Героя Социалистического Труда С. С. Гейченко.

(«Советская культура», 17 февраля; «Литературная Россия», 18 февраля)

10 февраля — в день трагической гибели Пушкина — поклонники его гения пришли к бронзовому памятнику поэта в Тбилиси и возложили цветы. Затем в зале Музея искусств Грузии состоялась встреча, посвященная памяти Пушкина.

(«Вечерний Тбилиси», 17 февраля)

Событием в культурной жизни Оренбурга стала премьера спектакля по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Новая работа театра приурочена к памятной дате: столетиядесятилетию поездки Пушкина в Оренбург.

(«Правда», 22 февраля)

В дар Государственному музею А. С. Пушкина передал оригиналы своих иллюстраций к повестям Пушкина народный художник СССР Д. А. Шмаринов и коллекцию книг пушкинской поры — профессор А. В. Тарановский.

(«Правда», 2 марта)

В киноприложении к телевизионной программе «Очевидное — невероятное» показана короткометражная кинокартина «Лестница чувств», посвященная рассказу поэта В. Берестова о пушкинских записях народных песен. Режиссер С. Райтбург, оператор Л. Зильберг, студия «Центрнаучфильм».

(«Московский комсомолец», 6 марта)

Экспозиция музея А. С. Пушкина в одесской школе № 90, носящей имя поэта, пополнилась двумя экспонатами. Общество германо-советской дружбы прислало подлинную табличку, предназначенную для установки на одной из улиц Берлина (бывшая «Треповаллея» переименована в «Пушкиналлея»). От общества «Финляндия—СССР» в музей поступило издание «Пиковой дамы» на финском языке. Теперь в школе есть книги Пушкина на 90 языках из 20 стран мира.

(«Знамя коммунизма» (г. Одесса), 13 марта)

Ставший памятником истории старинный домик в селе Кобринно включен в маршрут «По пушкинским местам Ленинградской области». В нем жила няня поэта — Арина Родионовна.

(«Советская культура», 17 марта)

Самый большой в мире памятник Пушкину сотворила сама природа. Он находится на окраине города нефтяников Избербаш. Давно замечено,

что очертания громадных скал образуют профиль великого поэта, который хорошо виден с определенной точки автострады Ростов—Баку.

(«*Известия*», 10 апреля (фото Е. Листопадова)).

В индийской столице открылся литературный клуб имени А. С. Пушкина. В торжественной церемонии, посвященной этому событию, участвовали представители обществности Дели, писатели, журналисты, литературные критики.

(«*Известия*», 1 апреля)

В музее декабристов в г. Чите начала работу присланная из Всесоюзного музея А. С. Пушкина передвижная выставка, посвященная великому поэту и его связям с декабристами.

(«*Советская культура*», 16 апреля; «*Забайкальский рабочий*» (г. Чита), 17 апреля и 12 июля)

В результате археологических изысканий в с. Большое Болдино Горьковской области обнаружены фундаменты бани и прачечной, а также подвалы кухни, которые существовали там при Пушкине.

(«*Горьковский рабочий*», 20 апреля)

Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР принял постановление о взятии на учет дома в станице Екатериноградской Прохладненского района, где в 1829 г. останавливался Пушкин.

(«*Кабардино-Балкарская правда*», 4 мая)

За победу во Всесоюзном социалистическом соревновании сотрудникам Дома-музея А. С. Пушкина в Кишиневе вручен диплом Министерства культуры СССР и ЦК отраслевого профсоюза. В минувшем году в музее было организовано около ста лекций, более четырех тыс. экскурсий, на которых побывало почти 170 тыс. человек.

(«*Советская Молдавия*», 6 мая)

Майский фестиваль, посвященный Пушкину, завершился на псковской земле. Участники фестиваля — юные знатоки творчества великого поэта — состязались в исполнении его произведений, побывали на музыкальных вечерах и художественных выставках, встречались с писателями и учеными. Состоялась творческая конференция, на которой школьники выступили с сообщениями о пушкинской лирике и прозе.

(«*Труд*», 7 мая; «*Правда*», 18 мая)

В залах Вологодской областной картинной галереи открылась выставка «А. С. Пушкин в советском изобразительном искусстве». Она является передвижной экспозицией Государственного музея А. С. Пушкина в Москве и уже демонстрировалась в Астрахани, Пскове, Калининне, Волгограде, Саратове. В Вологде выставка пополнилась работами из фондов областной картинной галереи.

(«Красный Север» (Вологда), 9 и 25 мая)

Фирма «Мелодия» выпустила новую литературную пластинку — «Дмитрий Журавлев читает Пушкина».

(«Литературная Россия», 13 мая)

Краеведы Диканьки решили восстановить памятник природы — знаменитый «дубовый ряд», о котором еще А. С. Пушкин писал в «Полтаве». Из «патриархов» там осталось сейчас только четыре дуба.

(«Известия», 15 мая)

Издательство «Изобразительное искусство» выпустило комплект открыток с иллюстрациями к «Капитанской дочке» художницы Г. Дмитриевой.

(«Вечерний Ленинград», 19 мая)

В Пушкинском музее села Берново Калининской области открылась выставка, приуроченная к 150-летию выхода в свет первого полного издания романа «Евгений Онегин». В экспозиции широко представлены иллюстрации к роману и отражена жизнь романа на сцене и в кинематографе.

(«Труд», 8 июня)

За 22 года работы Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, открывшегося в 1951 г., его посетили около двух миллионов человек, проведено 280 открытых научных заседаний, более 1320 Пушкинских чтений, поэтических и музыкальных вечеров. В изобразительных фондах музея более 24 тыс. экспонатов, из них более 5 тыс. получено в дар. В книжных фондах — 64 тыс. 656 книг, из которых большая часть была подарена музею.

(«Московская правда», 2 июня)

В старинном здании гауптвахты в г. Оренбурге открылся филиал областного краеведческого музея. Один из залов — посвящен Пушкину.

(«Правда», 1 июня)

В издательстве «Художественная литература» вышло издание «Повестей Белкина» с иллюстрациями В. А. Милашевского.

(«Советская культура», 2 июня)

«Отчизне посвятим души прекрасные порывы» — под таким девизом открылся традиционный XVII Пушкинский праздник поэзии. Он начался празднествами в Одессе, прошел в Пскове, Пушкинских Горах и в Михайловском, по Пушкинскому кольцу Калининской области, в Ленинграде, Пушкине и Гатчине, в Горьком, Араамасе и Болдино, в Захарове, Яропольце, Полотняном Заводе, Оренбурге, Элисте, Йошкар-Оле, Орджоникидзе, Гурауфе, а также в Молдавии, Узбекистане, Грузии, на трассе БАМа. В Пскове был открыт памятник «Пушкин и няня» (скульптор О. Комов, архитекторы М. Константинов и П. Бутенко), в Элисте — памятник Пушкину (скульптор Н. Санджиев). 6 июня в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в Ленинграде состоялась научная конференция, посвященная 184-й годовщине со дня рождения поэта. Праздник завершил большой вечер в Колонном зале Дома союзов. Здесь выступили писатели братских союзных республик, зарубежные гости.

(«Литературная газета», 8 июня; «Литературная Россия», 10 июня; «Вечерняя Одесса», 25 мая; «Псковская правда», 3 и 5 июня; «Молодежь Молдавии», 3 июня; «Калининская правда», 2 и 7 июня; «Правда Востока» (Ташкент), 5 и 12 июня; «Знамя» (г. Калуга), 4 июня; «Известия», 4 июня; «Марийская правда», 8 июня; «Вечерний Тбилиси», 8 июня; «Гатчинская правда», 11 июня; «Вперед» (г. Пушкин), 9 июня; «Южный Урал», 5 июня; «Правда», 5 июня)

Издательство «Планета» выпустило в свет комплект из пятнадцати цветных открыток «Государственный музей А. С. Пушкина в Москве». Авторы текста и составители — Г. Пушкина и Г. Эткин.

(«Литературная Россия», 22 июля)

В туристском комплексе «Саяхат» состоялся праздник, посвященный 150-летию со дня пребывания в Уральске А. С. Пушкина.

(«Казахстанская правда», 27 июля)

Выпущен буклет «Оренбург, 1833», подготовленный исследователем-краеведом В. Дорофеевым на основе многолетних архивных разысканий и посвященный 150-летию пребывания Пушкина в Оренбурге.

(«Известия», 29 июля)

По первой программе телевидения показан фильм-балет «Три карты» (по повести Пушкина «Пиковая дама») на музыку К. Молчанова. Режи-

сер В. Бунин. В ролях — Н. Тимофеева (графиня), М. Лавровский (Герман). От автора читает И. Смоктуновский.

(«Советская культура», 11 августа; «Литературная газета», 14 сентября)

По случаю 150-летия со дня пребывания Пушкина в Чувашии научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и Союз писателей республики провели научную конференцию «Пушкин и Чувашия».

(«Советская Чувашия», 1 сентября; «Литературная Россия», 14 октября)

20 августа в г. Пушкинские Горы проведена традиционная Пушкинская конференция, посвященная 159-й годовщине приезда Пушкина в Михайловское.

(«Правда», 1 сентября)

В Оренбурге в здании областного краеведческого музея открылась передвижная выставка Всесоюзного музея А. С. Пушкина (Ленинград) «Пугачев в творчестве А. С. Пушкина».

(«Южный Урал» (Оренбург), 3 сентября; «Литературная Россия», 9 сентября; «Советская культура», 15 сентября)

Скульптурная группа «Руслан и Черномор» отлита на Каслинском машиностроительном заводе (скульптор А. И. Просвирин).

(«Челябинский рабочий», 3 сентября)

В областном краеведческом музее г. Ульяновска открыта экспозиция «Спутники Пушкина», посвященная 150-летию со времени поездки Пушкина на Волгу и Урал.

(«Ульяновская правда», 4 сентября и 7 октября; «Горьковская правда», 10 сентября)

В Доме-музее А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области прошли традиционные XIII Болдинские чтения, посвященные 160-летию второй Болдинской осени.

(«Литературная Россия», 30 сентября; «Литературная газета», 28 сентября)

150-летие со времени пребывания Пушкина в Казани было отмечено выставкой, открытой в музее истории Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина.

(«Литературная Россия», 30 сентября; «Литературная газета», 28 сентября; «Вечерняя Казань», 23 сентября)

150 лет назад А. С. Пушкин предпринял поездку в Оренбург и Уральск для сбора сведений о крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. К этой знаменательной дате была приурочена XXVII Всесоюзная Пушкинская конференция, организованная Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Оренбургским обкомом КПСС и Уральским обкомом Компартии Казахстана. Оренбургская часть конференции длилась два дня. Было заслушано около 30 докладов ученых Москвы, Ленинграда, Харькова, Самарканда, Уфы, Оренбурга и других городов. В кинотеатрах города в эти дни проходил фестиваль фильмов, поставленных по произведениям Пушкина. Оренбургское бюро путешествий и экскурсий провело месячник, посвященный 150-летию пребывания Пушкина на Урале. Участники конференции отправились пушкинским маршрутом вдоль реки Урал в город Уральск. По пути они приняли участие в открытии памятного барельефа А. С. Пушкина в с. Переволоцком, посетили школьный Пушкинский музей в с. Татищеве. Конференция была продолжена в помещении Областного драматического театра имени А. Островского. Участники конференции встретились с коллективом преподавателей Уральского педагогического института, прослушали песни в исполнении фольклорной группы яицких казаков из с. Круглодерного, побывали в местном краеведческом музее — в Пушкинской комнате, оформленной художником Воецким.

(«Литературная Россия», 30 сентября; «Литературная газета», 28 сентября; «Красная звезда», 21 сентября; «Сельская жизнь», 21 сентября; «Комсомольское племя» (Оренбург), 22 сентября; «Советская культура», 24 сентября и 15 ноября; «Уральский рабочий» (Свердловск), 29 сентября; «Казахстанская правда», 29 сентября; «Ленинская смена» (Алма-Ата), 1 октября; «Под знаменем Ленина» (Бузулук), 4 октября; «Правда», 5 октября; «Известия», 18 октября)

Более ста офортов ленинградского художника Э. Х. Насибулина использовано при иллюстрировании романа в стихах «Евгений Онегин», выпущенного издательством «Советская Россия».

(«Смена» (Ленинград), 14 сентября; «Вечерний Ленинград», 17 сентября)

В городском парке имени А. С. Пушкина в г. Челябинске состоялось торжественное открытие памятника-бюста великому поэту. Он выполнен скульпторами — заслуженным художником РСФСР Э. Э. Головницкой и народным художником РСФСР Л. Н. Головницким и архитектором Н. Н. Семеikinым.

(«Челябинский рабочий», 14 сентября; «Советская Россия», 15 сентября; «Вечерний Свердловск», 27 сентября)

В Пушкинском заповеднике Псковской области в 27-й раз провели летнюю практику студенты Института имени И. Е. Репина.

(«Советская Россия», 15 сентября)

В Доме-музее А. С. Пушкина в г. Кишиневе открылась новая выставка «Виды Петербурга Пушкинского времени» (представлены акварели В. Садовникова).

(«Молодежь Молдавии», 24 сентября)

Передвижная выставка «Пушкин и художники русского и советского театра», подготовленная Всесоюзным музеем А. С. Пушкина, открылась в Доме актера имени А. Хорава Театрального общества Грузии.

(«Вечерний Ленинград», 27 сентября;
«Заря Востока» (Тбилиси), 5 октября)

«Святому братству верен я!» — под таким девизом прошел в Пушкинском доме культуры районный праздник книги «Пушкин и лицейское братство».

(«Вперед» (г. Пушкин Ленинградской области), 1 октября)

После реставрации вновь открыт мемориальный дом Смирновых на улице Галактиона Табидзе в Тбилиси. Первыми посетителями его стали участники Дней культуры и искусства РСФСР в Грузинской ССР.

(«Вечерний Тбилиси», 6 октября)

В Доме культуры г. Выборга открыта выставка, посвященная А. С. Пушкину, одним из разделов которой стали офорты Э. Х. Насибулина «Болдинская осень».

(«Выборгский коммунист», 21 октября)

Вышли в свет путеводители по пушкинским музеям в Торжке и Бернове Калининской области.

(«Калининская правда», 27 октября)

В павильоне России Летнего сада в Ленинграде открыта выставка работ художника-графика Валерия Мишина. В центре его внимания — образ А. С. Пушкина.

(«Вечерний Ленинград», 17 ноября)

Картографы столицы завершили работу над картой «А. С. Пушкин и декабристы в Водокладском уезде Московской губернии». Работа выпол-

нена Н. Даниловой, О. Яблоновской и другими сотрудниками объединения «Картография» на общественных началах. С картой можно будет познакомиться в Государственном музее А. С. Пушкина.

(«Вечерняя Москва», 26 ноября)

Научное заседание, посвященное 200-летию открытия памятника Петру I работы Фальконе и 150-летию завершения работы над поэмой Пушкина «Медный всадник», состоялось в Москве. Его организаторы — Комиссия комплексного изучения художественного творчества Научного совета по истории мировой культуры АН СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР и Государственный музей А. С. Пушкина.

(«Советская культура», 3 декабря)

В Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича с новой программой «Пушкин и русская музыка» выступила народная артистка СССР Людмила Филатова.

(«Ленинградская правда», 9 декабря)

На сцене Оперной студии Ленинградской консерватории состоялась премьера оперы Рахманинова «Алеко». Под руководством профессора Р. Тихомирова постановку осуществила выпускница режиссерского факультета консерватории М. Бонч-Осмоловская, выступившая также в роли художника-оформителя.

(«Ленинградская правда», 27 декабря)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Э. А. Волконская. Литография неизвестного художника. 1820-е гг. (С. 192—193).
 2. Жанна д'Арк. Гравюра Мариетта с портрета Виньона. XVII в. Фрагмент. (С. 192—193).
 3. Жанна д'Арк. Гравюра Антуана Сержана по его же оригиналу. 1787 г. (С. 192—193).
 4. Мужской портрет (Г. А. Пушкин?). Худ. И. К. Макаров. 1884 г. (С. 192—193).
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек-Лазаревы** 42
Абрамов Ф. А. 46
Абрамович С. Л. 49
Агеева Л. 41
Агриколла К. 191
Адарюков В. Л. 186, 187
Авадовский М. К. 100
Айвазовская Ю. Я., урожд. Грефс 193, 194
Айвазовский И. К. 193, 194
Айзенштат О. Д. 41
Айзенштейн Н. А. 203
Акелькина Е. А. 66
Аксаков Г. С. 30
Аксаков И. С. 30, 38, 117—120
Аксаков К. С. 30, 31, 36, 38
Аксаков С. Т. 147, 150, 151, 153
Александр Македонский 101
Александр Николаевич, вел. кн., впоследствии Александр II 171
Александр I 16, 17, 22, 106, 119, 120, 171, 187, 189
Алексеев М. П. 44, 57, 58, 84, 98, 103, 135
Алексей Петрович, царевич 119, 120
Али-паша Янинский (Константинопаша) 22
Аллер С. И. 171
Ананян Г. Г. 41
Аникушин М. К. 50, 54, 208
Аничкова Е. А. 101
Анненков П. В. 5, 16—18, 21, 22, 38, 81, 83, 97, 175—177, 179
Антокольский П. Г. 59
Анчапов В. 170
Анчапов Н. В. 169—173
Анчапова А. В. 170
Анчапова М. В. 170
Арапов И. А. 199
Арапов Н. А. 199
Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
Арсенин Д. Д. 48
Арш Г. Л. 18, 22
д'Аршиак О. 167
Арьев А. 41
Асафьев Б. В. 48
Асеев Н. Н. 41
Асоян А. А. 43
Ауэр А. П. 47
Афанасьев А. Н. 99
Афанасьев В. В. 41
Ахматова А. А. 121
Бабаев Э. Г. 41
Бабореко А. К. 41
Багно В. Е. 45
Баевский В. С. 41, 58
Базиянц А. 42
Байрон Дж. Н. Г. 71, 72, 74—78, 205
Бакунина Е. П. 64
Балашова И. А. 42
Балш Т. 43
Баясный В. 42, 50
Баранская Н. В. 59
Баратынская А. Д., урожд. Абамелек 42
Баратынский Е. А. 12, 26, 45, 206
Баргум М. 202, 204
Барри Корнуолл см. Корнуолл Барри
Бартнев П. И. 40, 81, 116, 159, 189
Басманов А. Е. 42
Баттистелли 192
Батурова Т. К. 42
Батушков К. Н. 69, 110, 206
Беггров К. И. 187
Безобразов 179
Бей-булат см. Таймазов
Бекетов Е. Е. 176, 177
Белинский В. Г. 42, 134, 170, 203
Белкин Д. И. 43, 204
Белов С. В. 42
Белозерская Н. А. 188
Белосельский-Белозерский А. М. 191
Белоусов Р. С. 49, 66
Бельй А. И. 42, 45, 47

- Белькинд В. С. 57
 Бельчиков Н. Ф. 166
 Бенвенутти П. 191
 Бенедиктов В. Г. 59, 206
 Бенуа А. Н. 42, 66
 Бергман И. Я. 57
 Беренштам Г. В. 174
 Берестов В. Д. 209
 Берже Л. 191
 Берне Л. 136
 Бернс Р. 95
 Бессараб М. Я. 42
 Бестужев А. А. (псевд. — А. Мар-
 линский) 42, 149, 157
 Бибииков В. Д. 200
 Бибиикова Е. Н., урожд. Арапова 200
 Битепаж Ф. А. 174
 Благой Д. Д. 42
 Блок А. А. 53, 56, 57
 Блок Г. П. 170
 Блохин Н. Н. 65
 Блудов Д. Н. 121
 Блюм А. В. 55
 Богаевская К. П. 42, 140
 Богач Г. Ф. 42
 Боголепов П. К. 41
 Богородский Б. Л. 148
 Бозырев В. С. 102
 Бойко С. А. 43
 Болivar С. 106
 Бонди С. М. 43, 96, 101, 130, 133
 Бонч-Осмоловская М. 216
 Борг К. Ф. фон дер (Karl-Friedrich
 von der Borg) 69, 70
 Боров Ю. Б. 43
 Борухович В. Г. 43
 Борхард Н. 71
 Бочаров И. Н. 43
 Бочаров С. Г. 5
 Боччелла Ч. 45
 Бродский Н. Л. 110
 Бройтман С. Н. 43
 Брокгауз Г. 70
 Брокгауз Ф. А. 72, 73
 Бруни (Bruni) Ф. А. 188—191
 Брут Люций Юний 7
 Брюллов К. П. 63, 191
 Брюсов В. Я. 52, 89, 97
 Бугославский С. А. 128, 131
 Будберг Л. фон 70, 71
 Букалов А. М. 45, 204
 Бужчин С. В. 44
 Булаховский Л. А. 110
 Булгаков А. Я. 190
 Булгаков К. Я. 190
 Булгарин Ф. В. 37, 181—185
 Бунин В. 212
 Бунин И. А. 41
 Бурсов Б. И. 44
 Буслаев Ф. И. 99
 Бутенко П. 212
 Василий III 134
 Васильев Г. Н. 44
 Васильев С. Д. 44
 Васильева А. Н. 44
 Вацуро В. Э. 58, 116
 Вейс Д. 191
 Вельтман А. Ф. 63, 143
 Вельяшев Вл. 44, 54
 Венгеров С. А. 81, 86, 87, 97, 106, 181
 Веневитинов А. В. 26, 33—35
 Веневитинов Д. В. 24, 26, 28, 31, 84.
 191, 206
 Вересаев В. В. 59
 Верещагина А. Г. 190, 191
 Ветшева Н. Ж. 57
 Вигель Ф. Ф. 138, 141, 186
 Видова О. И. 57, 66
 Вильскер Л. Е. 202, 203
 Виноградов В. В. 9, 55, 109, 117
 Виньон К. 190, 216
 Витальев П. 44
 Витгенштейн П. Х. 20
 Вишневская Г. П. 44
 Владимир Святославич, кн. 113
 Власова А. О. 44
 Воецкий 214
 Войнич Л. В. 57
 Волкова Т. М. 131
 Волконская З. А., урожд. Белосель-
 ская-Белозерская 63, 186—192. 216
 Волконская С. Г. 186
 Волконский Н. Г. 186
 Волконский П. М. 186, 187
 Волконский С. Г. 49, 141
 Волович Н. М. 44, 206
 Вольперт Л. И. 43, 44
 Вольтер (наст. фам. — Ф. М. Аруз)
 188
 Вольф М. О. 174
 Вольшонов З. М. 207
 Воронов В. В. 44
 Воронцов-Вельяминов Г. А. 44
 Востоков А. Х. 112, 113
 Вревская Е. Н., урожд. Вульф 79.
 89, 91, 158—168, 196
 Вревский Б. А. 89, 91, 161—167
 Вревский С. А. 163, 164
 Врубель И. Н. 207
 Всеволожские 45
 Второв И. А. 47
 Вульф Ал. Н. 13, 32, 82, 162—164
 Вульф Ан. Н. 79, 80, 159—162, 164,
 166, 167
 Вульф Е. Н. см. Вревская Е. Н.
 Вульф П. И. 93
 Вульфферт А. Е. 70, 74
 Вульфы 86, 88, 89, 91, 96
 Вяземская В. Ф., урожд. Гагарина
 166
 Вяземский А. И. 206
 Вяземский П. А. 8, 27, 33, 49, 58, 59,

- 106—108, 110, 113, 116, 124, 135, 137, 138, 140, 146, 147, 153, 159, 160, 163, 166, 187, 206
- Гаврилов В. 45
Гагарин И. С. 137
Гаевский В. П. 179, 180
Галинне Л. 45
Галуховский С. П. 182
Галушко Т. К. 23, 45
Гальберг С. И. 188
Гальперин Ф. Я. 66
Гальперина Е. В. 42, 50
Гамзатов Р. Г. 52
Ганнибал А. П. 37, 55, 62, 66, 157, 204
Ганнибалы 59
Ганшин В. 45
Гартунг М. А. см. Пушкина М. А.
Гастева М. Ю. 45
Гау В. И. 193
Гвоздикова И. М. 47
Гейне (Heine) Г. 135—137
Гейченко С. С. 41, 45, 46, 50, 53, 59, 66, 89, 91, 208
Геккерн Л. Б. де Беверваард 37, 166, 168
Гемп К. П. 46
Геннади Г. Н. 97, 175—179
Генрих IV 190
Генслер К. Ф. 127, 133
Герт Ю. М. 59
Герцен А. И. 29, 30, 53, 65, 148
Гершензон М. О. 63, 143
Гессен А. И. 46
Гете (Goethe) И. В. 39, 68, 69, 75
Гибшман И. Е. 199
Гиллельсон М. И. 116, 135, 137
Гильшер (Hielscher) К. 108
Гинзбург Л. Я. 98
Гишпиус В. В. 182
Гишпиус Вл. В. 106
Гиршман М. М. 66
Глинка М. И. 38
Глинская Елена 134
Глушакова Ю. П. 43, 191
Глушкова Т. М. 49
Гнатюк-Данильчук А. П. 203
Гнедич Н. И. 146
Гоголь Н. В. 12—14, 38, 42, 51, 58, 61, 65, 103, 125, 192, 206
Голоиков И. И. 45, 118—121
Голицына А. С., урожд. Всеволожская 87
Голицына П. Н., урожд. Матюнина 45
Головин В. В. 45
Головницкая Э. Э. 214
Головницкий Л. Н. 214
Голод В. М. 64
Голосов И. А. 198
- Гольденвэйсер А. Б. 63
Гончаров А. Н. 60
Гончарова А. Н., в замужестве Фризенгоф 159, 160, 197
Гончарова Е. Н., в замужестве Дантес-Геккерн 161, 168
Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Гончаровы 48, 60
Гораций Квинт Флакк 43, 112
Горбачевский И. И. 144
Горбенко Е. П. 46
Гордин А. М. 46, 89
Гордин М. А. 46
Гордин Я. А. 46
Горихвостов, пензенский помещик 192
Городецкий Б. П. 74, 98
Горшман А. М. 58, 195, 196
Горький М. 201, 205
Готлобер Авраам-Бер 202
Готовцева (Готовцова) А. И., в замужестве Корнилова 44, 107, 108
Гофман М. Л. 79, 102, 162
Граббе П. X. 141
Гранин Д. А. 46
Греч Н. И. 69, 70
Грехнев В. А. 43
Грибоедов А. С. 45, 49, 62, 114, 116, 206
Грибушин И. И. 84
Григорян А. 207
Григорян С. X. 46
Громбах С. М. 46
Гудлет К. 42
Гуковский Г. А. 98, 134
Гуляев В. Г. 148
Гуменная Г. Л. 43
Гуревич А. М. 46
Гурьянов И. 185
Гуткевич С. Г. 45
Гэ Баоцюань 203
- Давид, библейский царь 123
Давыдов А. Л. 139, 145
Давыдов В. Л. 16—23, 139, 141, 145
Давыдов Д. В. 35, 59, 137, 206
Давыдовы 16
Данзас К. К. 175
Данилевский Р. Ю. 45
Данилова Н. 216
Данте Алигьери 39, 40
Дантес-Геккерн Ж. К. 36, 37, 77, 159, 161, 164, 166, 168, 175
Дельвит А. А. 8, 35, 42, 55, 59, 79
Дементьев М. А. 48, 193, 196
Дероше Э. 190
Дитрих А. 69
Дмитриев И. И. 206
Дмитриева Г. 211
Добринская Л. Б. 47
Добродомов И. Г. 47

- Довнар-Запольский М. В. 140, 141
 Долнина А. А. 202
 Доризо Н. К. 47
 Дорощев В. В. 47, 212
 Достоевский Ф. М. 4¹, 52, 53, 58, 66,
 103
 Дружинин А. В. 47, 127
 Друян Н. 52
 Дугин Л. И. 47
 Духан Я. 48
 Дырченко С. И. 57
 Дягилев С. П. 66
- Еголин А. М. 56
 Егоров Б. Ф. 26, 27, 32
 Екатерина II 154—156
 Елагин А. А. 30
 Елагина А. П., урожд. Юшкова,
 в первом браке Киреевская 24, 30
- Елизавета Алексеевна, имп. 177
 Елизарова М. Н. 48
 Елкин В. Г. 48
 Ермолов А. П. 49
 Ерохина Е. 48
 Ершофф Г. 57
 Есенин С. А. 57, 61
 Ефимов 187
 Ефремов П. А. 17, 81, 87, 88, 90, 92,
 97, 175, 178, 179
- Жанна (Иоанна) д'Арк 188—190, 216**
 Жданов И. Н. 127
 Же Б. 48
 Желнина А. 48
 Желнина Л. 48
 Желоховцов А. Н. 203
 Жилина В. 48
 Жилиякова Э. М. 57
 Жирмунский В. М. 74
 Жирнова Г. В. 132
 Житков Б. С. 147
 Жук И. М. 196
 Жуковский В. А. 41, 42, 51, 54, 57,
 69, 72, 74, 77, 79, 97, 103, 110, 135,
 136, 137, 159, 192, 206
 Журавлев Д. Н. 211
- Завадская Е. 55
 Загвозкина В. Г. 45
 Загоскин М. Н. 147, 153, 184
 Зайцева В. В. 3, 45
 Зак Я. Г. 185
 Занделов И. 48
 Заозерский А. И. 118
 Западова Е. А. 203
 Званцева Е. П. 43
 Звенигородский А. В. 88, 90, 92
 Звонцов В. М. 45
 Зилов Л. Н. 59
- Зильберг Л. 209
 Зильберштейн И. С. 66
 Зимин А. П. 198
 Злобинская Р. К. 47
 Зобов Ю. С. 47, 48
 Золотоносов М. А. 48
 Зорин А. 67
 Зыбина В. А. 58
- Иванов А. А. 38
 Иванов В. В. 99
 Иванов С. В. 46
 Иванов-Вано И. 66
 Иванова А. Ф. 132
 Иванова В. И. 203
 Иванова Л. В. 47
 Иванчин-Писарев Н. Д. 190
 Иванчук И. А. 48
 Ивлев Д. Д. 57
 Иезуитова Р. В. 58
 Изабе Ж. 191
 Измайлов А. Е. 171
 Измайлов Н. В. 58, 98, 179
 Измайлова Л. 66
 Икбал М. 202
 Ильин Н. В. 67
 Инзов И. Н. 63
 Иовва И. Ф. 141
 Ионова И. А. 48
 Ипсиланти А. К. 16, 18, 20
 Ипсиланти (братья) 23
 Исаков В. А. 174, 175
 Исаков Я. А. 97, 173—181
 Искрин М. 48
 Ищенко Б. А. 49
 Ищук Г. Н. 58
- Каверин В. А. 61, 63
 Каверин Ф. Н. 59
 Кагаров Е. Г. 127, 132
 Казаков Ю. П. 49
 Казанцев П. М. 45
 Каварская Л. А. 49
 Кайдаш С. Н. 49
 Каллаш В. В. 67
 Калькдорф 136
 Калюжный Г. П. 44
 Камянов В. 44, 46, 54
 Канкрин Е. Ф. 86
 Кантакузин Г. М. 20
 Кантемир А. Д. 51
 Канунова Ф. З. 50, 57
 Каплан И. Е. 49
 Карамзин Н. М. 7, 72, 100, 103, 107,
 113, 122, 202, 206
 Карамзина Е. А., в девичестве Ко-
 лыбанова 30
 Карамзины 33
 Карп П. 49

- Карпенко И. 54
 Карпов А. А. 58, 173
 Кассин Е. П. 66
 Касымбаев Ж. К. 47
 Катенин П. А. 6, 112
 Катосов Д. С. 82
 Качурин М. Г. 49, 147
 Кедрова М. М. 58
 Кениг Г. 78
 Керн А. П., урожд. Полторацкая 43
 Керделли Л. Ф. 49, 55
 Кибальник С. А. 49
 Кикин А. В. 117—120
 Кипренский О. А. 45, 64, 187
 Киреевские 35
 Киреевский И. В. 24, 27, 30—32
 Киреевский П. В. 24, 27, 30, 127, 128, 132
 Кириллова Ю. М. 49
 Кириллук Э. В. 43
 Кирпотин В. Я. 49
 Киселев А. Л. 49
 Киселев Н. Д. 49
 Киселев П. Д. 141
 Кишкин Л. С. 49
 Клиппингер М. С. 47
 Клопчич М. 60
 Ключевский В. О. 116
 Ковалевская Е. А. 45
 Ковалевский Е. П. 176
 Кодру А. 208
 Кожухова Г. П. 49
 Козаков М. 50
 Козлов И. И. 63, 77, 186
 Козловский П. Б. 63
 Козмин Б. М. 50
 Кока Г. М. 44
 Коковина Н. З. 58
 Колас Я. (наст. фам. — К. М. Мицкевич) 60
 Колесник С. 67
 Колесов Ф. И. 174
 Колесова О. 50
 Колосова Н. П. 50
 Колпакова Н. П. 130
 Кольридж С. Т. 79
 Кольцов А. В. 60, 170
 Комаров Н. И. 140
 Комарова Н. Г. 50
 Комов О. К. 212
 Кондратович А. И. 61
 Константинов М. П. 212
 Константинова-Витт Н. Г. 50
 Кончин Е. В. 44, 59
 Коншин Н. М. 63
 Копылов В. 67
 Корбач И. 50
 Корепова К. Е. 128—130
 Корнилович А. О. 147—158
 Корнуолл Барри (псевд. Б. У. Проктера) 83—85
 Коровин А. 50
 Коровин В. И. 50, 104
 Коровина Т. И. 48
 Короленко В. Г. 47
 Корсакова М. И. см. Римская-Корсакова М. И.
 Костелянец Б. О. 61
 Костин В. М. 50
 Костоглодова Л. С. 57
 Котельников В. А. 47
 Котомин 179
 Кохановская Н. С. (псевд. Н. С. Соханской) 38—40
 Кочубей В. П. 126
 Кочубей Н. В. 64
 Кошелев А. И. 30, 31, 36
 Кошелев В. А. 3, 31
 Крайнов Л. Л. 43
 Краснов Г. В. 13
 Краснопольский Н. 133
 Красухин Г. Г. 50
 Крейн А. З. 50
 Кривова А. М. 147
 Кротковы 45
 Крутляшова В. П. 50
 Крупенская Е. Х. 43
 Крупенский М. Е. 43
 Крылов А. П. 169
 Крылов И. А. 169, 170, 171, 173, 202, 203
 Крылова М. А. 169
 Крыстева Д. Н. 51
 Крюкова А. М. 41
 Кудряшов Н. И. 147
 Кузнецов В. Н. 48
 Кузнецов И. В. 51
 Кузнецова А. А. 44
 Кузьмин Н. В. 41, 43, 52, 55, 56
 Кукольник Н. В. 32, 33
 Кулешов А. П. 60
 Кулешов В. И. 24
 Куликова В. П. 51
 Кульман Н. К. 135
 Кунин В. В. 57, 59
 Кунин И. Ф. 51
 Куприянова Н. И. 48, 57, 64
 Курганов Е. Я. 45, 51
 Курилов А. С. 51
 Курочкина Г. Г. 51
 Куруч Л. 51
 Курц Р. Е. 63
 Кусов Г. И. 51
 Кутайсова А. П. 64
 Куфаев М. Н. 51, 180
 Кюн (Kühn) Б. 76
 Кюхельбекер В. К. 44, 69, 206
 Лавров В. 41
 Лавровский М. Л. 213
 Ладыженский Г. М. 196

- Ламанский Е. И. 180
 Ланская А. П., в замужестве Арапова 199, 200
 Ланская Е. П., в первом браке Арапова, во втором — Бибилова 200
 Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Ланская С. П. 199
 Ланской А. П. 194
 Ланской Н. П. 192, 195, 196
 Ланской П. П. 193, 194, 196
 Ласкин С. С. 49
 Лацис А. 51
 Лацилин Б. 66
 Лебедева О. Б. 57
 Леванский В. А. 207
 Левашова Е. Г., урожд. Решетова 88
 Левин Ю. Д. 99
 Левина Ю. И. 45, 48, 129
 Левкович Я. Л. 3, 6, 45, 58, 148, 158, 171
 Левшин Д. М. 195
 Лежнев А. З. 5
 Леонид, царь Спарты 20
 Лермонтов М. Ю. 36, 41, 42, 52, 53, 56, 58, 66, 103, 104, 125, 160
 Лернер Н. О. 17, 18, 22, 86—88, 90, 92
 Ливий Тит 7, 141, 144
 Лидер Ф. 191
 Личев И. Л. 56
 Липранди И. П. 138, 140, 143, 144
 Листов В. С. 6, 43, 45, 116, 118
 Листопадов Е. 210
 Лихачев Д. С. 46, 52, 61
 Ломоносов М. В. 52, 60
 Лонг Д. 203
 Лонгинов М. Н. 177
 Лосиенский И. 62
 Лотман Ю. М. 27, 28, 41, 45, 46, 48, 52, 53, 57, 61, 62, 65, 104, 108, 116—118, 145
 Лукпанова Г. 52
 Луниц М. С. 124, 125
 Лысов В. П. 52
 Любимов Н. И. 204
- Магомед-Расул 52
 Майер К. 191
 Майков Л. Н. 32
 Маймин Е. А. 27, 31, 52, 64
 Макаров И. К. 192—197, 199, 200, 216
 Макаров И. К. (внук) 192, 194, 195, 199
 Макаров К. А. 192
 Макаровская Г. В. 52
 Макогоненко Г. П. 59, 60, 98, 102, 127
 Максетов К. 55
 Максимович М. А. 30
 Макферсон Д. 50, 99
- Малиновская Е. В. 58
 Малов Л. В. 52
 Мальцов (Мальцев) И. С. 27
 Мальчукова Т. Г. 52
 Мамонов А. И. 52, 202
 Мандельштам Л. И. 202, 203
 Мандельштам О. Э. 105
 Маранцман В. Г. 47, 52
 Мариетт П. 190, 216
 Марич М. Д. 59
 Мария Николаевна, вел. кн. 192
 Марти Х. 57
 Мартиросян И. Г. 53
 Мартынов И. Г. 174
 Мартынов И. И. 67
 Мартынов Н. Г. 174, 180
 Мартынова Н. В. 53
 Марченко А. М. 53
 Марченко Н. А. 58
 Матяш С. А. 67
 Махлевич Я. Л. 53
 Мацапура В. И. 53
 Машинский С. И. 147
 Маяковский В. В. 41, 56
 Мегаева К. И. 53
 Меднис Н. Е. 43
 Медриш Д. Н. 53
 Межов В. И. 174
 Мезьер А. В. 182
 Мейлах Б. С. 148
 Мелетинский Е. М. 99, 104
 Мельгунов Н. А. 78
 Меншиков А. Д. 55
 Мерлин В. В. 53
 Мертваго Д. Б. 169, 170, 172
 Местр, Ксавье де 58
 Мещерский А. В. 30
 Милашевский В. А. 211
 Мильчин Л. 66
 Минц З. Г. 53
 Мирабо О. Г. В. Р. 8
 Михаил Павлович, вел. кн. 159, 160
 Михайлов Мих. 83
 Михайлова И. 67
 Михайлова Н. И. 43, 53, 58
 Михин Ф. Г. 174
 Мицкевич А. 26, 37, 45, 49, 54, 56, 75, 147, 153, 206
 Мицкевич К. Т. 195
 Мишин В. 54, 215
 Мищенко А. И. 48
 Модзалевский Б. Л. 17, 22, 82, 112, 192
 Модзалевский Л. Б. 27
 Моисеев И. А. 50
 Молчанов К. В. 212
 Мольтке, фон 136
 Монтень М. 10
 Морозов П. О. 17, 81, 86, 87, 97
 Москвичева Г. В. 43
 Мостовская Н. Н. 53

Мотт К. 191
Муравьев Д. П. 104
Муравьев Н. М. 145
Муравьева А. Г., урожд. Чернышева
145
Муравьева О. С. 58
Муравьев-Апостол М. И. 139
Мурьянов М. Ф. 204
Мусина-Пушкина Э. К. 49
Мусоргский М. П. 56
Муханов В. А. 26
Муханов И. К. 157
Муханов П. А. 157
Мухановы 157
Мухина С. Л. 53
Мюнере 191
Мясоедова Н. Е. 13, 57

Н. З. 53

Набоков (Nabokov) В. В. 108
Нагибин Ю. М. 53, 59
Надеждин Н. И. 182, 183
Найдяч Э. Э. 137
Назарова Г. И. 58
Назарьян Р. 47
Налепин А. Л. 55
Наполеон I Бонапарт 11, 78, 116
Нарышкин А. Л. 69
Насибулин Э. Х. 214, 215
Насурлаева З. 55
Наумова А. И. 54
Нацокины 58
Невелев Г. А. 54
Недзвецкий В. А. 54
Недозорова Л. Л. 54
Некрасов Н. А. 51, 54
Некрасова М. А. 54
Некрылова А. Ф. 128
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 113
Непенин А. Г. 141
Непомнящий В. С. 54
Нестерова И. В. 157
Нечаева Н. С. 45, 207
Нечкина М. В. 139
Низами Гянджеви 64
Никишов Ю. М. 58
Николаев А. 54
Николаев А. А. 57
Николай I 8, 37, 67, 71, 73, 77, 119—
121, 125, 138, 167
Николь, аббат 140
Никольский В. А. 58
Новиков Вл. 61
Новиков И. А. 54
Новиков Н. И. 106
Новикова М. А. 54
Новичкова Т. А. 128, 133
Новосильцов П. П. 38
Нольман М. Л. 55
Нордин Г. 137

Носик А. 65
Носик Б. 65
Нурмухамедов М. К. 55
Нысаналин А. 55

Обер Л. Н. 59
Ободовская И. М. 48, 193, 196
Оболенский В. И. 27
Оболянинов Н. А. 187
Овидий Назон Публий 202
Овчарова П. И. 58
Овчинников Р. В. 47
Овчинникова С. Т. 51
Оганян Л. Н. 138—140, 142
Одиноков В. Г. 55
Одинцов В. В. 55
Одоевский А. И. 49
Одоевский В. Ф. 14, 58, 101, 206
Озеров В. А. 104, 105
Озеров Л. А. 55
Оксман Ю. Г. 139, 142, 169, 170
Оленин А. Н. 49, 61
Оленина А. А., в замужестве Андро
де Лажерон 58, 64
Ончуков Н. Е. 55
Опекушин А. М. 56, 63
Орехов Г. 132
Орлов А. А. 181—185
Орлов М. Ф. 7, 17, 22, 123, 137—
143, 145, 146, 177
Орлов Ф. Ф. 143
Орлова Е. Н. см. Раевская Ек. Н.
Осипова П. А., урожд. Вындомская,
в первом браке Вульф 79, 80, 86,
88, 89, 91, 96, 159—163, 165—168
Осват А. Л. 57
Оссан см. Макферсон Д.
Островский П. 44
Отто Ф. 70
Отрешков см. Тарасенко-Отреш-
ков Н. И.
Охотников А. А. 140
Охотников К. А. 137—146
Охотникова Н. Г., урожд. Вяземская
140
Ошеров С. А. 45

Павел I 106
Павленко Н. 55
Павлицев Н. И. 161, 165
Павлицева О. С., урожд. Пушкина
161, 165, 166
Павлов А. 43
Павлова Е. В. 55, 66
Павлова К. К., урожд. Яниш 75, 77
Паизиелло (Paisiello) Д. Г. К. 189
Панин П. И. 170
Панов П. З. 206
Паньков И. 173
Паустовский К. Г. 55, 59

- Пенькова С. П. 55
 Песков А. М. 56
 Пестель П. И. 139, 142
 Петр I 8, 10, 35, 45, 51, 117—121, 148—150, 152—158, 216
 Петр II 55
 Петровский Б. В. 56
 Петросов К. Г. 56
 Петрунина Н. Н. 5, 13, 47, 56, 58, 135, 147, 153
 Петрухин С. 54
 Пехтерев А. С. 56
 Пиндемонте И. 177
 Пистунова А. М. 56
 Платонов А. П. 56
 Плашевский Ю. 56
 Плетнев П. А. 12, 46, 49, 100, 206
 По Э. 63
 Погодин М. П. 25—27, 30, 33, 35, 73
 Поздняев М. 47
 Покатилов О. Б. 55
 Полевой Н. А. 37, 181, 183—185
 Полевой П. 175
 Поливанов Л. И. 45, 97
 Полонский Я. 186
 Поляков А. С. 147
 Поляков М. Я. 56
 Полянский Н. А. 157
 Попкова Н. А. 56
 Пошлавский Г. 56
 Попов А. Н. 31
 Попов Л. П. 207
 Попов С. А. 47
 Попова Н. И. 56
 Попова О. И. 160, 161
 Поспелов Г. Н. 56
 Прекин Г. 57, 62
 Прибегина Г. 48
 Прийма Ф. Я. 47, 153
 Прицкер М. 57
 Пришвин М. М. 49
 Прожогин Н. П. 45, 191
 Прожогина С. В. 204
 Прокофьева А. Г. 47
 Прокушев Ю. Л. 57
 Пропп В. Я. 101, 102
 Просвирин А. И. 213
 Прянишников Н. Е. 153
 Пугач Л. Д. 62
 Пугачев В. В. 57
 Пугачев Е. И. 42, 47, 50, 121, 154—156, 169, 170, 172, 173, 213, 214
 Пузанева Т. Н. 47
 Пушкин А. А. 160, 167, 195—197, 199
 Пушкин В. Л. 53, 58, 206
 Пушкин В. М. 207
 Пушкин Г. А. 160, 167, 192, 195—200, 216
 Пушкин Л. А. 129
 Пушкин Л. С. 22, 48, 165, 166
 Пушкин С. Л. 60, 165, 166
 Пушкина В. А., урожд. Мельникова, в первом браке Мопшкова 198, 199
 Пушкина Г. 212
 Пушкина М. А., в замужестве Гар-тунг 160, 167, 192—194, 196—199
 Пушкина Н. А., в первом браке Дубельт, во втором — Меренберг 160, 167, 192—194, 197, 198
 Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова, во втором браке Ланская 34, 44, 47, 48, 50, 54, 55, 59, 87, 93, 95, 160, 161, 168, 192—194, 196, 197, 199, 200
 Пушкина Н. О., урожд. Ганнибал 60, 81
 Пушин И. И. 66, 141, 144, 206
 Пьявко В. 63
 Пьянов А. С. 58
 Пярли Ю. К. 57, 58
 Пятина Р. Д. 58
 Равич Л. М. 175, 176, 178
 Раевская Ек. Н., в замужестве Ор-лова 23
 Раевские 17, 66
 Раевский А. Н. 17, 21—23, 145
 Раевский В. Ф. 138—141, 143, 144, 146
 Раевский Н. А. 59, 197
 Раевский Н. Н. (младший) 49
 Разумихин П. И. 191
 Райч С. Е. 27
 Райт Т. 195
 Райтбург С. 209
 Ракова М. М. 66
 Рамазанов Н. А. 63
 Расин Ж. Б. 105
 Рассадин С. Б. 59
 Расторгуев Г. Д. 66
 Рахимкулов М. Г. 47
 Рахманинов С. В. 216
 Редин Р. 59
 Рецелтер В. Э. 59
 Ржевский Г. А. 157
 Римская-Корсакова М. И. 106
 Римский-Корсаков Н. А. 48, 51
 Рихтер А. В. 27
 Робеспьер М. М. И. 136
 Рогов В. Я. 45
 Рогозинников И. И. 63
 Рожалин Н. М. 27, 35
 Рождественский В. А. 59
 Розен Е. Ф. 32, 33
 Розенфельд А. З. 202
 Романов Н. М. 59, 135
 Романюк С. К. 59
 Росси Э. 192
 Россини Дж. А. 188
 Рунг М. И. 60
 Русаков В. М. 48
 Руссо Ж. Ж. 122

- Рыбак С. А. 60
 Рыбников П. Н. 29
 Рыжова М. И. 60
 Рылеев К. Ф. 28, 149, 170
 Рычков П. И. 47
 Рябова И. 48
- Сабинин В. 60
 Савин О. М. 60
 Савченко Т. Т. 67
 Садовников В. 215
 Сайтов В. И. 17, 82
 Салтыков-Щедрин М. Е. 47, 58
 Сальери А. 49
 Самарин Ю. Ф. 30
 Самгина Н. 60
 Самков В. А. 66
 Самокиш-Судковская Е. П. 63
 Санджиев Н. 212
 Сандомирская В. Б. 58, 60
 Сапрыкина Н. Г. 186
 Саркизов-Серазини И. М. 60
 Сахаров И. П. 101
 Свербеев Д. Н. 135
 Светенко А. С. 47
 Свиридов Г. В. 66
 Свободин А. П. 59
 Сдобнов В. В. 58
 Северянин И. (псевд. И. В. Логарева) 63
 Седова Е. Н. 193
 Семейский М. И. 79, 158, 166, 167
 Семейкин Н. Н. 214
 Сенека Луций Анней 10
 Серафимович А. С. 53
 Сержантес де Сааведра Мигель 190
 Сердобин М. Н. 162, 165, 167
 Серебряков И. Д. 203
 Сержан А. 190, 216
 Сиверс А. А. 157
 Сигейкина Е. 48
 Сидяков Л. С. 5, 43, 45, 57, 60
 Симоны П. К. 174, 178, 180, 181
 Скабичевский А. М. 106
 Скатов Н. Н. 47, 60
 Скачкова О. Н. 43, 57
 Скворцов И. В. 59
 Скотт В. 57, 205
 Славецкий В. 60
 Слово В. 181
 Слонимский А. Л. 59
 Слюсарь А. А. 57
 Смирнов М. И. 130
 Смирнова А. О., урожд. Россет 32, 34, 35
 Смирнов-Сокольский Н. П. 60
 Смирченецкий Н. 132
 Смоктуновский И. М. 213
 Собаньская К. А., урожд. Ржевуская 66
- Соболевская О. С. 60
 Соболевский С. А. 27, 82, 83, 175
 Соймонов А. Д. 128
 Соколов И. 67
 Соколов П. Ф. 187
 Соллогуб В. А. 168
 Соловей Н. Я. 50, 53, 54, 65
 Соловьев В. 60
 Соловьев Ю. И. 60
 Соложенкина С. Л. 207
 Сорокин В. 67
 Сорокин Ю. С. 60
 Соханская Н. С. см. Кухановская Н. С.
 Спектор У. М. 60
 Спроге Л. В. 57
 Срезневский В. И. 113
 Сталь-Гольштейн А. Л. Ж. де, урожд. Неккер 7
 Станиславский К. С. 60
 Стариков Д. 61
 Старов И. Е. 206
 Стендаль (псевд. Анри Бейля) 43, 44
 Стенник Ю. В. 58
 Степанов А. 61
 Степанов В. П. 58
 Степанов Н. Л. 98
 Стоюнин В. Я. 180
 Стрелец Т. В. 50
 Строганов М. В. 58, 61
 Строганова Е. Н. 58
 Суворин А. С. 81
 Сумароков А. П. 67
 Суперанская А. В. 105
 Сурис Б. 64
 Сурков Е. А. 57
 Суслов И. М. 61
 Сулова Н. Я. 60
 Сысоева Н. П. 47
 Сухово-Кобылины 30
 Судцо М. 23
 Сытин И. Д. 63
- Тагор Р. 203
 Таймазов (Таймиев) Бей-булат 51
 Тамарченко Н. Д. 43
 Тамм Я. 58
 Тарановски К. 105
 Тарановский А. В. 209
 Тарасенко-Отрешков Н. И. 51
 Тарквиний Гордый 7
 Тартаковская Л. А. 61
 Тархов А. Е. 122
 Тархова Н. А. 45, 47, 118
 Твардовский А. Т. 61
 Телетова Н. К. 41
 Телингатер С. Б. 43
 Теляковская М. В. 61
 Темирканов Ю. Х. 56, 207
 Тенерани П. 192

- Тепляков В. Г. 58
 Терехов Р. Е. 188, 189
 Терехов Д. 61
 Тидге К. А. 69
 Тилембаева Ш. Д. 61
 Тиме Г. А. 45
 Тименчик Р. Д. 57
 Тимофеев К. А. 55
 Тимофеев Л. В. 61
 Тимофеев Л. И. 61
 Тимофеева Н. В. 213
 Титов В. П. 27
 Тихомиров Р. И. 216
 Тиц (Tietz) Ф. 76, 77
 Тоддес Е. А. 57
 Тойбин И. М. 102
 Толстой, новоржевский судья 82
 Толстой А. К. 83
 Толстой Л. Н. 58, 62, 63, 153
 Толстой Я. Н. 63
 Толь К. Ф. 44
 Томашевский Б. В. 89, 97, 99, 105, 108, 110, 112, 113, 126
 Томилов А. Р. 194
 Топоров В. Н. 99, 100
 Третьяковский В. К. 111
 Тропинин В. А. 66
 Грубейкой Б. А. 61
 Турбин В. Н. 43, 61
 Тургенев А. И. 80, 135—137, 160, 161, 167, 168, 206
 Тургенев И. С. 41, 53, 56, 58, 170
 Тургеневы 79, 135
 Турик П. В. 61
 Турьян М. А. 58
 Тынянов Ю. Н. 59, 61, 63, 108
 Тюттин Г. Н. 174
 Тюпа В. И. 43, 57
 Тютчев Ф. И. 31, 32, 45, 66, 206
- Уваров С. С. 74, 77
 Узиков Ю. А. 62
 Уметбаев М. С. 62
 Усок И. Е. 62
 Успенский Б. А. 101
 Устинов М. Е. 62
 Устюжанин Д. Л. 62
 Ушаков Н. Н. 62
 Ушакова Е. Н., в замужестве Киселева 58
- Фаворский В. А. 56, 67
 Фальконе Э. М. 216
 Федорова В. Ф. 62
 Федосеев Л. Б. 195
 Фейнберг И. Л. 6, 23, 55, 62, 118
 Фейнберг М. И. 62
 Фемистокл 20
 Фесеяко Г. Н. 62
- Фесенко Ю. П. 45
 Фикельмон Д. Ф., урожд. Тизенгаузен 49
 Филатов В. А. 63
 Филатов Н. С. 47
 Филатов Н. Ф. 48, 62
 Филатова Л. 216
 Филимонов Н. И. 64
 Филимонова В. И. 64
 Фильченкова Е. М. 62
 Фокин Н. И. 47, 148
 Фомин А. А. 161
 Фомичев С. А. 3, 44, 45, 47, 58, 62
 Фонвизин Д. И. 11, 114—116
 Фонвизин М. А. 139—143
 Фонвизина Н. Д. 49
 Форш О. Д. 59
 Фридкин В. М. 63
 Фридлиндер Г. М. 58, 63, 153
 Фридман Н. В. 58
 Фридрих И. П. 131
 Фривенгоф А. Н. см. Гончарова А. Н.
 Фризма Л. Г. 47
- Хазин М. Г. 63
 Халабаев К. И. 97
 Халфин Ю. А. 63
 Харджиев Н. И. 63
 Хачатурова Н. 63
 Херасков М. М. 206
 Хилевская 163
 Холмогорова Е. 49
 Хомяков А. С. 3, 24—40
 Хомяков С. А. 37
 Хомяков Ф. С. 26, 28
 Хомякова М. А. 29, 33, 34
 Хохлов А. Н. 204
 Храпченко М. Б. 58, 64
 Худобашев А. М. 43
 Худошина Э. И. 43
- Цицианов Д. Е. 51
 Цюбо Цюй 202
 Цявловская Т. Г., урожд. Зенгер 27, 63, 66, 89, 91
 Цявловский М. А. 22, 27, 42, 59, 88, 98, 146
- Чаадаев П. Я. 58, 135, 177
 Чайковский П. И. 44, 48, 56, 207
 Чаренц Е. 41
 Чельшев Б. Д. 63
 Чельшев Е. П. 201—205
 Черейский Л. А. 26, 45, 64, 88, 90
 Червинская О. В. 64
 Черемисина Н. В. 64
 Черкасский Вяч. 61
 Черниевский В. Я. 59
 Чернов С. Н. 141

Черноземова Е. Н. 64
Чернышевский Н. Г. 56, 60, 175
Чехов А. П. 58
Чижов А. 64
Чижова И. Б. 64
Чипрак Э. А. 64
Чихачев П. Я. 82
Чичерин А. В. 5, 64, 80
Чубукова Е. В. 45, 64
Чудаков А. П. 9, 47
Чумаков М. М. 47
Чумаков Ю. Н. 64, 65

Шабурова И. В. 50
Шавшукова Н. Л. 46
Шадури В. С. 60
Шаликов П. И. 157, 158
Шведова Е. Ф. 67
Шебунин А. Н. 135
Шевченко Т. Г. 63
Шевырев С. П. 25, 27, 32, 35, 57, 73, 192
Шекспир У. 43, 64, 68
Шелестова З. А. 65
Шеллер-Михайлов А. К. 58
Шевье А. М. де 46
Шепелева Н. С. 199
Шергин Б. В. 59
Шереметьев Б. П. 118
Шиллер И. К. Ф. 25, 39, 75—77, 188, 190
Шиповский С. В. 65
Ширинкин В. И. 65
Шкловский В. Б. 65, 147
Шлепянов А. 50
Шляпкин И. А. 86—88, 91
Шмаринов Д. А. 209
Шнеерсон М. А. 147
Шнейдер М. Е. 205
Штейнман А. 135, 136
Штейнгель В. И. 119, 120
Шубин Б. М. 65
Шустрова Т. И. 65
Шухов И. П. 65

Шеглов Ю. М. 65, 207
Шеголев П. Е. 65, 135, 137, 159, 161, 162
Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щербанов Н. М. 47

Щербачев Ю. Н. 174
Щербинин А. М. 174

Эйдельман Н. Я. 66
Эйдинова В. В. 66
Эль-Манси А. 66
Эткин Г. 212

Юшневский А. П. 139, 142

Яблоновская О. 215
Яблоновский С. 196
Языков А. М. 69, 173
Языков Н. М. 31, 32, 35—38, 40, 58, 59, 69, 79, 122, 125, 173, 206
Языков П. М. 173
Языкова Е. М., в замужестве Хомякова 34
Яковлев И. А. 50
Яковлев М. Л. 171
Яковлев Н. В. 84, 85
Яковлев П. Л. 171
Яковлева А. Р., в замужестве Матвеева 54, 99, 209
Яковлева М. В. 66
Якубович Д. П. 148, 158
Якушкин В. Е. 86, 87, 175
Якушкин И. Д. 139, 140, 143, 145
Янин К. К. см. Павлова К. К.
Яшин М. И. 137
Яценко А. А. 198

Bowles W. L. 83
Cornwall Barry см. Корнуолл Барри
Eichhorn E. 74
Giovanna d'Arco см. Жанна д'Арк
Goethe см. Гете И. В.
Hielscher K. см. Гильшер К.
Jeanne d'Arc см. Жанна д'Арк
Milman H. H. 83
Nabokov см. Набоков В. В.
Raab H. 74, 77, 136
Reissner E. 74
Riemer F. W. 69
Schiller F. см. Шиллер И. К. Ф.
Trofimoff A. 189
Vries A. de 99
Wilson J. 83
Zelter K. F. 69

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Автобиографические записки см. «Из автобиографических записок»
Альбом Онегина см. Евгений Онегин
Амур и Гименей (Сказка) («Сегодня, добрые мужья») 45
Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир») 48
«Арап Петра Великого» 5—7, 43, 44, 57, 58, 62, 148, 156—158, 203, 204
Арион («Нас было много на челне») 65
«Арист! И ты в толпе служителей Парнаса» см. К другу стихотворцу
- Барышня-крестьянка (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 102
Бахчисарайский фонтан 48, 70—72
«Беги, сокройся от очей» см. Вольность. Ода
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 147
«Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени» см. К Жуковскому
«Бова» 55
Борис Годунов, трагедия 24, 25, 27, 45, 47, 56, 60, 61, 64, 71, 73—75, 118, 180
Бородинская годовщина («Великий день Бородина») 73, 74
Братья разбойники, поэма 28
«Брожу ли я вдоль улиц шумных» 102
«Буря мглою небо кроет» см. Зимний вечер
- «В его „Истории“ изящность, простота» см. «На Карамзина»
«В мои осенние досуги» 58
«В конце 1826 года...» см. «Заметка о холере»
«В начале жизни школу помню я» 39, 40
«В раю, за грустным Ахероном» см. Тень Фон-Визина
«В те дни, когда мне были новы» см. Демон
В честь императрицы Елизаветы Алексеевны см. К Н. Я. Плюсковой
«Вадим» («Ты видел Новгород; ты слышал глас народа»), драма 59
«Великий день Бородина» см. Бородинская годовщина
«Вечерняя заря в пучине догорала» см. Наполеон на Эльбе (1815)
«Внимает он привычным ухом» см. История стихотворца
«... Вновь я посетил» 85, 88, 96, 97, 206
«Во глубине Сибирских руд» 49
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 43, 72, 73
Вольтер 14
«Ворон к ворону летит» 72
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи») 70, 72
«Все в таинственном молчаньи» см. Гроб Анакреона
Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров») 177
Второе послание к Аристарху см. Второе послание к цензору
Второе послание к цензору («На скольком поприще Твизковского» наследник!) 176

«Высоко над семью гор» см. Монастырь на Казбеке
Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 76

«Где наша роза» см. Роза
«Гляжу, как безумный, на черную шаль» см. Черная шаль
«Город пышный, город бедный» 72
Городок («Прости мне, милый друг») 105
Граф Нулин, поэма 57
Гроб Анакреона («Все в таинственном молчаньи») 64
Гробовщик (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 12, 56

«В. Л. Давыдову» («Меж тем как генерал Орлов») 17, 18, 62
«Дар напрасный, дар случайный» 55
19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 63
Демон («В те дни, когда мне были новы») 39
Денница. Альманах на 1830 год 32, 45
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок») 47
Десятая заповедь («Добра чужого не желать») 176
Джон Теннер 14
«Для берегов отчизны дальной» 33, 85
«Дневник 1833—1835 гг.» 32, 33, 126
«Добра чужого не желать» см. Десятая заповедь
Демик в Коломне, поэма 45, 112
«Дробясь о мрачные скалы» см. Обвал
Дубровский 44, 203
«Духовной жаждою томим» см. Пророк

Евгений Онегин 3, 27, 28, 35, 36, 41—45, 49, 50, 52—58, 60, 61, 63—65, 67,
71—73, 76, 79, 85, 92, 96, 104—126, 206, 207, 211, 214
Египетские ночи 49
«Если жизнь тебя обманет» 124
«Если ехать вам случится» 85—96
«Если звание любителя отечественной литературы...» 11
«Есть в России город Луга» 81—83
«Есть роза дивная: она» 84

«Жил на свете рыцарь бедный» 53

Заклинание («О, если правда, что в ночи») 83, 85
«Заметка о холере» 13
«Заметки по русской истории XVIII века» 8, 9, 100
«Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова» 14
«Записи народных песен» 127—131
Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года) 14
«Записки молодого человека» 12
Заповедь см. Десятая заповедь
«Зачем твой дивный карандаш» см. То Dawe, Esqr.
«Здравствуй, Вульф, приятель мой» см. «Из письма к Вульфу»
Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный») 92, 95, 183, 184
Зимний вечер («Буря мглою небо кроет») 147

«Из автобиографических записок» 6—11, 15, 23, 81
«Из записной книжки 1820—1822» 7

- Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права») 177
 «Из письма к Вульффу» («Здравствуй, Вульф, приятель мой») 82
 «Из письма к Соболевскому» («У Гальяни иль Кольони») 82
 Из Ваггу Cognwall см. «Шью за здравие Мери»
 История Петра 62, 119, 154, 157
 История Пугачева 47, 104, 154, 169, 170
 История села Горюхина 11, 12, 47
 История стихотворца («Внимает он привычным ухом») 69
- К*** «Керн» («Я помню чудное мгновенье») 45, 48, 75, 203
 К вельможе («От северных оков освобождая мир») 52
 К другу см. К другу стихотворцу
 К другу стихотворцу («Арист! И ты в толпе служителей Парнаса») 41, 176, 177
 К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени») 105
 К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада («Митрополит, хвастун бесстыдный») 176
 К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной») 177
 К сестре («Ты хочешь, друг бесценный») 176
 К Чедаеву («Любви, надежды, тихой славы») 177
 Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине») 67
 Кавказский пленник, повесть 14, 57, 66, 70, 72, 110
 «Как ныне собирается вещий Олег» см. Песнь о вещем Олеге
 Калмычке («Прощай, любезная калмычка») 61
 Каменный гость 60
 Капитанская дочка 5, 13, 14, 47—49, 52, 57, 58, 65, 66, 101, 115, 121, 126, 147, 148, 150—156, 170, 180, 202, 209, 211
 Кирджали 76
 Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 73, 74, 76, 135—137
 «Когда великое свершалось торжество» см. Мирская власть
 «Когда за городом, задумчив, я брожу» 98, 101—104
 «Когда Потемкину в потемках» 51
- «Любви, надежды, тихой славы» см. К Чедаеву
- Мадона («Не множеством картин старинных мастеров») 55
 Маленькие трагедии 47, 57, 83
 Медный всадник. Петербургская повесть 42, 43, 47, 51, 55, 57, 61, 62, 65, 118, 154, 180, 216
 «Меж тем как генерал Орлов» см. «В. Л. Давыдову»
 «Меж тем как изумленный мир» см. Андрей Шенье
 Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 13, 147
 Мирская власть («Когда великое свершалось торжество») 101, 176
 «Митрополит, хвастун бесстыдный» см. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада
 «Мне скучно, бес» см. Сцена из Фауста
 Монастырь на Казбеке («Высоко над семью гор») 33
 «Мороз и солнце; день чудесный» см. Зимнее утро
 Моцарт и Сальери 62, 64, 180
 Моя родословная («Смеясь жестоко над братом») 177
 «Мчатся тучи, вьются тучи» см. Бесы
 «Мы проводили вечер на даче...» 7
- «На Карамзина» («В его „Истории“ изящность, простота») 7
 «На лире скромной, благородной» см. К Н. Я. Плюсковой
 «На скольком поприще Т^ямковского наследник!» см. Второе послание к цензору

«На углу маленькой площади...» 95
«Наброски предисловия к «Борису Годунову»» 25
«Навис покров угрюмой ночи» см. Воспоминания в Царском Селе
«Над Невою резво вьются» см. Пир Петра Первого
Наполеон на Эльбе (1815) («Вечерняя заря в пучине догорала») 63
«Нас было много на челне» см. Арион
«Не два волка в овраге грызутся» см. Песня о Георгии Черном (Песни западных славян. 11)
«Не дорого ценю я громкие права» см. Из Пиндемонти
«Не множеством картин старинных мастеров» см. Мадона
«Не розу пафосскую» см. Отрывок
Недокопченная картина («Чья мысль восторгом угадала») 44
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 11, 12
«Несмотря на великие преимущества...» см. Отрывок

О г-же Сталь и г. А. М-ве 7

«О, если правда, что в ночи» см. Заклинание
«О записках Самсона» 10
«О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»» 14
«О народной драме и драме «Марфа Посадница»» 25
О народном воспитании 7—9
«О прозе» 6—8
«О ты, который сочетал» см. Орлову
«О чем шумите вы, народные витии» см. Клеветникам России
Обвал («Дробясь о мрачные скалы») 33
«Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» см. Осень
«Он между нами жил» 206
Орлову («О ты, который сочетал») 177
Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 112
«От северных оков освобождая мир» см. К вельможе
Отрывки из писем, мысли и замечания 7, 10, 11
Отрывок («Не розу пафосскую») 84
Отрывок («Несмотря на великие преимущества...») 13, 43
Отрывок из записок молодой дамы см. Рославлев
Отрывок из неизданных записок дамы (1811 г.) см. Рославлев

Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»

Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной») 76

Песни западных славян 53, 58, 62

Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещий Олег») 54, 65

«Песнь о полку Игореве» 14

Песня см. К*** «Жерн»

Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся») 63

Пиковая дама 14, 42—44, 50, 63, 207, 209, 212

Пир во время чумы 52, 57, 59, 84

Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются») 154

«По смерти Петра I движение...» см. «Заметки по русской истории XVIII века»

Повести покойного Ивана Петровича Белкина 6, 10—14, 43, 55, 57, 58, 66, 211

«Повесть о прапорщике Черниговского полка» см. «Записки молодого человека»

«Погасло дневное светило» 176

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья» 46

«Пока не требует поэта» см. Поэт

Полтава, поэма 24, 42, 43, 48, 56, 72, 118, 154, 180, 211

«Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит» 67

Послание к Всеволожскому см. Всеволожскому

Последние цветы см. «Цветы последние милей»

Последний из свойственников Иоанны д'Арк 10, 15, 64

- «Последняя туча рассеянной бури» см. Туча
 Поэт («Пока не требует поэта») 111
 «Приветствую тебя, пустынный уголок» см. Деревня
 «Программа автобиографии» 23
 Пророк («Духовной жаждою томим») 39, 40, 64, 75
 «Прости мне, милый друг» см. Городок
 «Прости, счастливый сын пиров» см. Всеволожскому
 «Простите, верные дубравы» 79, 80
 «Прощай, любезная калмычка» см. Калмычке
 Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. 10, 26, 45, 53, 65
 «Путешествие из Москвы в Петербург» 14
 Путешествие Онегина см. Евгений Онегин
 «Пью за здравие Мери» (Из Barry Cornwall) 83
- «Ревет ли зверь в лесу глухом» см. Эхо
 Роза («Где наша роза») 64
 «Роман в письмах» 7, 9, 11
 «Роняет лес багряный свой убор» см. 19 октября
 Рославлев 13
 «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» 101
 «Русалка», драма 127—134
 Руслан и Людмила, поэма 43, 57, 69, 70, 72, 80, 100, 102, 112, 113, 133, 213
 «Русская девушка и черкес», поэма 51
- «Свободы сеятель пустынный» 18
 «Сегодня, добрые мужья» см. Амур и Гименей
 «Сижу за решеткой в темнице сырой» см. Узник
 Сказка о золотом петушке 48, 51, 63
 Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе
 Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 51, 66, 100, 101
 Сказки 48
 Скупой рыцарь 180
 «Смеясь жестоко над собратом» см. Моя родословная
 «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» 112
 «Стамбул гяуры нынче славят» 43
 Стансы см. «Брожу ли я вдоль улиц шумных»
 Станционный смотритель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина)
 57, 95
 «Сто лет минуло, как тевтон» 45
 Сцена из Фауста («Мне скучно, бес») 45
- «Тазит», поэма 14, 51
 Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя») 72
 Тень Фоп-Визина («В раю, за грустным Ахеровом») 115
 «Только революционная голова...» («Заметки и афоризмы разных годов») 8
 «Тому [одно, одно] мгновенье» 83, 84
 Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов 46,
 181, 182, 184, 185
 Туча («Последняя туча рассеянной бури») 58
 «Ты видел Новгород; ты слышал глас народа» см. «Вадим»
 «Ты хочешь, друг бесценный» см. К сестре
- «У Гальяни иль Кольони» см. «Из письма к Соболевскому»
 Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой») 33, 34
 «Участь моя решена, я женюсь...» 13
- «Француз дитя» 176

«Хоть тяжело подчас в ней бремя» см. Телега жизни

«Цветы последние милей» 203

Цыганы, поэма 14, 70, 71, 75, 202, 204, 216

П. Я. Чаадаеву см. К Чадаеву

Черная шаль («Гляжу, как безумный, на черную шаль») 51, 72, 76

«Что в имени тебе моем» 67

«Чья мысль восторгом угадала» см. Недоконченная картина

Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом») 75

«Юноша! скромно пируи и шумную Вакхову влагу» 45

«Я вас любил: любовь еще, быть может» 61

«Я здесь, Инезилья» 83

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 43, 59, 98, 101, 103, 111, 207

«Я помню чудное мгновенье» см. К*** «Керн»

Kirdshali см. Кирджали

«La libération de l'Europe» 135

«Note sur Penda-Déka» 7

Note sur la révolution d'Ipsylanti 7

«Orloff» disait en 1820...» см. «Из записной книжки 1820—1822»

To Dawe, Esqr. («Зачем твой дивный карандаш») 61

Der Sänger см. Певец

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
С. А. Фомичев. Проза Пушкина (начальный этап и перспектива эволюции)	5
И. Л. Левкович. Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года	16
В. А. Кошелев. Пушкин и Хомяков	24
II. ОБЗОРЫ	
Пушкиниана 1983 года (составитель В. В. Зайцева)	41
Гудрун Ершофф. Прижизненная известность Пушкина в Германии	68
III. ЗАМЕТКИ	
Из комментария к лирике Пушкина:	
И. С. Чистова. «Простите, верные дубравы»	79
«Есть в России город Луга»	81
О. Л. Довгий, А. В. Кулагин. «Тому [одно, одно] мгновенье...»	83
Л. М. Аринштейн. «Если ехать вам случится»	85
В. А. Никифоров. «...Вновь я посетил»	96
А. В. Ильичев. «Когда за городом, задумчив, я брожу»	98
В. С. Баевский, В. С. Листов, А. А. Вишневский. Из комментария к «Евгению Онегину»	104
М. А. Лобанов. Болдинские параллели к сцене «Княжеский терем» в «Русалке»	126
К. М. Азадовский, А. Л. Осоват. Из дневников и писем А. И. Тургенева. (Уточнения к публикациям)	135
И. В. Немировский. Декабрист К. А. Охотников, кишиневский знакомый Пушкина	137
Л. А. Степанов. Пушкин и А. Корнилович. (Из литературных источников «Капитанской дочки»)	147
С. Л. Абрамович. Пушкин и Е. Н. Вревская в январе 1837 года	158
Р. В. Овчинников. «...некто Анчапов»?	169

С. В. Белов. Издатель Пушкина Я. А. Исаков	173
С. В. Березкина. А. А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830—1833 гг.	181
Л. И. Вуич. Литографированный портрет З. А. Волконской.	185
А. А. Нарыжная, Т. В. Ковалева. Неизвестный портрет Г. А. Пушкина, младшего сына поэта.	192

IV. ХРОНИКА

Д. И. Белкин. Пушкин в странах зарубежного Востока (хроника конференции)	201
А. М. Букалов. Пушкинские праздники в Остафьево . . .	206
По страницам газет 1983 года	207
Список иллюстраций	217
Указатель имен	218
Указатель произведений Пушкина	229

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

В ы п у с к 21

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Г. Кацеева*
Технические редакторы *Л. М. Семенова* и *Ф. А. Юлиш*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг*, *Г. И. Суворова* и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 21678

Сдано в набор. 27.10.86. Подписано к печати 27.05.87. М-33070.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15 + 0.25 вкл.
Усл. кр.-от. 15.5. Уч.-изд. л. 16.16. Тираж 13000.
Тип. зак. № 911, Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовит к выпуску книги:

А. В. Архипова. Литературное дело декабристов. 15 л., 1 р., план 1987 г., IV кв.

Монография посвящена творческой деятельности декабристов, которая представлена в широком контексте литературного движения 1810-х—1820-х гг. Показан значительный вклад писателей-декабристов в разработку новых тем и жанров, в развитие литературного языка, в создание психологически разработанного образа героя. Эволюция художественного творчества декабристов от литературы Просвещения к романтизму рассматривается как показательная для всей русской литературы этого периода.

Н. Ф. Буданова. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. 15 л., 1 р., план 1987 г., IV кв.

В книге рассматриваются особенности мировоззрения и творчества Достоевского и Тургенева, дан сравнительно-типологический анализ их героев. Существенное внимание уделено проблеме «отцов и детей», получившей в творчестве зрелого Достоевского глубокую и оригинальную разработку. На основе рукописных материалов прослежен идейно-философский спор Достоевского с автором «Дыма» и «Нови» о путях русского прогресса и его движущих силах, об интеллигенции и народе.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

можно предварительно заказать в магазинах конторы
«Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации

*Для получения книг почтой заказы просим
направлять по адресу:*

117192, Москва, Мичуринский пр., 12.

Магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига».

197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7.

Магазин «Книга — почтой»

Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин конторы «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»

- 480091, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005, Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600, Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088, Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093, Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001, Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002, Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043, Казань, ул. Достоевского, 53;
252030, Киев, ул. Ленина, 42;
252142, Киев, пр. Вернадского, 79;
252030, Киев, ул. Пирогова, 2;
252030, Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012, Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900, Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга —
почтой»);
660049, Красноярск, пр. Мира, 84;
443002, Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104, Ленинград, Литейный пр., 57;
199034 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199004, Ленинград, 9 линия, 16;
220012, Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009, Москва, ул. Горького, 19а;
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;

- 630076, **Новосибирск**, Красный пр., 51;
630090, **Новосибирск**, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284, **Протвино Московской обл.**, ул. Победы, 8;
142292, **Пушино Московской обл.**, МР «В», 1;
620161, **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000, **Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
700029, **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700700, **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700185, **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050, **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
634050, **Томск**, Академический пр., 5;
450059, **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025, **Уфа**, Коммунистическая ул., 49;
720000, **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078, **Харьков**, ул. Дзержинского, 87 («Книга — почтой»).